Кн-373 2

Музей Антропологии
и Этнографии
БИБЛИОТЕКА
№
Академии Наук СССР

СБОРНИКЪ

МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ III.

259

PUBLICATIONS

DU MUSÉE D'ANTHROPOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE

PIERRE LE GRAND

PRÈS L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.

Volume III.

Музей Антропологии и Этнографии
БИБЛИОТЕКА
Академии Наук СССР

ПЕТРОГРАДЪ. 1916. PETROGRAD.

Ж-373 2

Пров-ка
1966-67

СБОРНИКЪ

МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ III.

1047

PUBLICATIONS

DU MUSÉE D'ANTHROPOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE

PIERRE LE GRAND

PRÈS L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.

Volume III.

Поправка къ стр. 185:

Строка 18 св. *напечатано:* на первомъ, *нужно:* на второмъ
» 19 » » на второмъ, » на первомъ

Ж-373 2
Пров-ка 1966-67
1047

СБОРНИКЪ

МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ III.

PUBLICATIONS

DU MUSÉE D'ANTHROPOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE

PIERRE LE GRAND

PRÈS L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.

Volume III.

Музей Антропологии и Этнографии
БИБЛИОТЕКА
Академии Наук СССР

ПЕТРОГРАДЪ. 1916. PETROGRAD.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Май 1916 г. Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Музей Антропологии и Этнографии
Библиотека

Оглавленіе.

	стр.
Л. Я. Штернбергъ. Иванъ Тимоѳеевичъ Савенковъ. 1846—1914 гг. (Некрологъ). Съ портретомъ	I—XIV
Савенковъ **Иванъ Тимофеевичъ.** (Автобіографическая справка, сообщенная Имп. Археологическому Обществу въ Москвѣ)	XV—XVI
К. К. Гильзенъ. Илья Гавриловичъ Вознесенскій. Къ столѣтію дня его рожденія (1816—1871 гг.). Очеркъ жизни и дѣятельности старѣйшаго сотрудника академическихъ музеевъ. Съ портретомъ	1— 14
С. М. Широкогоровъ. Задачи антропологіи въ Сибири	15— 48
Гудмундъ Хаттъ. Dr. Gudmund Hatt. København. Искусственное формованіе головы ребенка у скандинавскихъ лапландцевъ. Перевелъ съ нѣмецкой рукописи К. К. Гильзенъ. Съ 4 рис. въ текстѣ	49— 56
Д-ръ мед. К. З. Яцута. О теменной кости гигантскихъ размѣровъ. Съ 2 рис. въ текстѣ	57— 66
М. А. Филаретова-Кржевская. Къ статистикѣ нахожденія блокового шипа (spina trochlearis) въ глазницахъ различныхъ череповъ. Съ 1 рис. въ текстѣ	67— 72
Д-ръ мед. К. З. Яцута. Къ вопросу о техникѣ изученія профиля череповъ. Съ 2 таблицами чертежей	73— 78
А. И. Ивановъ. Изъ музейныхъ матеріаловъ по религіи китайцевъ. Съ таблицей рисунковъ	79— 83
А. И. Ивановъ. Изъ музейныхъ матеріаловъ по быту китайцевъ. Головные уборы китайскихъ невѣстъ. Съ таблицей рисунковъ	84
К. К. Гильзенъ. Смычковый музыкальный инструментъ у агракановъ. Съ 1 рис. въ текстѣ	85— 88
И. И. Зарубинъ. Обувь горныхъ таджиковъ долины Бартанга. Съ 2 таблицами рисунковъ	89— 92
С. Д. Майнагашевъ. Жертвоприношеніе Небу у бельтировъ. Съ 2 таблицами рисунковъ	93—102
И. Н. Шуховъ. Изъ отчета о поѣздкѣ весною 1914 года къ казымскимъ остякамъ. Съ 4 таблицами рисунковъ въ текстѣ и картой р. Казыма	103—112
Б. Э. Петри. Неолитическія находки на берегу Байкала. Предварительное сообщеніе о раскопкѣ стоянки «Уланъ-Хада». Съ 20 рис. въ текстѣ и 4 таблицами рисунковъ	113—132
Л. Я. Штернбергъ. Античный культъ близнецовъ при свѣтѣ этнографіи. Съ приложеніемъ замѣтки: «Культовые домики близнецовъ у гиляковъ». Съ 6 рис. въ текстѣ	133—189
К. В. Щеникиковъ. Мѣры протяженія у киргизовъ Акмолинской области	190
Е. М. Романова. Библіотека Музея Антропологіи и Этнографіи, ея основаніе и ростъ за 11 лѣтъ	191—204
Дѣятельность Музея за 1914 годъ. (Извлеченіе изъ годового отчета)	205—212

Перечень рисунковъ.

Таблицы.

	стр.
Портретъ Ивана Тимоѳеевича Савенкова (†)	I
I. Портретъ Ильи Гавриловича Вознесенскаго	1
II и III. Профили череповъ: 1. Русскій. 2. Якутъ. 3. Негръ. 4. Новогвинеецъ. 5. Макроцефалъ. 6. Неандерталецъ (изъ Chapelle-aux-Saints). 7. Горилла. 8. Русскій	78

стр.

IV. Прибытіе бога богатства. Изображеніе буддъ и боговъ неба и земли 80
V. Головные уборы невѣстъ изъ Кантона и Пекина 84
VI. Группа таджиковъ изъ сел. Орошоръ на Бартангѣ и образцы чулковъ (jirâb) . . 92
VII. Образцы пеховъ 92
VIII. Жертвоприношеніе Небу у бельтировъ. 1. Остановка по дорогѣ для кропленія арāҕы духамъ. 2. Убіеніе жертвеннаго животнаго. 3. Моленіе съ чīlĭ паг̄ . . . 96
IX. Жертвоприношеніе Небу у бельтировъ. 1. Моленіе съ жертвеннымъ мясомъ. 2. Вкушеніе жертвеннаго мяса. 3. Сожженіе остатковъ жертвоприношенія . . . 98
X. Наконечники стрѣлъ 132
XI. Скребки, долото и наконечникъ копья . . . . . —
XII. Удочки, пилки, шилья, буравы, нуклеусы, lames, наконечники копій . . . . . —
XIII. Керамика . . . . . .

Рисунки въ текстѣ.

1. Пароходъ «Николай I» (собственноручный карандашный рисунокъ И. Г. Вознесенскаго) 14
2. Лапландская дѣтская капка или чепчикъ (Карре) 50
3. Лапландскія дѣти 52
4. Лапландская женщина съ типичной формой головы 55
5. Та же женщина, снятая въ профиль 56
6. Темянная кость съ внутренней стороны 58
7. Темянная кость снаружи 60
8. Лѣвая глазница съ блоковымъ шипомъ 67
9. Смычковый музыкальный инструментъ у араукановъ 86
10—12. Орнаментъ казымскихъ остяковъ (табл. I—III) . . . . . 108—110
13. Игра «тосьчер-вой» (табл. IV) 111
14. Грузило для сѣтей 121
15. Долото изъ окремнѣлаго известняка . . . . . —
16. Долото изъ кремнистаго сланца . . . . . —
17. Топоръ изъ діорита 122
18. Топоръ изъ кремнистаго сланца . . . . . —
19. Топоръ изъ глинистаго песчаника . . . . . —
20. Палица изъ филлита 123
21. Палица изъ гранита . . . . . —
22. Палица съ незаконченной сверлиной, изъ мелкозернистаго гнейса . . . . . —
23. Пестъ изъ діорита . . . . . —
24. Отбойникъ изъ мелкозернистаго гранита 124
25. Пестъ-отбойникъ изъ мелкозернистаго гранита . . . . . —
26. Рыба изъ бѣлаго мрамора 125
27. Голова рыбы изъ актинолитоваго сланца (видъ сбоку) . . . . . —
28. Та же голова снизу . . . . . —
29. Голова и туловище рыбы изъ слюдистаго песчаника 126
30. Рыба изъ слюдистаго песчаника 127
31. Изображеніе, напоминающее рыбу, изъ слюдистаго песчаника . . . . . —
32. Изображеніе змѣй на горшкѣ . . . . . —
33. Черепокъ вѣнчика горшка 128
34. Культовый домикъ близнецовъ у гиляковъ (видъ снаружи) 185
35. То же (видъ внутри) . . . . . —
36. То же съ поднятой крышкой 186
37. Орнаментъ на одной половинкѣ крыши культоваго домика 187
38. Орнаментъ на другой половинкѣ крыши культоваго домика . . . . . —
39. Домикъ близнецовъ, шалашевиднаго типа 188

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ
и ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТЕКА
№
Академии Наук СССР

Къ ст. Л. Я. Штернберга: Памяти И. Т. Савенкова.

А. А. Евдокимовъ и Ко., Петроградъ.

№

Иванъ Тимоѳеевичъ Савенковъ.

1846—1914 гг.

1 сентября 1914 г. скончался въ Красноярскѣ корреспондентъ и старый сотрудникъ Музея Антропологіи и Этнографіи, извѣстный археологъ и изслѣдователь Сибири, Иванъ Тимоѳеевичъ Савенковъ.

И. Т. родился въ 1846 г. въ Маріуполѣ Екатеринославской губ., но еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ вмѣстѣ съ родителями переѣхалъ въ Сибирь, которая стала для него настоящей родиной. Свое среднее образованіе онъ получилъ въ Иркутской гимназіи, которую окончилъ въ 1866 г. Высшее образованіе И. Т. получилъ на естественно-историческомъ отдѣленіи Физико-Математическаго факультета С.-Петербургскаго университета, который окончилъ со степенью кандидата въ 1870 году.

Выдающіяся способности И. Т. давали ему возможность выдвинуться на любомъ поприщѣ, въ особенности на научномъ, и въ столицѣ, но его тянуло, какъ и многихъ талантливыхъ его земляковъ, въ родную Сибирь, такъ нуждавшуюся въ интеллигентныхъ работникахъ для общественнаго строительства и научнаго изслѣдованія. То былъ періодъ, когда порывъ энтузіазма сибиряковъ къ изученію родины и служенія ей достигъ своего апогея,—періодъ, который выдвинулъ славныя имена Потанина и Ядринцева, создавъ цѣлую фалангу ихъ послѣдователей во всѣхъ областяхъ сибирской жизни. Только въ подобные періоды могли появляться мѣстные дѣятели такого типа, какъ Мартьяновъ, который силой своей огромной энергіи и пламенной любви къ наукѣ и родному краю могъ за короткое время создать въ маленькомъ заброшенномъ городкѣ Сибири богатѣйшее научное учрежденіе, не только ставшее духовнымъ центромъ края, но и привлекшее къ себѣ вниманіе европейскаго ученаго міра.

Это теченіе захватило и И. Т. Сейчасъ по окончаніи университета онъ выдерживаетъ спеціальный экзаменъ на званіе учителя естествовѣдѣнія, оставляетъ столицу и переселяется въ Красноярскъ, на должность преподавателя мѣстной гимназіи и учительской семинаріи.

Педагогическая профессія отнюдь не была для И. Т. одной только службой. Къ дѣлу преподаванія онъ отнесся съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ какимъ въ позднѣйшіе годы относился къ своимъ научнымъ изысканіямъ. Онъ умѣлъ не только сообщать знанія, обучать, но и увлекать своихъ слушателей. Особенно тепло относился онъ къ своимъ слушателямъ изъ учительской семинаріи, будущимъ народнымъ учителямъ, на которыхъ возлагалъ особенныя надежды. Въ то отдаленное время, когда о научныхъ экскурсіяхъ мало кто задумывался, И. Т. преподавалъ естественную исторію по великой книгѣ живой природы. Изъ душныхъ классовъ, отъ мертвыхъ книгъ по систематикѣ, онъ уводилъ своихъ слушателей въ величественныя окрестности Красноярска, и здѣсь на лонѣ природы училъ ихъ наблюдать и понимать явленія окружающаго міра.

Природа одарила И. Т. всѣми внѣшними и внутренними данными, необходимыми для настоящаго педагога. Атлетъ по сложенію, неутомимый ходокъ и ловецъ, изощренный во всѣхъ видахъ физическаго спорта, прекрасный чтецъ и декламаторъ, веселый и общительный, къ тому же необыкновенно доступный и привѣтливый, онъ умѣлъ вносить въ серіозныя научныя занятія струю юношеской жизнерадостности, которая такъ важна для интимнаго общенія съ молодежью, и для нея онъ одновременно былъ и товарищемъ, и руководителемъ. Объ его экскурсіяхъ, которыя были школой и знанія и физической тренировки, сохранились цѣлыя легенды. Старожилы вспоминаютъ, какъ онъ умудрялся со своими учениками взбираться на верхушки почти недоступныхъ сіенитовыхъ столбовъ, которыми славятся окрестности Красноярска, и тамъ устраивать бесѣды-пикники съ самоваромъ...

Но этотъ жизнерадостный, какъ бы созданный для общества и спорта человѣкъ обладалъ и рѣдкой жаждой знанія и трудоспособностью. Немногіе свободные часы, оставшіеся отъ его педагогической и учебно-административной дѣятельности, онъ неутомимо посвящалъ самообразованію, пополненію тѣхъ знаній, которыми не успѣлъ запастись въ университетѣ. И такъ онъ продолжалъ учиться до послѣдняго дня жизни. Его интересовали самыя разнообразныя отрасли знанія—науки естественныя и гуманитарныя, а въ тѣхъ отрасляхъ, которыя его спеціально интересовали, какъ геологія, археологія, искусство, исторія игръ, онъ успѣлъ стать настоящимъ эрудитомъ.

При всемъ томъ,—при всей широтѣ своихъ научныхъ запросовъ, при всей обширности своей эрудиціи,—И. Т. въ своихъ самостоятельныхъ

изысканіяхъ сумѣлъ ограничить себя той научной работой, которая при данныхъ условіяхъ была у него подъ рукой. Учительскія обязанности привязывали его къ Красноярску, и онъ примѣнилъ свои знанія къ геологическимъ изысканіямъ въ его окрестностяхъ, обстоятельный топографическій очеркъ которыхъ является до сихъ поръ едва ли не единственной работой въ этой области. Во время лѣтнихъ вакацій ему удавалось побывать на озерѣ Широ, и въ результатѣ — «медико-топографическое описаніе», которое, по отзывамъ спеціалистовъ, представляетъ образцовое геологическое обслѣдованіе этого озера.

Геологическія изысканія въ окрестностяхъ Красноярска привели И. Т. къ счастливому открытію, которое прославило его имя, какъ археолога. На лѣвомъ берегу Енисея, среди слоя лёсса горы Афонтовой, онъ въ 1886 году впервые нашелъ нѣкоторыя каменныя орудія, вмѣстѣ съ костями вымершихъ животныхъ. Какъ форма орудій, такъ и сопровождавшіе ихъ остеологическіе остатки говорили о палеолитическомъ періодѣ.

Въ то время существованіе палеолитическаго человѣка въ Сибири никѣмъ и не подозрѣвалось. Да и теперь для Восточной Сибири открытіе Савенкова остается единственнымъ. Понятенъ, поэтому, тотъ энтузіазмъ, съ которымъ И. Т. принялся за дальнѣйшіе поиски. Трудности предстояли огромныя. Добытые предметы были найдены не in situ, — на площади, образованной рѣчнымъ размывомъ. Требовались детальныя обслѣдованія геологическаго строенія мѣстности и обширныя систематическія раскопки, которыя могли бы привесть къ открытію стоянки или вообще мѣстонахожденію орудій in situ. Для такихъ обширныхъ работъ средствъ у И. Т. не было; тѣмъ не менѣе, восьмилѣтніе упорные поиски и частичныя раскопки дали результаты, которые съ несомнѣнностью подтвердили принадлежность орудій палеолитическому человѣку. Къ концу этихъ многолѣтнихъ поисковъ у И. Т. оказалось до 1.500 объектовъ, среди которыхъ, на ряду съ интереснѣйшими экземплярами каменныхъ орудій, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ совершенно новыхъ формъ, какъ, напримѣръ, лекало для закругленія скребковъ и др., были кости мамонта, риноцероса, бизона, сѣвернаго оленя и др. изъ той же фауны палеолита. Дальнѣйшіе поиски привели И. Т. на правый берегъ Енисея, къ дюнамъ притока послѣдняго, Безаихи. Здѣсь ему посчастливилось найти, вмѣстѣ съ орудіями новокаменнаго періода, впервые для Сибири скульптурныя изображенія изъ кости, художественной работы, очень напоминающія издѣлія троглодитовъ южной Франціи.

Въ 1893 г. И. Т. представилъ докладъ о своихъ открытіяхъ на Международномъ Антропологическомъ Конгрессѣ въ Москвѣ и демонстрировалъ образцы своихъ находокъ. О впечатлѣніи, произведенномъ этимъ

открытіями въ ученомъ мірѣ, можно судить по докладу барона De Baye въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ 27 февраля 1893 г.[1]

«При первомъ же обзорѣ выставки конгресса,—писалъ De Baye, одна витрина привлекла мое вниманіе, а послѣ серіознаго ознакомленія съ ней привела меня въ изумленіе. Я тогда же рѣшилъ доложить Академіи о фактахъ, которые по своей новизнѣ и научной важности заслуживаютъ ея особаго вниманія. Дѣло идетъ объ открытіяхъ, которыя составили центральное событіе Конгресса... Савенковъ, ревностный археологъ, пріѣхавшій изъ самаго центра Сибири, гдѣ онъ живетъ двадцать одинъ годъ, чтобы представить Московскому Конгрессу археологическую коллекцію, которая представляетъ настоящее откровеніе, Савенковъ изслѣдовалъ область до сихъ поръ непзвѣстную, и наука ему обязана открытіемъ въ бассейнѣ Енисея существованія въ Сибири палеолитическаго человѣка. Это научное завоеваніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что до настоящаго времени можно было предполагать, что Сибирь, какъ и Швеція, въ эпоху мамонта и послѣднихъ геологическихъ формацій не была обитаема человѣкомъ... И нашъ долгъ выразить признательность ученаго міра тому, кто цѣною столькихъ трудовъ открылъ слѣды первобытнаго человѣка въ Сѣв. Азіи и чья скромность столь же велика, какъ велики его научныя заслуги.

«Въ 1890 г. Катрфажъ, знаменитый сочленъ Академіи, мой оплакиваемый учитель, который былъ и остается одной изъ славъ Франціи, говоря о результатахъ, которыхъ можно ожидать отъ Конгресса въ Москвѣ,—присутствовать на Конгрессѣ помѣшала ему смерть,—сказалъ мнѣ: «Мы не знаемъ доисторической археологіи Средней и Сѣверной Азіи. Эти непзслѣдованныя области могли бы когда-нибудь дать факты, которые измѣнили бы наши взгляды о первыхъ періодахъ жизни человѣчества, напр., неолитическую индустрію, соединенную съ четвертичной фауной». Мнѣ кажется, что до извѣстной степени это предсказаніе осуществилось на коллекціяхъ, доставленныхъ нынѣ изъ Сибири».

И, затѣмъ, послѣ краткаго отчета о находкахъ И. Т., баронъ De Baye говоритъ въ заключеніе:

«Эти факты являются настоящимъ событіемъ въ наукѣ. Мы можемъ сказать, что новая эра открылась въ изслѣдованіяхъ о на-

[1] Rapport sur les decouvertes faites par M. Savenkof dans la Siberie Orientale. Lecture faite à l'Académie de Sciences par le baron De Baye. Paris. 1894.

чальномъ періодѣ существованія человѣка, и тамъ именно, гдѣ предполагалась колыбель его. И эта новая эра будетъ плодотворна, благодаря добросовѣстнымъ работамъ, для которыхъ г. Савенковъ столь блестяще проложилъ дорогу. Я кончаю это сообщеніе, счастливый сознаніемъ того, что я освѣдомилъ васъ объ имени и трудахъ ученаго, который на берегахъ великой сибирской рѣки страстно работаетъ надъ развитіемъ науки».

Такъ отозвались спеціалисты въ Парижской Академіи Наукъ объ открытіи Н. Т. Н какая насмѣшка судьбы! Спустя 20 лѣтъ послѣ сообщенія барона De Baye, профессоръ Обермайеръ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о Доисторическомъ Человѣкѣ приписалъ открытіе Савенкова тому же барону De Baye и Ѳ. К. Волкову,—лицамъ, которыя даже никогда Сибири не видали!

Археологическія изысканія Н. Т. не ограничивались одними окрестностями Красноярска. Въ 1884 г. онъ раскапывалъ курганы на р. Унжулу. Къ сожалѣнію, докладъ, представленный имъ въ Вост.-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, остался непапечатаннымъ. Въ 1886 году имъ составлена была археологическая карта средняго теченія Енисея, на которой нанесены были, на основаніи собственныхъ наблюденій Н. Т., всѣ стоянки и поселенія палеолитической, неолитической, мѣдной, бронзовой и желѣзной эпохъ, городища, курганы и петроглифы. Карта эта, какъ и приложенныя къ ней статьи, также остались непапечатанными.

Къ этому періоду археологической дѣятельности Н. Т. относится его прекрасная работа «О каменномъ вѣкѣ въ Минусинскомъ краѣ», на основаніи матеріаловъ Минусинскаго Музея и матеріаловъ и наблюденій самого Н. Т. Здѣсь онъ обнаружилъ не только талантливое умѣнье въ дѣлѣ обработки матеріаловъ, но и всѣ тѣ обширныя знанія по археологіи и геологіи, которыя успѣлъ пріобрѣсть за первые годы, когда готовился къ своей археологической дѣятельности. Не ограничиваясь точнымъ и яснымъ описаніемъ объектовъ и ихъ мѣстонахожденій, онъ старается вездѣ, гдѣ только возможно, ввести свой матеріалъ въ кругъ міровой доисторической культуры, сопоставляя его съ данными своей обширной эрудиціи. Анализируя формы орудій, онъ старается проникнуть въ бытъ и технику аборигеновъ Енисея, и, наконецъ, пытаясь опредѣлить характеръ древности описываемой культуры, онъ даетъ попутно образцовыя въ геологическомъ отношеніи характеристики какъ средняго Енисея вообще, такъ и спеціально стоянокъ доисторическаго человѣка въ частности. Вообще же нужно отмѣтить, что—не въ примѣръ многимъ нашимъ археологамъ—Н. Т. отлично сознавалъ первостепенное значеніе геологіи въ доисторической археологіи

и самымъ строгимъ образомъ проводилъ этотъ принципъ въ своихъ собственныхъ работахъ. Этимъ объясняется, почему о важнѣйшихъ своихъ раскопкахъ, тѣхъ-самыхъ, о которыхъ такъ восторженно говоритъ баронъ De Baye, онъ оставилъ намъ только предварительные отчеты, считая, что геологическіе вопросы, связанные съ этими раскопками, недостаточно выяснены, и потому все откладывалъ подробную публикацію до новаго болѣе детальнаго обслѣдованія, которое, какъ увидимъ, онъ предпринялъ уже за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти.

II.

Въ области археологіи Сибири совершенно исключительный интересъ проявилъ И. Т. къ такъ называемымъ петроглифамъ.

Среди сибирскихъ изслѣдователей, еще со времени Спасскаго, изученіе петроглифовъ считалось самой очередной и вмѣстѣ съ тѣмъ интереснѣйшей задачей. Соединяя въ одно памятники изобразительнаго искусства съ такъ называемыми «рунническими письменами», мѣстные изслѣдователи безразлично въ тѣхъ и другихъ отыскивали таинственные знаки письма и въ эту сторону, главнымъ образомъ, направляли свои усилія. Особенно усердно въ этомъ направленіи, уже въ періодъ пребыванія И. Т. въ Сибири вплоть до начала 80-хъ годовъ, работалъ Н. И. Поповъ, положившій много труда и эрудиціи для сравненія матеріала писаницъ со всякаго рода начертаніями письменности.

Продолжателемъ дѣла Попова и явился И. Т. Коренную причину неуспѣха своихъ предшественниковъ И. Т. справедливо видѣлъ, прежде всего, въ томъ, что всѣ они работали кабинетно. Со времени Спасскаго до Попова включительно изслѣдователи пользовались главнымъ образомъ рисунками, исполненными въ 50-хъ годахъ нѣкоимъ чиновникомъ Титовымъ по распоряженію мѣстнаго губернатора. Эти рисунки, сдѣланные человѣкомъ, научно въ нихъ не заинтересованнымъ и незнакомымъ съ научными требованіями въ этой области, притомъ не давшимъ никакого описательнаго матеріала къ рисункамъ, по мнѣнію И. Т., менѣе всего могли служить настоящими научными документами. Онъ рѣшилъ поэтому начать дѣло сначала: лично обслѣдовать памятники и лично зарисовывать ихъ.

Въ 1884 г., благодаря матеріальной поддержкѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, И. Т. сдѣлалъ первый рекогносцировочный объѣздъ наиболѣе замѣчательныхъ писаницъ на Манѣ, начиная отъ границъ Канскаго округа, по Енисею отъ устья Кана до устья Он, успѣвъ за это время не только зарисовать петроглифы, но и составить упомянутую выше археологическую карту стоянокъ,

кургановъ и пр., схематическій планъ по образованію займищъ, древнихъ и новыхъ террасъ, съ указаніемъ мѣстъ несортированныхъ напосовъ, и еще альбомъ спеціальныхъ рисунковъ археологическихъ и этнографическихъ. Рисунки писаницъ въ свое время, по недостатку средствъ у Вост.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общества, къ сожалѣнію, не были опубликованы. Въ настоящее время, послѣ многолѣтней работы А. В. Адріанова по зафиксированію писаницъ путемъ эстампажей, рисунки И. Т. въ значительной степени утратили свое значеніе, но для того времени, когда способъ эстампированія еще не примѣнялся, эти рисунки были выполнены съ крайней научной тщательностью. Какое важное значеніе И. Т. придавалъ точности зарисовыванія и какъ серіозно онъ самъ относился къ своей технической работѣ, можно судить по мимолетному, но характерному для него замѣчанію, которое находимъ въ одной изъ его работъ. Вспоминая съ глубокимъ сожалѣніемъ, что во время первыхъ его экскурсій еще не примѣнялся способъ эстампированія, — способъ столь же легкій, сколько наиболѣе раціональный, — онъ какъ бы въ оправданіе своей манеры зарисовыванія говоритъ: «мы старались отрѣшиться отъ темперамента, отъ своей манеры рисовать, подчиняли себя всецѣло древнему рисунку, старались, такъ сказать, „влѣзть въ шкуру“ доисторическаго рисовальщика, отдать ему свою руку въ полное распоряженіе и копировать, не мудрствуя лукаво, и рисунокъ, и знакъ предмета, и тамгу, и религіозный знакъ и символъ»[1].

Отнюдь не педантизмъ, разумѣется, подсказалъ И. Т. эту кропотливую манеру цѣлостнаго «подчиненія себя древнему художнику». Менѣе всего по натурѣ своей И. Т. былъ педантъ и еще менѣе—аматёръ-собиратель. Скорѣе, наоборотъ: въ отдѣльныхъ фактахъ прежде всего и больше всего онъ искалъ всегда того общаго, широкаго, что единитъ данные факты съ циклами другихъ, однородныхъ фактовъ, что ведетъ къ открытію генезиса и эволюціи цикловъ явленій. Но для этого именно онъ съ такой исключительной кропотливостью и тщательностью старался констатировать, поскольку это было въ его силахъ, тѣ факты, которые подлежали его изученію.

Первая экскурсія въ территорію писаницъ привела И. Т. къ выводамъ, совершенно отличнымъ отъ взглядовъ тѣхъ его предшественниковъ, которые видѣли въ нихъ одни лишь таинственные знаки письменности,—къ выводамъ, которые, если и не рѣшали вопроса, то ставили его на широкую базу сравнительнаго историко-этнографическаго изученія.

Въ 1885 г., въ отчетѣ о своей поѣздкѣ, И. Т. писалъ[2]:

---

[1] О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ, стр. 89.

[2] Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1886, т. XII, №№ 3—4, стр. 99—100.

«Въ основу толкованія древнихъ фигурныхъ письменъ должно положить слѣдующія руководящія мысли: а) фигурныя изображенія—не начала письменности, а начала начертательнаго искусства; б) нѣкоторыя, очень немногія, могутъ имѣть символическое значеніе (въ точномъ смыслѣ этого слова), напримѣръ: аглахтинская фигура, знакъ смерти, символъ молитвы, знакъ брода и другія идеографическія начертанія; в) въ основѣ нѣкоторыхъ древнихъ рисунковъ и знаковъ могутъ лежать своеобразныя *религіозныя анимистическія воззрѣнія аборигеновъ Енисея;* г) на позднѣйшихъ фигурныхъ письменахъ ясно отразился шаманизмъ, *потому рисунки на бубнахъ, онгонахъ, джалбакъ-тасъ* и т. п. *должны быть тщательно собираемы;* д) рисунки нынѣшнихъ инородцевъ на затесяхъ деревьевъ (на распутьяхъ, на перевалахъ) надо срисовывать при каждомъ представляющемся случаѣ; е) тавры тюрко-алтайцевъ, киргизовъ, монголовъ и др. народовъ Средней Азіи необходимы для окончательнаго рѣшенія вопроса о такъ называемыхъ гіероглифическихъ письменахъ: ж) рисунки на курганныхъ и могильныхъ камняхъ должны быть сопоставлены съ таковыми же на утесахъ; только по достаточномъ накопленіи матеріаловъ въ указанномъ направленіи можно надѣяться на то, что вопросъ о фигурныхъ письменахъ можетъ значительно двинуться впередъ... Древніе рисунки, виды фигурныхъ письменъ на утесахъ, отразили культурныя стадіи и даже народности, проходившія по Енисею; они, слѣдовательно, имѣютъ антропологическое и даже, до извѣстной степени, и хронологическое значеніе, хотя, конечно, отъ нихъ нельзя ждать и требовать опредѣленныхъ историческихъ показаній, какія можно получить отъ надписей въ точномъ смыслѣ слова. Древніе рисунки, знаки, тамги, символы и пр. надо строго отличать отъ письменныхъ начертаній».

Весьма скоро И. Т. еще болѣе расширилъ проблему. Въ изобразительномъ матеріалѣ писаницъ онъ нашелъ связь съ орнаментикой памятниковъ енисейской бронзовой культуры. Религіозные мотивы въ искусствѣ послѣдней въ свою очередь привели его къ идеѣ, что фигурныя начертанія писаницъ—стилизованныя религіозныя представленія. Связавъ проблему писаницъ съ бронзовой культурой и религіозными символами, онъ естественно направилъ свои поиски далеко за предѣлы Енисея. «Перекрещивающіяся показанія,—говоритъ И. Т.,—и особенно стремленіе выяснить первоисточники заимствованій и установить, насколько возможно, пути ихъ передвиженія на Енисей направили насъ въ Ассирію, Вавилонію, Индію, Египетъ, Финикію, Трою, Кипръ, на побережья Средиземнаго и Чернаго морей. Оказались необходимы параллели въ Западной Европѣ, на сѣверѣ Европы и Азіи и также и на востокѣ, въ Китаѣ и Средней Азіи»[1].

[1] О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ, стр. 2.

На ряду съ этимъ, фактъ, казалось бы, совершенно особаго порядка—именно расшифрованіе орхонскихъ надписей, открытіе въ нихъ алфавита передне-азіатскаго происхожденія—особенно укрѣпилъ въ И. Т. мысль искать генезиса писаницъ въ Передней Азіи[1].

Расшифрованіе орхонскихъ надписей повліяло на И. Т. еще и въ другомъ болѣе важномъ отношеніи. Оно именно вернуло его къ первоначальнымъ, какъ мы видѣли, рѣшительно и правильно отвергнутымъ имъ же воззрѣніямъ его предшественниковъ, которые во всѣхъ видахъ петроглифовъ готовы были видѣть различныя формы письменности.

Если «рунническія» письмена оказались образцами фонетическаго письма, то почему не предположить, что другія формы петроглифовъ не представляютъ образцовъ письменности болѣе древняго типа, не фонетическаго, а болѣе примитивнаго, изъ котораго впослѣдствіи могли выработаться путемъ эволюціи передне-азіатскіе фонетическіе алфавиты?...

Эта идея въ свою очередь увлекаетъ И. Т. на новый путь исканій—въ области генезиса языка, письменности и, въ частности, алфавитовъ.

Колоссальная по размѣрамъ проблема не устрашила И. Т. На цѣлыхъ двадцать съ лишнимъ лѣтъ онъ окружаетъ себя огромной библіотекой книгъ по археологіи, исторіи религіи, психологіи, философіи языка, исторіи шрифтовъ, не разставаясь съ ними во время своихъ многочисленныхъ кочеваній изъ Сибири въ Россію, и всѣ свои досуги посвящаетъ своей излюбленной проблемѣ. Можно совершенно не соглашаться съ тѣми выводами, къ которымъ привели И. Т. его многолѣтнія изысканія, но нельзя не воздать уваженія колоссальной эрудиціи, пріобрѣтенной этимъ самоотверженнымъ труженикомъ, большая часть жизни котораго прошла вдали отъ научныхъ центровъ въ глуши Сибири и въ многократныхъ невольныхъ странствованіяхъ. Плодомъ этой многолѣтней работы И. Т., поглотившей самые зрѣлые годы его жизни, явилась монументальная монографія «О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ», заключающая до 500 страницъ текста in folio и XIII таблицъ съ изображеніями, въ которыхъ однѣхъ только фигуръ писаницъ, не считая множества археологическихъ параллелей, свыше 1.000.

Какъ извѣстно, основная идея этого огромнаго труда сводится къ тому, что фигуры енисейскихъ писаницъ являются знаками и символами различныхъ древнихъ молитвенныхъ тѣлодвиженій, жестовъ, перстосложеній и т. п. ритуальныхъ обрядностей, и изъ этихъ именно знаковъ и сим-

---

[1] «Петроглифы Орхона,—писалъ И. Т.,—подтвердили наши предположенія. Для дальнѣйшей провѣрки естественно было обратиться къ культурамъ Малой Азіи, какъ къ мѣсту заимствованія енисейскаго и тукюэсскаго алфавитовъ» (op. cit., тамъ же).

воловъ, которые нѣкогда были общи всѣмъ древнимъ при-средиземноморскимъ культурамъ, путемъ долгой эволюціи выработались всѣ передне-азіатскіе алфавиты, включая и орхонскій. Доказательству этой идеи—въ томъ числѣ, между прочимъ, даже и анализу церковно-славянскаго алфавита — главнымъ образомъ посвящена аргументація этой огромной монографіи.

Для будущихъ изслѣдователей сибирскихъ петроглифовъ цѣнность работы И. Т., разумѣется, не въ этой односторонней идеѣ, а прежде всего въ томъ обширномъ начертательномъ и описательномъ матеріалѣ, который съ такой тщательностью и столькими усиліями собранъ въ этомъ трудѣ. Навсегда также останется крупной заслугой И. Т. та широкая сравнительно-этнографическая и историческая база, на которую въ его работѣ поставлено изученіе писаницъ. Достаточно указать только на обширный сравнительный матеріалъ по тамгамъ у самыхъ различныхъ народовъ, сопоставленнымъ съ аналогичными петроглифными изображеніями, чтобы оцѣнить сравнительно-этнографическое значеніе этого труда для всякаго будущаго изслѣдователя. Методологически цѣннымъ останется также воззрѣніе И. Т. на связь писаницъ съ древнѣйшими памятниками культурныхъ народовъ Азіи.

Но и основная гипотеза И. Т., при всей ея крайней односторонности и даже, быть можетъ, экстравагантности, несомнѣнно окажетъ услугу людямъ, занимающимся сравнительной археологіей. Не только археологи, но и историки религіи до сихъ поръ не придавали значенія смыслу и происхожденію ритуальныхъ жестовъ, въ дѣйствительности игравшихъ значительную роль въ древнихъ культахъ самыхъ различныхъ народовъ,—роль, которая многими изслѣдователями и не подозрѣвалась. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что И. Т. первый серіозно выдвинулъ этотъ вопросъ, подчеркнувъ его важное значеніе[1].

Къ числу работъ, въ которыхъ рельефно выразилась основная черта И. Т.—стремленіе охватить всякій конкретный вопросъ во всей его широтѣ, не жалѣя никакихъ трудовъ и усилій къ овладѣнію всѣмъ относящимся къ нему научнымъ матеріаломъ, нужно отнести его сравнительно небольшую работу (около 8 печатныхъ листовъ): «Къ эволюціи шахматной игры. Сравнительно-этнографическій очеркъ».

---

[1] Насколько этотъ вопросъ совершенно игнорируется, достаточно привести примѣръ изъ столь распространеннаго и широко извѣстнаго культа исламистовъ. Предписанныя у магометанъ ритуальныя тѣлодвиженія во время молитвы до сихъ поръ, насколько, по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, изслѣдователи готовы разсматривать какъ установленіе чисто догматическаго характера, введенное впервые исламомъ. Въ дѣйствительности, эти тѣлодвиженія — несомнѣнный пережитокъ древне-семитскаго ритуала. О магометанскихъ молитвенныхъ жестахъ, впрочемъ, и И. Т. въ своемъ трудѣ не упоминаетъ.

Поводомъ къ составленію этой монографіи послужило случайное ознакомленіе И. Т. съ шахматной игрой у сойотовъ. Заинтересовавшись вопросомъ о томъ, откуда могла быть заимствована эта игра столь первобытнымъ народомъ, онъ отъ сойотовъ переходитъ къ общей проблемѣ о происхожденіи, распространеніи и эволюціи шахматной игры на Востокѣ и Западѣ и заканчиваетъ обстоятельной исторіей этой игры въ Россіи. Памятникомъ огромной эрудиціи И. Т. въ этомъ вопросѣ является не только упомянутая работа, но и оставшаяся послѣ него большая спеціально подобранная по данному вопросу библіотека, въ которой имѣются рѣдчайшія изданія и которая собиралась имъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ съ любовью настоящаго виртуоза въ этой игрѣ.

III.

Въ 1904 году, черезъ три года послѣ выхода И. Т. въ отставку, умеръ близкій другъ его, глубоко родственный ему по научнымъ и общественнымъ симпатіямъ, извѣстный основатель и устроитель Минусинскаго Музея, Н. М. Мартьяновъ. Несмотря на то, что смерть эта застала И. Т. въ самый разгаръ работы его надъ монографіей «О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ», самымъ крупнымъ трудомъ его жизни, законченнымъ имъ лишь въ 1908 г., онъ рѣшаетъ покинуть Москву съ ея библіотеками и музеями и отправляется въ Минусинскъ, чтобы упрочить дорогое ему не только ради памяти друга, но и ради научнаго и общественнаго значенія учрежденіе[1].

Судя по всему, И. Т. готовъ былъ весь остатокъ жизни посвятить этому дѣлу. Одно время мы видимъ его въ роли завѣдывающаго Минусинскимъ Музеемъ. Но условія, среди которыхъ ему пришлось продолжать дѣло Н. М. Мартьянова, были уже далеко не тѣ, при которыхъ работалъ его основатель. Администрація, сообразно съ новымъ духомъ времени, относилась къ Музею и его лучшимъ сотрудникамъ съ подозрительностью, совершенно парализовавшей живую работу. Многихъ изъ старыхъ друзей и дѣятелей Музея уже не было въ Минусинскѣ, а городское управленіе относилось къ дѣламъ Музея совершенно индиферентно. Говорили даже о

[1] Для И. Т., какъ и для Н. М. Мартьянова, Минусинскій Музей долженъ былъ являться не только центромъ для обслуживанія чисто научныхъ задачъ обширнаго края, но и просвѣтительнымъ учрежденіемъ для народной массы. «Пробнымъ камнемъ въ этомъ (послѣднемъ) отношеніи,—писалъ онъ,—мы считаемъ не утилитарные отдѣлы, которымъ капиталисты и торгово-промышленные люди придаютъ главенствующее значеніе, и даже не научныя коллекціи, а *отдѣлъ общеобразовательный* съ подъотдѣлами: для безграмотныхъ, малограмотныхъ, темныхъ людей... и, наконецъ, учебный подъотдѣлъ, долженствующій представлять съ возможно большей полнотой конкретныя и наглядныя учебныя пособія по всѣмъ предметамъ начальной и средней школы» (О древ. памят. изобраз. иск. на Енисеѣ, стр. V).

проектѣ продать Музей городу Томску. При такомъ положеніи дѣла былъ только одинъ исходъ—поставить Музей внѣ зависимости отъ города, передавъ его подъ покровительство какого-нибудь вліятельнаго ученаго учрежденія въ Петроградѣ и обезпечивъ ему постоянный бюджетъ и работниковъ-спеціалистовъ на счетъ государства. Такимъ учрежденіемъ И. Т. считалъ Императорскую Академію Наукъ, которая должна была принять Музей въ свое вѣдѣніе, исходатайствовавъ для него особые штаты. Въ этомъ смыслѣ имъ была выработана спеціальная записка, и онъ немало приложилъ усилій—вплоть до личной поѣздки въ столицу—къ тому, чтобы дать ходъ своимъ ходатайствамъ и проектамъ.

Въ 1910 г. вышелъ въ свѣтъ самый крупный трудъ И. Т. «О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ». Но у него осталась неоконченной работа, тяготившая его еще съ 80-хъ годовъ: это—необработанныя коллекціи каменнаго періода изъ окрестностей Красноярска, о которой въ печати имѣлся лишь предварительный отчетъ. Болѣе двадцати лѣтъ И. Т. все мечталъ о томъ, чтобы найти возможность произвести детальное геологическое обслѣдованіе и систематическія раскопки на мѣстѣ первыхъ находокъ, въ надеждѣ найти стоянку доисторическаго человѣка и во всякомъ случаѣ съ большей точностью установить геологическую обстановку своихъ открытій. Между тѣмъ, уходили годы за годами, и этой возможности не представилось.

Потерявъ надежду на продолженіе своихъ полевыхъ изысканій, онъ рѣшаетъ приняться за кабинетную обработку своихъ матеріаловъ, ограничиваясь тѣми данными, которыя ему удалось собрать въ свое время. Около двухъ лѣтъ онъ употребилъ на эту работу, цѣлыми днями кропотливо зарисовывая и описывая свои цѣнныя собранія въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи, гдѣ они хранились, какъ его даръ, еще съ 90-хъ годовъ.

Случайный эпизодъ снова оторвалъ И. Т. отъ спокойной работы въ Музеѣ и его, почти семидесятилѣтняго старика, снова вернулъ къ суровой полевой работѣ, которою онъ началъ свой научный путь.

Въ Музей поступила изъ Тверской губ. большая коллекція каменнаго вѣка, которая по всѣмъ видимостямъ относилась къ палеолиту, но, къ сожалѣнію, весь богатый матеріалъ оказался подъемнымъ, и для точнаго его опредѣленія необходимо было произвести, по крайней мѣрѣ, развѣдочныя обслѣдованія для выясненія геологической обстановки района находокъ. Эту работу Музей поручилъ И. Т., который за короткое время, бывшее въ его распоряженіи, вмѣстѣ съ прикомандированнымъ къ нему молодымъ археологомъ В. М. Лемешевскимъ, успѣлъ довольно детально изучить мѣстность и произвести пробныя раскопки, давшія очень интересные результаты. Эта археологическая экскурсія, убѣдившая И. Т., что, несмотря

на преклонный возрастъ, онъ еще достаточно бодръ и крѣпокъ для полевой работы, снова пробудила въ немъ старую мечту о продолженіи раскопокъ въ окрестностяхъ Красноярска. И его мечта осуществилась. Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ его предложенію, ассигновавъ въ его распоряженіе необходимыя средства, и И. Т. сталъ готовиться къ поѣздкѣ въ Красноярскъ. Къ несчастію, въ самый разгаръ приготовленій онъ заболѣлъ тифомъ, а когда, наконецъ, оправился, то вмѣсто прежняго И. Т., поражавшаго всѣхъ насъ, его товарищей по Музею, юношеской бодростью, гибкостью и крѣпостью организма, передъ нами былъ болѣзненно осунувшійся старикъ, съ трудомъ взбиравшійся по лѣстницѣ. Сердце этого столь крѣпкаго человѣка если не переродилось, то ослабѣло настолько, что для возстановленія силъ, во всякомъ случаѣ, требовался продолжительный покой.

Несмотря на всѣ уговоры и предостереженія, И. Т. торопился закончить работу въ Музеѣ и рѣшилъ ѣхать, боясь, повидимому, упустить послѣдній счастливый случай. «Тамъ я отдохну, скоро оправлюсь»,—успокаивалъ онъ насъ. Въ маѣ 1914 г. онъ въ третьеклассномъ вагонѣ выѣхалъ въ Красноярскъ и вскорѣ по пріѣздѣ приступилъ къ работѣ. На этотъ разъ онъ имѣлъ, наконецъ, возможность вести правильныя раскопки, снимая слой за слоемъ и тщательно сортируя матеріалъ in situ. Уже во время раскопокъ онъ часто чувствовалъ себя плохо и лежа въ палаткѣ руководилъ работами, въ которыхъ усерднымъ помощникомъ былъ его сынъ Александръ Ивановичъ. И все же у И. Т. хватило энергіи тщательно заэтикетировать весь собранный матеріалъ, упаковать его и отослать въ Музей съ указаніемъ на особенно цѣнные, по его мнѣнію, экземпляры. Въ послѣднихъ числахъ августа раскопки были закончены, и И. Т. переѣхалъ въ Красноярскъ, но тотчасъ почувствовалъ себя плохо. Сердце не выдержало того понятнаго напряженія, съ коимъ онъ изо дня въ день нетерпѣливо ожидалъ раскрытія новыхъ тайнъ своего возлюбленнаго палеолита, и, перевезенный въ лѣчебницу Краснаго Креста, онъ черезъ день, 1-го сентября, тихо скончался, успѣвъ все же передать въ Музей свое послѣднее мнѣніе о произведенныхъ имъ находкахъ.

40 ящиковъ съ объектами изъ раскопокъ И. Т. ждутъ теперь обработки, равно какъ ждетъ опубликованія послѣдняя огромная рукопись его съ описаніемъ прежнихъ раскопокъ. И. Т. не удалось завершить собственными руками одно изъ крупнѣйшихъ дѣлъ своей жизни, но все, что было въ его силахъ, имъ было сдѣлано, чтобы довести эту работу до конца. Если въ смерти возможно найти какое-нибудь удовлетвореніе, то объ И. Т. можно съ полной справедливостью сказать, что онъ умеръ прекрасной смертью самоотверженнаго труженика науки, окончивши земной путь среди кипу-

чей работы, воодушевлявшей всю его жизнь, и праху его суждено покоиться въ томъ городѣ, гдѣ протекли его лучшіе годы и гдѣ память о немъ, какъ объ ученомъ, общественномъ дѣятелѣ, руководителѣ юношества и симпатичномъ человѣкѣ, будетъ храниться съ особенной любовью и теплотой.

Два слова въ заключеніе объ И. Т., какъ о человѣкѣ. Онъ умѣлъ быть благороднымъ другомъ, и объ одномъ изъ своихъ самыхъ близкихъ друзей, Н. М. Мартьяновѣ, вскорѣ послѣ его смерти, И. Т. писалъ: «Покойный Николай Михайловичъ обладалъ рѣдкими душевными качествами: врожденнымъ психологическимъ тактомъ, привѣтливостью, радушіемъ, скромностью, спокойствіемъ, прямотой и идеальнѣйшей честностью, любовью къ наукѣ, неугасимой любознательностью, обширной эрудиціей, всегдашней готовностью дѣлиться всѣми своими знаніями... Все это располагало къ нему людей»...

То, что И. Т. писалъ о Мартьяновѣ, съ полной справедливостью можно сказать о немъ самомъ, и этого будетъ достаточно для характеристики его свѣтлой личности.

У И. Т. было много друзей, и со временемъ—будемъ надѣяться—ихъ воспоминанія возстановятъ передъ нами въ полномъ свѣтѣ его интересную и симпатичную фигуру.

Отъ себя и товарищей по Музею Антропологіи и Этнографіи, знавшихъ его только въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, могу сказать, что рѣдко въ средѣ спеціалистовъ приходится встрѣчать такую оригинальную фигуру, какимъ былъ И. Т. Долго передъ нашими глазами будетъ стоять, какъ живая, внушительная и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткая фигура И. Т., который сумѣлъ сочетать въ себѣ изумительную усидчивость кропотливаго труженика, долгими часами не отрывавшагося отъ чертежей и рукописей, съ юношеской веселостью, остроуміемъ, жизнерадостностью и чуткостью ко всему прекрасному и доброму, не говоря уже о восторженной любви къ наукѣ и искусству. И въ довершеніе—удивительная скромность и природная привѣтливость, которая невольно располагала къ нему съ перваго раза.

Какъ-то разъ, вспоминая свои молодые годы, И. Т. проговорился: «А можете себѣ представить,—вѣдь былъ періодъ въ моей жизни, когда я серіозно мечталъ сдѣлаться артистомъ, но скоро бросилъ». У И. Т., дѣйствительно, были артистическія наклонности... Въ одномъ отношеніи онъ и былъ настоящимъ артистомъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова: онъ изъ своей собственной жизни сумѣлъ создать артистическое произведеніе, цѣльное, гармоничное твореніе изъ неустаннаго плодотворнаго труда, радостей науки и общественнаго служенія.

Л. Штернбергъ.

Савенковъ Иванъ Тимофеевичъ.

(Автобіографическая справка, сообщенная Имп. Археологическому Обществу въ Москвѣ).

Иванъ Тимофеевичъ Савенковъ родился въ 1846 г., въ г. Маріуполѣ, Екатеринославской губ., въ православной купеческой семьѣ, скромнаго достатка. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ съ родителями переѣхалъ въ Сибирь, жилъ въ Иркутской и Енисейской губ. Въ 1866 г. онъ окончилъ курсъ въ Иркутской гимназіи, а въ 1870 г., со степенью кандидата, окончилъ курсъ въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ по естественно-историческому отдѣленію физико-математическаго факультета. По выдержаніи особыхъ устныхъ и письменныхъ испытаній и послѣ дачи нѣсколькихъ пробныхъ уроковъ по естествовѣдѣнію и химіи въ присутствіи декана, профессора, директора Реальнаго Училища и учителя естествовѣдѣнія удостоенъ званія учителя гимназіи. Съ 1871 по 1901 г. служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, занимая учебно-воспитательныя и учебно-административныя должности. Въ Красноярскѣ былъ учителемъ гимназіи и Директоромъ Учительской Семинаріи до 1894 г. Закончилъ службу, въ Варшавскомъ Учебномъ Округѣ, Окружнымъ Инспекторомъ. Имѣетъ ордена до Св. Равноапостольнаго Кн. Владимира 3 ст. включительно. Съ 1906 г., по выходѣ въ отставку, отдался всецѣло общественно-научной дѣятельности, былъ сотрудникомъ, а потомъ и дѣйствительнымъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ: Импер. Москов. Археологическаго Общества, Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Импер. Москов. Университетѣ, Импер. Русскаго Географическаго Общества, имѣетъ дипломъ члена-корреспондента Импер. Академіи Наукъ, Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго. Былъ завѣдывающимъ Минусинскимъ Мартьяновскимъ Музеемъ и нынѣ состоитъ его членомъ. Участвовалъ въ нѣкоторыхъ Съѣздахъ Естествоиспытателей и Археологовъ, дѣлалъ доклады и былъ избираемъ почетнымъ предсѣдателемъ секціи географіи, антропологіи и этнографіи. Перечень ученыхъ трудовъ И. Т. Савенкова:

1. Къ матеріаламъ для медико-топографическаго описанія озера Широ (съ картою). Красноярскъ, 1890 г.

2. Матеріалы для медико-топографическаго описанія озера Широ, собранные въ 1890 г. Красноярскъ, 1891 г.

3. О палеолитической эпохѣ въ окрестностяхъ г. Красноярска, Енисейской губ. (съ картою и разрѣзами). Красноярскъ, 1892 г.

4. Къ матеріаламъ для медико-топографическаго описанія окрестностей г. Красноярска. Предварительный геологическій очеркъ ближай-

ныхъ окрестностей г. Красноярска. Красноярскъ, 1892 г. Оттискъ изъ отчета Общ. Врачей Енисейской губ.

5. О находкѣ нѣкоторыхъ костей мамонта вблизи с. Барабановскаго, Красноярскаго у., Енисейской губ. Красноярскъ, 1892. Оттискъ изъ протокола засѣданія Статистическаго Комитета.

6. Sur les restes de l'époque paléolithique dans les environs de Krasnojarsk. Оттискъ доклада Международному Конгрессу, 11-ème session à Moscou. Congrès International d'archéologie préhistorique et anthropologie. T. I, p. 121.

7. Sur les restes de l'époque néolithique, trouvés dans le gouvern. d'Yenisseisk, sur la rive de l'Yenissei près des embuchures de la Bazaicha et du Tchadobets sur la rive d'Angara. Докладъ Международному Конгрессу 1892 г., бывшему въ Москвѣ. Оттискъ изъ т. II Трудовъ Конгресса.

8. Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ. Москва, 1896 г. Съ фотографіями и рисунками.

9. Къ вопросу объ эволюціи шахматной игры. Сравнительно-этнографическій очеркъ. Оттискъ изъ LXIV кн. «Этнографическаго Обозрѣнія».

10. Описаніе черепа собаки древне-абаканской породы. Оттискъ статьи изъ «Извѣстій» В.-С. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1907 г.

11. Описаніе нѣкоторыхъ каменныхъ орудій Енисейскаго Музея. Статья, переданная Москов. Арх. Общ., но пока не напечатанная.

12. О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ. Москва, 1910. Оттискъ I т. Трудовъ XIV Черниговскаго Археологическаго Съѣзда.

13. Религіозныя и магическія основы устройствъ шаманскихъ бубенъ инородцевъ Минусинскаго округа. Археолого-этнографическій очеркъ. Статья представлена Импер. Москов. Археологич. Обществу.

14. Объ археологическихъ изысканіяхъ на Волгѣ въ 1913 г. Годичный Отчетъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго за 1913 г.

15. Описаніе палеолитическихъ орудій и другихъ памятниковъ древней техники, добытыхъ на склонахъ Афонтовой горы въ окрестностяхъ Красноярска. Статья, представленная Музею Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго въ 1914 г.

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ
и ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТЕКА
№
Академии Наук СССР

ИЛЬЯ ГАВРИЛОВИЧЪ ВОЗНЕСЕНСКІЙ.

1816 — 1871.

(Съ фотографіи 1866 г.).

А. А. Евдокимовъ и Ко., Петроградъ.

Музей Антропологии и Этнографии
Библиотека
№
Академии Наук СССР

К. К. Гильзенъ.

Илья Гавриловичъ Вознесенскій.

Къ столѣтію дня его рожденія.

(1816—1871 гг.).

Очеркъ жизни и дѣятельности старѣйшаго сотрудника академическихъ музеевъ [1].

Отдѣлъ Сѣверо-Западной Америки Музея Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ, выдающійся своими богатыми коллекціями чрезвычайно рѣдкихъ этнографическихъ предметовъ, неразрывно связанъ съ именемъ Ильи Гавриловича Вознесенскаго, который неу-

---

[1] При составленіи означенной статьи я пользовался нижеслѣдующими источниками: 1) *Dr. Brandt.* Bericht über die Reise des Präparanten des Zoologischen Museums Wosnessenski, aus brieflichen Mittheilungen an den Akademiker Dr. Brandt. Bull. Scientifique publié par l'Académie Impérial des Sciences de St.-Pétersbourg. T. VII—1840, стлб. 365—367.—2) *Dr. Brandt.* Acquisitions du Musée zoologique, dues au voyage du préparateur Vosnessensky; rapport de M. Brandt (на нѣм. яз.). Bull. de la Classe Phys-Math. de l'Acad. Imp. des Sciences. T. V—1847, стлб. 383—384.—3) *Очеркъ исторіи музеевъ Имп. Акад. Наукъ.* 1865. Составленъ: по Зоологическому Музею — Ѳ. Ѳ. Брандтомъ, по Ботаническому — Ф. И. Рупрехтомъ и по Минералогическому—А. Ф. Гебелемъ.—4) *А. Штраухъ.* Зоологическій Музей Императорской Академіи Наукъ. Пятидесятилѣтіе его существованія. Прил. къ тому LXI Записокъ Имп. Академ. Наукъ № 3—1889 г.—5) *И. П. Бородинъ.* Коллекторы и коллекціи по флорѣ Сибири. Спб. 1908.—6) *Д. И. Литвиновъ.* Библіографія флоры Сибири. Спб. 1909.—7) *Дѣло* Комитета Правленія Имп. Акад. Наукъ о прохожденіи службы хранителя Зоологическаго Музея, губернскаго секретаря Вознесенскаго отъ 1839 г.—8) *Протоколы* Конференціи Имп. Академіи Наукъ (рукоп. на франц. языкѣ) за 1839, 1840, 1842—1850 гг.—9) Различныя бумаги, хранящіяся въ архивѣ Конференціи Имп. Акад. Наукъ и касающіяся И. Г. Вознесенскаго (Отдѣлъ Personalia).—10) Фотографическая карточка И. Г. Вознесенскаго съ его подписью и отмѣткою «1866 г.», принадлежащая его сослуживцу П. А. Перщетскому. — 11) Собраніе собственноручныхъ карандашныхъ и акварельныхъ рисунковъ И. Г. Вознесенскаго, хранящееся въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи при Имп. Академіи Наукъ.

Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ выразить П. А. Перщетскому свою благодарность за ту любезность, съ которою онъ подѣлился со мною своими воспоминаніями объ И. Г. Вознесенскомъ, и за предоставленіе мнѣ его фотографической карточки, здѣсь воспроизведенной. Кромѣ того, не могу не упомянуть о тѣхъ цѣнныхъ для меня указаніяхъ со стороны Б. Л. Модзалевскаго, которыя дали мнѣ возможность использовать довольно значительный матеріалъ по біографіи И. Г. Вознесенскаго.

томимо и съ полнымъ пониманіемъ дѣла, въ продолженіе десяти лѣтъ, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, собиралъ эти коллекціи среди жителей нашихъ бывшихъ сѣверо-американскихъ владѣній — эскимосовъ, алеутовъ и индѣйцевъ разныхъ племенъ. Своими коллекціями онъ создалъ въ Музеѣ драгоцѣнный памятникъ нынѣ уже почти исчезнувшей культуры народностей этихъ колоній, уступленныхъ русскимъ правительствомъ въ 1867 г. Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки.

Въ настоящее время въ Музеѣ готовится къ печати спеціальная работа, посвященная разработкѣ собранія предметовъ, вывезенныхъ изъ С.-З. Америки, главнымъ образомъ И. Г. Вознесенскимъ. Къ юбилейному году столѣтія со дня его рожденія будетъ, наконецъ, воздана должная дань его заслугамъ передъ этнографической наукой вообще и нашимъ Музеемъ въ частности.

Но своеобразная личность И. Г., жизнь его и общая научная дѣятельность этого рѣдкаго труженика, которому въ одинаковой мѣрѣ столь многимъ обязаны всѣ музеи Академіи Наукъ, представляетъ самостоятельный выдающійся интересъ.

Пусть этотъ краткій очеркъ жизни, дѣятельности и трудовъ И. Г. на пользу науки воскреситъ передъ нами, наканунѣ столѣтняго юбилея со дня его рожденія, замѣчательную личность И. Г. и напомнитъ намъ о его выдающихся заслугахъ передъ всѣми музеями Академіи Наукъ.

И. Г. Вознесенскій родился въ С.-Петербургѣ, 19-го іюля 1816 года. Сынъ отставного унтеръ-офицера, инвалида Академіи Наукъ, онъ, по словамъ академика А. А. Штрауха, «получилъ, соотвѣтственно общественному положенію родителей, самое элементарное образованіе».

Въ 1821 году, т. е. пяти лѣтъ отъ роду, Вознесенскій былъ опредѣленъ наборнымъ ученикомъ въ Типографію Академіи Наукъ, а въ 1827 году, въ виду проявившихся у него наклонностей къ занятіямъ естественными науками, перемѣщенъ, съ разрѣшенія Президента Академіи Наукъ, ученикомъ въ Зоологическій Музей.

Такимъ образомъ, Вознесенскій уже мальчикомъ одиннадцати лѣтъ попадаетъ въ то учрежденіе, въ которомъ онъ прослужилъ всю свою жизнь, до послѣдняго дня.

Въ Зоологическомъ Музеѣ Вознесенскій былъ отданъ въ ученики къ тогдашнему консерватору при Кунсткамерѣ Э. П. Менетріе, котораго онъ сопровождалъ въ 1829—1830 годахъ въ экспедицію на Кавказъ и въ путешествіе К. А. Мейера и Менетріе въ Закавказскій край—къ берегамъ Каспійскаго моря.

Тутъ Вознесенскій впервые проявилъ необыкновенныя усердіе и способности; такъ, по неоднократнымъ позднѣйшимъ сообщеніямъ Ме-

петріе, Вознесенскій не только собралъ громадное количество предметовъ, особенно насѣкомыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ академика Штрауха, произвелъ предварительную сортировку ихъ, частью по отрядамъ, частью же даже по родамъ.

За эту командировку академикъ А. Купферъ, который стоялъ во главѣ экспедиціи, выхлопоталъ Вознесенскому, въ 1831 году, первое его жалованье. Съ этой цѣлью А. Купферъ обратился 13 ноября 1831 г. въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ съ представленіемъ, въ которомъ, между прочимъ, сообщалъ слѣдующее: «Въ уваженіи того, что означенный Илья, Гавриловъ сынъ, Вознесенскій служилъ съ усердіемъ и исправностью въ теченіе всего времени и что онъ старался, сколько отъ него лично зависитъ, содѣйствовать успѣху нашего предпріятія, то я, согласившись предварительно съ г. Менетріе, прошу Комитетъ Правленія Импер. Академіи Наукъ наградить означеннаго Илью Вознесенскаго назначеніемъ ему жалованья, соотвѣтственнаго занимаемой имъ должности».

По возвращеніи изъ командировки, Вознесенскій поступилъ въ ученики къ консерватору Шрадеру и, благодаря своему рвенію и способностямъ, въ 1834 г. получилъ мѣсто помощника препаратора съ жалованьемъ въ 400 руб. ассиги.

31 мая 1839 г. академики Ѳ. Ѳ. Брандтъ, К. А. Триніусъ и Г. П. Бонгардъ представили въ Конференцію Имп. Академіи Наукъ докладъ о желательности командированія натуралиста въ русскія колоніи С.-З. Америки, который бы собралъ коллекціи для Зоологическаго и Ботаническаго Музеевъ Академіи Наукъ.

Для этой цѣли Ѳ. Ѳ. Брандтъ предложилъ командировать помощника препаратора И. Г. Вознесенскаго, который, по его отзыву, вполнѣ подходящій для этого человѣкъ, причемъ полагалъ, что трехлѣтняго пребыванія его въ колоніяхъ будетъ достаточно для снабженія музеевъ большимъ количествомъ экземпляровъ разныхъ видовъ животныхъ и растеній, наиболѣе замѣчательныхъ для намѣченныхъ къ изслѣдованію странъ.

Въ засѣданіи Конференціи 2 августа того же года было окончательно рѣшено командировать И. Г. Вознесенскаго на средства Зоологическаго и Ботаническаго Музеевъ[1], причемъ выяснилось, что Главное Управленіе Русско-Американской Компаніи предоставляетъ Вознесенскому пользо-

[1] На все время командировки Вознесенскому былъ назначенъ двойной окладъ жалованья, т. е. 1.600 руб., и, сверхъ того, до 1.200 руб. въ годъ на пріобрѣтеніе различныхъ предметовъ; какъ эта послѣдняя сумма, такъ и дополнительное жалованье Вознесенскаго, всего 2.000 руб., были отнесены на счетъ штатныхъ суммъ сначала Зоологическаго и Ботаническаго музеевъ, а впослѣдствіи и на счетъ Этнографическаго Музея.

ваться безвозмездно судами названной Компаніи во все время его командировки. Конференція, между прочимъ, рѣшила воспользоваться поѣздкой Вознесенскаго для обогащенія коллекціями также и Этнографическаго Музея, для чего поручила хранителю при «Этнографическомъ Музеѣ и Кабинетѣ искусственныхъ вещей» Академіи Наукъ, Е. И. Шрадеру, снабдить путешественника подробной инструкціей для собиранія этнографическихъ коллекцій, посовѣтовавшись предварительно по этому поводу съ А. Ф. Постельсомъ.

Инструкція для собиранія зоологической коллекціи была составлена Ѳ. Ѳ. Брандтомъ, а для ботаническихъ—академиками Г. П. Бонгардомъ и Ф. Е. Фишеромъ, тогдашнимъ директоромъ Имп. Ботаническаго Сада.

20 августа, т. е. черезъ 18 дней, Вознесенскій уже былъ на кораблѣ «Николай», принадлежавшемъ Русско-Американской Компаніи, и отправился въ дальнее плаваніе—къ мѣсту своего назначенія—въ Сѣверо-Западную Америку.

Первыя извѣстія отъ Вознесенскаго были получены Ѳ. Ѳ. Брандтомъ почти черезъ годъ. Изъ письма Вознесенскаго видно, что онъ, послѣ обычныхъ остановокъ въ Копенгагенѣ и въ Портсмутѣ, со 2-го октября продолжалъ свое путешествіе безъ перерывовъ до береговъ Бразиліи. 29 ноября корабль его достигъ Санта Круцъ, гдѣ продолжался еще періодъ дождей. Развившаяся вслѣдствіе обильно выпавшей влаги роскошная растительность Бразиліи произвела на нашего путешественника глубокое впечатлѣніе. Здѣсь онъ оставался болѣе трехъ недѣль, такъ какъ представители Русско-Американской Компаніи были заняты въ это время покупкой новаго корабля для потребностей колоній. Въ продолженіе этой невольной остановки Вознесенскій предпринялъ небольшія экскурсіи въ окрестности названнаго города для собиранія коллекцій.

24 декабря корабль «Николай» продолжалъ свой путь; 16 января 1840 года онъ обогнулъ мысъ Горнъ, 2 февраля достигъ скалистыхъ береговъ Чили и въ гавани Вальпарайзо бросилъ якорь. На третій день по прибытіи въ этотъ городъ Вознесенскій, въ сопровожденіи двухъ своихъ спутниковъ — д-ра Сальберга и пастора Цигнеуса, предпринялъ десятидневную экскурсію въ окрестности г. Вальпарайзо. Дивная погода благопріятствовала поѣздкѣ, вслѣдствіе чего Вознесенскому удалось собрать большой научный матеріалъ. 22 февраля того же года корабль «Николай» покинулъ берега Южной Америки и безъ остановокъ, подъ парусами, направился къ русскимъ владѣніямъ въ С.-З. Америкѣ—въ Ново-Архангельскъ, на островѣ Ситхѣ, куда прибылъ 1 мая.

Изъ слѣдующихъ писемъ Вознесенскаго къ Ѳ. Ѳ. Брандту мы узнаемъ, что въ Ново-Архангельскѣ онъ встрѣтилъ радушный пріемъ со

стороны бывшаго Правителя колоній, капитана 1-го ранга И. А. Куприянова, предоставившаго въ его распоряженіе нѣсколько человѣкъ изъ молодыхъ туземцевъ-креоловъ, которые, научившись необходимымъ пріемамъ для собиранія коллекцій и препарированія шкурокъ животныхъ, могли бы служить помощниками въ предстоявшихъ ему работахъ. Вскорѣ послѣ этого Вознесенскій предпринялъ свои поѣздки по русскимъ владѣніямъ въ С.-З. Америкѣ, начавъ съ колоніи Россъ.

Съ этого времени, какъ это видно изъ докладовъ въ Конференціи Академіи Наукъ, начали прибывать отъ Вознесенскаго многочисленныя посылки, заключавшія въ себѣ громадныя коллекціи для Зоологическаго, Ботаническаго, Минералогическаго и Этнографическаго Музеевъ Академіи Наукъ.

Въ 1843 г. Ѳ. Ѳ. Брандтъ сообщилъ Конференціи, что срокъ командировки Вознесенскаго уже истекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, въ виду поразительныхъ результатовъ, полученныхъ за это время Вознесенскимъ, продлить срокъ его командировки, чтобы дать ему возможность посѣтить еще Камчатку и Курильскіе острова. Академія Наукъ на это согласилась и впослѣдствіи еще два раза продолжила Вознесенскому срокъ его командировки.

Въ 1848 г., въ засѣданіи Конференціи 9 іюня, акад. Брандтъ доложилъ, что уже болѣе года нѣтъ никакихъ извѣстій отъ Вознесенскаго и что это его очень безпокоитъ, а въ засѣданіи 11 августа тотъ же академикъ сообщилъ, что получилъ, наконецъ, отъ Вознесенскаго письмо, помѣченное 17 ноября 1847 года. Въ этомъ письмѣ Вознесенскій увѣдомляетъ, что, въ виду неимовѣрныхъ затрудненій въ передвиженіяхъ по Камчатскому краю, онъ былъ вынужденъ отложить свой отъѣздъ до начала будущаго года, чтобы, воспользовавшись представляющимся случаемъ переправиться изъ Петропавловска въ Охотскъ или въ Аянъ, вернуться въ С.-Петербургъ до конца того же года.

Въ позднѣйшемъ своемъ письмѣ, отъ 12 іюня 1848 г., Вознесенскій извѣщаетъ Ѳ. Ѳ. Брандта, что вслѣдствіе утомленія, вызваннаго послѣдними поѣздками по Камчаткѣ, здоровье его сильно разстроилось и что врачи запретили ему возвращаться въ С.-Петербургъ черезъ Охотскъ и далѣе сухимъ путемъ, ссылаясь на нездоровый климатъ и на то обстоятельство, что его поврежденныя легкія могли бы не выдержать утомленія при продолжительной ѣздѣ на лошадяхъ отъ Охотска. Такимъ образомъ, ему не оставалось ничего другого, какъ согласиться на предложеніе камчатскаго губернатора—переправиться на суднѣ Русско-Американской Компаніи на Ситху и оттуда уже воспользоваться кораблемъ той же Компаніи для того, чтобы моремъ вернуться на родину. Врачи высказали надежду,

что при этихъ условіяхъ, пользуясь во время долговременной поѣздки полнымъ отдыхомъ и здоровымъ морскимъ воздухомъ, онъ возстановитъ свое разстроенное здоровье.

13 сентября 1848 г. И. Г. выѣхалъ изъ Петропавловска, а 30-го того же мѣсяца, послѣ болѣе чѣмъ 8-лѣтняго пребыванія въ Сѣверо-Западной Америкѣ, на Камчаткѣ и на близлежащихъ къ нимъ островахъ, онъ отправился на кораблѣ Атхѣ обратно въ С.-Петербургъ.

Послѣднее письмо И. Г. было отъ 1 декабря изъ порта Гонолулу, на островѣ Оаху (въ группѣ Сандвичевыхъ о-вовъ); въ немъ онъ сообщаетъ, что везетъ съ собою многочисленные ящики съ собранными имъ за послѣднее время коллекціями, и проситъ распорядиться, чтобы таможенный осмотръ ихъ былъ произведенъ не въ Кронштадтѣ, а въ С.-Петербургѣ.

Вернулся Вознесенскій 23 іюня 1849 г., пробывъ въ своей командировкѣ ровно десять лѣтъ (1839—1849 г.). Для того чтобы дать полную картину того района, въ которомъ Вознесенскій производилъ свои изслѣдованія, а также чтобы представить маршрутъ его многочисленныхъ разъѣздовъ во все время командировки, я приведу цѣликомъ отчетъ самого И. Г., представленный имъ акад. Брандту, по возвращеніи изъ путешествія, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ впослѣдствіи былъ напечатанъ въ работѣ Д. И. Литвинова: «Библіографія флоры Сибири».

«Откомандированный Зоологическимъ музеемъ Императорской Академіи Наукъ для изслѣдованія и собиранія естественныхъ произведеній природы въ русскихъ американскихъ владѣніяхъ, отправился я въ путь изъ Кронштадта вокругъ свѣта на кораблѣ «Николай» 20 августа 1839 г. Во время этого плаванія посѣщены были берега Бразиліи (Ріо-Жанейро) и Чили (Вальпарайзо). 1 мая 1840 года я прибылъ къ острову Ситхѣ. По кратковременномъ пребываніи, я отплылъ изъ Ново-Архангельска 7 іюля къ берегамъ Новаго Альбіона, куда прибылъ 20 числа того же мѣсяца въ селеніе Россъ. По сѣверной Калифорніи путешествіе мое продолжалось до 5 сентября 1841 г. Съ уничтоженіемъ русскихъ заселеній въ Калифорніи, я воротился въ Ситху 4 октября того же года. Ноября 23 я предпринялъ морское путешествіе въ южную Калифорнію, посѣтивъ окрестности Лоретто, портъ Эскондадо и островъ Кармелъ, возвратился обратно въ Ново-Архангельскъ 19 марта 1842 г. Съ наступленіемъ лѣта, изъ Ситхи я поплылъ въ Кадьякъ и отсюда въ Кенайскій заливъ. Проэимовавъ на островѣ Кадьякѣ, въ мартѣ 1843 г. я пошелъ опять въ Ситху. Въ началѣ мая отправился въ путь по отдѣламъ сѣвернымъ (разумѣются отдѣлы Сѣверо-Американской Компаніи); въ продолженіе этого плаванія я былъ на островѣ Унгѣ (въ группѣ Шумагинскихъ), Уналашкѣ и на островахъ, лежащихъ въ Беринговомъ морѣ, именно: Св. Георгія, Св. Павла и Св. Лаврентія;

потомъ въ Михайловскомъ редутѣ (островъ Стефенсъ) въ Нортонъ-Зундѣ. Отсюда прошелъ черезъ Беринговъ проливъ въ Ледовитое море до Зунда-Коцебу, куда внутрь нельзя было проникнуть, за встрѣтившимся сплошнымъ льдомъ (11—12 іюля). Обозрѣвъ мысъ Эспенбергъ, я переплылъ отсюда на сѣверо-восточный берегъ Азіи, къ чукчамъ въ Мечигменскій заливъ, откуда вторично заходилъ въ Нортонъ-Зундъ и потомъ, на возвратномъ плаваніи, посѣтилъ еще острова: Прибылова, Уналашку (с. Иллюлюкъ) и пришелъ въ Ситху 11 октября. Проведя зиму въ Ново-Архангельскѣ, въ слѣдующую весну 1844 года я предпринялъ путешествіе съ 25 апрѣля къ Курильской группѣ (острововъ). Острова Урупъ, Симусаръ, Парамуширъ и Шумшу были предметомъ моихъ изысканій. Іюля 6-го я оставилъ Курильскіе острова и 17 числа того же мѣсяца прибылъ въ Петропавловскій портъ (на Камчаткѣ), а 25-го, пересѣвъ на другое судно, пошелъ къ Алеутской грядѣ и на этомъ протяженіи я собиралъ естественныя произведенія острововъ: Беринга, Атте (Адреяновскій), Атап и, вторично, на Прибыловскихъ: Св. Георгія и Павла. Возвратился въ Ситху 29 сентября черезъ Уналашскій проливъ. Конецъ осени я провелъ въ Колошенскихъ проливахъ и зиму въ Ново-Архангельскомъ портѣ. Съ 16 мая 1845 г. кончилось мое путешествіе по Сѣверо-американскимъ колоніямъ. Переплывъ Тихій океанъ и Охотское море, 29 іюня увидѣлъ я Охотскъ и, послѣ кратковременнаго въ немъ пребыванія, мнѣ представился случай переселиться въ портъ Аянъ, а съ 13 іюля (1845 года) по 31 іюля 1846 г. прокочевалъ я на берегахъ Восточной Сибири. Послѣ того отправленъ былъ отъ Академіи для изслѣдованія полуострова Камчатки. Ушелъ туда на транспортномъ камчатскомъ суднѣ и прибылъ въ Петропавловскій портъ 14 августа. Кратковременное лѣто этого края заставило меня странствовать по Камчаткѣ зимою. Экскурсіи мои начались (30 августа) съ Камчатскаго Носа, потомъ вдоль по восточному берегу Камчатки до Караги. Съ наступленіемъ 1847 г. я отправился изъ Нижне-Камчатска въ Петропавловскій портъ, а отсюда поѣхалъ на западный берегъ Камчатки черезъ Большерѣцкъ, сначала пробрался въ сѣверную сторону до рѣки Олуковины, а потомъ поворотилъ къ югу и пошелъ на Лопатку. (Изъ другихъ бумагъ Вознесенскаго видно, что лѣтомъ этого года онъ, возвращаясь съ р. Олуковины, черезъ Большерѣцкъ заѣзжалъ въ Петропавловскъ, гдѣ провелъ время съ 3 іюня по 2 августа, а потомъ опять проѣхалъ въ Большерѣцкъ, направляясь въ осеннюю экспедицію на Лопатку—южную оконечность полуострова). Возвращаясь въ глубокую уже осень съ Лопатки, я направился къ верховьямъ р. Камчатки и оттуда проѣхалъ въ Ключевское, затѣмъ перешелъ черезъ горы Тигильскаго хребта, достигъ крѣпости Тигиль и изъ Тигиля къ устью Пенжинской губы до р. Лѣсной.

Въ юртахъ кочующихъ коряковъ засталъ меня 1848 годъ. Отсюда я опять перешелъ черезъ горы, спустившись на Дранкинское селеніе, и поѣхалъ Укинскимъ берегомъ въ Нижне-Камчатское. Съ наступленіемъ весеннихъ мѣсяцевъ экскурсіи мои продолжались еще въ разныхъ частяхъ Камчатки до 15 августа. Къ этому времени я поспѣшилъ въ Петропавловскій портъ и сталъ готовиться къ отъѣзду въ Кронштадтъ. Сентября 13-го 1848 года вышелъ изъ Петропавловска и прибылъ въ С.-Петербургъ 23 іюня 1849 г., посѣтивъ на обратномъ пути острова Ситху, Сандвичевы, Оагу и Ріо-Жанейро».

Приведенныя выше слова въ скобкахъ принадлежатъ Д. И. Литвинову. Относительно лѣтнихъ экскурсій на Камчаткѣ въ 1848 г.,—добавляетъ Литвиновъ,—нѣтъ здѣсь никакихъ подробностей, изъ другихъ же бумагъ, по его словамъ, видно, что съ 10 апрѣля по 18 іюля Вознесенскій находился въ Петропавловскѣ, а съ 18 іюля по 5 августа имъ была предпринята поѣздка изъ Петропавловска до с. Малки и обратно, черезъ Холзанскія горы и Начикинское[1].

Общую характеристику путешествія Вознесенскаго и оцѣнку результатовъ, достигнутыхъ имъ за все время командировки, мы находимъ въ протоколахъ Конференціи Академіи Наукъ, въ бумагахъ, находящихся при дѣлѣ о его службѣ, а также въ нѣкоторыхъ печатныхъ сочиненіяхъ объ академическихъ музеяхъ.

Въ 1851 г. вице-президентъ Академіи Наукъ кн. М. А. Дондуковъ-Корсаковъ писалъ Министру Народнаго Просвѣщенія по поводу представленія Вознесенскаго къ Высочайшей наградѣ, между прочимъ, слѣдующее:

«Конференція Академіи Наукъ свидѣтельствуетъ, что многотрудное порученіе послѣдней экспедиціи исполнилъ Вознесенскій съ самоотверженіемъ и совершеннымъ успѣхомъ.

«Ученые плоды этой замѣчательной экспедиціи богатствомъ, разнообразіемъ и важностью превзошли всѣ ожиданія Академіи. Собранные имъ предметы изъ трехъ царствъ природы и по части этнографіи заключались въ 150 ящикахъ, доставившихъ богатѣйшій матеріалъ нашимъ ученымъ естествоиспытателямъ. Множество новыхъ видовъ и животныхъ и растеній уже описаны; число ихъ дойдетъ до 400 и болѣе. Горнокаменныя породы, поступившія въ Минералогическій музеумъ, дали возможность консерватору Академіи К. И. Гревингу въ 1850 г. издать орографическій и геогностическій очеркъ сѣверо-западнаго берега Америки и сосѣднихъ съ оными

[1] В. Л. Біанки, обработавъ коллекцію шкурокъ птицъ, собранную Вознесенскимъ въ Камчаткѣ, составилъ по этикеткамъ подробный изо дня въ день маршрутъ его путешествія въ этомъ краѣ. Работа эта приготовлена къ печати.

островами. Кромѣ этой матеріальной пользы, принесенной Вознесенскимъ Академіи, особенно заслуживаютъ вниманія собранныя имъ многочисленныя замѣтки и большой запасъ вѣрныхъ рисунковъ. Сверхъ этого онъ обучалъ искусству препарированія многихъ лицъ, проживающихъ въ тѣхъ краяхъ, которыя продолжаютъ нынѣ, по его наставленіямъ, собирать для Академіи естественныя произведенія.

«Столь рѣдкій примѣръ самобытнаго дарованія и добросовѣстнаго исполненія обязанностей и столь вещественная польза, принесенная десятилѣтнимъ путешествіемъ Вознесенскаго, подвергавшаго жизнь свою, изъ любви къ наукѣ, безпрерывной опасности и разстроившаго свое здоровье, вынуждаетъ меня представить о заслугахъ его Академіи на Начальническое вниманіе» и пр.

Въ другой бумагѣ, написанной уже послѣ смерти Ильи Гавриловича, академикъ Брандтъ даетъ слѣдующій отзывъ о его командировкѣ. «Въ теченіе своего 9-тилѣтняго странствованія и пребыванія на нашемъ крайнемъ Востокѣ г. Вознесенскій неуклонно, съ рѣдкой энергіей преодолѣвая всѣ встрѣчавшіяся ему затрудненія и нерѣдко самъ терпя лишенія, исполнялъ возложенное на него порученіе и, благодаря его неутомимымъ трудамъ, Музеи Академіи обогатились огромными коллекціями естественныхъ и этнографическихъ предметовъ изъ нашихъ самыхъ дальнихъ странъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при большомъ запасѣ этихъ предметовъ, въ особенности зоологическихъ, часть ихъ съ большою пользою могла быть употреблена на обмѣнъ съ иностранными музеями и, такимъ образомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ дозволяла, да и теперь еще дозволяетъ, Зоологическому Музею и при мелкихъ денежныхъ средствахъ постоянно обогащаться новыми препаратами. Въ научномъ же отношеніи богатыя коллекціи, составленныя г. Вознесенскимъ, послужили матеріаломъ для новыхъ ученыхъ трудовъ гг. академиковъ Бэра, Брандта, Миддендорфа, Шренка, Штрауха, и цѣлъ зоологическаго труда о Восточной Сибири и нашихъ бывшихъ сѣверо-американскихъ колоніяхъ, въ которомъ съ благодарностью не упоминалось бы имя Вознесенскаго».

Переходя къ разсмотрѣнію въ частности тѣхъ громадныхъ и разнообразныхъ коллекцій, которыя собралъ И. Г. за все время своей командировки для академическихъ музеевъ, я долженъ отмѣтить, что онъ, какъ зоологъ по призванію, конечно, обратилъ наибольшее свое вниманіе на сборъ зоологическаго матеріала, о богатствѣ котораго мы можемъ судить на основаніи отзывовъ акад. Брандта, тогдашняго директора Зоологическаго Музея, а также по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя изложены въ работѣ акад. А. А. Штрауха: «Зоологическій Музей Импер. Академіи Наукъ. Пятидесятилѣтіе его существованія».

Акад. Брандтъ, кромѣ вышеприведеннаго отзыва о Вознесенскомъ и объ его коллекціяхъ, сообщалъ еще время отъ времени, въ продолженіе всего путешествія послѣдняго, въ засѣданіяхъ Конференціи Академіи Наукъ о тѣхъ многочисленныхъ посылкахъ, которыя получались отъ И. Г. въ Зоологическомъ Музеѣ. Въ одномъ изъ этихъ докладовъ, а именно 11 сентября 1846 г., Ѳ. Ѳ. Брандтъ, по полученіи отъ Вознесенскаго 27 ящиковъ съ зоологическими предметами, сообщилъ Конференціи, что полученныя посылки очень цѣнны, такъ какъ всѣ заключающіеся въ нихъ предметы превосходно препарированы и находятся въ отличномъ состояніи. Число полученныхъ до этого времени зоологическихъ и зоотомическихъ предметовъ, въ числѣ коихъ имѣлся полный скелетъ кита, Ѳ. Ѳ. Брандтъ опредѣляетъ отъ 5 до 6 тысячъ. Наиболѣе цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для Музея являются вновь найденные Вознесенскимъ на Беринговомъ островѣ остатки морской коровы Стеллера (Rhytina borealis Stelleri), состоящіе изъ цѣлаго черепа, перваго позвонка, кусковъ реберъ и другихъ костей названнаго животнаго.

Академикъ А. А. Штраухъ въ упомянутой выше книгѣ говоритъ по поводу результатовъ командировки Вознесенскаго, между прочимъ, слѣдующее: «Порученіе это было выполнено Вознесенскимъ самымъ блестящимъ образомъ. Богатство коллекцій, собранныхъ имъ во время девятилѣтняго пребыванія въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ и на восточномъ берегу Сибири, превосходитъ всякое вѣроятіе; при этомъ всѣ собранные предметы были образцово препарированы и сохранены, такъ что коллекціи его принадлежатъ къ разряду лучшихъ вещей, когда-либо поступавшихъ въ Музей. Не ограничиваясь однимъ только коллектированіемъ, Вознесенскій собралъ также въ дневникахъ своихъ массу наблюденій относительно образа жизни животныхъ, охоты на нихъ, перелета и гнѣздованія птицъ и проч.; къ сожалѣнію, неблагопріятныя обстоятельства помѣшали ему обработать эти цѣнныя замѣтки».

Относительно ботаническихъ коллекцій, собранныхъ Вознесенскимъ, мы находимъ нѣкоторыя указанія въ протоколахъ Конференціи Академіи Наукъ. Такъ, адъюнктъ Академіи К. А. Мейеръ въ 1843 году сообщаетъ, что Ботаническій Музей получилъ отъ Вознесенскаго посылку, содержащую въ себѣ сушеныя растенія и, между прочимъ, 21 видъ съ о-ва Ситхи и 71 видъ съ о-ва Кадьяка; кромѣ того, черезъ Загоскина, 113 видовъ въ 360 образцахъ — изъ Калифорніи. Въ 1846 г. онъ же сообщаетъ объ обогащеніи Музея новой посылкой Вознесенскаго, содержащей растенія съ о-вовъ Св. Павла, Ситхи, Уналашки, Кадьяка, а также изъ окрестностей Охотска — всего 160 видовъ въ 550 экземплярахъ. По этому же поводу мы находимъ нѣкоторыя данныя въ «Очеркѣ исторіи

Ботаническаго Музея», составленномъ акад. Ф. И. Рупрехтомъ. Тамъ на стр. 46 напечатано: «Коллекція Вознесенскаго, 1841—1846 годовъ, изъ Калифорніи, С.-З. Америки, съ Алеутскихъ и Курильскихъ о-вовъ, съ Камчатки и изъ Беринговаго моря. Морскія растенія вполнѣ обработаны въ Alg. Ochot.[1], а стволы водорослей и важнѣйшія морскія растенія изъ Калифорніи (изъ бывшей колоніи Россъ) служили мнѣ матеріаломъ для 2-хъ особыхъ мемуаровъ».

Изъ того же очерка усматривается, что въ архивѣ Ботаническаго Музея хранятся «примѣчанія Вознесенскаго къ растеніямъ, собраннымъ въ его путешествіи въ россійскихъ владѣніяхъ на Беринговомъ морѣ, въ Камчаткѣ, на о-вѣ Ситхѣ и пр.»

Акад. И. П. Бородинъ въ своей книгѣ: «Коллекторы и коллекціи по флорѣ Сибири» указываетъ, что въ Ботаническомъ Музеѣ Академіи Наукъ имѣются слѣдующія сибирскія коллекціи Вознесенскаго: 1) Восточная Сибирь, 1846 г., 2) Камчатка и окр. Аянъ, получ. 1847 г., 3) Камчатка, 1848 г., 1.060 экз., полученныхъ въ 1849 г., и 4) 16 отрубковъ деревьевъ изъ Камчатки, полученныхъ также въ 1849 г.

Наконецъ, Д. И. Литвиновъ въ «Библіографіи флоры Сибири» говоритъ, что ботаническіе сборы Вознесенскаго, цѣликомъ принадлежащіе нашему Музею, правда, не могутъ быть названы достаточно умѣлыми и полными, но, сравнительно со сборами оттуда прежнихъ коллекторовъ, все же довольно значительны. Самъ Вознесенскій считалъ, что растенія его «помѣщаются болѣе чѣмъ на 2.000 листахъ».

Для Минералогическаго Музея сборы Вознесенскаго были менѣе обильны, чѣмъ для другихъ академическихъ музеевъ.

А. Ф. Гебель, въ небольшомъ очеркѣ объ исторіи Минералогическаго Музея, отмѣчаетъ поступленія коллекцій вообще и коллекцій Вознесенскаго въ частности. Изъ этого перечня видно, что отъ него въ 1841 г. получено «геогностическое собраніе», въ 1846 г.—«окаменѣлости и горныя породы» изъ С.-З. Америки (всего 220 нумеровъ), въ 1848 г.—геогностическое собраніе съ о-ва Уруна, въ 1849 г.—350 нумеровъ съ Камчатки и, наконецъ, въ 1851 г. — еще «окаменѣлости разныхъ формацій», 185 нумеровъ.

Несмотря на сравнительно небольшой сборъ минералогической и геологической коллекцій, все же онѣ послужили для академика д-ра К. Гревинга матеріаломъ для двухъ его работъ[2].

---

[1] Авторомъ очерка, акад. Рупрехтомъ. (Вѣроятно, имѣлась въ виду его работа: Tange des Ochotskischen Meeres in A. Th. von Middendorff's. Sib. Reise. Band I. Th. 2. Lief. 2. — 1851). *К. Г.*

[2] 1) Dr. C. Grewingk. Beitrag zur Kenntniss der geognostischen Beschaffenheit Californiens.

Для Этнографическаго Музея Вознесенскій собралъ огромную коллекцію предметовъ быта и культа народностей, населяющихъ С.-З. Америку, Калифорнію, о-ва Алеутскіе и Курильскіе и восточную оконечность Азіи. Кромѣ того, для Музея онъ пріобрѣталъ предметы на остановкахъ во время пути въ С.-З. Америку и обратно (Ріо-де-Жанейро, Сандвичевы о-ва и пр.). Болѣе подробному разсмотрѣнію собранныхъ И. Г. этнографическихъ коллекцій будетъ посвящена особая статья; здѣсь же я считаю своимъ долгомъ указать, что коллекціи эти, по моему мнѣнію, представляютъ бо́льшую научную цѣнность и интересъ, чѣмъ собранныя имъ богатыя естественно-историческія коллекціи, такъ какъ послѣднія могутъ быть собраны съ тѣхъ же мѣстъ и въ настоящее время, между тѣмъ какъ большинство изъ привезенныхъ имъ этнографическихъ предметовъ теперь составляютъ или уникумы или весьма рѣдкіе экземпляры, встрѣчающіеся въ коллекціяхъ лишь очень немногихъ европейскихъ и американскихъ музеевъ. Въ особенности цѣнны коллекціи изъ С.-З. Америки, гдѣ за истекшія 70—75 лѣтъ, подъ вліяніемъ культуры, сначала русской (въ лицѣ тамошнихъ поселенцевъ), а затѣмъ и американской, постепенно сглаживались и исчезали черты самобытности у нѣкоторыхъ народовъ, населяющихъ С.-З. Америку и близлежащіе къ ней острова. Что касается количества собранныхъ Вознесенскимъ этнографическихъ предметовъ, то хотя точной цифры ихъ еще не подведено, все же можно сказать, что почти $^{3}/_{4}$ всѣхъ выставленныхъ въ Отдѣлѣ Сѣверной Америки предметовъ собраны имъ.

Когда Вознесенскій въ 1849 г. вернулся въ С.-Петербургъ, то ему, въ награду за долголѣтнюю, плодотворную работу и большія заслуги по обогащенію музеевъ, предполагалось дать мѣсто консерватора, оставшееся вакантнымъ послѣ ухода Шрадера. Но такъ какъ, по словамъ А. А. Штрауха, ни происхожденіе ни воспитаніе не давали ему права на занятіе классной должности, то онъ былъ сперва назначенъ только исправляющимъ должность консерватора и лишь въ 1852 г., по испрошеніи на это Высочайшаго разрѣшенія, былъ зачисленъ на дѣйствительную службу съ производствомъ въ чинъ коллежскаго регистратора, а въ 1853 г., за выслугу лѣтъ—въ губернскіе секретари. Въ 1858 г. Вознесенскій женился, но уже черезъ три года овдовѣлъ, причемъ на рукахъ у него осталась малолѣтняя дочь.

О дальнѣйшей дѣятельности И. Г. въ Зоологическомъ Музеѣ мы на-

---

Verh. der Russ.-Kais. Mineral. Gesellsch. zu St.-Petersburg. 1847. 2) Dr. C. Grewingk. Beitrag zur Kenntniss der orographischen und geognostischen Beschaffenheit der Nord-West-Küste Amerikas mit den anliegenden Inseln. Verh. der Russ.-Kais. Mineral. Gesellsch. zu St.-Petersburg 1848—1849.

ходимъ много интересныхъ данныхъ въ упомянутой выше книгѣ А. Штрауха, изъ которой и воспользуемся небольшими извлеченіями.

«Какъ преемникъ Шрадера, Вознесенскій сталъ исполнять тѣ же обязанности, т. е. сталъ управлять технической лабораторіей и вести списки новыхъ пріобрѣтеній, а сверхъ того ему былъ ввѣренъ еще надзоръ за всей громадной массой сырого матеріала, накопившагося въ кладовыхъ. Здѣсь Илья Гавриловичъ являлся, такъ сказать, единственнымъ хозяиномъ, потому что онъ одинъ могъ оріентироваться среди массы ящиковъ, банокъ, жестянокъ и т. п., и безъ его помощи коллекціи въ кладовыхъ были недоступны даже самому Брандту. Главнымъ образомъ его неусыпнымъ трудамъ Музей обязанъ столь удовлетворительнымъ состояніемъ чрезвычайно цѣнныхъ шкурокъ птицъ и млекопитающихъ, почти не пострадавшихъ отъ моли, несмотря на самыя жалкія приспособленія для ихъ сохраненія. Хотя обязанности Вознесенскаго почти исключительно заключались въ техническихъ и механическихъ работахъ, онъ съ теченіемъ времени пріобрѣлъ весьма порядочныя свѣдѣнія по зоологіи и особенно по части млекопитающихъ и птицъ, составляющихъ предметъ охоты, такъ что предварительное опредѣленіе и разборъ приходившихъ коллекцій обыкновенно дѣлалъ вполнѣ самостоятельно. Сверхъ того, зная нѣмецкій, а отчасти и французскій языкъ, онъ былъ въ состояніи заниматься и дѣйствительно занимался также научными опредѣленіями, особенно въ коллекціи птицъ. Но главная его спеціальность заключалась въ знаніи пушного звѣря, которое онъ пріобрѣлъ, вѣроятно, во время продолжительнаго пребыванія въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ. Среди здѣшнихъ скорняковъ и мѣховщиковъ онъ считался первостепеннымъ знатокомъ пушного товара».

Между прочимъ, по иниціативѣ И. Г. была установлена регистрація посѣтителей Зоологическаго Музея при помощи входныхъ билетовъ, что дало возможность судить о степени интереса публики къ названному Музею.

Кромѣ музейной дѣятельности, къ которой онъ относился съ рѣдкой любовью, Вознесенскій посвящалъ свои досуги самообразованію и принималъ участіе въ дѣятельности научныхъ обществъ; въ 1852 г. онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и очень гордился этимъ званіемъ, а въ 1859 г. вошелъ въ составъ членовъ-учредителей Русскаго Энтомологическаго Общества. Наконецъ, И. Г. занимался набивкой и постановкой многочисленныхъ животныхъ, убитыхъ на царскихъ охотахъ, и въ 1858 г. получилъ за эти работы отъ Императора Александра II, которому былъ лично извѣстенъ, брилліантовый перстень съ рубиномъ. Кромѣ того, въ томъ же году, въ Зимнемъ Дворцѣ, получилъ отъ Государя Императора устную благодарность за отформовку боевого коня «Лордъ», принадлежавшаго Импе-

ратору Николаю I. Послѣдней Высочайшей награды онъ былъ удостоенъ пожалованіемъ въ 1867 г. ордена Станислава 3 ст.

Въ послѣдніе годы своей жизни И. Г. сталъ похварывать и умеръ послѣ продолжительной болѣзни въ ночь съ 17-го на 18-ое мая 1871 г., 55-ти лѣтъ отъ роду. Похороненъ на Смоленскомъ Православномъ кладбищѣ. «Въ лицѣ Вознесенскаго — говоритъ А. Штраухъ — Музей понесъ тяжелую утрату. Музей лишился не только долголѣтняго, опытнаго управителя технической лабораторіи, но и вообще одного изъ дѣятельнѣйшихъ, надежнѣйшихъ работниковъ».

Вознесенскій оставилъ послѣ себя свою 13-тилѣтнюю дочь безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ какъ въ продолженіе своей жизни не могъ скопить что-либо для ея обезпеченія. Онъ жилъ весь для своего горячо любимаго Музея, работалъ, хлопоталъ и обогащалъ его, и у него не хватало времени для частнаго заработка. Но И. Г. оставилъ потомству богатое наслѣдіе въ видѣ собранныхъ имъ огромныхъ коллекцій; эти послѣднія еще долго будутъ служить неисчерпаемымъ матеріаломъ для многочисленныхъ научныхъ работъ, въ которыхъ, по выраженію Ѳ. Ѳ. Брандта, съ благодарностью будетъ упоминаться имя Ильи Гавриловича Вознесенскаго.

Пароходъ «Николай I». (Собственноручный карандашный рисунокъ И. Г. Вознесенскаго.

С. М. Широкогоровъ.

Задачи антропологіи въ Сибири.

Начало антропологическаго изученія Сибири относится къ тому времени, когда еще не существовало ни выработанныхъ пріемовъ наблюденія, ни методовъ анализа матеріаловъ. Первые путешественники по Сибири ограничивались лишь описательной характеристикой видѣнныхъ ими народностей, и только Миддендорфъ первый[1] сдѣлалъ измѣренія нѣсколькихъ народностей. Большинство путешественниковъ послѣдняго продолжали старый, описательный способъ изученія, въ лучшемъ случаѣ давая только для иллюстраціи ничтожный количественно цифровой матеріалъ; этотъ послѣдній для современной антропологіи не можетъ быть убѣдителенъ и во многихъ случаяхъ даже дастъ невѣрное понятіе о явленіяхъ, но за описательными данными въ духѣ старыхъ путешественниковъ все же остается то значеніе, какое вообще могутъ имѣть свидѣтельства талантливыхъ наблюдателей. Такую относительную для насъ цѣнность имѣютъ всѣ наблюденія, произведенныя до того момента, когда антропологическое изслѣдованіе стало на путь статистическаго метода.

Идея немногочисленныхъ расъ,—въ основѣ своей, вѣроятно, вполнѣ правильная, бывшая первой руководящей нитью для изслѣдователей и классификаторовъ,—оказалась неудовлетворительной при ближайшемъ ознакомленіи съ отдѣльными народностями вообще и сибирскими въ частности. На протяженіи ста съ небольшимъ лѣтъ создавались новыя классификаціонныя системы, общая тенденція которыхъ можетъ быть сведена къ численному увеличенію расъ, подрасъ, группъ и т. д.[2]

---

[1] Матеріалы Миддендорфа, какъ извѣстно, погибли.

[2] Такъ, напр., Вирей признавалъ 2 расы, Линней 4 расы, Блуменбахъ—5 расъ, Кювье—5 расъ и 8 подрасъ, Мюллеръ—12 группъ, Топинаръ—3 расы и 19 подрасъ, Кольманъ—6 расъ, 18 varietates, Денникеръ—13 расъ и 29 подрасъ,—наконецъ, Ивановскій—41 группу. Нетрудно предположить, что, идя дальше по этому безнадежному пути, можно будетъ получить классификаціонныхъ единицъ еще больше.

Уже первые изслѣдователи и путешественники по Сибири съ самаго начала натолкнулись на то, что такъ называемая желтая, она же и монгольская, раса соматически неоднородна. Поэтому оказалось необходимымъ изучить съ антропологической точки зрѣнія все населеніе Сибири, принявъ за единицу наблюденія этническую группу. Какъ результатъ первыхъ шаговъ антропологическаго изученія этническихъ группъ измѣнилось, во-первыхъ, старое понятіе единой расы, населяющей Сибирь, и замѣстилось болѣе мелкими подраздѣленіями; во-вторыхъ, въ опредѣленіе антропологической единицы, помимо чисто соматическаго, было вложено этнографическое и лингвистическое содержаніе[1]. Идея дать сводку движенія и исторіи народностей въ связи съ ихъ антропологической характеристикой, при условіи недостаточности и неразработанности антропологическихъ матеріаловъ, съ самыхъ первыхъ моментовъ повлекла за собой рядъ ошибокъ. а соматическая антропологія оказалась въ плѣну у лингвистики и этнографіи. Этотъ періодъ оставилъ намъ въ наслѣдство классификацію и терминологію (какъ, напримѣръ: монгольская, тюркская, угрская, тунгусская и прочія расы), отъ которыхъ антропологіи также необходимо освободиться, какъ и отъ преждевременнаго стремленія сдѣлать обобщенія на основаніи лингвистическихъ, этнографическихъ и антропологическихъ наблюденій. Широкія обобщенія—это дѣло будущаго, быть можетъ недалекаго. но пока мы должны ограничиться изученіемъ соматическихъ особенностей населенія Сибири, внѣ связи съ другими признаками, характеризующими народности, какъ этническія единицы.

Въ наслѣдство, однако, мы получили не только неудачную классификацію и терминологію, но также рядъ цѣнныхъ указаній и глубокихъ мыслей, которыми мы пользуемся до сихъ поръ, а также и конечную цѣль антропологическаго изслѣдованія,—слить результаты его съ выводами лингвистики и этнографіи. Кромѣ того, антропологія остановилась на принятой этнической единицѣ изслѣдованія, основанной на лингвистическомъ признакѣ. Въ этомъ направленіи должны производиться и будущія изслѣдованія, такъ какъ въ настоящее время нѣтъ никакого другого удовлетворительнаго метода, который могъ бы замѣнить принятую для изслѣдованія группировку народностей[2], и, что не менѣе важно, всѣ произведенныя до сихъ поръ антропологическія изслѣдованія были обращены на изученіе группъ, классифицированныхъ лингвистически.

Антропологическое изученіе Сибири далеко не всюду было равномѣрно.

---

[1] Въ данномъ случаѣ оказали свое вліяніе идеи Фр. Мюллера (классификація по языкамъ и соматическимъ признакамъ) и вообще того направленія антропологіи, которое стремилось дать антропологическую классификацію народовъ, основываясь одновременно на соматическихъ, лингвистическихъ и этнографическихъ признакахъ.

[2] Въ дальнѣйшемъ я коснусь вопроса о географическомъ методѣ.

Большая часть имѣющихся матеріаловъ носитъ въ сильной степени случайный характеръ, и только въ послѣдніе годы, съ развитіемъ научныхъ обществъ и учрежденій, начинаетъ проявляться нѣкоторая планомѣрность. Но даже и въ этотъ послѣдній періодъ антропологическія изслѣдованія не окончательно еще утеряли свой безсистемный характеръ. Здѣсь я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, отсутствіе согласованности въ пріемахъ наблюденій и методахъ обработки матеріаловъ.

Изъ сущности статистическаго метода въ приложеніи его къ антропологіи слѣдуетъ, что сравненія матеріаловъ возможно дѣлать только при условіи единства обозначеній, способовъ измѣреній и нѣкотораго минимальнаго количества послѣднихъ на индивидуумѣ. Этотъ выводъ и слѣдствія изъ него, несмотря на всю ихъ элементарность, получили окончательное признаніе только въ 1912 году въ работахъ Международной Комиссіи въ Женевѣ[1]. Нельзя, конечно, считать программу, выработанную Международной Комиссіей, окончательной и безусловно обязательной, но можно выразить пожеланіе, чтобы всѣ послѣдующія работы производились въ соотвѣтствіи съ указанной программой. Къ работамъ же ранѣе произведеннымъ, при оцѣнкѣ ихъ, какъ сравнительнаго матеріала, мы должны примѣнить тотъ же критеріумъ, какой примѣняется вообще при сводкѣ статистическаго матеріала.

Имѣющійся антропологическій матеріалъ необходимо разсматривать въ отношеніи: 1) программы измѣреній и 2) количества измѣренныхъ индивидуумовъ данной народности или части ея. Въ свою очередь, программа измѣреній слагается изъ количества измѣреній на индивидуумѣ и способа измѣренія (точки). Нѣкоторые авторы брали весьма ограниченное число измѣреній на индивидуумѣ — 4—5, а другіе до 40 и болѣе. Подборъ признаковъ у различныхъ авторовъ бываетъ также различенъ: вниманіе одного автора занято преимущественно головой и лицомъ, другіе же авторы переносятъ главное вниманіе на конечности. Напримѣръ, Sommier бралъ только ростъ и головной указатель; Горощенко, при измѣреніи енисейскихъ народностей, опустилъ измѣренія конечностей; И. И. Майновъ, при измѣреніи тунгусовъ, опустилъ измѣренія носа, анатомическую длину лица; Д. Л. Іохельсонъ-Бродская брала 39 измѣреній. Подобное расхожденіе привело къ тому, что нѣкоторые признаки оказываются несравнимыми у народностей, уже посѣщенныхъ изслѣдователями. Тѣ же самыя препятствія являются при выборѣ сравнительнаго матеріала, вслѣдствіе несогласованности изслѣдованій по вопросу о точкахъ. Такъ, напримѣръ, измѣренія анатомической длины лица отъ naison, измѣренія высоты головы и др.

[1] Русс. Антр. Журналъ. кн. XXXV—XXXVI, 1913 г. №№ 3—4. стр. 11 и Revue anthropologique № 7—8, juillet-août, 1913. pp. 281 et suiv.

1047

установлены совсѣмъ недавно, и матеріалы, собранные по другимъ программамъ, въ этихъ признакахъ оказываются несравнимыми.

Вопросъ о количествѣ измѣреній на индивидуумѣ въ Сибири весьма осложненъ условіями жизни населяющихъ ее народностей. Только въ исключительно благопріятныхъ случаяхъ оказывается возможнымъ дѣлать измѣренія на голыхъ индивидуумахъ, что лишаетъ изслѣдованіе желательной полноты [1]; кромѣ того, слишкомъ детальное измѣреніе утомляетъ изслѣдуемыхъ, а выигрышъ въ количествѣ измѣреній на индивидуумѣ нерѣдко влечетъ за собой проигрышъ на количествѣ измѣренныхъ. Всѣ, кому приходилось въ Сибири заниматься антропометріей, хорошо знаютъ, какое значеніе для количества индивидуумовъ имѣетъ быстрота работы надъ однимъ индивидуумомъ.

Minimum измѣреній на индивидуумѣ, принятый программой Комиссіи, въ особыхъ условіяхъ работы въ Сибири, конечно, можетъ еще сократиться, но сокращеніе это не должно быть подчинено никакимъ соображеніямъ, кромѣ техническихъ. Я полагаю, что такимъ сокращеннымъ minimum'омъ, не считая описательныхъ признаковъ, могутъ быть слѣдующія измѣренія: ростъ; верхняя конечность (4), нижняя конечность (4); высота яремной вырѣзки, ростъ сидя; длина, ширина и высота головы; ширина лица, нижней челюсти и лба, анатомическая и физіономическая длины лица, длина и ширина носа и уха, внутреннее и внѣшнее межглазничныя разстоянія.

Такимъ образомъ, при пользованіи уже существующими матеріалами, вслѣдствіе программныхъ расхожденій (количества измѣреній на индивидуумѣ и точки), намъ придется себя значительно ограничить, такъ какъ матеріалами, достаточными для сравненія, можно считать только такіе, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, есть данныя относительно роста и измѣреній головы и конечностей въ количествѣ не менѣе половины перечисленныхъ признаковъ. Весьма возможно, что только нѣкоторые признаки окажутся использованными въ качествѣ основы для характеристики отдѣльныхъ антропологическихъ типовъ, но такъ какъ классификаціонная цѣнность различныхъ признаковъ можетъ быть установлена лишь въ будущемъ, то ограничивать себя въ выборѣ признаковъ по соображеніямъ теоретическаго характера нельзя, и количество изслѣдуемыхъ признаковъ должно быть возможно больше.

Значительно сложнѣе оказывается вопросъ о необходимомъ минимальномъ количествѣ измѣренныхъ индивидуумовъ. Въ этомъ отношеніи положительно не существуетъ какого-нибудь опредѣленнаго мнѣнія. Есть не-

[1] Далеко не всегда удается измѣрить длину ноги, высоту щиколотки и др., не говоря уже о такихъ измѣреніяхъ, какъ высота simphisis pubis, пупка и т. п.

мало работъ, базирующихъ свои выводы на серіяхъ въ 20—30 и меньше индивидуумовъ, а Мацѣевскій и Поярковъ даже опредѣленно остановились на серіяхъ въ 30 индивидуумовъ (дунгане, калмыки, киргизы и пр.), въ то время какъ другіе авторы дали матеріалъ, превышающій практическую потребность, — примѣняя принципъ: «чѣмъ больше, тѣмъ лучше», какъ это сдѣлалъ Талько-Грынцевичъ, измѣривъ 408 селенгинскихъ бурятъ.

Антропологія въ той своей части, которая изучаетъ соматическіе признаки народностей, — какъ наука, оперирующая статистическимъ методомъ, — должна при оцѣнкѣ всякаго матеріала примѣнять статистическіе же методы.

Теорія статистики даетъ нѣкоторыя основанія для сужденія о томъ минимальномъ количествѣ измѣренныхъ индивидуумовъ, при которомъ возможно пользоваться средними ариѳметическими, интересующими насъ, какъ первоначальный результатъ всякаго антропологическаго изслѣдованія.

Допустимъ, что нѣкоторая народность представляетъ собою вполнѣ чистую антропологическую группу, для которой средняя ариѳметическая нѣкотораго измѣренія есть величина постоянная M. Если мы расположимъ по нѣкоторому признаку всю группу рядами, то, вслѣдствіе естественной варіаціонности индивидуумовъ, получится пониженіе числа индивидуумовъ въ каждомъ ряду отъ ряда, близкаго къ средней ариѳметической. Эти отношенія рядовъ удобно выразить въ видѣ кривой частотъ по рядамъ. Вычисленіе величины $\sigma = \sqrt{\frac{\Sigma x^2 - \alpha^2 n}{N}}$ или $\sigma = \sqrt{\mu^2}$ [1], выражающей среднее квадратическое отклоненіе всей серіи отъ M, даетъ сужденіе о степени связанности данной серіи съ величиной M и характеризуетъ кривую. Допустимъ теперь, что серія въ N_1 индивидуумовъ колеблется въ предѣлахъ отъ x'_1 до x''_1, даетъ σ_1 и среднюю ариѳметическую M_1; тогда, если серія достаточна, то при N_2, гдѣ $N_2 > N_1$, полученныя величины σ_2 и M_2, а также x'_2 и x''_2, окажутся весьма близкими къ соотвѣтствующимъ величинамъ серіи N_1. Но равенство величинъ $\sigma_1 = \sigma_2 = \sigma$ и $M_1 = M_2 = M$ возможно лишь при N_1 и N_2 настолько большихъ, что кривыя могутъ быть выражены одной изъ извѣстныхъ кривыхъ или комбинаціей ихъ (кривыя Gauss'a и Pearson'a). Эмпирическія кривыя роста 1.052 матерей [2] и роста 2.192 дѣвочекъ [3], вы-

---

[1] Способы вычисленія и значеніе σ можно найти, напримѣръ, у Леонтовичъ, Элементарное пособіе къ примѣненію методовъ Gauss'a и Pearson'a при оцѣнкѣ ошибокъ въ статистикѣ и біологіи, ч. II, стр. 37—39. Кіевъ, 1911; Слуцкій, Теорія корреляцій, стр. 11 и 88 и слѣд. Кіевъ, 1912; Орженцкій, Учебникъ математической статистики, стр. 56, 110 (въ 5 главѣ). Спб. 1914; Кауфманъ, Теорія и методы статистики, стр. 91 и слѣд. М. 1912.

[2] Слуцкій, op. cit., стр. 191.

[3] Орженцкій, op. cit., стр. 92.

численныя Pearson'омъ, весьма мало[1] отличаются отъ теоретическихъ кривыхъ, а среднія, при ничтожной вѣроятной ошибкѣ (E_m), сравнительно устойчивы. Очевидно, такое количество вполнѣ достаточно не только для вывода M, но даже и для полученія кривой.

Подобныя приближенія эмпирической кривой къ теоретической для антропологіи, какъ не изучающей характеръ математическаго выраженія кривой, конечно, не нужны. Для антрополога важно установить только приблизительную[2] характеристику данной группы, выраженную величинами M и σ и наиболѣе рѣзкими колебаніями кривой.

Допустимъ теперь, что N нашей группы таково, что кривая, полученная по рядамъ[3], значительно отличается отъ извѣстныхъ кривыхъ и комбинацій ихъ. Это происходитъ или вслѣдствіе того, что, при небольшомъ числѣ наблюденій, частоты въ отдѣльныхъ рядахъ недостаточны и отклоненія слѣдуетъ отнести на счетъ случайныхъ причинъ, или же это отклоненіе обусловлено входящими въ данную группу элементами, различающимися по данному признаку[4]. Хотя теорія вѣроятности и даетъ возможность вычислить предѣлы, въ которыхъ могутъ колебаться частоты наблюденій по рядамъ, но предѣлы эти настолько велики, что мы безусловно не можемъ практически воспользоваться результатомъ вычисленія, а при небольшомъ N — дать отвѣтъ, случайна ли кривая или она воспроизводитъ дѣйствительный характеръ отношенія рядовъ въ данномъ признакѣ даннаго населенія. Вмѣстѣ съ величиной рядовъ могутъ измѣниться величины σ и M.

Практически, однако, есть нѣкоторая возможность для установленія приблизительной точности матеріала. Для того чтобы установить, случаенъ или не случаенъ характеръ кривой, можно получить вторую кривую на томъ же матеріалѣ. Если вторая кривая мало отличается отъ первой, то количество взятыхъ наблюденій можно считать достаточнымъ; если же различія существенны, то можно утверждать, что количество наблюденій для анализа кривой безусловно недостаточно. Точно такъ же можно провѣрять величины σ и M[5]. Для сужденія о точности величинъ σ и M могутъ отчасти служить вѣроятныя ошибки $E_\sigma = 0{,}67449\ \frac{\sigma}{\sqrt{2N}}$ и $E_h = 0{,}67449\ \frac{\sigma}{\sqrt{N}}$, величины которыхъ прямо пропорціональны σ и обратно пропорціональны $\sqrt{2N}$ и $\sqrt{N}$.

[1] «Мало», конечно, нужно понимать не точно математически.

[2] Необходимое приближеніе опредѣляется въ процессѣ изученія даннаго населенія.

[3] Необходимо замѣтить, что интервалы между двумя рядами должны быть возможно меньше, такъ какъ при большихъ интервалахъ кривыя будутъ искусственно правильны, что только затемняетъ характеръ кривой.

[4] Леонтовичъ, op. cit., ч. II, стр. 8 и 57—59.

[5] Нерѣдко въ антропологическихъ работахъ приводятся среднія признаковъ, полученныя различными авторами при измѣреніи одной и той же народности. Въ подобномъ случаѣ, конечно, возможно сравнивать только при условіи одинаковаго способа измѣреній, принимая во вниманіе и возрастъ измѣренныхъ.

Но вѣроятныя ошибки получаются, даже при небольшомъ N, меньше возможныхъ колебаній σ и M, въ зависимости отъ количества наблюденій, и поэтому способъ опредѣленія достаточности матеріала путемъ вѣроятныхъ ошибокъ въ антропологіи едва ли примѣнимъ. Такимъ образомъ, установить достаточность количества наблюденій для оцѣнки того, случайны или неслучайны колебанія рядовъ и точны ли σ и M, возможно только эмпирическимъ путемъ.

Для цѣлей антропологіи въ Сибири необходима бо́льшая точность этихъ величинъ, чѣмъ принятые предѣлы для дифференціаціи группъ (извѣстныя группировки роста, головного указателя и другихъ признаковъ), такъ какъ, при сильно смѣшанномъ населеніи, для изслѣдователя важны болѣе мелкія группировки[1]. Вычисленіемъ σ и M двухъ серій одной народности и вычисленіемъ $\frac{\sigma_1-\sigma_2}{\sigma_1}\times 100$ и $\frac{M_1-M_2}{M_1}\times 100$, гдѣ σ_1 и M суть величины, полученныя для одной серіи, и σ_2 и M_2—для второй серіи, если мы условимся на нѣкоторомъ допустимомъ процентѣ отклоненія, можно опредѣлить то минимальное количество, которое достаточно для нашихъ цѣлей. Въ виду недостаточности матеріаловъ, въ настоящее время затруднительно опредѣлить необходимый minimum.

Очевидно, что вѣроятная точность σ и M находится въ зависимости не только отъ абсолютной величины N и характера серіи, но также и отъ ея относительной величины, т. е. отношенія N къ общему количеству индивидуумовъ изслѣдуемой группы. На основаніи вычисленій можно предположить, что если N равно приблизительно 10% всей изслѣдуемой группы, то, при крайнихъ предѣлахъ отклоненій $= 10$ и $\sigma = 3$, предѣлы отклоненій M будутъ настолько невелики, что расположатся въ границахъ принятыхъ дѣленій по отдѣльнымъ признакамъ; но если брать серіи $N < 100$ (30,50), то колебанія могутъ даже заходить за указанныя границы.

Поэтому, можно считать серію достаточной для оперированія со средней ариѳметической, если она равна приблизительно 10% изслѣдуемой группы (мужчинъ или женщинъ годныхъ[2] для измѣреній) при σ, близкой 3. Такія высокія требованія на практикѣ не представляютъ, однако, большихъ трудностей, такъ какъ этническія группы, надъ которыми производятся наблю-

---

[1] Напримѣръ, опредѣленія: низкій, средній, высокій ростъ—для сибирскихъ народностей въ цѣломъ, конечно, говорятъ много, но для внутрисибирской дифференціаціи типовъ они говорятъ крайне мало.

[2] Годными для измѣреній, я полагаю, можно считать лишь тѣхъ индивидуумовъ, которые достигли приблизительно предѣльнаго роста, т. е. имѣющихъ около 25 лѣтъ, и тѣхъ, которые не начали еще значительно уменьшаться въ ростѣ, т. е. лицъ въ возрастѣ около 55—60 лѣтъ. Расхожденіе, напримѣръ, г. Шмакова съ проф. Анучинымъ въ опредѣленіи роста лопарей, вѣроятно, обусловлено тѣмъ, что лопари второго автора, какъ призывные, не достигли еще полнаго своего роста.

денія, въ Сибири невелики (отъ нѣсколькихъ сотенъ индивидуумовъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ) и, при изслѣдованіи, обычно разбиваются или на территоріи (напримѣръ, буряты различныхъ авторовъ) или по родамъ, если нѣтъ основаній каждую изъ группъ разбить на болѣе мелкія этническія подгруппы. Если же принять во вниманіе, что количество мужчинъ, годныхъ для измѣреній, едва ли превыситъ (въ Сибири) 20% общаго числа, то указанный minimum выразится только 2% по отношенію ко всему населенію. Можно предполагать, что если населеніе количественно велико, то минимальное количество индивидуумовъ можетъ быть относительно уменьшено, такъ какъ предѣлы колебаній величины M связаны, кромѣ N, также и съ σ,—величиной, не зависящей отъ общаго количества населенія. Этотъ вопросъ окончательно можно рѣшить только опытнымъ путемъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ серія, въ которой $N = 100$ и даже меньше того, можетъ быть вполнѣ достаточной для вывода M и σ, если N оказывается значительно болѣе 2% всего населенія.

Конечно, это не есть разрѣшеніе вопроса, но только попытка приблизиться къ его разрѣшенію.

Значительно благопріятнѣе въ этомъ отношеніи обстоитъ вопросъ о минимальномъ количествѣ антропологическаго матеріала, необходимаго для обработки при помощи метода корреляцій. Минимальное количество, которое нужно имѣть, стоитъ въ зависимости отъ величины r — коэффиціента корреляціи и E_r — вѣроятной ошибки его. Если вѣроятная ошибка коэффиціента корреляціи,—по формулѣ $E_r\ 0{,}67449\ \frac{1-r^2}{\sqrt{N}}$, которую можно вычислять при серіяхъ не менѣе 30 наблюденій[1],—не подавляетъ величины r, то серія достаточна, а если вѣроятная ошибка подавляетъ, то серію слѣдуетъ увеличить. Въ антропологическихъ матеріалахъ коэффиціенты бываютъ невысоки, обычно меньше $\pm 0{,}5$; поэтому, и количество наблюденій должно быть больше, чѣмъ тотъ minimum, который необходимъ для вычисленія E_r. При сравнительно высокомъ коэффиціентѣ корреляціи, серія наблюденій[2] не должна быть ниже 60—70.

---

[1] Слуцкій, op. cit., стр. 97.

[2] Табличка приблизительно вычисленныхъ вѣроятныхъ ошибокъ E_r въ зависимости отъ r и N:

r \ N	49	81	121	169	225
0.100	0,095	0,074	0.061	0,051	0,044
0,200	0,092	0,072	0,059	0,049	0,042
0,300	0,089	0,068	0,055	0,045	0,038
0,400	0,081	0,062	0,052	0,042	0,036
0,500	0,072	0,055	0,046	0,039	0,035

Такимъ образомъ, для обработки матеріаловъ при помощи метода корреляцій требуется меньше наблюденій, чѣмъ для оперированія со средней ариѳметической, и для средней ариѳметической требуется меньше наблюденій, чѣмъ для метода кривыхъ. Матеріалы, которые съ достовѣрностью не могутъ быть обработаны при помощи какого-либо изъ этихъ методовъ, я опредѣляю, какъ совершенно недостаточные, матеріалы, которые могутъ быть обработаны съ достовѣрностью только методомъ корреляцій (при большихъ r)—какъ не вполнѣ достаточные, матеріалы, которые могутъ быть обработаны и методомъ корреляцій и методомъ средней ариѳметической (при небольшой σ) — какъ достаточные и, наконецъ, матеріалы, годные для обработки при помощи всѣхъ методовъ—какъ вполнѣ достаточные.

Установивъ приблизительно критеріумы для оцѣнки достаточности качества и количества наблюденій, я перейду къ краткому разсмотрѣнію изслѣдованій, которыя могутъ быть нами использованы вполнѣ или отчасти, какъ матеріалъ статистическій, — краткому потому, что детальное перечисленіе трудовъ не входитъ въ мои задачи[1].

По обскимъ *самоѣдамъ* имѣются не вполнѣ достаточные (54 индивид.) матеріалы Руденко[2]. Матеріалы Sommier, какъ и всѣ его матеріалы, относящіеся къ Сибири, недостаточны по программѣ. Ивановскій назвалъ самоѣдовъ, вслѣдъ за проф. Зографомъ (архангельскіе самоѣды), монголами. Проф. Зографъ объяснилъ отличія самоѣдовъ отъ монголовъ причинами климатическими, вліяніе которыхъ, кстати сказать, совершенно не выяснено. Ивановскій сблизилъ ихъ съ бурятами, теленгетами и арбунсумунами. Руденко нашелъ, что основной типъ самоѣдовъ близокъ енисейцамъ, лопарямъ[3] и сойотамъ. Такое разногласіе авторовъ указываетъ на невыясненность вопроса; впрочемъ, для послѣдняго мнѣнія имѣется больше основаній, а, при пополненіи матеріаловъ и выдѣленіи основного элемента, оно будетъ, вѣроятно, подтверждено.

Остяки, численно большій народъ, были измѣрены Чугуновымъ (100) и Руденко (127). Эти матеріалы достаточны для дальнѣйшей обработки. По мнѣнію изслѣдователей, остяки—смѣшанная народность, причемъ Руденко ставитъ ихъ между вогулами и самоѣдами, а Ивановскій считаетъ отдѣльной группой.

Вогулы измѣрены не вполнѣ достаточно Руденко (75) и недостаточно—проф. Маліевымъ (13).

---

[1] При этомъ я не буду дѣлать ссылокъ на тѣ работы, которыя вошли въ библіографическіе указатели Ивановскаго: Объ антропологическомъ составѣ Россіи. М. 1902 и Опытъ классификаціи населенія земного шара. М. 1911.

[2] Руденко, Антроп. изслѣдов. инородцевъ Сѣв.-Зап. Сибири. Пг. 1914.

[3] Какъ извѣстно, Ивановскій лопарей выдѣлилъ въ особую группу.

Киргизы, несмотря на свою сравнительную численность (свыше $4^1/_2$ милліоновъ), оказались изслѣдованными недостаточно: 1) Сыръ-Дарьинскіе—Масловскимъ (54), 2) Средней Орды—Ивановскимъ (99) и Троновымъ (33), 3) Букеевской орды—Харузинымъ (141). Перечисленные матеріалы могутъ быть обработаны при помощи метода корреляцій, но среднія ариѳметическія, въ виду большой численности киргизовъ, не могутъ быть приняты безъ опасеній за случайныя отклоненія. Остальные матеріалы по киргизамъ (Зеландъ, Ujfalvy и др.) безусловно недостаточны. Смѣшанный характеръ киргизовъ подтверждается большинствомъ авторовъ.

Тюркскія народности, живущія въ Томской и Енисейской губ., а также по Алтаю и Саянамъ, изучены весьма мало. Имѣющіеся матеріалы Гороценко и Ядринцева недостаточны и съ точки зрѣнія количества измѣреній на индивидуумѣ и съ точки зрѣнія количества индивидуумовъ и, къ тому же, охватываютъ далеко не всѣ народности. Ивановскій высказался за смѣшанный характеръ изслѣдованныхъ племенъ. Изъ числа ихъ, въ количествѣ не вполнѣ достаточномъ, Гороценко (71) и Теплоуховымъ (около 100, неопубликованы) изучены только сойоты.

Якуты были измѣрены Виташевскимъ (46), Геккеромъ (417) и Майновымъ, къ сожалѣнію, по устарѣвшей теперь программѣ Broca, дополненной А. Богдановымъ. На смѣшанный характеръ якутовъ указывало большинство авторовъ, а по схемѣ Ивановскаго они оказались группой изолированной.

Монгольскія народности изучались больше другихъ. *Буряты* измѣрены въ достаточныхъ количествахъ: Селенгинскіе—Талько-Грынцевичемъ 408) и Шендриковскимъ (181), Аларскіе—Поротовымъ (100), Сѣверо-Иркутскіе и Ольхонскіе—Петри (182, неопубликованы) и Сапожниковымъ (150, неопубликованы)[1], Хоринскіе — Талько-Грынцевичемъ (68)—не вполнѣ достаточно. Буряты оказались также неоднородными, и аларскіе, по схемѣ Ивановскаго, заняли особое мѣсто. На смѣшанный характеръ бурятъ указываютъ и Поротовъ и Шендриковскій. *Собственно монголы*—халхасцы измѣрены недостаточно (38) Талько-Грынцевичемъ, а ургинскіе—кн. Ухтомскимъ (около 140, неопубликованы).

Калмыки восточные—торгоуты—изслѣдованы не вполнѣ достаточно Ивановскимъ; калмыки турфанскіе, чахары, арбунсумуны и торгоуты—Мацѣевскимъ и Поярковымъ въ количествахъ (по 30) безусловно недостаточныхъ, если не принять эти народности за одну серію (120), чего сдѣлать, быть можетъ, и нельзя. *Калмыки западные* были изучены не вполнѣ

---

[1] Кромѣ того, въ 1914 году кударинскіе Иркутскіе были измѣрены Подгорбуновымъ въ количествѣ мнѣ неизвѣстномъ.

достаточно Воробьевымъ (74) и Королевымъ (96), не считая недостаточныхъ серій другихъ изслѣдователей. Калмыки настолько неоднородны, что, напримѣръ, западные, по мнѣнію Ивановскаго, оказались ближе къ бурятамъ, башкирамъ, татарамъ и великоруссамъ, чѣмъ къ родственнымъ имъ монгольскимъ калмыкамъ.

Ближайшіе сосѣди торгоутовъ — *телѣгиты*, изученные въ достаточномъ количествѣ Луценко, (210), по его мнѣнію, также неоднородны.

Тунгусы, при обширности территоріи, численности и богатствѣ группъ, изучены весьма мало. Имѣются о забайкальскихъ тунгусахъ недостаточныя (44 и 23 иройскихъ хамнегановъ) данныя Талько-Грынцевича и мои — въ количествѣ не вполнѣ достаточномъ (65, неопубликованы); о забайкальскихъ ороченахъ—мои (85, неопубликованы) въ количествѣ достаточномъ[1]; о «южныхъ» (Якутскихъ) — Майнова въ количествѣ не вполнѣ достаточномъ (88); Іохельсонъ-Бродской и Богораза о гижигинскихъ, анадырскихъ и колымскихъ—въ количествѣ не вполнѣ достаточномъ (83), если ихъ даже объединить вмѣстѣ; объ орочахъ—Маргаритова (37) и Арсеньева (30) въ количествахъ недостаточныхъ, о гольдахъ — Штернберга (53, неопубликованы) въ количествѣ не вполнѣ достаточномъ, его же—о тунгусахъ амурскихъ (34, неопубликованы) въ количествѣ недостаточномъ и Васильева (32, неопубликованы)—объ орокахъ Сахалина въ количествѣ недостаточномъ. О смѣшанности тунгусовъ говорили Майновъ, Талько-Грынцевичъ и многіе другіе, а Ивановскій, отнеся забайкальскихъ (Талько-Грынцевича) и «южныхъ» (Майнова) къ монголамъ, не нашелъ мѣста для «сѣверныхъ» (11 индивид. Майнова).

Наконецъ, мнѣ остается сказать о такъ называемыхъ палеазіатахъ. Большая часть изслѣдованій палеазіатовъ падаетъ на участниковъ Джезуповской экспедиціи. *Чукчи* измѣрены Богоразомъ въ количествѣ почти достаточномъ (148), *эскимосы* имъ же — въ количествѣ не вполнѣ достаточномъ (61). Камчатскіе *коряки* были измѣрены въ количествѣ недостаточномъ Богоразомъ (24) и гижигинскіе въ количествѣ достаточномъ— Іохельсонъ-Бродской (173); ею же измѣрены въ количествахъ достаточныхъ (въ виду небольшой численности) *юкагиры* (70) и *алеуты*[2] (82, неопубликованы); *камчадалы* измѣрены Богоразомъ (63) и Іохельсонъ-Бродской[2] (75, неопубликованы), что вмѣстѣ дѣлаетъ серію, вѣроятно, достаточной. *Енисейцы* были измѣрены въ количествѣ не вполнѣ достаточномъ Анучинымъ (52). *Гиляки* были измѣрены Штернбергомъ (52 амурскихъ и 29 сахалинскихъ, неопубликованы) и Васильевымъ (87 амур-

[1] Я указываю на достаточность, принимая во вниманіе незначительную численность этихъ группъ. Ороченъ забайкальскихъ считается около 2.000.

[2] Въ послѣдней Камчатской экспедиціи Рябушинскаго.

скихъ и 47 сахалинскихъ, неопубликованы), что дѣлаетъ серію достаточной. *Айны* были измѣрены Koganei (95) въ количествѣ почти достаточномъ, но сахалинскіе айны—недостаточно. Въ этомъ длинномъ спискѣ палеазіатскихъ народностей[1], конечно, нѣтъ однородности. Часть ихъ Ивановскій отнесъ къ монголамъ, а айны оказались изолированной группой.

Настоящій краткій перечень изслѣдованій показываетъ, что населеніе Сибири въ антропологическомъ отношеніи, въ общемъ, изучено недостаточно и представляетъ смѣсь различныхъ типовъ. Нѣтъ, кажется, ни одной этнической группы, которая была бы вполнѣ однородна. Этотъ результатъ не могъ быть неожиданностью для антропологовъ, такъ какъ вся исторія сибирскихъ народностей представляетъ рядъ передвиженій, смѣшеній, утерь родныхъ языковъ и т. д.

Всѣ произведенные до сихъ поръ классификаціонные опыты оказываются неудовлетворительными въ смыслѣ выясненія элементовъ, входящихъ въ составъ отдѣльныхъ народностей и группъ ихъ. Попытка Ивановскаго дать классификацію на основаніи среднихъ ариѳметическихъ и процентнаго исчисленія количества долихоцефаловъ и брахицефаловъ, высокорослыхъ и низкорослыхъ и т. д. привела къ созданію многочисленныхъ группъ, количество которыхъ съ дальнѣйшимъ изученіемъ, вѣроятно, должно еще болѣе увеличиться. Многія же народности, несмотря на свой явно смѣшанный характеръ, оказались искусственно связанными въ одну монгольскую группу. Многочисленность группъ, не поддающихся объединенію, весьма возможна, такъ какъ 3—4 основныхъ типа могутъ дать значительное число комбинацій[2], носители которыхъ должны быть разсматриваемы, какъ отдѣльныя группы. Характеристика этихъ группъ по среднимъ ариѳметическимъ ничего не можетъ дать въ смыслѣ анализа составныхъ элементовъ, а объединеніе группъ можетъ оказаться случайнымъ, особенно при принятой Ивановскимъ искусственной системѣ установленія групповой близости.

Въ предыдущемъ изложеніи было уже сказано, въ какихъ ограниченныхъ предѣлахъ, основываясь на сибирскомъ матеріалѣ, мы можемъ пользоваться средними ариѳметическими. Съ этой точки зрѣнія многія

---

[1] Рядъ незначительныхъ серій измѣреній палеазіатовъ, какъ, напримѣръ, Олсуфьева. Gorman и др., я опускаю въ виду ихъ безусловной недостаточности. Точно такъ же я опустилъ многія небольшія серіи и не палеазіатскихъ народностей.

[2] Вопросъ о наслѣдованіи признаковъ вообще, комплекса ихъ или отдѣльныхъ признаковъ нельзя считать выясненнымъ. Между прочимъ, И. И. Майновъ, основываясь на матеріалѣ помѣсей русскихъ съ якутскими женщинами, пришелъ къ весьма любопытнымъ выводамъ: продольные размѣры тѣла и форма головы усвоены отъ отцовъ-русскихъ, а черты лица — отъ матерей-якутокъ (Р. А. Ж. 1900, № 4, стр. 57). Весьма цѣнны въ этомъ отношеніи матеріалы, разрабатываемые школою Pearson'a, Boas'омъ и др.

цифры Ивановскаго оказываются мало достовѣрными, особенно при условіи большихъ интерваловъ между группами (по одному признаку) и, вѣроятно, небольшой сравнительно разницѣ среднихъ для многихъ признаковъ, характерныхъ для особенностей сибирскихъ антропологическихъ типовъ. Въ этихъ условіяхъ разложеніе на группы по данному признаку, особенно при ограниченномъ матеріалѣ, можетъ оказаться искусственнымъ. Весьма удобная механическая классификація группъ въ каждомъ признакѣ (напр., ростъ—низкій, средній, высокій и т. п.), условная въ своей основѣ, въ сибирской антропологіи можетъ оказаться совершенно непригодной, такъ какъ для ея задачъ гораздо важнѣе дифференцировать группы, если таковыя окажутся, внутри каждаго подраздѣленія, чѣмъ сливать ихъ вмѣстѣ, характеризуя, напримѣръ, народность: ростъ средній, долихоцефалы и т. д., тѣмъ болѣе что мы не знаемъ соматическихъ особенностей элементовъ, входящихъ въ смѣсь. Еще меньшую службу въ этомъ отношеніи можетъ сослужить выдѣленіе группъ въ матеріалахъ численно недостаточныхъ, гдѣ случайныя причины могутъ совершенно измѣнить истинную картину частоты явленія въ каждомъ ряду; но даже и при бо́льшемъ матеріалѣ,—если, напримѣръ, всѣ индивидуумы группы короткоголовы,—мы не въ правѣ сказать, что эта группа не смѣшана вообще, такъ какъ два различныхъ антропологическихъ типа по одному изъ признаковъ могутъ быть подобны. Этимъ не исчерпываются методологическія ошибки Ивановскаго, приведшія его къ такимъ неожиданнымъ результатамъ, какъ, напримѣръ, изоляція якутовъ, сѣверныхъ тунгусовъ Майнова, сближеніе астраханскихъ калмыковъ съ великороссами, башкирами и т. д. Впрочемъ, критика всѣхъ недочетовъ не входитъ въ задачи настоящей статьи[1]. Для меня важенъ лишь общій выводъ, а именно—что примѣненные методы оказались безсильны и классификація не только не объяснила антропологическихъ отношеній населенія Сибири, но еще больше ихъ вуалировала; это уже—не польза, а, скорѣе, вредъ. Чувствуя неудовлетворительность своей классификаціи, Ивановскій ссылался на недостаточность матеріала[2], но это, конечно, не первая, а послѣдняя и самая незначительная причина его неудачъ. Поэтому, попытка Ивановскаго, поскольку она имѣетъ цѣлью не только механическую сводку наличнаго матеріала, но и классификацію его, безусловно преждевременна. Классификація, конечно, нужна, и она является конечной цѣлью антропологическаго изслѣдованія Сибири, но приносить ей въ жертву анализъ составныхъ элементовъ — основу будущей классификаціи — безусловно нельзя. Ивановскій же, вмѣсто того чтобы начать

[1] О послѣдней работѣ Ивановскаго—см. Руденко въ Ежег. Р. А. О. Т. IV, 1913 и Чепурковскій—Естеств. и Географія 1912, кн. 2.

[2] Ивановскій. Опытъ классиф. нас. земн. шара. стр. 396.

съ анализа завѣдомо смѣшанныхъ группъ и кончить классификаціей ихъ составныхъ элементовъ, началъ съ классификаціи.

Реакція противъ пользованія средней ариѳметической привела многихъ авторовъ къ злоупотребленію процентными вычисленіями частотъ въ рядахъ по признакамъ[1] и графическому выраженію ихъ въ видѣ кривыхъ.

Нѣкоторымъ усовершенствованіемъ указанныхъ методовъ нужно считать опыты примѣненія величины σ или близкихъ къ ней[2]. Авторы, пользовавшіеся ею, считали, что эта величина должна показывать, смѣшанная ли данная народность или нѣтъ. Необходимо, однако, замѣтить, что абсолютное значеніе σ должно быть замѣнено относительнымъ, и только тогда будетъ возможно дѣлать сравненія этихъ величинъ между собою. Для сравненія обычно принимается $V = \frac{\sigma}{M}$, гдѣ M есть средняя ариѳметическая, а V— коэффиціентъ измѣнчивости; для удобства V можно умножить на 100, и получится процентное выраженіе коэффиціента[3]. Насколько правильно мнѣніе, ищущее въ σ указанія на чистоту изслѣдуемой группы, нельзя будетъ сказать до тѣхъ поръ, пока эта величина не будетъ изучена въ примѣненіи къ антропологіи, тѣмъ болѣе что намъ еще неизвѣстны границы естественной варіаціонности признаковъ въ чистомъ, несмѣшанномъ населеніи. Поротовъ[4], Шендриковскій[5] и Луценко[6] пользуются формулой $m = \frac{S\delta}{n}$, Шмаковъ[7] $m = \frac{\Sigma\delta}{n}$. Указанная мною выше (стр. 19) формула имѣетъ то преимущество, что она вычисляется гораздо проще, а при полученіи коэффиціента корреляціи вычисляется попутно.

Вслѣдствіе неправильнаго пользованія σ или m, указанные выше авторы не получили существеннаго результата и для изученія составныхъ элементовъ смѣшанныхъ народностей сдѣлали не больше, чѣмъ Иваповскій.

Въ основу изученія составныхъ элементовъ народностей Сибири нужно положить анализъ составныхъ элементовъ отдѣльныхъ народностей, а ре-

---

[1] Увлеченіе кривыми и процентными исчисленіями особенно сильно въ русскихъ работахъ, напр., Іохельсонъ-Бродской, Синельникова, Руденко, Поротова, Шендриковскаго и многихъ др.

[2] Величиной близкой къ σ пользовались нѣмецкіе антропологи (Jhering, Stieda), а Dr. E. Schmidt даже ввелъ ее, въ качествѣ рекомендуемаго пріема, въ свое руководство Anthropologische Methoden. Leipzig, 1888. Однако, подражаніе русскихъ авторовъ указаннымъ нѣмецкимъ было весьма неплодотворно.

[3] Слуцкій, op. cit., стр. 11. Я полагаю, что для нуждъ антропологіи, наряду съ V возможно было бы употреблять еще болѣе показательную величину, гдѣ вмѣсто M брать разность предѣловъ колебанія даннаго признака.

[4] Поротовъ Е. Къ антропологіи бурятъ. Спб., 1895. стр. 91.

[5] Шендриковскій. Матеріалы къ антропол. бурятъ. Спб., 1894, стр. 38.

[6] Русс. Антр. Журн. Кн. IX, 1962, N. 1, стр. 8.

[7] Ежегодникъ Рус. Антр. Общ. при И. Спб. Ун-тѣ. 1909. т. III. стр. 37.

зультатомъ этого изученія должна быть классификація, но не механическая, а генетическая. Въ помощь этимъ задачамъ приходитъ рядъ пріемовъ, отчасти просто демонстративныхъ, отчасти аналитическихъ. Конечно, спѣшу оговориться, эти пріемы не являются универсальными и абсолютными, и нужно надѣяться, что будущее намъ принесетъ болѣе чувствительные аналитическіе методы, а пока нужно использовать то, что есть.

Если имѣется нѣкоторая серія, количественная достаточность которой установлена приведенными выше эмпирическими способами, то возможно получить для любого признака кривую (типы кривыхъ Gauss'a и Pearson'a). Однако, нужно имѣть въ виду, что кривыя представляютъ не больше какъ графическое изображеніе частотъ рядовъ[1] серіи, и главное вниманіе должно быть обращено на характеръ всей серіи въ цѣломъ. Для характеристики серіи можно употреблять M, σ и V—величины, о которыхъ я говорилъ выше. Если въ данной серіи имѣются два типа, различающіеся по изучаемому признаку, то должно получиться и, такъ сказать, два центра тяготѣнія, что графически выразится въ видѣ двухвершинной кривой[2]. Послѣднее произойдетъ, можно предполагать, лишь при условіи весьма непродолжительнаго процесса смѣшенія и въ случаѣ механической смѣси двухъ группъ. Такъ, если взять, напримѣръ, двѣ группы: одну—длинноголовую, другую—короткоголовую, то получатся серія съ двумя центрами дисперсіи и кривая съ двумя вершинами, причемъ σ будетъ очень большая. Кривая съ двумя вершинами и большой σ несомнѣнно указываетъ на смѣшеніе двухъ элементовъ, различающихся по данному признаку. Еще разъ считаю необходимымъ замѣтить, что серіи для подобнаго анализа должны быть весьма большими (по крайней мѣрѣ, нѣсколько сотенъ индивидуумовъ), и утверждать смѣшанность данной группы можно лишь при томъ условіи, если явленіе двухъ центровъ въ серіи и двухъ вершинъ кривой наблюдается и въ другихъ признакахъ. Неправильное пользованіе этимъ методомъ и привело къ тому, что многіе изслѣдователи разочаровались въ его пригодности. Дѣйствительно, если серія невелика и частота наблюденій во всѣхъ рядахъ тоже невелика, а въ иныхъ—по 1—2 наблюденія, то о выводахъ говорить просто не приходится, и демонстративнаго значенія такія таблицы и кривыя не имѣютъ; въ нихъ вліяніе случайныхъ причинъ можетъ быть сильнѣе, чѣмъ вліяніе дѣйствительной антропологической группировки[3]. Это

---

[1] Интервалы рядовъ должны быть небольшими—1 см. для абсолютныхъ признаковъ и единица для относительныхъ.

[2] Леонтовичъ, op. cit., ч. II, стр. 8 и 57.

[3] Вотъ, напримѣръ, табличка частотъ рядовъ 5 серій въ 100 наблюденій. Въ каждомъ ряду должно было бы быть по 10 наблюденій, такъ какъ въ урнѣ было 100 билетиковъ съ

излишнее увлеченіе пріемомъ нисколько не способствуетъ анализу составляющихъ, но даетъ ложное понятіе о дисперсіи даннаго признака[1].

Методъ Mollison'a, которымъ пользовался Czekanowsky[2], весьма удобенъ, но его можно примѣнять далеко не ко всякому матеріалу, такъ какъ онъ построенъ на сравненіи среднихъ ариѳметическихъ, достовѣрность которыхъ такъ тѣсно связана съ количествомъ наблюденій. Къ этому методу я считаю полезнымъ сдѣлать маленькую поправку, а именно: гораздо правильнѣе основную кривую вычерчивать по точкамъ дѣйствительнаго положенія ихъ относительно максимальныхъ и минимальныхъ отклоненій всей серіи. Эта поправка даетъ возможность графически опредѣлить значеніе крайнихъ отклоненій и точно расположить сравнительныя кривыя относительно основной кривой. Кромѣ того она значительно облегчаетъ другія вычисленія, о которыхъ рѣчь будетъ впереди[3].

Этотъ методъ особенно удобенъ, если матеріалъ достаточно великъ и можетъ быть разбитъ территоріально по группамъ, на которыхъ вліяніе ближайшихъ сосѣдей отразилось и качественно и количественно различно,

---

цифрой 1, 100—съ цифрой 2, 100—съ цифрой 3 и т. д., всего 1.000 билетиковъ, M которыхъ=5,5 и $\sigma = 3,00$.

σ	M	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
3,13	5,50	12	8	8	12	8	11	10	12	12	7
2,80	5,48	13	7	9	6	16	7	13	15	3	11
2,92	5,65	11	9	8	6	11	14	9	10	14	8
2,53	5,73	10	6	9	9	8	13	14	13	12	6
2,80	5,30	6	7	14	16	14	12	6	11	8	6

[1] Безусловно методологической ошибкой приходится считать пользованіе идеальными кривыми, основанными на формулѣ $W = 0,8453 \frac{\Sigma\delta}{n}$ — такъ какъ кривая, построенная на основѣ σ, которую возможно принять лишь съ вѣроятной ошибкой, уже предполагаетъ неточность, особенно при небольшомъ n. Луценко (Рус. Антр. Журн. 1902, № 1, стр. 9), вслѣдъ за Штида и Томе, примѣнилъ этотъ методъ, игнорируя вѣроятную ошибку E_σ приблизительно въ $\pm 0,22$. Его кривая, не будучи точнымъ математическимъ выраженіемъ, теряетъ свое графическое демонстративное значеніе. Если пользоваться кривыми, то кривыя рядовъ значительно демонстративнѣе, но группировка частотъ въ большихъ рядовыхъ интервалахъ служитъ только къ затемненію общей картины. Во что, напримѣръ, обратились бы кривыя роста и головного указателя, полученныя на основаніи десятковъ тысячъ наблюденій надъ итальянцами? (См. статью проф. Анучина, Р. А. Ж. 1902, № 1, стр. 84—85). Вообще сліяніе рядовъ вмѣстѣ для полученія болѣе красивой кривой въ аналитическомъ отношеніи только вредно. Въ этомъ случаѣ получается та же вуалировка, какъ и при оперированіи со средними ариѳметическими.

[2] Korrespondenz-Blatt der Deutschen Gesch. für Anthrop., Ethnologie und Urgesch., Nr. 9—12. 1910. S. 101.

[3] См. ниже стр. 31.

а также при сравненіи съ другими народностями, причемъ за основную кривую (она можетъ быть и прямой) можно брать любую народность. Располагать признаки слѣдуетъ отдѣльно на двѣ группы—относительныхъ и абсолютныхъ, такъ какъ тѣ и другіе не равнозначущи. Хотя кривыми Mollison'a въ русской литературѣ и не пользовались[1], но идея этого метода проводится большинствомъ авторовъ, дѣлающихъ сравненія среднихъ различныхъ признаковъ одной народности со средними соотвѣтствующихъ признаковъ другой народности. Если кривая данной народности располагается между кривыми двухъ другихъ, то мы можемъ предполагать, что данная народность есть продуктъ смѣшенія двухъ другихъ; если кривая перечеркиваетъ кривую, принятую за основную, но находится сравнительно близко къ другой сравниваемой, то можно думать о близости первой и третьей и, наоборотъ, объ отдаленности ихъ отъ второй и т. д. Методъ Mollison'a имѣетъ всѣ преимущества графическаго метода и всѣ недостатки метода, основаннаго на средней ариѳметической. Отсюда видно, что пользоваться имъ можно только какъ подсобнымъ методомъ и далеко не во всѣхъ случаяхъ.

Отличіе одной народности отъ другой устанавливается при помощи среднихъ ариѳметическихъ, а методъ Mollison'a это отличіе дѣлаетъ болѣе демонстративнымъ, не давая, однако, численнаго выраженія его. Къ опытамъ численнаго (приблизительно) выраженія отличія относится и неудачная попытка Ивановскаго. Болѣе удачнымъ является методъ, рекомендуемый Czekanowsky'мъ, но онъ тоже не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ.

Методъ разницъ (Differentialdiagnose, metod dyagnozy różniczkowej), рекомендуемый Czekanowsky'мъ[2] въ числѣ другихъ аналитическихъ пріемовъ, страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что разницы отклоненій среднихъ ариѳметическихъ по различнымъ признакамъ взяты не относительными, а абсолютными, причемъ въ полученномъ коэффиціентѣ разницы абсолютно большихъ по величинѣ признаковъ должны неминуемо подавить разницы признаковъ, выраженныхъ абсолютно небольшими числами. Исходя изъ метода Mollison'a, съ предложенной мною поправкой, указанный недостатокъ можно устранить, принявъ разницу по одному признаку не по формулѣ: $d = M_1 - M_2$, а по слѣдующей: $\delta = \frac{(M_1 - M_2)}{\frac{l}{2}} = \frac{2}{l}(M_1 - M_2)$ и коэффиціентъ

[1] Э. Г. Ландау въ своемъ «Краткомъ руководствѣ къ изученію антропологіи» (Юрьевъ. 1912, стр. 66—69) обратилъ особое вниманіе на этотъ методъ.

[2] Korrespondenz-Blatt der Deutsch. Gesell. für Anthrop., Ethnol. und Urgesch., Nr. 6/7, 1909 и Nr. 9/12, 1910. Формулу $\Delta ij = \frac{1}{n}\sum_{1}^{n}|d_k|$ Czekanowsky даетъ въ своей работѣ Zarys metod statystycznych w zastosowaniu do antropologii. Warszawa. 1913, s. 167.

разницы по формулѣ $\Delta = \frac{1}{n} \sum_{1}^{n} \delta$, гдѣ M_1 и M_2 суть среднія ариѳметическія различныхъ признаковъ двухъ народностей; $l = x_{max.} - x_{min.}$, — предѣлы крайнихъ отклоненій тѣхъ же признаковъ народности, взятой въ качествѣ базиса для діаграммы Mollison'a; n — число признаковъ. Такимъ образомъ коэффиціентъ получается въ видѣ суммы процентныхъ отклоненій по всѣмъ признакамъ, дѣленной на число послѣднихъ, гдѣ всѣ разницы вычислены по одному масштабу. Я предложилъ бы коэффиціентъ Δ вычислять отдѣльно для относительныхъ и абсолютныхъ признаковъ по соображеніямъ, уже высказаннымъ выше, когда я касался вопроса о методѣ Mollison'a. Для удобства и наглядности полученные коэффиціенты слѣдуетъ свести въ таблички и на основаніи послѣднихъ составить діаграммы, какъ это дѣлаетъ Czekanowsky. Для практическаго пользованія указаннымъ методомъ я считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Предложенная мною поправка къ методу Mollison'a при вычисленіи коэффиціента Δ значительно сокращаетъ техническую работу, такъ какъ при нанесеніи на миллиметровую сѣтку точекъ, соотвѣтствующихъ среднимъ ариѳметическимъ признаковъ, ихъ положеніе вычисляется относительно предѣловъ maximum'овъ и minimum'овъ признаковъ, и разница между M_1 и M_2 получается тутъ же на чертежѣ въ готовомъ видѣ процентнаго выраженія, что, конечно, сводитъ всю работу вычисленія δ по отдѣльнымъ признакамъ къ механическому учету положенія двухъ точекъ на чертежѣ. Вычисленія величины δ двухъ народностей, изъ которыхъ ни одна не взята въ качествѣ базы для сравненія, производится точно такимъ же образомъ на чертежѣ, такъ какъ при составленіи сравнительной таблички коэффиціентовъ необходимо сохранить одинъ и тотъ же масштабъ, который и долженъ быть указанъ на діаграммѣ Mollison'a. Впослѣдствіи, быть можетъ, будетъ удобнѣе, какъ и въ случаяхъ вычисленія величины V по предложенному мною способу (см. выноску 3 къ стр. 28), найти постоянный масштабъ, основавъ его на предѣлахъ колебаній maximum'овъ и minimum'овъ всѣхъ признаковъ. Методъ разницъ, конечно, не особенно чувствителенъ, такъ какъ 1) онъ основанъ только на средней ариѳметической; 2) при вычисленіи коэффиціентовъ (Δ) принимаются во вниманіе *всѣ* признаки, изъ коихъ нѣкоторые связаны между собой не-расовой зависимостью; 3) при вычисленіи коэффиціентовъ для относительныхъ признаковъ въ числѣ послѣднихъ будутъ встрѣчаться такіе, гдѣ членами отношеній будутъ величины общія нѣсколькимъ указателямъ (ростъ, ширина головы и т. п.); и, наконецъ, 4) коэффиціентъ не можетъ въ себѣ отразить того, по какимъ именно признакамъ получаются расхожденія двухъ сравниваемыхъ народностей.

Несмотря на перечисленные недостатки, указанный методъ, при пользованіи для вычисленія коэффиціента выше приведенной формулой, связывающей вмѣстѣ и методъ Mollison'a и методъ, предложенный Czekanowsky'мъ, даетъ возможность выразить графическія отношенія при помощи нѣкоторой величины, что, конечно, дѣлаетъ методъ Mollison'a болѣе убѣдительнымъ, а методу разницъ придаетъ большую демонстративность[1].

Наибольшее значеніе, изъ числа аналитическихъ методовъ, принадлежитъ методу корреляцій. Идея корреляціи двухъ и болѣе признаковъ принимается въ антропологіи какъ слѣдствіе признанія различныхъ антропологическихъ типовъ, характеризующихся извѣстнымъ комплексомъ признаковъ. Идея корреляціонной зависимости, какъ характеристики антропологическихъ типовъ, въ русской научной литературѣ получила нѣкоторое распространеніе. Такъ, напримѣръ, коррелированіе различныхъ признаковъ встрѣчается у Чепурковскаго[2], Синельникова[3], Руденко[4] и другихъ. Золотаревъ[5] даетъ даже поле корреляціи, не вычисляя, однако, коэффиціента. Королевъ[6] пользуется графическимъ методомъ для выраженія корреляціонной зависимости двухъ признаковъ. Чепурковскій[7] въ статьѣ о наслѣдованіи и варіаціи пользуется коэффиціентомъ корреляціи и указываетъ на цѣнность этого метода. Въ европейской и американской литературѣ примѣненіе метода корреляцій получило въ послѣднее время весьма широкое распространеніе[8]. Въ томъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ пользовались коррелированіемъ авторы указанныхъ русскихъ работъ, этотъ методъ не можетъ быть чувствительнымъ аналитическимъ пріемомъ; для примѣненія же его при изученіи населенія Сибири остается сдѣлать одинъ шагъ — пользоваться имъ такъ, какъ требуетъ самъ методъ, т. е. наносить всю серію на поле и производить вычисленія по извѣстной общей формулѣ: $r = \frac{\Sigma xy}{N \sigma_x \sigma_y}$.

Въ настоящей статьѣ я не касаюсь теоріи корреляціи и способовъ вычисленія коэффиціента, что можно найти въ спеціальныхъ работахъ[9], но

---

[1] По вопросу о методахъ разницъ — см. статьи Poniatowsky. Korrespondenz-Blatt der. D. Ges. für Anthr., Ethn. und. Urgesch. 1911. S. 269 unsw.; Arch. für Anthropologie N. F. Band X. H. 4. 1911 и Fischer, op. cit., стр. 200.

[2] Рус. Ан. Ж. Кн. XIV, 1903, № 2.

[3] Синельниковъ, Енисейскіе остяки. Тр. Антр. Отд. М. 1911.

[4] Руденко, op. cit.

[5] Ежегодникъ Рус. Антр. Общ. Т. IV, 1913.

[6] Р. А. Ж. 1903, I, стр. 31, 33, 43.

[7] Ежег. Р. Антр. Общ. Т. I, 1904.

[8] Труды школы Pearson'a, работы Boas'a, Czekanowsk'aго, Poniatowsk'aго и другихъ. Замѣчу, между прочимъ, что Dr. E. Fischer, примѣнивъ этотъ методъ въ своей работѣ: Die Rehobother Bastards. Jena 1913, допустилъ, по моему мнѣнію, методологическую ошибку, пользуясь результатомъ корреляціи при наличности небольшого N и очень большого E_r.

[9] Другія формулы и изложеніе способовъ исчисленія коэффиціента и теоріи корреляціи

считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу примѣненія этого метода. Положительный отвѣтъ корреляціи (наличность r, не подавляемаго E_r) указываетъ на связь коррелируемыхъ признаковъ, которая можетъ быть обусловлена или причинами не-расовой зависимости между двумя признаками, какъ, напримѣръ, абсолютная длина конечностей и ростъ, или причинами различія по коррелируемымъ признакамъ въ двухъ или больше антропологическихъ элементахъ, входящихъ въ серію. Не нужно, однако, отрицательный отвѣтъ корреляціи относить на счетъ несовершенствъ метода. Во многихъ случаяхъ корреляція, быть можетъ, и не дастъ отвѣта, по гдѣ лежитъ причина этого—въ дѣйствительномъ ли отсутствіи коррелятивной зависимости двухъ признаковъ, въ присутствіи ли нѣсколькихъ антропологическихъ типовъ, уравновѣшивающихъ другъ друга, или, если серія недостаточна, въ случайной комбинаціи индивидуумовъ—можно рѣшить лишь послѣ примѣненія другихъ методовъ и тщательнаго разсмотрѣнія на полѣ корреляціи данной серіи, а если серія мала, то повѣрочнымъ способомъ, какъ и въ случаѣ кривыхъ. Но если отрицательный отвѣтъ корреляціи сопровождается небольшой σ и наблюдается въ подавляющемъ большинствѣ паръ признаковъ, то можно утверждать, что данная серія представляетъ несмѣшанную группу, особенно при однообразной окраскѣ волосъ и глазъ и малой варіаціонности другихъ описательныхъ признаковъ. Весьма возможно, что корреляція различныхъ признаковъ группы, состоящей изъ двухъ антропологическихъ элементовъ, смѣшеніе которыхъ происходило на протяженіи многихъ поколѣній, не можетъ вообще дать высокихъ коэффиціентовъ и даже, быть можетъ, дастъ отрицательный отвѣтъ. Въ такомъ случаѣ примѣненіе другихъ способовъ — разсмотрѣніе рядовъ и кривыхъ при весьма большой серіи, полученіе величинъ σ по различнымъ признакамъ, сравненіе по методу Mollisson'a кривой данной группы съ кривыми другихъ народностей — можетъ дать отвѣтъ, подъ вліяніемъ какихъ антропологическихъ группъ она находится.

Что касается величины коэффиціента корреляціи, то, по имѣющимся уже наблюденіямъ, какъ было сказано, большихъ (болѣе $\pm 0{,}50$) коэффиціентовъ въ антропологіи, изучающей групповой составъ смѣшанныхъ народностей, ждать нельзя. Причина этого лежитъ въ томъ, что даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ часть рядовъ одной антропологической группы,

---

можно найти у Слуцкаго, op. cit., Леонтовича, op. cit., Орженцкаго, op. cit.; общую теорію у Pearson, The grammar of science. London и въ трудахъ его школы и изданіи Biometrika и др. Въ 1913 году вышла работа: Czekanowsky, Zarys metod statystycznych w zastosowaniu do antropologii. Warszawa. 1913, но въ виду того, что она написана на польскомъ языкѣ, многимъ читателямъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, къ сожалѣнію, мало доступна. Авторъ въ ней разбираетъ всѣ новѣйшіе методы, знаніе которыхъ безусловно необходимо для обработки антропологическихъ данныхъ.

входящей въ смѣсь, покрываетъ часть рядовъ другой группы, — и такъ въ обоихъ коррелируемыхъ признакахъ. Если же допустить, что продуктомъ смѣси является новый третій промежуточный элементъ, то, какъ слѣдствія этого допущенія, нужно ожидать, что корреляцивная связь двухъ признаковъ должна быть еще больше вуалирована этимъ промежуточнымъ элементомъ, и, далѣе, чѣмъ длительнѣе былъ процессъ смѣшенія и чѣмъ ближе по своимъ признакамъ стоятъ два смѣшивающихся элемента, тѣмъ меньше долженъ быть коэффиціентъ. Этого мы должны ждать для данныхъ по Сибири, гдѣ въ теченіе многихъ столѣтій шла перетасовка народностей и гдѣ смѣшеніе различныхъ антропологическихъ типовъ несомнѣнно. Если въ данную серію входитъ болѣе двухъ антропологическихъ элементовъ, то корреляцивная связь паръ признаковъ можетъ быть также вуалирована, а коэффиціентъ даже сведенъ къ 0. Комбинацій различныхъ вліяній въ такихъ случаяхъ можетъ быть весьма много.

Далеко не по всѣмъ признакамъ у данной смѣшанной народности мы можемъ ждать положительнаго отвѣта въ корреляціяхъ. Въ томъ случаѣ, когда два элемента, входящіе въ изслѣдуемую серію, различаются по одному признаку, а по другому своими средними стоятъ близко, отвѣтъ корреляціи долженъ быть или величиной весьма небольшой или даже близкой къ 0. Поэтому, желательно знать результаты корреляцій возможно большаго числа признаковъ.

Хотя методъ корреляцій даетъ положительный отвѣтъ не всегда, но примѣненіе его при обработкѣ антропологическихъ матеріаловъ, въ случаяхъ даже нулевого коэффиціента, можетъ оказаться весьма полезнымъ, особенно въ запутанныхъ случаяхъ (смѣшеніе болѣе чѣмъ двухъ антропологическихъ элементовъ), такъ какъ, помимо вывода коэффиціентовъ корреляцій, возможно выдѣлить отдѣльныя группы, — особенно если индивидуумовъ наносить на поле корреляціи условными для каждой группы обозначеніями, напримѣръ, цвѣтными, и затѣмъ проанализировать группы какъ отдѣльныя серіи. Кромѣ того, при большихъ серіяхъ возможно вычислять среднюю ариѳметическую одного признака въ каждомъ ряду другого признака[1] и получить соотвѣтствующую кривую на полѣ корреляціи.

Коэффиціенты слѣдуетъ располагать въ общія таблички, а на поляхъ корреляцій намѣтить приблизительно группы, вліяющія на линію регрессіи, и вычислить для этихъ группъ M и σ, конечно, неточно, такъ какъ опредѣленіе границъ выдѣляемыхъ группъ субъективно.

При сравненіи двухъ и болѣе изслѣдованныхъ народностей, соматическая близость которыхъ или вліяніе другъ на друга могутъ быть запо-

[1] Этимъ пріемомъ пользовались въ русской антропологической литературѣ.

дозрѣны, я предложилъ бы пользоваться способомъ наложенія полей корреляціи пары одинаковыхъ признаковъ. Налагая одно поле на другое, необходимо совмѣстить равноцѣнные ряды по обоимъ коррелируемымъ признакамъ. При этомъ можно получить рядъ существенныхъ выводовъ. Такъ, напримѣръ, совпаденіе полей корреляціи возможно при близкихъ среднихъ ариѳметическихъ и мало различающихся предѣлахъ крайнихъ отклоненій по обоимъ признакамъ двухъ сравниваемыхъ народностей; если знаки при коэффиціентахъ корреляцій различны, то совпаденіе полей укажетъ на различіе составныхъ элементовъ обѣихъ группъ, несмотря даже на то, что по среднимъ ариѳметическимъ двухъ данныхъ признаковъ обѣ группы будутъ совершенно сходны[1]. Совпаденіе, напримѣръ, нижняго положительнаго квадранта одного поля съ верхнимъ положительнымъ квадрантомъ другого поля при коэффиціентѣ со знакомъ -+- или та же комбинація съ отрицательными квадрантами и при коэффиціентѣ со знакомъ — могутъ служить объясненіемъ взаимныхъ вліяній двухъ антропологическихъ элементовъ, проявившихся на данныхъ серіяхъ. Перекрещиваніе же линій регрессіи на общемъ полѣ можетъ объяснить отсутствіе корреляціи у третьей группы, производной первыхъ двухъ. Всѣхъ комбинацій, которыя могутъ получиться при наложеніи полей, я не буду разбирать, такъ какъ это не входитъ въ задачи настоящей статьи.

Итакъ, полученные различными способами величины и коэффиціенты, характеризующіе изслѣдуемую группу, даютъ возможность сдѣлать провѣрку достаточности матеріала и взаимную провѣрку полученныхъ разными способами выводовъ.

Весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ случаяхъ смѣси многихъ антропологическихъ элементовъ, ни одинъ изъ указанныхъ пріемовъ анализа не дастъ отвѣта на интересующій насъ вопросъ объ антропологическомъ составѣ данной группы, и я, не считая указанные пріемы за методологическую панацею, полагаю, что въ процессѣ антропологическаго изученія мы неминуемо столкнемся съ необходимостью усовершенствованія извѣстныхъ методовъ и приложенія новыхъ.

Мнѣ остается теперь сказать еще о методѣ, примѣненномъ Czekanowsky'мъ[2] къ изученію Польши и Чепурковскимъ[3] къ изученію Россіи. Этотъ методъ, быть можетъ, и удобенъ для изученія населенія, составленнаго изъ немногочисленныхъ антропологическихъ типовъ, при наличности естественныхъ центровъ, сравнительной неподвижности населенія и, къ

---

[1] Одинъ изъ частныхъ случаевъ опасности пользованія только средней ариѳметической и процентными исчисленіями частотъ по рядамъ.

[2] Archiv für Anthropologie. N. F. Band. X. Heft. 2/3.

[3] Чепурковскій, Матеріалы для антропологіи Россіи. М. 1913.

тому же, при весьма большомъ количествѣ наблюденій[1], но для изслѣдованія Сибири, — гдѣ можно предположить наличность нѣсколькихъ антропологическихъ типовъ и комбинацій ихъ, интенсивное передвиженіе въ прошломъ и наслоеніе новыхъ элементовъ въ настоящемъ, — безусловно не можетъ быть примѣненъ. Этотъ методъ въ приложеніи къ изученію составныхъ элементовъ (антропологическихъ типовъ) Сибири долженъ потерпѣть такое же фіаско, какъ и методъ Ивановскаго. Разница между ними лишь та, что Ивановскій принимаетъ за единицу наблюденія не территорію, а этническую группу.

Все сказанное относится, конечно, не только къ матеріаламъ, полученнымъ на живыхъ, но также и къ скелетнымъ и краніологическимъ матеріаламъ, поскольку они годны какъ статистическій матеріалъ.

Изъ краткаго перечня работъ по антропологіи Сибири и общаго вывода о смѣшанности перечисленныхъ народностей и недостаточности аналитическаго изученія ихъ вытекаютъ двѣ основныя задачи антропологическаго изслѣдованія Сибири: 1) пополненіе матеріаловъ и 2) болѣе тщательный анализъ составныхъ элементовъ, имѣющій своею цѣлью выдѣленіе основныхъ антропологическихъ типовъ.

Пополненіе матеріаловъ по антропологіи желательно производить въ зависимости отъ выводовъ, полученныхъ на основаніи данныхъ о народностяхъ уже изученныхъ. Надо замѣтить, что, при условіи быстраго заселенія Сибири русскими колонизаторами, вытѣсненіе аборигеновъ и постепенное смѣшеніе ихъ съ пришлымъ элементомъ происходитъ съ поразительной быстротой. Такъ, напримѣръ, образовалось уже метисизированное населеніе якутско-русское, камчадальское, бурятско-русское, тунгусско-русское[2] и т. д. Это обстоятельство должно особенно поторопить изслѣдователей собрать недостающіе матеріалы, прежде чѣмъ народности будутъ поглощены колонизаторами.

Въ сѣверозападной Сибири Руденко установилъ наличность, по крайней мѣрѣ, двухъ различныхъ антропологическихъ типовъ: самоѣдскаго и вогульскаго. Самоѣдскій типъ Руденко сблизилъ, между прочимъ, съ ло-

---

[1] Работа Чепурковскаго была критически разобрана Золотаревымъ (Ежег. Рус. Антр. Общ. 1913, т. IV). Одинъ изъ крупнѣйшихъ недочетовъ ея заключается въ пользованіи ограниченнымъ матеріаломъ. Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы не быть въ состояніи оцѣнить значеніе этого метода въ приложеніи его къ изученію антропологическаго состава Россіи.

[2] Почти 50% всѣхъ тунгусовъ уже вполнѣ метисизировано. Весьма важно изученіе метисовъ съ точки зрѣнія наслѣдованія признаковъ. Поэтому, было бы весьма желательно, чтобы изслѣдователи отмѣчали на листахъ родственныя отношенія измѣренныхъ, а у женщинъ пришлыхъ — ихъ прежніе родъ и народность.

парями. Поэтому, необходимо пополнить промежутокъ между скандинавскими лопарями и обскими самоѣдами. Связующимъ звеномъ между этими двумя народностями, — кстати сказать, недостаточно изслѣдованными, — являются лопари русскіе и самоѣды канинскіе и большеземельской тундры. Русскіе лопари изслѣдованы Кельсіевымъ и Шмаковымъ[1]; ихъ матеріалы, взятые въ отдѣльности, безусловно недостаточны, но, будучи соединены вмѣстѣ, могутъ дать основанія для нѣкоторыхъ осторожныхъ выводовъ. Можно ли говорить о наличности двухъ различныхъ типовъ (Харузинъ) лопарей или, проще, найти неизвѣстный типъ, примѣшанный къ русскимъ лопарямъ — это покажетъ болѣе тщательное изученіе наличныхъ и будущихъ матеріаловъ. Канинскіе самоѣды, судя по совпаденію недостаточныхъ данныхъ Зографа съ данными Руденко, близки къ сибирскимъ, но измѣренія ихъ, а также и большеземельскихъ самоѣдовъ необходимо пополнить[2]. У этихъ народностей необходимо установить вліяніе ближайшихъ сосѣдей ихъ — зырянъ, пермяковъ, вотяковъ и др. Онѣ должны быть изучены въ большемъ, чѣмъ въ настоящее время, количествѣ, въ виду ихъ несомнѣнно смѣшаннаго состава и большой численности.

Руденко, признавая обскихъ самоѣдовъ чистой группой, даетъ въ то же самое время нѣкоторыя основанія для противоположныхъ заключеній, поскольку вообще можно утверждать что-нибудь, основываясь на не вполнѣ достаточномъ матеріалѣ. Такъ, напр., средняя роста его мезоцефаловъ значительно больше (на 3, 8), чѣмъ средняя роста брахицефаловъ[3]; ближайшіе сосѣди самоѣдовъ, остяки, представляютъ какъ бы промежуточную группу между самоѣдами и вогулами, что подтверждается и данными о промежуточныхъ группахъ между самоѣдами и остяками и между остяками и вогулами. Трудно предположить, чтобы сосѣди не воздѣйствовали на самоѣдовъ въ смыслѣ повышенія роста и уменьшенія головного указателя, а эта тенденція и проявляется въ таблицѣ Руденко. Та же тенденція наблюдается и относительно другихъ признаковъ. Такимъ образомъ, есть основаніе думать, что у основного самоѣдскаго типа можно будетъ найти еще бо́льшую круглоголовость, при еще болѣе низкомъ ростѣ, и въ другихъ признакахъ такую же рѣзкость, отличающую основной типъ отъ примѣси. Въ виду особаго интереса, возбуждаемаго самоѣдами, желательно пополнить имѣю-

---

[1] Шмаковъ (Ежегодникъ Русс. Антр. Общ., т. III), на основаніи $\frac{\Sigma\delta}{n} = 3{,}25$ для роста, говоритъ о чистотѣ типа своихъ лопарей. Это безусловно невѣрно: въ другихъ признакахъ его лопари по той же величинѣ проявляютъ смѣшанность, такъ какъ даютъ высшую σ, и, кромѣ того, по цвѣтности они также смѣшаны.

[2] Если не ошибаюсь, изслѣдованіе этихъ группъ отчасти было уже произведено экспедиціей, снаряженной на средства Шахова въ Москвѣ.

[3] Руденко, op. cit., табл. 90.

щуюся серію, а также имѣть измѣренія самоѣдовъ, живущихъ къ сѣверу и востоку отъ измѣренныхъ и находящихся въ контактѣ съ другими народностями. Типъ, близкій самоѣдскому, встрѣчается среди енисейцевъ, и Руденко, при сравненіи енисейцевъ съ самоѣдами, получилъ большое сближеніе ихъ. По словамъ В. И. Анучина, среди енисейцевъ описательно можно различать нѣсколько типовъ, причемъ есть примѣсь и тунгусскаго элемента. Если это дѣйствительно такъ, то тунгусы должны были вліять на енисейцевъ именно въ направленіи отличія отъ самоѣдовъ, выраженнаго въ сравнительномъ повышеніи роста и пониженіи головного указателя[1]. То же самое наблюдается и въ другихъ признакахъ. Для опредѣленія территоріи распространенія этого типа весьма большой интересъ представляютъ народности, живущія въ бассейнѣ верхняго Енисея и въ Саянскихъ горахъ. Сойоты оказываются также близкими къ самоѣдамъ (Горощенко, Руденко); вѣрнѣе же сказать—среди сойотовъ и самоѣдовъ встрѣчается общій типъ, который ихъ сближаетъ. Вліяніе на сойотовъ болѣе высокорослаго элемента, быть можетъ, близкаго монголамъ или бурятамъ, вполнѣ возможно, и отличія сойотовъ отъ самоѣдовъ могутъ быть объяснены именно этимъ обстоятельствомъ. Пополненіе и болѣе детальное изученіе измѣреній сойотовъ необходимы для того, чтобы на большемъ матеріалѣ установить правильность выше приведеннаго предположенія. Для объясненія наличности типа, общаго перечисленнымъ народностямъ, было сдѣлано (Зографъ, Ивановскій) предположеніе, что въ лицѣ самоѣдовъ мы имѣемъ монголовъ (какихъ?), въ силу климатическихъ условій уменьшившихся въ ростѣ. Если даже принять это предположеніе, — для чего, я полагаю, еще нѣтъ достаточныхъ основаній,—то расхожденіе самоѣдовъ съ монголами по другимъ признакамъ, какъ, напримѣръ, относительная длина руки, высота головы и пр., ни климатомъ ни экономическими условіями едва ли можетъ быть объяснено. Когда матеріалы по перечисленнымъ народностямъ будутъ пополнены, а имѣющіеся разработаны въ смыслѣ анализа составляющихъ ихъ элементовъ, тогда возможно будетъ приблизительно опредѣлить и среднія величины признаковъ, характерныхъ для основного типа. Называть его самоѣдскимъ или лопарскимъ, или именемъ еще какой-нибудь лингвистической группы, я не считаю полезнымъ, такъ какъ, быть можетъ, самоѣды и другія народности изъ указанныхъ выше говорили раньше на другомъ языкѣ. Поэтому для удобства я назову этотъ типъ[2] черезъ *A*.

---

[1] Корреляція роста и головного указателя енисейцевъ ($r = -0{,}12$) это предположеніе отчасти подтверждаетъ.

[2] Весьма вѣроятно, что дальнѣйшій анализъ этого типа *A* дастъ возможность найти внутри него какіе-нибудь новые элементы.

Въ трудахъ антропологовъ, изучавшихъ бурятъ, калмыковъ и киргизовъ, можно найти указанія на присутствіе среди нихъ типа почти высокорослаго, кругло- и низкоголоваго, длиннорукаго, узконосаго, сильно скуластаго и т. д. Условно обозначу его черезъ *B*. Распространеніе этого типа не менѣе широко, чѣмъ предыдущаго, и разными авторами онъ былъ названъ монгольскимъ. Насколько неудачно опредѣленіе его, какъ «монгольскаго», можно судить хотя бы по тому, что буряты аларскіе и монголы-халхасцы по многимъ признакамъ (особенно по головному указателю) сильно отличаются отъ остальныхъ такъ называемыхъ монголовъ, а народности, представляющія монгольскій типъ, сами представляютъ смѣсь. Кромѣ указанныхъ народностей, типъ *B* встрѣчается также у телеутовъ, вѣроятно, у тунгусовъ забайкальскихъ Талько-Грынцевича и въ группѣ тунгусовъ, измѣренныхъ мною, а также его можно предполагать и среди якутовъ. Авторы, изучавшіе эти народности, говорятъ о примѣсяхъ, двухъ типахъ и т. д. Такъ, напримѣръ, Ивановскій у торгоутовъ различаетъ по родамъ два типа; Шендриковскій и Поротовъ говорятъ о смѣшанности бурятъ на основаніи формулы $\frac{S\delta}{n}$; къ тому же приходитъ и Талько-Грынцевичъ. Вѣроятно, смѣшеніе типа *B* съ какими-то другими элементами должно было вліять въ смыслѣ пониженія его характерныхъ особенностей. Поэтому, мы можемъ предположить, что основной типъ *B* этихъ группъ въ дѣйствительности еще болѣе высокъ ростомъ, болѣе круглоголовъ и низкоголовъ, длиннорукъ и т. д., чѣмъ изученныя народности. Выясненіе вліянія на типъ *B* другихъ типовъ и, обратно, вліянія типа *B* на сосѣдей дастъ матеріалъ для опредѣленія территоріальнаго распредѣленія этого типа. Поэтому, необходимо измѣрить въ большемъ количествѣ, въ виду значительной численности, киргизовъ и найти связь ихъ съ южными сосѣдями — сартами, таджиками и пр., а также башкирами и др. Измѣренія уйгуровъ въ Китаѣ[1] могутъ пролить много свѣта на этотъ вопросъ. Также необходимо болѣе широкое изученіе калмыковъ восточныхъ (турфанскихъ, булугунскихъ, джунгарійскихъ и др.) и ихъ ближайшихъ сосѣдей на Алтаѣ—телеутовъ, телесовъ и др., а равно изученіе народностей Алтая и примыкающихъ областей, каковы: бельтиры, шорцы, качинцы, сагаи, кызыльцы, татары тобольскіе и томскіе, карагасы и др. Нѣкоторыя изъ этихъ народностей, изученныя Горощенко (карагасы—Залѣсскимъ) въ недостаточномъ количествѣ и по недостаточной программѣ, не дали отвѣта на вопросъ о ихъ составѣ. Особенно важно изученіе этихъ народностей въ виду ихъ быстраго вытѣсненія

[1] По имѣющимся свѣдѣніямъ, командированный Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи С. Е. Маловъ успѣшно производитъ въ настоящее время измѣренія уйгуровъ.

и обрусѣнія. На киргизахъ, отчасти калмыкахъ, а также перечисленныхъ народностяхъ, вѣроятно, отразилось вліяніе какого-то типа длинноголоваго, съ ростомъ приблизительно <166 и >155. Весьма возможно, что на основаніи указанныхъ матеріаловъ можно будетъ получить характеристику новаго типа (*C*), понижающаго ростъ и головной указатель типа *B* и въ то же время повышающаго ростъ и понижающаго головной указатель типа *A*.

Восточныя группы монголовъ — собственно монголовъ, судя по недостаточнымъ даннымъ Талько-Грынцевича и особенностямъ аларскихъ бурятъ, значительно отличаются отъ типа *B* («монгольскаго»). Разработка матеріаловъ Поротова и еще неопубликованныхъ Сапожникова и Петри, пополненіе серіи хоринскихъ бурятъ (68 измѣрено Талько-Грынцевичемъ) и измѣренія баргузинскихъ, улдургинскихъ и агинскихъ бурятъ, быть можетъ, объяснятъ это неопредѣленное положеніе бурятъ аларскихъ[1]. Весьма возможно, что отклоненія монголовъ (халхасскихъ) нужно искать во вліяніяхъ китайцевъ и маньчжуръ. Поэтому, необходимо пополнить измѣренія халхасскихъ монголовъ, а также имѣть измѣренія монголовъ, находящихся въ контактѣ съ карагасами, калмыками, тибетцами и китайцами.

Выше я указывалъ на то, что матеріалы по тунгусамъ представлены весьма бѣдно. О тунгусахъ всѣ авторы высказывались, какъ о народности сильно смѣшанной[2]. Близость, по среднимъ ариѳметическимъ, тунгусовъ забайкальскихъ и бурятъ Талько-Грынцевича дала возможность Ивановскому включить тунгусовъ въ монгольскую группу. Той же участи подверглись и южные тунгусы Майнова, но сѣверные тунгусы Майнова оказались изолированной группой. Читинскіе тунгусы, измѣренные мною, представляютъ смѣсь, по крайней мѣрѣ, двухъ типовъ — типа *B* и типа, который можетъ быть охарактеризованъ по отношенію къ первому, какъ низкорослый, среднеголовый, высокоголовый, широконосый, коротко-рукій и т. д., но является ли послѣдній типъ основнымъ, характернымъ для тунгусовъ вообще, я утверждать не берусь. Орочены забайкальскіе, измѣренные мною, по большинству признаковъ весьма далеки отъ типа *B*, а недостаточность матеріаловъ въ настоящее время не даетъ возможности выдѣлить тотъ основной типъ, который оказался въ Забайкальской области подъ вліяніемъ бурятъ, въ Якутской — подъ вліяніемъ якутовъ и другихъ народностей. Весьма вѣроятно, что дальнѣйшее изученіе тунгусовъ дастъ возможность выдѣлить типъ характерный для тунгусовъ (D), но также вѣроятно и то, что существованіе этого типа только кажущееся, и онъ есть не болѣе какъ

[1] Въ системѣ Ивановскаго они не нашли своего мѣста.

[2] Талько-Грынцевичъ, Майновъ, Маргаритовъ, не говоря уже о путешественникахъ, оправившихся на описательные признаки.

конгломератъ двухъ, а, быть можетъ, и трехъ типовъ. Антропологическая общность между тунгусами, юкагирами, камчадалами значительно больше, чѣмъ, напримѣръ, между тунгусами сѣверными и южными Майнова. Вѣроятно, причиной отличныхъ особенностей сѣверныхъ тунгусовъ является вліяніе типа крайне низкорослаго, длинноголоваго и т. д. О вліяніи подобнаго типа на тунгусовъ говорилъ еще академикъ Шренкъ и подтвердилъ Майновъ. Для выясненія этого вопроса необходимо пополненіе измѣреній прiохотскихъ тунгусовъ и измѣреній ламутовъ. Матеріалы Іохельсонъ-Бродской по камчадаламъ и алеутамъ, при сравненіи ихъ съ чукотскими и эскимосскими, могутъ дать возможность опредѣлить приблизительно границы распространенія сравнительно высокорослаго типа съ головнымъ указателемъ, близкимъ 80, и здѣсь, вѣроятно, возможно будетъ найти тѣ основные элементы, которые скрещиваются[1] на крайнемъ Сѣверо-Востокѣ Азіи и прилегающей Аляскѣ; это скрещиваніе, вѣроятно, вызвало сглаживаніе рѣзкостей признаковъ у смѣшивающихся основныхъ элементовъ. Изученіе взаимоотношеній низкорослыхъ длинноголовыхъ элементовъ крайней Сѣверо-Восточной Америки и круглоголовыхъ индѣйцевъ — съ одной стороны, а съ другой — изученіе взаимоотношеній низкорослыхъ длинноголовыхъ Сѣверо-Востока Азіи и типа *B*. при необходимомъ пополненіи матеріаловъ и болѣе детальномъ анализѣ составляющихъ, вѣроятно, дадутъ возможность опредѣлить промежуточныя (территоріально) народности, какъ тунгусы, якуты и др., и связать общностью антропологическихъ типовъ Сѣверную Америку и Сибирь. Для этого необходимо имѣть матеріалы по тунгусскимъ народностямъ, живущимъ въ бассейнѣ р. Амура: ороченъ маньчжурскихъ (по хребту Хинганъ), манегровъ, солоновъ, дауровъ, маньчжуровъ и китайцевъ, пополнить матеріалы по гольдамъ, тунгусамъ, ольчамъ, орочамъ, орокамъ и др.[2]. Особенный интересъ представляютъ Сахалинъ и все побережье Японскаго и Охотскаго морей. Наличность различныхъ антропологическихъ элементовъ, — какъ, напримѣръ, крайне малорослые ороки и орочи съ головнымъ указателемъ, близкимъ 80, и рядомъ съ ороками сравнительно высокорослые гиляки, сами рѣзко распадающіеся, по указанію Л. Я. Штернберга, на двѣ группы: сахалинскихъ и амурскихъ, и тутъ же загадочные айны, — при условіи миграціоннаго значенія системы острововъ и побережья, должна насъ натолкнуть на предположеніе о существованіи болѣе запутанныхъ смѣсей. Поэтому, матеріалы по народ-

---

[1] Іохельсонъ-Бродская, Р. А. Ж. 1907, № 1, стр. 15.

[2] Результаты антропологическаго изслѣдованія амурскихъ народностей, предпринятаго С. Ф. Понятовскимъ, мнѣ неизвѣстны, но такъ какъ его маршрутъ воспроизводитъ маршрутъ Л. Я. Штернберга, то можно ожидать пополненія матеріаловъ какъ разъ въ желательномъ направленіи.

постямъ, занимающимъ эти области, должны быть весьма полны. Сахалинскіе айны, ороки, жители Курильскихъ острововъ должны быть измѣрены въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ. Близживущія народности, какъ корейцы, китайцы, японцы, быть можетъ, объяснятъ нѣкоторыя особенности перечисленныхъ группъ. Поэтому, изученіе ихъ для сибирской антропологіи во многихъ случаяхъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Не менѣе важно пополненіе матеріаловъ по якутамъ. Многими авторами была установлена наличность типа, близкаго типу *B*, но на якутахъ не могло не отразиться вліяніе сосѣднихъ народностей, рѣзко отличающихся отъ якутовъ вообще и особенно типа *B*. Западные енисейскіе тунгусы еще совершенно не изучены[1]. Также необходимо пополнить матеріалы по измѣренію енисейцевъ, тунгусовъ якутскихъ и измѣрить тунгусовъ, живущихъ въ бассейнахъ верхней Лены и Верхней Ангары.

Выше я говорилъ о возможности вліянія на народности Сибири колонизаторовъ изъ Россіи, которые сами, будучи составлены изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ (отъ Кавказа до Ледовитаго океана и отъ Балтійскаго моря до Урала) и вливаясь небольшими ручьями въ сильно уже смѣшанное населеніе, могутъ еще больше вуалировать антропологическія особенности смѣшивающихся этническихъ группъ. При опредѣленіи русскаго вліянія дѣло, конечно, значительно облегчается однообразной (темной) окраской сибирскихъ народностей, но и въ самомъ сибирскомъ населеніи встрѣчается какой-то элементъ со свѣтлой окраской (народности бассейна Енисея — енисейцы, народности, изученныя Горощенко, карагасы, теленгеты, отчасти буряты, киргизы и др., а также западно-сибирскія народности). Историческіе памятники подтверждаютъ, что такой типъ (по окраскѣ) былъ нѣкогда распространенъ довольно сильно[2]. Поэтому, при пользованіи признаками окраски для опредѣленія русскаго вліянія, приходится быть крайне осторожнымъ. Отысканіе же того элемента, который различается по окраскѣ отъ остальныхъ народностей Сибири, должно составить одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ сибирской антропологіи.

При разборѣ имѣющагося матеріала и перечисленіи тѣхъ народностей, измѣренія которыхъ желательно имѣть, я совершенно не касался вопроса объ измѣреніяхъ женщинъ. Между тѣмъ, измѣренія женщинъ весьма важны для основной задачи — анализа составныхъ элементовъ. Въ этомъ

---

[1] Находящаяся въ числѣ участниковъ англійской экспедиціи, снаряженной въ 1914 году, г-жа Чаплицкая поставила своей цѣлью изученіе этихъ тунгусовъ.

[2] Въ статьѣ Грумъ-Гржимайло: Бѣлокурая раса въ Средней Азіи (Зап. Имп. Рус. Г. О. по Отд. Эти., т. XXXIV. Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина. СПБ. 1909) дана сводка по этому вопросу.

я убѣдился на личномъ опытѣ. Коррелируя пары признаковъ различныхъ народностей (орочены, тунгусы, буряты), я выдѣлялъ основные типы, причемъ оказывалось, что женщины стоятъ ближе къ основному типу. Такъ, напримѣръ, нехарактерная особенность для тунгусовъ — сильная круглоголовость при высокомъ ростѣ — объясняется примѣсью бурятъ: Женщины, — правда, измѣренныя мною въ недостаточномъ количествѣ, — по головному указателю, а также и по другимъ признакамъ стояли ближе къ основному типу, отличаясь своей средней отъ средней мужчинъ какъ разъ въ направленіи болѣе рѣзкихъ отличій отъ бурятъ. То же самое, какъ намекъ, выступаетъ и въ матеріалахъ Іохельсонъ-Бродской[1] на тунгусахъ, юкагирахъ, камчадалахъ и эскимосахъ, гдѣ было вліяніе въ смыслѣ пониженія головного указателя у тунгусовъ и повышенія его у остальныхъ трехъ народностей. Калмыки астраханскіе отъ ближайшихъ имъ крайне круглоголовыхъ торгоутовъ отличаются пониженнымъ головнымъ указателемъ, что можно объяснить вліяніемъ элементовъ, по типу противоположныхъ торгоутамъ. Женщины калмыцкія даютъ большую круглоголовость. Количество фактовъ можетъ быть значительно пополнено. Эти факты даютъ нѣкоторыя основанія для предположенія, что женщины, при смѣшеніи различныхъ антропологическихъ элементовъ, отличаются большей устойчивостью. Эта мысль высказывалась неоднократно въ антропологической литературѣ; я рѣшаюсь подтвердить это предположеніе указанными фактами, не входя въ обсужденіе вопроса, какимъ именно путемъ протекаетъ процессъ смѣшенія. Приведенныхъ примѣровъ, конечно, недостаточно, какъ и данныхъ по измѣреніямъ женщинъ, особенно при неразработанности имѣющихся матеріаловъ, но, несмотря на это, я рѣшаюсь привести указанное предположеніе, чтобы подчеркнуть особенную важность имѣть измѣренія женщинъ; эти измѣренія, быть можетъ, послужатъ намъ въ качествѣ одного изъ аналитическихъ пріемовъ для открытія составляющихъ. Первое мѣсто среди трудовъ по измѣренію женщинъ принадлежитъ безусловно матеріаламъ Іохельсонъ-Бродской и Богораза. Въ виду того значенія, которое могутъ имѣть измѣренія женщинъ, необходимо регистровать на листахъ происхожденіе женщинъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходитъ замѣщеніе одного антропологическаго типа другимъ, именно путемъ проникновенія женщинъ въ данную группу.

Въ антропологической литературѣ довольно часто, — особенно въ случаяхъ, когда трудно найти причины несоотвѣтствія полученныхъ результатовъ съ ожидаемыми, — упоминаются климатическія и экономическія условія, а

[1] Р. А. Ж. 1907, № 1. стр. 19.

также условія физическаго воспитанія дѣтей (люлька и пр.)[1]. Поэтому, эти факты необходимо при изслѣдованіи регистровать, какъ и факты, относящіеся къ искусственной деформаціи головы.

Въ настоящей статьѣ я ничего еще не говорилъ о матеріалѣ скелетномъ и краніологическомъ. Въ этомъ отношеніи антропологія, изучающая статистическіе матеріалы, находится въ болѣе трудномъ положеніи. Имѣть статистическій скелетный матеріалъ въ настоящее время почти невозможно по причинѣ затрудненія въ храненіи его, трудности добыванія и установленія точности происхожденія. Поэтому, мы можемъ располагать только матеріаломъ краніологическимъ. По нѣкоторымъ народностямъ краніологическіе матеріалы достаточны для обработки, а нѣкоторые уже и опубликованы. Количество имѣющихся череповъ и скелетовъ учесть весьма трудно, такъ какъ они хранятся въ различныхъ учрежденіяхъ. Пополненіе же этихъ коллекцій, каковы бы онѣ ни были въ количественномъ отношеніи, всегда важно. Краніологическій и скелетный матеріалы особенно цѣнны, такъ какъ лабораторное изученіе ихъ имѣетъ всѣ преимущества передъ изученіемъ на живыхъ, и всѣ особенности строенія костной основы могутъ быть изучены детально. Даже небольшой краніологическій и скелетный матеріалъ, при условіи разработанности антропологіи на живыхъ, можетъ сослужить большую службу. Въ этомъ отношеніи для антропологіи въ Сибири открывается почти незатронутая изслѣдователями область.

Изъ тѣхъ указанныхъ выше изслѣдованій, которыя вполнѣ пригодны для выводовъ и дальнѣйшей обработки, видно, что пока еще произведена только меньшая часть работы. Тѣмъ не менѣе, возможно дѣлать сравненія новыхъ матеріаловъ съ имѣющимися, по мѣрѣ нахожденія составляющихъ элементовъ, но не слѣдуетъ сравнивать народности по отдѣльнымъ признакамъ. При сравненіи по отдѣльнымъ признакамъ, напримѣръ, получается, что юкагиры по росту ближе всего стоятъ къ самоѣдамъ и лопарямъ, а по головному указателю — къ остякамъ, по ширинѣ же лица — къ бурятамъ и т. д.; подобное сравненіе имѣетъ лишь значеніе картографическое для даннаго признака. Принимая же во вниманіе антропологическую смѣшанность сибирскаго населенія, можно съ увѣренностью сказать, что знаніе географическаго распространенія отдѣльныхъ признаковъ нисколько не послужитъ къ выясненію составныхъ элементовъ отдѣльныхъ народностей, не говоря уже о томъ, что среднія ариѳметическія по отдѣльнымъ признакамъ

---

[1] Замѣчу, между прочимъ, что люлька у всѣхъ бурятъ одинакова, но по головному указателю среднія бурятъ колеблются отъ 82 (аларскіе) до 88 (селенгинскіе Шендриковскаго); люлька у большинства тунгусовъ также одинакова, но по головному указателю они различаются. Не болѣе выясненъ и вопросъ о климатическихъ и экономическихъ вліяніяхъ. Различіе роста различныхъ соціальныхъ группъ—явленіе болѣе сложное.

во многихъ случаяхъ не будутъ представлять господствующій элементъ въ данной народности.

Этотъ пріемъ сравненій, мало полезный для антропологической характеристики народностей, крайне перегружаетъ антропологическія работы въ ущербъ общей ясности. Даже въ качествѣ сводки матеріаловъ онъ утерялъ свое значеніе, такъ какъ имѣются незамѣнимыя для этихъ цѣлей работы Ивановскаго, которыя, будучи немного пополнены, могутъ служить универсальными справочниками.

Весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ на всѣ попытки сравненія и анализа состава населенія получатся отрицательные отвѣты. Особенно этого приходится ждать для народностей, давно находящихся подъ вліяніемъ смѣшивающихся съ ними сосѣднихъ народностей, или для еще болѣе труднаго въ аналитическомъ отношеніи случая — смѣси, состоящей изъ нѣсколькихъ антропологическихъ типовъ. Къ такого рода неудачамъ въ изученіи антропологическаго состава Сибири мы должны быть готовы, и, въ ожиданіи усовершенствованія методовъ анализа, желательно, чтобы всѣ индивидуальныя измѣренія цѣликомъ публиковались; это можетъ оказаться болѣе цѣннымъ, чѣмъ мало говорящія сравненія среднихъ ариѳметическихъ и процентныя вычисленія количественно недостаточныхъ серій.

Изслѣдованіе составныхъ элементовъ съ приблизительной цифровой характеристикой по всѣмъ признакамъ и опредѣленіе основныхъ антропологическихъ типовъ съ такой же характеристикой должны составить конечный фазисъ чисто антропологическаго изслѣдованія Сибири. Выше я уже указывалъ на то, что старая классификаціонная терминологія должна быть замѣнена новой, и я предложилъ, въ качествѣ провизорной терминологіи, обозначать различные антропологическіе типы литерами. Терминологія, основанная на лингвистической классификаціи народовъ Сибири, въ примѣненіи къ антропологіи, совершенно ненаучна, такъ какъ она какъ бы предопредѣляетъ антропологическое единство лингвистическихъ группъ и неоднократно служила даже поводомъ къ созданію предразсудка о непремѣнной связи между языкомъ и антропологическими особенностями народовъ; обозначеніе же антропологическихъ типовъ литерами имѣетъ то преимущество, что можетъ быть отнесено только къ антропологіи. При конечной сводкѣ основныхъ типовъ, выдѣленныхъ анализомъ изъ имѣющихся матеріаловъ, вѣроятно, будетъ возможно свести количество классификаціонныхъ единицъ къ весьма ограниченному числу, что, конечно, ближе стоитъ къ нашему общему представленію о немногочисленности основныхъ расъ.

Въ конечномъ фазисѣ антропологическаго изслѣдованія, пользованіе указаннымъ выше пріемомъ наложенія полей корреляцій, даже при отри-

нательномъ отвѣтѣ послѣднихъ, можетъ быть весьма полезно. Случаи крайне смѣшанныхъ народностей, гдѣ статистическіе методы не даютъ отвѣта, могутъ быть объяснены лишь при комбинированіи и сопоставленіи данныхъ антропологическихъ съ одной стороны и съ другой — данныхъ лингвистическихъ, этнографическихъ, историческихъ и археологическихъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда антропологическія данныя окажутся безсильными при опредѣленіи взаимоотношеній различныхъ народностей, возможно прибѣгать даже къ коррелированію признаковъ соматическихъ съ лингвистическими и этнографическими, причемъ наложеніе корреляціонныхъ полей, комбинированное съ другими данными, можетъ имѣть рѣшающее значеніе, въ сводкѣ же всѣхъ данныхъ вмѣстѣ и отысканіи первоначальныхъ основныхъ типовъ археологія пріобрѣтаетъ особенно большое значеніе. Въ этомъ заключительномъ фазисѣ могутъ быть созданы окончательныя классификація и терминологія, которыя должны указывать не только на антропологическую связь народностей Сибири, но также и на связь лингвистическую, культурную и историческую. Такимъ образомъ соматическая антропологія свои данныя сольетъ съ данными другихъ наукъ, изучающихъ человѣка, подтвердитъ ихъ и сама, въ свою очередь, найдетъ, вѣроятно, немало указаній, цѣнныхъ для корректированія ея выводовъ. Собранныя же антропологическія данныя, подтвержденныя данными другихъ наукъ, будутъ тѣмъ неоспоримымъ матеріаломъ, который въ настоящее время такъ бѣденъ и такъ необходимъ для антропологіи, задающейся чисто біологическими цѣлями.

Въ началѣ статьи я говорилъ о томъ, что конечная сводка данныхъ антропологіи, этнографіи, лингвистики и археологіи въ настоящее время является попыткой несвоевременной. Это мнѣніе касается только выводовъ, относящихся ко всей Сибири въ цѣломъ; для нѣкоторыхъ же областей ея, при небольшомъ пополненіи матеріаловъ, такая окончательная сводка, кажется, возможна уже и теперь.

Вопросъ конечной сводки для Сибири крайне осложненъ тѣмъ, что Сибирь во всѣхъ отношеніяхъ связана съ остальной Азіей и отчасти Сѣверной Америкой и не является страной изолированной. Археологическія данныя по Сибири, правда, въ настоящее время еще недостаточно обширныя, говорятъ, что Сибирь была пріобщена къ общей культурѣ еще во времена доисторическія, не говоря уже о позднѣйшихъ періодахъ, когда сталкивались и наслаивались различныя культуры. На ея территоріи движеніе культурныхъ волнъ должно было оставить болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, слѣдовъ смѣнявшихъ другъ друга культуръ и народовъ, такъ какъ по своему положенію Сибирь являлась страной окраинной и въ то же время миграціоннымъ путемъ по отношенію къ вѣроятнымъ центрамъ культурнаго

развитія и, быть можетъ, даже центрамъ происхожденія современнаго человѣка. Наличность народностей, которыя по нѣкоторымъ своимъ культурнымъ особенностямъ оказываются болѣе близкими къ народамъ Сѣверной Америки, а въ системѣ культуръ и народовъ Азіи являются загадкой, еще больше расширяетъ задачи антропологіи въ Сибири. Въ конечной сводкѣ данныхъ по Сибири невозможно будетъ не сопоставить ихъ съ данными по южной Маньчжуріи, Кореѣ, Китаю, Японіи и Сѣверной Америкѣ и даже странъ болѣе отдаленныхъ. Поэтому, чтобы избѣгнуть возможныхъ неудачъ при изученіи Сибири, какъ изолированной страны, вниманіе изслѣдователя должно быть обращено и на сопредѣльныя страны. Антропологи же, изучающіе Сибирь, въ виду особой трудности задачи распутыванія узла антропологическихъ отношеній, столь сложныхъ, но въ то же самое время и своеобразно простыхъ, должны быть особенно требовательны въ методологіи и стремиться къ созданію новыхъ аналитическихъ пріемовъ.

Академии Наук СССР
Библиотека
№

Гудмундъ Хаттъ.

Dr. Gudmund Hatt. København.

Искусственное формованіе головы ребенка у скандинавскихъ лапландцевъ.

Перевелъ съ нѣмецкой рукописи К. К. Гильзенъ.

До сихъ поръ въ литературѣ нигдѣ не упоминалось объ искусственномъ измѣненіи формы головы новорожденнаго ребенка у лапландцевъ. Между тѣмъ, обычай этотъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно распространенъ еще четверть вѣка тому назадъ между всѣми шведскими лапландцами. Въ послѣднее же время онъ хотя и практиковался еще кой-гдѣ, но вообще почти совершенно оставленъ. До сихъ поръ не обращали достаточнаго вниманія на этотъ обычай у лапландцевъ, вѣроятно, потому, что въ данномъ случаѣ имѣется не настоящая деформація черепа, а лишь искусственное усиленіе прирожденной у лапландцевъ брахицефальной формы головы.

Формованіе головы практиковалось, по преимуществу, въ тѣхъ случаяхъ, когда у новорожденныхъ замѣчалась наклонность къ образованію долихоцефальной формы, которую лапландцы считаютъ очень уродливою. Первый лапландецъ, который указалъ Эмиліи Демантъ (Emilie Demant)[1] на этотъ обычай, былъ Іоханъ Тури (Iohan Turi). Онъ письменно сообщилъ ей по этому поводу слѣдующее: «Лапландцы полагаютъ, что имѣть круглую голову очень красиво, а потому всѣ, кто умѣютъ, сжимаютъ дѣтскую головку въ то время, когда ребенокъ еще очень малъ. Искусство производить это состоитъ въ слѣдующемъ: головку перевязываютъ платкомъ и формуютъ ее до тѣхъ поръ, пока кости не окрѣпнутъ, послѣ чего голова ребенка остается навсегда круглою. Очень странно слышать, что голову живого ребенка формуютъ, какъ тѣсто, но это дѣлается лишь надъ тѣми, которымъ это необходимо, и притомъ не всѣ лапландцы знаютъ это искусство, а лишь немногіе изъ нихъ». «Можетъ быть, — прибавляетъ онъ, — дѣлается это и теперь, такъ какъ о человѣкѣ съ удлиненной головой лапландцы обычно говорятъ: «его голову не исправляли и не формовали, когда онъ былъ маленькій».

[1] Г-жа Эмилія Демантъ-Хаттъ — жена автора настоящей статьи. *К. Г.*

Въ провинціи Вестерботтенъ (Westerbotten) одна старая лапландка разсказывала автору, что если голову ребенка находили удлиненною, то каждый разъ, когда его купали, осторожно сжимали головку руками и формовали ее, такъ какъ она была очень податлива. Кромѣ того, для этой же цѣли перевязывали голову маленькимъ платкомъ или надѣвали на нее узкую, тѣсно облегающую капку (Карре), въ родѣ чепчика или капора, причемъ, обычно, дѣлали ее для мальчиковъ изъ синяго сукна, а для дѣвочекъ изъ краснаго (рис. 1).

Рис. 1. Лапландская дѣтская капка или чепчикъ (Карре).

Болѣе молодыя женщины названной провинціи также знали или слышали объ этомъ обычаѣ.

Въ провинціяхъ Хергедаленъ (Härjedalen) и Іемтландъ (Jämtland) формованіе дѣтской головки было очень распространено и, въ единичныхъ случаяхъ, практиковалось и до настоящаго времени. Въ этихъ провинціяхъ формованіе производилось надъ дѣтьми не только съ удлиненной формой головы, но также и съ обычной, круглой, формой. Одна женщина среднихъ лѣтъ въ Идре (уроженка Феллинскихъ горъ — Fölling-Gebirge) сообщила, что она формовала головы всѣхъ своихъ шестерыхъ дѣтей. По ея словамъ, это производится слѣдующимъ образомъ. Начинаютъ формовать голову ребенка сейчасъ же послѣ его рожденія, при первомъ же купаніи его. Вначалѣ это производится при помощи поглаживанія и надавливанія руками, а затѣмъ плотно и крѣпко перевязываютъ головку маленькимъ платкомъ. Такіе пріемы повторяютъ при каждомъ, ежедневномъ, купаніи ребенка.

Обычно продѣлываетъ это сама мать, и лишь въ первые дни послѣ родовъ ее замѣняетъ другая женщина, хотя не каждая умѣетъ это дѣлать.

Перевязываніе головы ребенка продолжается нѣсколько недѣль, послѣ чего надѣваютъ на него очень узкую и тѣсно охватывающую круглую капку, въ родѣ чепчика. Описанный способъ формованія головы упомянутая выше лапландка обозначила терминомъ «oie linthie», что означаетъ по-лапландски: перевязать голову. Старый лапландецъ изъ Хергедаленъ (Härjedalen) употребилъ для обозначенія этого обычая другое выраженіе, а именно «manan onia dokkat», что означаетъ: формовать голову ребенка. Подъ словомъ «dokkat» подразумѣваютъ надавливаніе и формованіе руками головы, частью по сагитальному, частью по трансверсальному направленію. Согласно показаніямъ этого лапландца, указанныя выше мѣры, для достиженія желаемыхъ результатовъ, начинаютъ примѣнять уже при первомъ купаніи ребенка, причемъ послѣ описанныхъ манипуляцій крѣпко перевязываютъ голову ребенка маленькимъ платкомъ, который, по прошествіи 2 недѣль, замѣняется тѣсно облегающимъ чепчикомъ. Одна старая женщина

изъ Хергедаленъ отзывалась очень неодобрительно относительно способа формованія головы ребенка руками. «Многія женщины,—говорила она,—которыя формовали головы своихъ дѣтей руками, все же не достигли желанныхъ результатовъ, такъ какъ головы у дѣтей получились большія и некрасивыя». Она находила, что очень часто формованіе производилось неправильно. По ея словамъ, въ продолженіе первой недѣли необходимо, при ежедневныхъ купаніяхъ ребенка, гладить голову его, съ примѣненіемъ нѣкоторой силы, сзади напередъ вдоль темени; если же поглаживать въ противоположномъ направленіи, то форма головы получается продолговатая и некрасивая. Она полагаетъ, что узкій, тѣсно прилегающій дѣтскій чепчикъ дѣйствуетъ лучше.

Формованіе руками и посредствомъ перевязыванія платкомъ головы ребенка нынѣ, повидимому, забывается, такъ какъ признается частью очень устарѣлымъ, частью вреднымъ. Ношеніе же тѣсно облегающихъ дѣтскихъ чепчиковъ (капки) практикуется и въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ. Старики-лапландцы приписываютъ чепчику большое значеніе для развитія головы ребенка; въ особенности указываютъ они на то, что чепчики препятствуютъ образованію головы большихъ размѣровъ.

Покрой лапландскаго дѣтскаго чепчика или капки очень простой и встрѣчается также въ различныхъ мѣстностяхъ арктической и внѣарктической областей.

Капка тѣсно облегаетъ голову ребенка, закрываетъ лобъ и уши и завязывается подъ подбородкомъ; открытымъ остается только лицо. Она сшивается изъ трехъ кусковъ: одинъ посрединѣ и по одному на каждую сторону; вдоль лицевой стороны пришивается особая кайма.

Въ Хергедаленъ лапландскій ребенокъ получалъ свой первый чепчикъ или капку черезъ двѣ или три недѣли послѣ рожденія, причемъ въ давнишнія времена чепчикъ дѣлался изъ кожи, а теперь дѣлается изъ толстого сукна. «Kolle čupe» означаетъ по-лапландски плоскую капку или чепчикъ въ противоположность остроконечной капкѣ, которую надѣваютъ на мальчиковъ старшаго возраста.

Лапландцы провинціи Іемтландъ (Jämtland) называютъ дѣтскій чепчикъ (капку) «biellis čupe», потому что онъ закрываетъ уши, или «skurrie čupe», потому что его слѣдовало бы дѣлать, по старому обычаю, изъ кожи сѣвернаго оленя (skurrie).

Капка должна *тѣсно* облегать дѣтскую головку, и если новая капка казалась немного свободной, то подъ нее подкладывали кусокъ мягкаго сукна для того, чтобы она болѣе плотно прилегала къ поверхности головы и сжимала ее.

Мальчики носили капку въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ, дѣвочки же—до 10 или 11 лѣтъ (рис. 2).

Лапландскія дѣти должны были носить капку, не снимая, днемъ и ночью, и, вѣроятно, она дѣйствительно вліяла на измѣненіе формы головы у дѣтей. Во всякомъ случаѣ, этого мнѣнія придерживаются сами лапландцы.

Рис. 2. Лапландскія дѣти: одна дѣвочка и два мальчика съ капками на головахъ. Капка для мальчика всегда украшена наверху красной кисточкой.

Одна старая лапландка въ провинціи Іемтландъ (Jämtland) объяснила намъ, когда мы хвалили красивую круглую форму ея головы, что это достигнуто исключительно примѣненіемъ «aitse skurrie čupe», что означаетъ маленькій кожаный чепчикъ (капка), который надѣвался въ прежнія времена на головку дѣтей; онъ тѣсно и крѣпко обхватываетъ со всѣхъ сторонъ головку, вслѣдствіе чего послѣдняя дѣлается круглой, красивой и роднички на ней скорѣе срастаются.

Какъ видно, обычай формовать головку имѣетъ у лапландцевъ двоякую цѣль: эстетическую и гигіеническую. Часто первая, т.-е. эстетическая, преобладаетъ, когда рѣчь идетъ о деформаціи черепа, но, безъ сомнѣнія, и гигіеническая цѣль, при примѣненіи тѣсно облегающей капки, имѣетъ громадное значеніе въ глазахъ лапландцевъ, и, можетъ-быть, эта цѣль первоначально и вызвала даже происхожденіе описаннаго обычая.

Одна пожилая лапландка объясняла употребленіе капки тѣмъ, что «головка новорожденнаго младенца требуетъ защиты». Возможно, что видъ маленькой, нѣжной, съ рѣдкими волосиками, головки новорожденнаго, въ которой роднички еще открыты, навела на мысль о необходимости ее защитить. Боязнь со стороны лапландцевъ, что головка ребенка можетъ сдѣлаться слишкомъ большою, находится въ связи не только съ эстетическими ихъ требованіями, но, главнымъ образомъ, съ опасеніемъ, что роднички во́-время не закроются. Это мнѣніе распространено между всѣми лапландцами. Здѣсь кстати можно привести выдержку изъ старинной рукописи шведскаго пастора Неисе́на (Nensén), хранящейся въ библіотекѣ упсальскаго университета (стр. 288 Lycksele). «Когда женщина беременна, то ни она ни ея мужъ не должны повреждать голову животнаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ и ребенокъ могъ бы получить большія отверстія на головѣ... Если роднички — маленькіе, то ребенокъ научится скоро ходить; если же они велики, то онъ не скоро научится ходить».

Можетъ-быть, лапландцы предполагали, что если роднички долгое время не закроются, то это вызоветъ слишкомъ скорый ростъ мозговаго вещества, а потому старались противодѣйствовать этому сжиманіемъ черепныхъ костей при помощи рукъ, перевязыванья головки платкомъ и тѣсно облегающей капки. Икаръ (Icart. Leçons pratiques sur l'art des accouchements. Castres 1784) говоритъ, что въ низшемъ классѣ населенія нѣкоторыхъ мѣстностей Франціи, въ которыхъ распространенъ обычай искусственнаго формованія дѣтской головки, послѣднее производится при помощи сжиманія головки новорожденнаго, для того чтобы уменьшить роднички. Другое объясненіе этому обычаю приводитъ Амбіолэ (Ambiolet.— La deformation artificielle de la tête dans la région toulousaine. 1893), а именно боязнь, что черепныя кости легко могутъ податься вслѣдствіе давленія на нихъ мозговаго вещества. Главная же причина, на которую всегда указывали ему старыя женщины окрестности г. Тулузы, была защита головы отъ холода. Для этой цѣли полезны какъ повязка, такъ и чепчики, причемъ женщины этой мѣстности полагали, что холодъ дѣйствуетъ особенно вредно черезъ передній родничокъ. Несомнѣнно, что не только въ Лапландіи, но и во Франціи указывается на роднички, какъ на побудительную причину формованія головы и употребленія тѣсно облегающей капки или чепчика. Можно предполагать, что подобная идея была положена въ основаніе этого обычая, указаннаго Холлемъ (C. F. Hall. Life with the Eskimo. London. 1865, стр. 521), и у эскимосовъ въ заливѣ Фробишеръ (Frobischer Bay). Онъ пишетъ по этому поводу слѣдующее: «Тотчасъ послѣ рожденія необходимо крѣпко сжимать руками головку ребенка съ обѣихъ ея сторонъ, а затѣмъ натянуть на сжатую головку маленькій тѣсно облегающій мѣховой чепчикъ. Послѣдній носится постоянно въ продолженіе одного года». Л. Тёрнеръ (L. Turner. — Etnology of the Ungava District, Hudson Bay Terriory. 11 Rep. of the Bureau of Etnol. Washington. 1894), сообщая объ одеждѣ маленькихъ дѣтей у индѣйскаго племени наскопи (Naskopie-Indianer), въ округѣ Унгава, говоритъ, что чепчикъ представляетъ собой отдѣльную часть одежды, крѣпко обхватывающую голову ребенка, и не снимается до тѣхъ поръ, пока увеличивающаяся въ своемъ ростѣ дѣтская головка, не разорветъ матеріалъ, изъ котораго онъ сдѣланъ.

Обыкновенно при деформаціи черепа головку новорожденнаго сначала сжимаютъ руками, что подтверждаетъ Делиль (Delisle. — l'Antropologie. 1893. T. IV, стр. 81), изслѣдовавшій такъ наз. плоскоголовыхъ индѣйцевъ (Flathead-indians) въ Британской Колумбіи. Онъ пишетъ объ этомъ обычаѣ слѣдующее: «Тотчасъ послѣ рожденія ребенка и въ продолженіе первыхъ 3 или 4 дней, головка его подвергается частому и осторожному сжиманію при помощи рукъ. Послѣ этого укладываютъ ребенка въ

своеобразный аппаратъ, который изображенъ у Катлина (Catlin)». Формованіе головки одиѣми руками, безъ примѣненія другихъ вспомогательныхъ средствъ, можетъ дать очень замѣтные результаты, о чемъ Ягоръ (Jagor) даетъ нѣсколько примѣровъ изъ жизни южно-индійскихъ народовъ. Въ Индіи между бадагасами (Badagas), живущими въ горахъ Нильгири, Ягоръ замѣтилъ маленькаго мальчика съ поразительною, цилиндрически формованною, головою. Путемъ разспросовъ у женщинъ ему удалось узнать, что они сжимаютъ руками голову новорожденнаго для того, чтобы придать ей красивую форму. Манипуляція эта начинается обычно черезъ 8 дней послѣ рожденія ребенка и повторяется каждое утро и каждый вечеръ. Ягоръ описываетъ эту операцію слѣдующимъ образомъ (Zeitschrift für Ethnologie VIII, 1876. Verh., стр. 196): «Женщина согрѣваетъ свои руки на огнѣ, смазываетъ ихъ очищеннымъ масломъ и слабо нажимаетъ ими на грудную клѣтку; затѣмъ руки, бедра, ноги, колѣни и локти подвергались болѣе сильному надавливанію. Голова сжималась между руками съ цѣлью, по возможности, округлить ее».

Подобныя же дѣйствія производятся надъ маленькими дѣтьми у нѣкоторыхъ племенъ южной Индіи и у андаманцевъ (Andamanen).

Изъ вышеприведеннаго описанія Ягора видно, что въ сущности надъ дѣтьми производятъ родъ массажа съ цѣлью способствовать развитію тѣла ребенка и увеличить красоту его формъ. Формованіе руками дѣтской головки, которое практикуется лапландскими женщинами, имѣетъ также характеръ массажа. Противъ головной боли лапландцы примѣняютъ очень сходные пріемы, «для того чтобы выгнать вѣтеръ, который проникъ черезъ уши», какъ они говорятъ, предполагая, что послѣдній причиняетъ головную боль.

Мнѣ кажется не невѣроятнымъ, что первоначальной причиной формованія дѣтской головы посредствомъ сжиманія было желаніе способствовать скорѣйшему закрытію родничковъ. Голова новорожденнаго ребенка выглядитъ очень слабою, а потому вполнѣ естественна мысль, объ охраненіи и укрѣпленіи ея при помощи повязки и тѣсно облегающаго чепчика, а также о томъ, чтобы способствовать развитію ея костей при помощи особаго искусства — массажа, составляющаго существенную часть народной медицины.

Можетъ-быть, къ этому присоединилась и эстетическая цѣль, но, вѣроятно, уже послѣ того, какъ возникъ обычай формованія головы вслѣдствіе гигіеническихъ соображеній.

Проф. Вирховъ указывалъ на другое обстоятельство, вызвавшее формованіе головы у патагонцевъ, а именно: обычай прикрѣпленія головы ребенка къ его люлькѣ для того, чтобы предотвратить тряску головки во время постоянныхъ кочеваній родителей.

Безъ сомнѣнія, это основаніе имѣло большое значеніе для многихъ кочующихъ народовъ, только не для лапландцевъ. Хотя лапландскій ребенокъ

лежитъ въ своей люлькѣ, перевязанный, почти неподвижно, но все-таки никакихъ мѣръ не принимается для того, чтобы прикрѣпить его голову къ люлькѣ. Постоянное лежачее положеніе лапландскихъ дѣтей могло лишь вызвать плосковатость затылочной части головы; въ особенности это случалось часто въ прежнія времена, когда лапландцы не подкладывали подъ голову ребенка маленькой подушки, какъ это дѣлается теперь. Старая лапландка въ Вестерботтенѣ (Westerbotten) разсказывала, что «въ прежнія времена дѣти большею частью были съ плоской затылочной частью головы, потому что долгое время лежали въ «kiertkama», т.-е. въ лапландской люлькѣ». На эту непреднамѣренную деформацію головы у южныхъ лапландцевъ уже въ 1742 г. было указано превосходнымъ наблюдателемъ майоромъ Шпитлеромъ (Schnitler.—Det norske Geografiske Selskabs. Aarbog I, стр. 51). Онъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Обычно находятъ, что лапландцы имѣютъ плоскую затылочную часть головы...; это происходитъ отъ того, что дѣтей укладываютъ на твердую доску безъ подушки, причемъ подстилаютъ имъ лишь тонкую кожу молодого оленя».

Рис. 3. Лапландская женщина съ типичной формой головы. (Изъ Idre, Dalarne).

Было бы очень интересно выяснить вопросъ — существуетъ ли подобный обычай формованія дѣтской головки и у другихъ финно-угорскихъ народовъ. Сидомусъ Аполлинарусъ (Sidomus Apollinarus) говоритъ о гуннахъ, что они деформировали головы своихъ новорожденныхъ дѣтей при помощи туго стянутыхъ повязокъ, а Амедей Тіерри (Amédée Thierry. Histoire d'Attila, Paris. 1856, I, стр. 8) предполагаетъ, что именно финно-угорская часть гунновъ придерживалась этого обычая.

Недавно д-ръ Луккаринепъ (Dr. Lukkarinen) сообщилъ въ финскомъ журналѣ «Suomen Museo» (1913, стр. 12), что и финны формуютъ головки

своихъ дѣтей при помощи сжиманія ихъ руками, а также туго перевязываемыми повязками. Этотъ обычай распространенъ какъ въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи, такъ и въ русской Кареліи и между финляндцами Петроградской губерніи (части бывшей Ингерманландіи).

По моему мнѣнію, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что обычай формованія головы мы можемъ встрѣтить и у другихъ финно-угорскихъ народовъ, какъ, напр., у самоѣдовъ и остяковъ, но это покажутъ будущія изслѣдованія.

Рис. 4. Та же женщина, снятая въ профиль.

Результаты лапландскаго способа формованія головы, какъ это уже было упомянуто, не особенно бросаются въ глаза (рис. 3 и 4). Здѣсь, конечно, нѣтъ и рѣчи о дѣйствительной деформаціи черепа; эстетическая цѣль описаннаго формованія — это достиженіе хорошо округленной головы, какъ разъ такой, какую указываетъ проф. Вирховъ, описывая типичную лапландскую голову. «Чѣмъ рѣзче была выражена форма головы — говоритъ онъ — тѣмъ больше послѣдняя имѣла шаровидную или бомбовидную форму, чему особенно способствовали сильная выпуклость височныхъ частей черепа и широкій закругленный лобъ» (Zeitschrift für Ethnologie, B. XI, 1879 г., стр. 144).

Было бы въ высшей степени интересно установить, въ какой степени отражается на черепѣ взрослаго произведенное формованіе дѣтской головки. Это возможно было бы выяснить только при помощи антропологическихъ измѣреній большого числа лапландцевъ, у которыхъ было произведено формованіе головы въ дѣтствѣ, и такого же числа лапландцевъ, которыхъ этотъ обычай не коснулся. Но это изслѣдованіе сопряжено съ большими затрудненіями, такъ какъ въ очень многихъ случаяхъ весьма трудно выяснить, было ли произведено въ дѣтствѣ у даннаго индивида формованіе головы или нѣтъ.

МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТЕКА
№
Академии Наук СССР

Д-ръ мед. К. З. Яцута.

О теменной кости гигантскихъ размѣровъ.

(Изъ Антропологическаго Отдѣленія Музея Антроп. и Этногр. И. Ак. Наукъ).

Среди предметовъ остеологической коллекціи Антропологическаго Отдѣленія Музея Антропологіи и Этнографіи имѣется *неполная* теменная кость гигантскихъ размѣровъ, представляющая собой столь необычайное анатомическое явленіе, что я счелъ нужнымъ ее описать. Никакихъ данныхъ о происхожденіи ея въ документахъ Музея не имѣется; нѣтъ также и списка для этой кости, хотя на ней чернилами написано «К. 62».

Описываемая кость представляетъ собой неправильно-четырехугольный отломокъ громаднаго черепа и соотвѣтственно этому имѣетъ наружную поверхность выпуклую и внутреннюю вогнутую. Наружная поверхность не отличается никакими патологическими особенностями, умѣренно пориста, носитъ кой-гдѣ слѣды давнихъ и неправильно расположенныхъ царапинъ; слѣдовъ, болѣе или менѣе ясныхъ, полукружной височной линіи (linea temporalis), гдѣ прикрѣпляется височная мышца и покрывающая ее фасція, не замѣчается. Для діагноза описываемой кости имѣютъ значеніе два находящихся на ней признака: во-первыхъ, болѣе сильная выпуклость центральной части, соотвѣтствующая теменному бугру, а, во-вторыхъ, слабо выраженные отпечатки въ видѣ бороздокъ отъ сосудовъ и нервовъ, проходящіе по наружной поверхности ея. Какъ мы увидимъ дальше, есть полная возможность точно опредѣлить края этой кости, вслѣдствіе чего, забѣгая нѣсколько впередъ, я могу сказать, что эти бороздки начинаются отъ передняго края нѣсколько ближе къ нижнему, чѣмъ къ верхнему, и идутъ косо вверхъ и назадъ; направленіе ихъ позволяетъ заключить, что это—отпечатки вѣтвей надглазничной артеріи и нерва (art.et nerv. supraorbitalis).

Внутренняя поверхность отличается нормальнымъ блескомъ, свойственнымъ стекловидной пластинкѣ (lamina vitrea) черепныхъ костей, и

имѣетъ прекрасно выраженныя сосудистыя борозды для вѣтвей артерій и венъ твердой мозговой оболочки (sulci meningei), а также болѣе слабо замѣтные отпечатки мозговыхъ извилинъ и бороздъ (impressiones digitati et juga cerebralia). Въ виду нѣкоторой своеобразности въ очертаніи краевъ этой кости, а также отлома одного изъ нихъ, точный діагнозъ кости становится возможнымъ лишь на основаніи расположенія только-что упомянутыхъ сосудистыхъ бороздъ внутренней поверхности. Какъ извѣстно, борозды для развѣтвленій средней артеріи твердой мозговой оболочки на нормальной кости представляютъ довольно характерную картину. Абсолютно постоянной является передняя борозда, идущая снизу вверхъ вдоль перед-

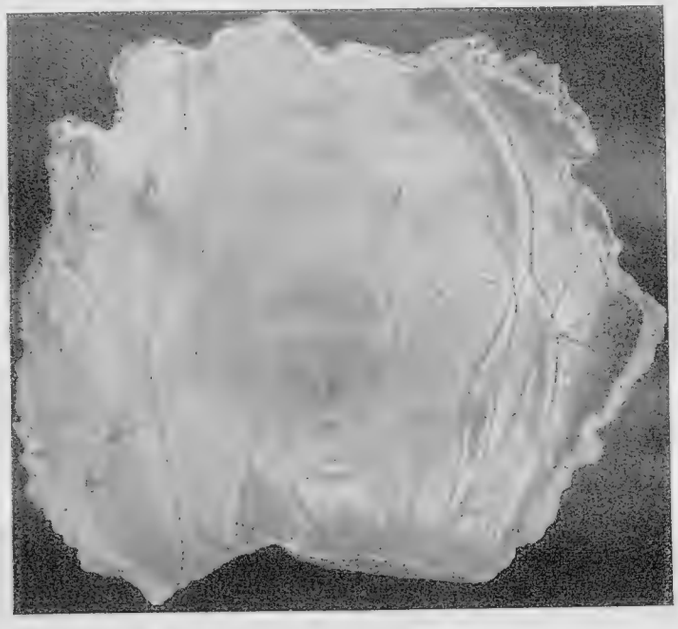


Рис. 1. Теменная кость съ внутренней стороны.

няго края теменной кости (ramus bregmaticus); далѣе слѣдуетъ средняя борозда (ramus obelicus), восходящая по задней трети теменной кости, и менѣе всего постоянной является задняя борозда (ramus lambdaicus), занимающая, главнымъ образомъ, уже затылочную и височную кости. Средняя и задняя борозды являются или отвѣтвленіемъ передней, или же образуютъ вмѣстѣ самостоятельную заднюю вѣтвь[1]. Переднюю вѣтвь всегда сопровождаетъ широкая борозда для вены, которая дальше внизъ, по направленію къ малому крылу клиновидной кости, превращается въ венозную пазуху.

---

[1] Подробнѣе см. К. Яцута. Къ анатоміи a. meningeae mediae у человѣка и млекопитающихъ.—СПб. 1905 г. Дисс.

Вторая венозная пазуха идетъ вдоль верхняго края по стрѣловидному шву, образованному изъ сліянія обѣихъ теменныхъ костей между собой.

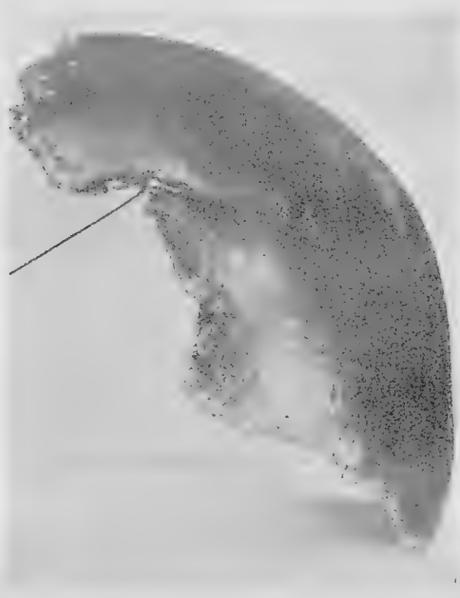
Изучая расположеніе бороздъ на внутренней поверхности описываемой кости, мы легко различаемъ переднюю борозду, двойную среднюю (что бываетъ часто) и небольшую часть задней; развѣтвленіе этихъ бороздъ чрезвычайно обильно (рис. 1). Такимъ образомъ, по нимъ мы можемъ опредѣлить края кости и констатировать, что это есть лѣвая теменная кость. Что же касается широкихъ венозныхъ бороздъ вдоль передняго и верхняго краевъ, то онѣ отсутствуютъ. Зато существуетъ необычная, но очень ясно обозначенная борозда, которая спускается въ видѣ одиночнаго ствола отъ передней части верхняго края внизъ и затѣмъ дѣлится на двѣ бороздки приблизительно на границѣ верхней и средней трети кости, недалеко отъ передняго края ея. Предназначена ли эта бороздка для артеріи противоположной стороны, дошедшей сюда своими развѣтвленіями, или же она служитъ ложемъ для вены, берущей кровь въ нижней части теменной области и несущей ее къ продольной венозной пазухѣ (sinus sagittalis)—сказать трудно. Впрочемъ, послѣднее предположеніе кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, хотя размѣры поперечнаго діаметра борозды нѣсколько малы для вены. Такая же бороздка, но незначительной длины, идетъ и къ задней части верхняго края кости. Такимъ образомъ, хотя отсутствуютъ двѣ очень важныя широкія венозныя борозды—вдоль передняго и верхняго краевъ—и имѣются добавочныя узкія бороздки мало опредѣленнаго назначенія, однако, расположеніе главныхъ артеріальныхъ бороздъ (sulci meningei) показываетъ, что это—*лѣвая теменная* и безусловно *человѣческая* кость[1].

Покончивъ съ обзоромъ внутренней поверхности, перехожу къ описанію отдѣльныхъ краевъ и угловъ кости. Какъ извѣстно, изъ четырехъ краевъ нормальной кости три являются сильно зазубренными (для соединенія зубчатымъ швомъ), четвертый же, значительно утонченный, какъ бы срѣзанъ и не зазубренъ, а лишь волнообразенъ; этотъ край, называемый височнымъ или чешуйчатымъ, соединяется съ височной костью путемъ налеганія послѣдней на него. Описываемая кость не имѣетъ *нижняго* или *чешуйчатаго края*, такъ какъ онъ отломанъ на высотѣ, которую невозможно опредѣлить. Изломъ показываетъ обычное строеніе черепной кости: слой губчатаго вещества между двумя пластинками плотнаго. *Передній край* кости, называемый лобнымъ или *вѣнечнымъ* (margo coronalis), для удобства описанія можетъ быть раздѣленъ на нижнюю и верхнюю части, такъ какъ онъ не является, какъ нормально, болѣе или менѣе прямымъ, а имѣетъ

---

[1] О расположеніи сосудистыхъ бороздъ у млекопитающихъ см. выше цитированную мою диссертацію.

видъ линіи, согнутой подъ угломъ, вершина котораго соотвѣтствуетъ приблизительно половинѣ длины этого края и направлена впередъ. Нижняя часть передняго края сильно зазубрена и поднимается вверхъ и впередъ къ вершинѣ упомянутаго угла. Верхняя часть, менѣе зазубренная, но зато имѣющая видъ ломаной линіи, поднимается вверхъ и назадъ. На нѣкоторомъ протяженіи она оказывается утонченной, такъ что здѣсь наружная и внутренняя компактныя пластинки кости сходятся между собой. Это мѣсто находится въ самой верхней части передняго края, гдѣ онъ сходится съ верхнимъ краемъ и гдѣ у новорожденнаго находится большой или лобный родничокъ (fonticulus frontalis). Если провести прямую линію отъ упомянутаго угла на серединѣ передняго края къ верхнему углу, гдѣ долженъ встрѣчаться верхній и передній край кости, то эта линія окажется какъ бы мостомъ, перекинутымъ черезъ глубокую выемку неправильно - ломанаго очертанія, какъ бы вдающуюся въ самую кость. Эта выемка соотвѣтствуетъ вышеназванной верхней части передняго края (рис. 2). Допустивъ, что правая теменная кость имѣла такую же выемку, мы увидимъ, что при соприкосновеніи обѣихъ костей образуется большое неправильно-треугольное отверстіе, основаніе котораго подходитъ къ верхнему углу кости, а вершина направлена къ вышеупомянутому углу передняго края. Это отверстіе соотвѣтствуетъ положенію лобнаго родничка (отчасти заросшаго) и, очевидно, было закрыто такой же перепонкой (фиброзной тканью), какъ и роднички. Такимъ образомъ является возможность предположить у субъекта, которому принадлежала данная кость, частичное *незарощеніе лобнаго родничка*. Въ пользу этого говоритъ еще и слѣдъ недавно происшедшаго окостенѣнія въ видѣ глубокой, какъ бы рубцовой полоски, проходящей по внутренней и наружной поверхности кости отъ края упомянутой выемки.



Вырѣзка соотвѣтственно роднику.

Рис. 2. Теменная кость снаружи. Видъ спереди.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію *верхняго* или *стрѣловиднаго* края

(margo sagittalis), гдѣ встрѣчаются обѣ теменныя кости. Обычно этотъ край довольно прямой, хотя и мелко зазубренъ. На данной кости онъ также представляетъ рядъ особенностей. Кромѣ нормальной зазубренности, онъ является сильно извилистымъ, особенно въ задней трети, гдѣ, какъ извѣстно, онъ бываетъ, обыкновенно, всего прямѣе (область obelion'a). Нормально по этому краю должна проходить на внутренней поверхности широкая борозда (sulcus sagittalis) для продольной венозной пазухи. На описываемой кости имѣется только слѣдъ этой венозной борозды и то на протяженіи лишь около 3 см. Начавшись недалеко отъ неясно выраженнаго здѣсь угла, гдѣ встрѣчаются верхній и передній края, она идетъ назадъ и скоро прерывается; это почти соотвѣтствуетъ мѣсту отхожденія отъ верхняго края вышеупомянутой бороздки для неизвѣстнаго сосуда. Отсутствіе слѣдовъ описываемой здѣсь продольной венозной борозды въ дальнѣйшемъ направленіи назадъ, а также сильная извилистость верхняго края кости заставляютъ предположить существованіе здѣсь вставочныхъ шовныхъ косточекъ (ossicula suturarum), по которымъ и проходила, вѣроятно, вся большая часть борозды. Можно также допустить, что обѣ теменныя кости—правая и лѣвая—развиты неодинаково, что до лѣвой кости достигали спеціальные отростки правой и что по этимъ отросткамъ и проходила тогда венозная борозда.

Задній или *ламбдовидный* край (margo lambdoideus) нашей кости менѣе другихъ отклоняется отъ нормальной формы. Пройдя болѣе $^3/_4$ всей своей длины почти прямо сверху внизъ, онъ въ нижней своей четверти отклоняется нѣсколько впередъ соотвѣтственно соединенію съ нижней частью чешуи затылочной кости. Къ сожалѣнію, эта нижняя четверть ламбдовиднаго края скоро прерывается линіей разлома (имѣя въ длину 6 см.), такъ что перехода ея въ нижній или чешуйчатый край нѣтъ.

Изъ вышеприведеннаго описанія краевъ достаточно ясно слѣдуетъ, что угловъ, образуемыхъ схожденіемъ различныхъ краевъ кости и представляющихъ столь характерные признаки для діагноза ея, здѣсь нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, видъ ихъ совершенно непормаленъ. Такъ, верхне-передній или лобный уголъ (angulus frontalis) занятъ вышеупомянутой выемкой, гдѣ, очевидно, былъ родничокъ; верхне-задній или затылочный уголъ (angulus occipitalis) нетипиченъ вслѣдствіе того, что здѣсь на верхнемъ краѣ находится довольно глубокая вырѣзка съ зазубренными краями, предназначенная, повидимому, для вставочной косточки (os apicis); нижне-передній или клиновидный уголъ (angulus sphenoidalis) совершенно отломанъ, а отъ нижне-задняго или сосцевиднаго (angulus mastoideus) уцѣлѣла лишь часть.

Покончивъ съ описаніемъ кости, укажу размѣры ея въ нижеслѣдующей таблицѣ (№ 1). Необходимо оговориться, что размѣры эти въ значительной

мѣрѣ приблизительны; это становится понятнымъ, если принять во вниманіе сильную неровность краевъ ея.

Таблица № 1.

Средняя толщина	Верхній край		Передній край		Задній край		Нижній край		Наибольшая длина черезъ теменной бугоръ.		Указатель выпуклости.
	хорда	дуга	хорда	дуга	хорда	дуга	хорда	дуга	хорда	дуга	
8 мм.	182	210	151	169	162	182	108	129	210	280	75,0

Въ послѣдней графѣ выведенъ «указатель выпуклости», т. е. отношеніе между наибольшей длиной хорды и дуги, измѣряемыхъ отъ однѣхъ и тѣхъ же точекъ, лежащихъ на переднемъ и заднемъ краяхъ кости на линіи положенія теменного бугра. Чѣмъ указатель меньше, тѣмъ больше выпуклость теменной кости, т. е. тѣмъ больше выдается теменной бугоръ; съ повышеніемъ указателя выпуклость кости и степень выдаванія бугра понижается.

Чтобы имѣть цифры для сравненія, я взялъ 10 череповъ различныхъ народностей и измѣрилъ на нихъ тѣ же хорды и дуги лѣвой теменной кости, что и на описываемой здѣсь гигантской кости. Кромѣ того, я опредѣлилъ еще нижеслѣдующія величины: 1) наибольшую длину и ширину череповъ по общепринятому методу (т. е. G-Op. и Eu-Eu) и черепной указатель $= \frac{\text{ширина} \times 100}{\text{длину}}$; 2) такъ называемую мной здѣсь «наибольшую» продольную дугу, измѣряемую отъ тѣхъ же точекъ (G и Op), что и наибольшая длина; 3) отношеніе линейной длины (т. е. хорды) верхняго края теменной кости къ наибольшей длинѣ черепа, а также отношеніе дуговой длины этого края къ «наибольшей» продольной дугѣ черепа. Это отношеніе выражается числомъ, полученнымъ отъ дѣленія бо́льшаго числа, т.-е. длины черепа, на меньшее, т. е. длину теменной кости. Надо замѣтить, что наибольшая поперечная дуга черепа проходитъ въ самомъ разнообразномъ направленіи на теменной кости, вслѣдствіе чего не имѣетъ значенія постояннаго признака и потому мной здѣсь не измѣряется.

Кромѣ этихъ 10 череповъ, мной измѣрено еще два черепа изъ коллекціи Музея: молодого египтянина (№ 1225) съ рѣзко выступающими теменными буграми и взрослаго дюрбюта (№ 250) съ хорошо выраженной гидроцефаліей. Затѣмъ я имѣлъ возможность измѣрить черепа двухъ великановъ изъ Музея Нормальной Анатоміи при Имп. Военно-Мед. Академіи. Измѣренія всѣхъ четырехъ череповъ помѣщены въ этой же таблицѣ № 2 ниже среднихъ чиселъ, выведенныхъ изъ вышеупомянутыхъ 10-ти расовыхъ череповъ.—Кромѣ вышеназванныхъ измѣреній, я опредѣлилъ на всѣхъ черепахъ толстотнымъ циркулемъ среднюю толщину теменной кости.

Таблица № 2.

№	Народность.	Черепъ.				Теменная кость.										Указатель выпуклости.	Отношение къ длинѣ черепа длины кости:		Средняя толщина кости.
		Наибольшая длина.	Наибольшая ширина.	Указатель.	Продольная дуга.	Верхній край		Передній край		Задній край		Нижній край		Продольная					
						хорда	дуга	хорда	дуга	хорда	дуга	хорда	дуга	хорда	дуга		хорда	дуга	
1	Русскій (некопаемый). . . .	173	137	79,2	225	103	115	91	104	82	91	96	109	114	130	87,7	1,6	1,9	5 mm.
2	Русскій	177	137	77,4	255	115	126	96	100	85	95	93	102	117	130	90,0	1,5	2,0	4 »
3	Негръ.	173	134	77,4	270	102	125	94	120	81	100	94	99	113	125	90.4	1,6	2,1	4 »
4	Новогвинеецъ .	182	130	71,4	259	110	123	96	110	80	90	93	100	122	135	90.4	1,6	2,1	4 »
5	Якутъ.	179	140	78,2	274	108	117	98	105	74	80	105	127	112	125	89,6	1,6	2,3	5 »
6	Китаецъ.	177	132	74,6	272	110	122	98	109	81	91	98	105	112	122	91,8	1,6	2,2	5 »
7	Эскимосъ	185	130	70,2	275	108	119	89	95	85	95	98	101	117	128	91,4	1,7	2,3	6 »
8	Алеутъ.	177	146	82,5	255	92	99	92	100	93	104	100	106	106	120	88,3	1.9	2,5	5 »
9	Аинъ.	175	135	77,1	254	103	105	87	100	83	93	93	100	107	120	89,2	1,6	2,4	4 »
10	Лезгинъ.	183	133	72,7	278	113	122	92	100	84	95	100	100	109	120	90.8	1,6	2,2	4 »
	Среднія числа .	178,1	135,4	76,1	266,7	106,4	117,3	93,3	104,3	82,8	93,4	97.0	105,9	112,9	125,5	89,9	1.6	2,2	4 6 »
11	Великанша . . .	191	156	81.6	275	106	115	99	112	108	125	83	82	124	140	88,6	1,8	2,3	6 »
12	Великанъ. . . .	213	160	79,8	295	121	128	105	120	110	130	91	94	130	135	96,4	1,7	2,3	6 »
13	Египтянинъ-ребенокъ. . . .	164	147	89,6	275	110	127	101	119	87	94	93	105	124	140	88,6	1,4	2,1	3 »
14	Дюрбютъ - гидроцефалъ. .	202	173	85.6	337	139	154	125	145	94	107	113	118	154	174	88,5	1,4	2,1	3 »
15	Гигантская теменная кость.	—	—	—	—	182	210	154	169	162	182	108	129	210	280	75,0	—	—	8 »

Данныя этой таблицы показываютъ прежде всего, что не существуетъ, повидимому, никакого соотношенія между размѣрами теменной кости и размѣрами и указателемъ черепа. Далѣе, сравнивая размѣры теменной кости у каждаго изъ 10 расовыхъ череповъ, а также среднія цифры этихъ череповъ съ размѣрами описываемой здѣсь гигантской кости, мы видимъ, что послѣдняя во всѣхъ направленіяхъ значительно превосходитъ нормальную теменную кость. Также относится она и къ теменнымъ костямъ обоихъ великановъ. Степень выпуклости нашей кости гораздо больше всѣхъ остальныхъ, такъ какъ показатель ея у первой—75,0, а у послѣднихъ—отъ 37,7 до 96,4. Такимъ образомъ, эта кость принадлежитъ, повидимому, черепу ненормальнаго вида, т. е. ненормальной пропорціи. Поэтому сравнимъ ее съ черепомъ гидроцефала-дюрбюта, а отчасти и египтянина, хотя и не гидроцефала, но съ нѣкоторой угловатостью черепа. Мы видимъ, что размѣры теменной кости у египтянина не отличаются отъ среднихъ размѣровъ 10 расовыхъ череповъ, что, конечно, не должно быть принимаемо въ серіозный расчетъ, такъ какъ черепъ принадлежитъ молодому субъекту и сравнительно малъ. Однако, и на немъ есть нѣкоторыя особенности, хорошо выраженныя у дюрбюта, а именно: ширина черепа превосходитъ ширину любого изъ 10 череповъ, головной указатель его также значительно выше и длина верхняго края и всей теменной кости черезъ бугоръ тоже больше; наоборотъ, указатель выпуклости, какъ и у дюрбюта, почти не отличается отъ другихъ череповъ, а отношеніе хорды верхняго края кости къ наибольшей длинѣ чрезвычайно мало и у египтянина и у дюрбюта. Послѣднее зависитъ отъ сравнительно *сильнаго развитія теменной* кости у гидроцефала, которое, повидимому, и обусловливаетъ собой *значительные размѣры черепа* его. Между тѣмъ, отношеніе дуговой длины теменной кости къ дугѣ черепа отъ glabella до opistion у гидроцефала оказалось хотя и больше такового нѣкоторыхъ череповъ изъ нашей группы 10-ти, но, во всякомъ случаѣ, ниже средней цифры. Это зависитъ отъ того, что выпуклость теменной кости (больше другихъ принимающей участіе въ увеличеніи размѣровъ черепа) сравнительно велика по отношенію къ общей выпуклости черепа. Что касается въ частности дюрбюта, то у него всѣ размѣры теменной кости абсолютно больше размѣровъ у 10 расовыхъ череповъ, двухъ великановъ и египтянина. Указатель выпуклости малъ; чрезвычайно мало, какъ и у египтянина, отношеніе длины верхняго края теменной кости къ наибольшей длинѣ черепа и сравнительно мало отношеніе дуги кости къ дугѣ черепа. Причина этого та же, что и у египтянина. Средняя толщина теменной кости у гидроцефала очень незначительна.

Всѣ приведенныя соображенія даютъ поводъ думать, что описываемая здѣсь гигантская теменная кость принадлежитъ не великану, такъ какъ

величина головы у подобнаго рода людей, какъ извѣстно изъ литературы[1], и какъ показываетъ измѣреніе черепа двухъ великановъ анатомическаго института И. В.-Мед. Академіи, сравнительно незначительна и во всякомъ случаѣ не пропорціональна росту. Слѣдовательно, остается допустить, что эта кость принадлежитъ гидроцефалу, хотя и противъ этого предположенія есть очень серіозное возраженіе. Дѣло въ томъ, что гидроцефалія часто вызываетъ различной степени задержку въ окостенѣніи зародышеваго перепончатаго черепа. Такъ, въ Музеѣ Нормальной Анатоміи И. В.-Мед. Академіи есть голова новорожденнаго гидроцефала, по величинѣ приблизительно равная головѣ взрослаго; черепъ въ ней образованъ соединительной тканью. Въ Музеѣ Патологической Анатоміи той же Академіи есть высушенный гидроцефалъ около $^1/_2$ года, полная длина тѣла котораго равна 690 mm., а громадная голова имѣетъ 310 mm. длины и 235 ширины; черепъ также находится въ перепончатомъ состояніи. Далѣе, мною недавно поставленъ въ Музеѣ Нормальной Анатоміи черепъ новорожденнаго гидроцефала, не слишкомъ превышающій размѣры нормальнаго и состоящій уже изъ костной ткани, но съ большимъ количествомъ соединительной ткани какъ въ области родничковъ, такъ, и соотвѣтственно будущимъ швамъ, между всѣми костями мозгового черепа. Наконецъ, въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи при И. А. Наукъ естъ упоминавшійся уже здѣсь гидроцефалъ-дюрбютъ. У него уже нѣтъ и слѣдовъ перепончатой ткани на мѣстѣ родничковъ (хотя она могла бы здѣсь оставаться долго), и даже имѣется сравнительно раннее зарастаніе стрѣловиднаго шва. Слѣдовательно, можно предположить, что если гидроцефалъ выживаетъ, то въ теченіе жизни у него можетъ наступить правильное окостенѣніе перепончатаго черепа. Это позволяетъ думать, что въ исключительныхъ случаяхъ, какъ *у владѣльца нашей кости*, черепъ можетъ въ дальнѣйшемъ утолщаться и достигнуть тѣхъ размѣровъ въ толщину (8 mm.), которые являются ненормальными, но вообще *встрѣчаются* и даже нерѣдко.

Такимъ образомъ, все-таки есть основаніе предполагать, что описываемая кость принадлежитъ гидроцефалу. Слѣдовательно, желая получить представленіе о наибольшей длинѣ всего черепа, мы воспользуемся отношеніями между длиной (хордой) верхняго края теменной кости и длиной всего черепа у дюрбюта (1,45) и по нему опредѣлимъ длину нашего черепа: $182 \times 1{,}45 = 263$ mm. Допуская, что этотъ черепъ имѣетъ тотъ же указатель, что и черепъ дюрбюта (85,63), мы находимъ и его предполагаемую ширину: $\frac{263 \times 85{,}63}{100} = 225$. Однако, принимая во вниманіе, что указатель выпуклости теменной кости очень малъ (75,0), т. е. что она вообще довольно

[1] См. Бушанъ. Наука о человѣкѣ. Пер. съ нѣм. 1911 г. Москва.

сильно выпукла, можно думать, что и черепной указатель былъ не 85,63, а выше; другими словами, ширина черепа, вѣроятно, была больше,— можетъ-быть, 230 или еще значительнѣе. Если опять-таки допустить, что большая выпуклость теменной кости говоритъ за то, что она принадлежитъ не гидроцефалу, а, можетъ-быть, рахитику, тогда возможно, что и длина черепа будетъ больше, чѣмъ я опредѣлилъ. Такимъ образомъ, предполагаемые здѣсь размѣры черепа въ 263 mm. и 225 mm. являются, во всякомъ случаѣ, не преувеличенными, а скорѣе уменьшенными[1].

Въ заключеніе отмѣчу, что описываемая здѣсь теменная кость, принадлежащая безусловно молодому субъекту (о чемъ свидѣтельствуетъ состояніе швовъ), является единственной въ своемъ родѣ, такъ какъ въ доступной мнѣ литературѣ я не нашелъ описанія ни отдѣльныхъ черепныхъ костей ни цѣлаго черепа такихъ гигантскихъ размѣровъ, которые приближались бы къ нашей теменной кости и тому черепу, которому она, по моимъ вычисленіямъ, должна бы принадлежать.

---

[1] Если предположить, что эта кость принадлежитъ нормальному человѣку съ нормальными пропорціями черепа, то длина послѣдняго будетъ $182 \times 1{,}6 = 291$ mm., потому что, какъ видно изъ таблицы, 1,6 есть среднее отношеніе длины верхняго края теменной кости къ наибольшей длинѣ черепа у нормальныхъ 10 череповъ. Если воспользоваться изъ этой же таблицы среднимъ указателемъ черепа (76,1), то ширину нашего черепа можно опредѣлить равной 219 mm.

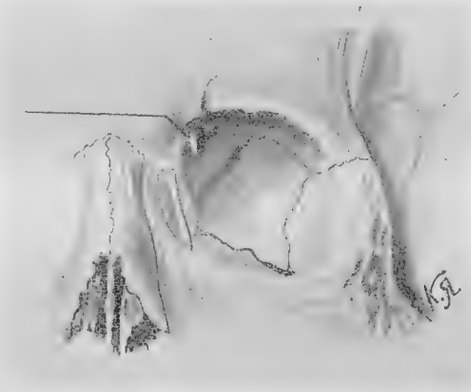
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ БИБЛИОТЕКА № ... Академии Наук СССР

М. А. Филаретова-Кржевская.

Къ статистикѣ нахожденія блокового шипа (spina trochlearis) въ глазницахъ различныхъ череповъ.

(Изъ Антроп. Отдѣл. Музея Антроп. и Этногр. И. А. Н.—Завѣд. д-ръ мед. К. З. Яцута)[1].

Во внутреннемъ углу глазницы находится небольшое углубленіе, называемое блоковой ямкой (fovea trochlearis) и служащее для прикрѣпленія верхней косой мышцы глаза. Иногда на мѣстѣ этого углубленія встрѣчается



Лѣвая глазница съ блоковымъ шипомъ.

небольшой отростокъ, который получилъ названіе блокового шипа (spina trochlearis) (см. рисунокъ). Относительно присутствія его разные авторы говорятъ слѣдующее:

---

[1] Настоящая работа М. А. Филаретовой-Кржевской, исполненная по моему предложенію, является первой въ серіи предположенныхъ мною работъ въ Музеѣ, цѣль которыхъ заключается въ выясненіи расоваго значенія костныхъ и иныхъ аномалій.

К. Яцута.

Hildebrand[1]: «Около pars orbitalis лобной кости находится спереди возлѣ носа небольшая ямка и иногда небольшая ость или шипъ, spina trochlearis, для прикрѣпленія хрящевого и сухожильнаго кольца, сквозь которое проходитъ сухожиліе musculi trochlearis».

Krause[2]: «Позади incisura supraorbitalis, хотя немного глубже и ниже, находится ямка, fossa trochlearis, изъ которой иногда торчитъ небольшая ость, spina trochlearis».

Henle[3]: «На мѣстѣ fossae trochlearis находится иногда, въ видѣ придатка петли, сквозь которую проходитъ сухожиліе musculi obliqui superioris, небольшая короткая ость, spina trochlearis».

Гиртль[4]: «Возлѣ носовой части (pars nasalis), сразу позади внутренняго конца верхнеглазничнаго края (margo supraorbitalis), находится маленькая, часто совершенно сглаживающаяся впадина (foveola trochlearis) или же короткая, иногда изогнутая пирамидальная косточка, hamulus trochlearis, служащая для прикрѣпленія хрящевой или фиброзной петельки, черезъ которую проходитъ сухожиліе верхней косвенной мышцы глазного яблока».

Меркель[5]: «Spina trochlearis, описываемая какъ варіантъ, является рѣдкостью. Она находится, въ случаѣ присутствія, возлѣ имѣющейся также налицо fossae trochlearis, немного позади ея. Среди 102 череповъ, которые я изслѣдовалъ, я нашелъ въ 7-ми случаяхъ spina trochlearis на обѣихъ сторонахъ; въ 4-хъ случаяхъ ясно была выражена fossa trochlearis. Съ правой стороны spina trochlearis была найдена еще 7 разъ, причемъ и здѣсь и въ упомянутыхъ 4-хъ случаяхъ можно было наблюдать болѣе или менѣе глубокую fossa trochlearis. Случаевъ нахожденія spinae trochlearis только съ лѣвой стороны не было».

Gegenbaur[6]: «Литеральная поверхность носовой части лобной кости участвуетъ въ образованіи медіальной стѣнки глазницы. Иногда она имѣетъ небольшой отростокъ (spina trochlearis), чаще же поверхностную, едва замѣтную fovea trochlearis; въ этомъ мѣстѣ блокъ прикрѣпляется къ конечному сухожилію musculi obliqui superioris».

Stieda[7]: «Возлѣ proccesus nasalis partis orbitalis лобной кости находится fossa trochlearis—небольшое вдавленіе, около котораго лежитъ небольшая ость, spina trochlearis. Здѣсь прикрѣпляется петля, сквозь которую,

---

[1] Anatomie des Menschen. 1830.
[2] Anatomie I (1843).
[3] Lehrb. d. System. Anatomie (1871).
[4] Руководство къ анатоміи человѣч. тѣла. Русск. переводъ (1887).
[5] Topograph. Anatomie (1885—1890).
[6] Lehrb. d. Anatomie (1899).
[7] Anatomie des Menschen (1900).

какъ сквозь блокъ, проходитъ сухожиліе одного изъ глазныхъ мускуловъ (musculus trochlearis)».

Зерновъ[1] также упоминаетъ о частомъ появленіи spinae trochlearis.

А. Рауберъ[2] говоритъ: «На медіально-передней части глазной поверхности имѣется ямка, шероховатость или даже рядомъ съ ямкой неболь[illegible]ость—fovea trochlearis со spina trochlearis—въ которой помѣщается блокъ верхней косой мышцы глаза».

Langer-Toldt[3]: «Недалеко отъ входа въ глазницу, въ медіальной части faciei orbitalis, находится небольшая ямка, fovea trochlearis, въ которой иногда замѣчается небольшой острый бугорокъ, spina trochlearis».

Кромѣ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній о блоковомъ шипѣ, разбросанныхъ въ учебникахъ анатоміи, имѣется еще спеціальное изслѣдованіе Ahrens'a[4], посвященное этому костному отростку. Ahrens впервые поставилъ вопросъ о присутствіи spinae trochlearis на точку зрѣнія расовой антропологіи. Изслѣдовавъ коллекцію череповъ въ Геттингенѣ, онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Изъ 861 просмотрѣнныхъ имъ череповъ 104 (слѣдовательно 12%) имѣли spina trochlearis.

Отношеніе ея къ сторонамъ черепа таково:

на обѣихъ сторонахъ	она	находилась	у 49	череповъ	= 5,7%
на правой сторонѣ	»	»	» 37	»	= 4,3%
на лѣвой	»	»	» 18	»	= 2,1%

О распространеніи этого отростка у различныхъ народностей свидѣтельствуетъ прилагаемая таблица (см. табл. 1-ю).

Данныя этой таблицы приводятъ автора къ убѣжденію, что блоковой шипъ, повидимому, не имѣетъ этнолого-діагностическаго значенія.

Въ виду того, что изслѣдованія Ahrens'a произведены на весьма незначительномъ общемъ матеріалѣ (861 черепъ), причемъ нѣкоторыя народности представлены ничтожнымъ количествомъ (напр., 1 лезгинъ), я, по предложенію д-ра К. З. Яцуты, занялась идентичными изслѣдованіями на коллекціи расовыхъ череповъ Музея Антропологіи и Этнографіи Импера-

---

[1] Руководство анатоміи (1900).

[2] Руководство анатоміи человѣка. Русскій переводъ (1904).

[3] Lehrb. d. System. u. topogr. Anatomie (1907).

[4] Die crista orbitalis und die spina trochlearis etc. (Göttingen. 1904).

Таблица 1-я.

НАРОДНОСТИ.	Число изслѣдованныхъ череповъ.	Spina trochlearis.	На обѣихъ сторонахъ.	Справа.	Слѣва.
Нѣмцы	470	57	24	22	11
Датчане	1	1	1	—	—
Шотландцы	6	1	—	1	—
Итальянцы	18	4	2	1	1
Русскіе	24	2	—	2	—
Чехи, богемцы	6	2	1	1	—
Лезгины	1	1	1	—	—
Цыгане	5	3	3	—	—
Евреи	3	2	2	—	—
Египтяне	11	2	—	2	—
Лапландцы, финны, эсты, латыши	10	1	—	—	1
Татары и башкиры	13	3	1	—	2
Калмыки	7	2	2	—	—
Китайцы	12	3	2	1	—
Жители Суматры	1	1	—	1	—
Южноостровитяне	8	2	1	—	1
Остальные «малайцы»	15	4	3	1	—
Папуасы	21	1	1	—	—
Новоголландцы	17	2	—	1	1
Негры	21	6	2	3	1
Мексиканцы	8	1	1	—	—
Атлантическіе индѣйцы	8	1	1	—	—
Карибы	2	1	—	1	—
	1	1	1	—	—

торской Академіи Наукъ, а также Московскаго Университета съ любезнаго разрѣшенія проф. Д. Н. Анучина.

Такъ какъ верхняя косая мышца глаза, прикрѣпляющаяся къ описываемому здѣсь костному отростку, поворачиваетъ глазъ наружу и внизъ, то можно предположить, что дѣятельность ея сильнѣе развита у народностей съ дальнозоркими глазами, ибо разсматриваніе близкихъ предметовъ требуетъ поворота глаза внутрь, а слѣдовательно происходитъ отъ дѣйствія другой мышцы. Допуская это, можно ожидать присутствія блокового шипа у народностей дальнозоркихъ — т. е., вѣроятно, степныхъ — въ большей степени, чѣмъ у другихъ.

Результаты моихъ изслѣдованій приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ 2-ой:

Таблица 2-я.

	Число перепонъ.	Число сторонъ.	Присутствіе шина на обѣихъ сторонахъ.	На правой сторонѣ.	На лѣвой сторонѣ.	Общее число.	%
Русскіе	850	1700	21	19	9	49	2.8
Теленгеты	102	204	3	5	—	8	3,9
Крымскіе татары	78	156	2	4	4	10	6.4
Вогулы	77	154	1	1	2	4	2,5
Чукчи	69	138	1	1	2	4	2.9
Киргизы	67	134	2	3	2	7	5,2
Сойоты	59	118	2	—	1	3	2,5
Шапсуги	58	116	1	1	1	3	2,5
Айны	56	112	—	2	—	2	1.6
Изъ Н. Гвинеи	56	112	2	2	—	4	3,5
Изъ Иранской колоніи	54	108	2	—	—	2	1,8
Буряты	53	106	—	1	—	1	0,9
Цыгане	45	90	3	1	2	6	
Нѣмцы	40	80	—	—	1	1	
Негры	37	74	2	—	1	3	
Китайцы	37	74	—	—	1	1	
Финны	37	74	3	1	1	5	
Башкиры	36	72	—	—	3	3	
Болгары	35	70	1	—	1	2	
Калмыки	29	58	—	1	1	2	
Французы	29	58	—	1	—	1	
Орочены	26	52	1	—	—	1	
Якуты	26	52	1	3	2	6	
Алеуты	24	48	—	—	1	1	
Изъ Самарканда	24	48	1	—	—	1	
Гиляки	23	46	—	1	—	1	
Изъ Терской обл.	22	44	3	—	—	3	
Эсты	21	42	4	3	—	7	
Натухайцы	20	40	—	2	—	2	
Остяки	21	42	1	2	—	3	
Самоѣды	19	38	1	1	2	4	
Сербы	15	30	2	—	—	2	
Персы (гебры)	15	30	1	—	1	2	
Лезгины	14	28	1	1	—	2	
Татары	14	28	—	1	—	1	
Торгоуты	13	26	—	1	1	2	
Корейцы	9	18	1	—	—	1	
Мадьяры	8	16	1	1	1	3	
Абхазцы	8	16	—	—	—	—	
Лопари	8	16	1	1	—	2	
Изъ остр. Бали	6	12	1	1	1	3	
Амбоины	5	10	—	—	1	1	
Ороки	5	10	—	1	—	1	
Качинцы	5	10	1	—	1	2	
Сарты	4	8	—	1	—	1	
Юраки	4	8	—	—	1	1	
Бенгальцы	4	8	—	1	—	1	
Кафры	4	8	1	—	—	1	
Японцы	4	8	1	—	—	1	
Карабулаки	3	6	1	—	—	1	
Эскимосы	2	4	—	—	1	1	
Египтяне	2	4	—	1	—	1	
	2282	4564	70	65	45	180	3.0%

Приведенная таблица вноситъ нѣкоторыя существенныя поправки въ работу Ahrens'a. Такъ, общая частота присутствія блокового шипа спустилась здѣсь съ 12% на 3,9%. Это показываетъ, что, если утвержденіе Ahrens'a, будто описываемый отростокъ не имѣетъ абсолютно никакого расоваго значенія, и окажется вѣрнымъ, то, во всякомъ случаѣ, лишь послѣ дополнительныхъ провѣрокъ изслѣдованія автора, произведеннаго на ничтожномъ расовомъ матеріалѣ. Мой матеріалъ превосходитъ въ 2 ½ раза таковой же предыдущаго автора, но, конечно, и онъ недостаточенъ, особенно въ отношеніи нѣкоторыхъ народностей. Болѣе или менѣе заслуживающими довѣрія являются данныя о частотѣ шипа у русскихъ (2,8%), въ виду значительнаго числа изслѣдованныхъ череповъ (850). Гораздо меньшую цѣнность представляютъ цифры, показывающія процентное отношеніе у другихъ народностей.

Если мы условно примемъ число 50 за тотъ минимумъ изслѣдованныхъ череповъ, которому можно еще придавать значеніе (у Ahrens'a столь большихъ группъ не было совершенно, за исключеніемъ нѣмцевъ), то увидимъ, что процентная частота присутствія spinae trochlearis въ общемъ колеблется въ предѣлахъ довольно узкихъ (отъ 2,5 до 4); исключеніе составляютъ крымскіе татары (6,4%) и киргизы (5,2%) съ одной стороны и буряты (0,9%) съ айнами (1,6%) — съ другой.

Изслѣдованный мною матеріалъ является слишкомъ незначительнымъ, чтобы на основаніи его дѣлать какіе-либо выводы; тѣмъ болѣе онъ не даетъ мнѣ права разрѣшать поставленный мною вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Наоборотъ, я думаю, что дальнѣйшія изслѣдованія, произведенныя на значительномъ матеріалѣ, выяснятъ загадочность нѣкоторыхъ чиселъ и установятъ то, что входило въ мою задачу: имѣетъ ли блоковой шипъ расовое значеніе и находится ли онъ въ связи съ дальнозоркостью вообще и косой постановкой глазъ въ частности.

Д-ръ мед. К. З. Яцута.

Къ вопросу о техникѣ изученія профиля череповъ.

Съ двумя таблицами чертежей.

(Изъ Антропологическаго Отдѣленія Музея Антр. и Этногр.).

Необходимость выражать въ цифрахъ — абсолютныхъ и относительныхъ (указатели) — величину различныхъ частей черепа заставила антропологовъ предложить цѣлый рядъ техническихъ пріемовъ, къ числу которыхъ относится методъ проекціи Broca. Этотъ выдающійся французскій изслѣдователь изобрѣлъ спеціальный приборъ стереографъ[1], дающій возможность получать болѣе или менѣе точный рисунокъ контура черепа, на которомъ уже легко опредѣлять въ проекціи разстоянія различныхъ точекъ черепа другъ отъ друга, а также произвести измѣреніе различныхъ угловъ. Примѣру Broca послѣдовали многіе антропологи, предложившіе свои приборы для той же цѣли. Изъ числа этихъ приборовъ наибольшимъ распространеніемъ пользуются діоптрографъ и діаграфъ, изготовляемые фирмой Hermann'a (Цюрихъ), подъ наблюденіемъ проф. R. Martin'a. Какъ ни удобна работа съ этими приборами, тѣмъ не менѣе она требуетъ большого навыка, а получаемые чертежи не настолько точны, чтобы произведенныя по нимъ измѣренія можно было считать абсолютно идентичными съ таковыми же на черепѣ. (Впрочемъ, разница въ цифрахъ лежитъ въ предѣлахъ индивидуальныхъ ошибокъ, такъ что ею свободно можно пренебречь). Эти обстоятельства заставили M. Boule'я[2], при различныхъ измѣреніяхъ знаменитаго черепа неандертальской расы изъ Chapelle aux Saints, пользоваться спеціально

[1] Описаніе его см. у Topinard. Eléments d'anthropologie.

[2] Boule, M.—L'homme fossile de la Chapelle aux Saints. Annales de Paléontologie 1911—1913. Paris.

произведенными фотографіями въ натуральную величину. Естественно, что при фотографированіи, дабы получить правильный профиль, необходимо обезпечить черепу точную установку относительно какой-нибудь горизонтали.

Въ цѣляхъ удобнаго измѣренія и фотографированія череповъ мной сконструировано двѣ модели краніостата со съемной рамой для горизонтальной установки[1]. Во второй модели я сдѣлалъ нѣкоторое добавленіе, позволяющее мнѣ опредѣлять на черепѣ разстояніе любой точки его отъ верхняго края наружнаго слухового прохода (porion), а также найти величину угла, образуемаго линіей, соединяющей эти точки съ франкфуртской горизонталью. (Можно пользоваться и горизонталью Broca съ другой уже исходной точкой, лежащей у вершины затылочныхъ мыщелковъ). Приблизительно тѣ же углы и радіусы опредѣляли Broca и Cunningham[2]. Удобство этого прибора, который я назвалъ краніостатъ-діаграфъ, заключается въ томъ, что при помощи его прямо получаются цифры, выражающія величину упомянутыхъ угловъ и длину радіусовъ. Если же требуется полученіе добавочныхъ угловъ или разстояній, что чрезвычайно важно въ краніологіи, а также, если необходимо пользоваться какими-нибудь добавочными горизонтальными линіями (напр., линіи nasion-inion, или glabella-inion, или glabella-lambda и т. д. при измѣреніи черепной крышки), то во всѣхъ этихъ случаяхъ чрезвычайно выгодно на основаніи получаемыхъ величинъ сдѣлать геометрическій чертежъ. Рядъ такихъ чертежей, построенныхъ на линіи, соотвѣтствующей франкфуртской горизонтали, приведенъ мною ниже. Эти чертежи показываютъ, насколько употребляемый мной методъ передаетъ общую форму контура черепа, а также насколько онъ удобенъ для опредѣленія различныхъ угловъ и разстояній на профили черепа. Для демонстративности я составилъ контуры слѣдующихъ череповъ: русскаго, негра, новогвинейца, якута, деформированнаго крымскаго, слѣпка неандертальскаго человѣка изъ Chapelle aux Saints (M. Boule) и гориллы (срав. чертежи №№ 1—7).

При опредѣленіи угловъ и радіусовъ я беру рядъ анатомическихъ точекъ на черепѣ, для обозначенія которыхъ пользуюсь сокращеніями терминовъ, частью уже вошедшихъ во всеобщее употребленіе, частью предложенныхъ мной; нѣкоторыми изъ этихъ терминовъ я пользуюсь здѣсь *не въ томъ значеніи,* которое они обычно имѣютъ. Результаты моихъ измѣреній видны на ниже приведенныхъ таблицахъ и на чертежахъ. Перечислю теперь анатомическія точки и обозначу ихъ термины.

---

[1] К. Яцута. Штативъ для установки череповъ при измѣреніяхъ. Врач. Газ. 1912.— Онъ же. Краніостатъ-діаграфъ и т. д. Изв. Имп. Ак. Н. 1914.

[2] См. въ Britisch Associat. Anthropom. investig. etc. London. 1909. Стр. 18.

Франкфуртскую горизонталь я обозначаю Fr—Fr_1, причемъ передній конецъ ея будетъ Fr, а задній Fr_1. Точка, соотвѣтствующая серединѣ верхняго края наружнаго слухового прохода (porion), обозначается Po. Измѣренія профиля я начинаю съ точекъ, лежащихъ выше горизонтали и идущихъ спереди назадъ (см. таблицы). Обыкновенно первой изъ этихъ точекъ является конецъ костнаго носа (n), который, однако, можетъ быть и ниже горизонтали. Установивъ сюда указку моего прибора, я опредѣляю сначала уголъ nPoFr и затѣмъ длину радіуса nPo. Поступая такимъ образомъ, я нахожу углы и радіусы у точекъ: nasion (N), glabella (G), Ophrion (On), metopion (Met), середины между metopion и bregma, которую (т. е. середину) я обозначаю m—b, далѣе у bregma (B), у verticale (V), на серединѣ между verticale и obelion, обозначаемой какъ v — ob, затѣмъ у obelion (Ob), lambda (L), opistocranion (Op), inion (I), opistion (O) и basion (Ba). Всѣ углы, лежащіе назадъ отъ verticale (V), опредѣляются и обозначаются уже по отношенію къ заднему концу горизонтали, именно къ Fr_1. Углы для opistion (O), basion (Ba), а иногда и inion (I), являются отрицательными и обозначаются со знакомъ —, напр. $< OPoFr_1 = -39$. Покончивъ съ мозговымъ черепомъ перехожу къ лицевому. Сначала опредѣляю уголъ и радіусъ точки, лежащей глубже всего (т. е. дальше назадъ) на краѣ грушевиднаго отверстія—piriforme (Pir), далѣе, у основанія носового шипа — nasospinale (Ns), затѣмъ между верхними рѣзцами — prostion (Pr) и нижними — infradentale (Id), у нижняго края нижней челюсти — gnathion (Gn) и, наконецъ, у угла нижней челюсти — gonion (Go). Кромѣ этихъ точекъ на периферіи черепа, можетъ быть взята любая точка на *поверхности* его въ norma lateralis. Я для примѣра беру здѣсь точку перехода верхняго края глазницы въ наружный исходящій, которую я обозначаю Ek_1, чтобы не смѣшивать съ ektoconchion (Ek), имѣющимъ въ краніометріи свое опредѣленное значеніе. Точно также я обозначаю условно Sta_1 задній конецъ луночнаго края верхней челюсти въ отличіе отъ staphylion (Sta), употребляющагося въ иномъ смыслѣ. Далѣе, я отыскиваю orbitale (Or), т. е. нижній край глазницы, stephanion (St) и др. Basion, въ виду его близкаго положенія къ линіи, соединяющей оба porion'а, не всегда можетъ быть опредѣленъ посредствомъ моего прибора (для этого требуется одно приспособленіе, которое еще не сдѣлано). Поэтому я нахожу мѣстоположеніе его на чертежѣ, причемъ поступаю слѣдующимъ образомъ: опредѣливъ разстояніе bregma—basion (B — Ba) и lambda—basion (L — Ba), я провожу на бумагѣ соотвѣтствующими радіусами двѣ дуги изъ точекъ B и L; мѣсто пересѣченія дугъ и соотвѣтствуетъ Ba. Далѣе уже транспортиромъ опредѣляется $<$ Ba Po Fr_1, а непосредственнымъ измѣреніемъ — длина BaPo.

Вышеуказанныя точки на окружности черепа представляются жела-

тельными, чтобы получить чертежъ, болѣе или менѣе приближающійся къ истинному контуру черепа. Однако, для изслѣдованія обычныхъ угловъ и соотношеній можно взять сокращенную схему, пользуясь лишь слѣдующими точками: nasion, glabella, ophrion, metopion, bregma, verticale, lambda, inion, opistion, basion, nasospinale, prostion; при наличности нижней челюсти добавляется infradentale, gnathion, gonion. Зато расширить предлагаемую схему можно почти до безконечности, добавивъ, кромѣ точекъ, перечисленныхъ уже раньше, еще dacrion, pterion, asterion и т. д. Наконецъ, возможно, что при изученіи нѣкоторыхъ череповъ понадобятся какіе-нибудь спеціальные опознавательные пункты, которыми придется пользоваться при конструкціи чертежа. Тѣмъ болѣе это является необходимымъ, если предстоитъ заниматься съ черепами антропоидовъ или другихъ обезьянъ. Здѣсь можетъ встрѣтиться необходимость для каждаго семейства отыскивать свои добавочныя точки, такъ что лишь нѣкоторые главные пункты могутъ остаться общими. Приведенный ниже чертежъ (№ 7) гориллы показалъ мнѣ, что здѣсь потребовались новыя точки по сравненію съ человѣческими черепами.

На произведенномъ чертежѣ, каковъ бы онъ ни былъ — полный или сокращенный — можно проводить добавочныя линіи, соединяющія опредѣленные пункты. Такимъ образомъ мы получаемъ дополнительные размѣры, а также величины угловъ, взятыхъ въ *любой горизонтали*. Такъ, возстановивъ перпендикуляры изъ G и Op на вертикальную линію (Po V), я получаю проекцію или наибольшую длину передней (G—a) и задней (Op—b) половины черепа, а также отношеніе ихъ другъ къ другу и ко всей наибольшей длинѣ (GOp). Для проекціи лицевой части я опредѣляю слѣдующія данныя: 1) длину лица (Ns—e) въ профиль, т. е. линію параллельную Fr Fr_1, проходящую отъ передняго конца верхней челюсти (Ns) къ вертикали, продолженной внизъ; 2) вышину лица (Gn—f), т. е. перпендикуляръ изъ подбородка (Gn) на горизонталь, проходящую черезъ nassion и параллельную франкфуртской. Наклоненіе лба можетъ быть выражено угломъ Met Ga или BGa, а наклоненіе затылка — угломъ LId или LOpb. Вообще я предпочитаю опредѣлять углы относительно постоянной горизонтали, другими же углами приходится пользоваться лишь потому, что они были примѣняемы въ нѣкоторыхъ классическихъ работахъ.

На чертежѣ № 8 показано для примѣра нѣсколько добавочныхъ угловъ, построенныхъ не на франкфуртской горизонтали, а на другихъ, примѣнявшихся различными авторами при изученіи череповъ изъ Неандерталя, Спи, Шапель-о-Сентъ и др. Таковы углы брегмы и ламбды, измѣряемые относительно горизонтали nasion—inion, glabella—inion, glabella—lambda и др. Далѣе, проводя линіи отъ nasion къ nasospinale, prostion или

	uPoFr	uPo	VPoFr	VPo	GPoFr	GPo	OuPoFr	OuPo	MoPoFr	MoPo	m-bPoFr	m-bPo	BPoFr	BPo	VPo
Русскій I. .	9	108	19°	101	23°	108	32°	109	42°	116	62°	127	82°	130	132
Якутъ. . . .	5	102	11	97	25	102	33	105	43	109	62	114	80	116	117
Негръ. . . .	8	100	17	92	21	98	26	102	34	109	54	116	77	121	121
Новогвинеецъ. . . .	9	104	20	97	23	107	30	108	41	111	61	115	82	114	115
Макроцефалъ. . .	4	103	19	90	31	92	38	93	52	96	72	105	93	129	125
Неандерталецъ . . .	4	119	16	104	21	117	32	114	43	116	61	116	78	117	117

	v-obPoFr$_1$	v-obPo	ObPoFr	ObPo	LPoFr$_1$	LPo	OpPoFr$_1$	OpPo	IPoFr$_1$	IPo	OPFr$_1$	OPo	BaPoFr$_1$	Ba *Po*	NsPoFr
Русскій I..	73°	124	53°	116	40°	104	12°	92	−16°	70	−38°	49	79°	20	−12°
Якутъ . . .	73	117	57	105	38	97	11	88	3	81	−32	42	49	17	−11
Негръ. . . .	73	119	60	113	42	103	21	84	7	72	−29	39	70	18	− 9
Новогвинеецъ. . . .	70	113	54	107	33	98	19	90	2	75	−30	35	81	17	−12
Макроцефалъ. . .	70	143	49	141	39	121	см. i	nion	10	76	−35	44	75	19	−14
Неандерталецъ . . .	75	114	59	101	48	109	15	104	3	88	−15	60	10	25	−12

	NsPo	PirPoFr	PirPo	PrPoFr	PrPo	Sta$_1$PoFr	Sta$_1$Po	IdPoFr	IdPo	GnPoFr	GnPo	GoPoFr	GoPo	EkPoFr	EkPo
Русскій I. .	96	−11°	91	−25°	115	−41°	57	−39°	107	−54°	126	−79°	71	19°	80
Якутъ . . .	100	−15	94	−26	113	−40	62	−31	118	−44	133	−73	65	15	80
Негръ. . . .	101	− 4	93	−17	112	−26	55	−29	111	−45	121	−74	60	17	75
Новогвинеецъ. . . .	101	− 7	95	−20	106	−35	59	−30	119	−45	125	−82	65	−21	78
Макроцефалъ. . .	99	−11	90	−22	101	−36	66	−31	115	−43	131	−77	72	21	67
Неандерталецъ. . .	122	− 8	111	−24	128	−39	62	−34	127	−49	133	−75	87	11	85

къ нижнему концу передняго рѣзца, мы опредѣляемъ линіи прогнатизма различныхъ точекъ черепа. Уголъ прогнатизма получается въ точкѣ пересѣченія каждой изъ этихъ линій съ франкфуртской горизонталью.

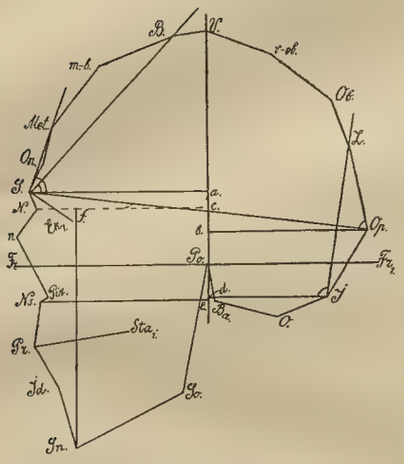
Въ заключеніе сдѣлаю одно техническое замѣчаніе: при желаніи получить средній профиль какой-нибудь народности, можно опредѣлить среднія арпометическія числа всѣхъ радіусовъ, угловъ и пр. и по этимъ числамъ сдѣлать построеніе чертежа.

Теперь позволю себѣ проанализировать нѣкоторыя величины на черепахъ, взятыхъ здѣсь для примѣра (см. таблицу и чертежи 1—7). Уголъ GPoFr, будучи малымъ у негра и неандертальца изъ Chapelle aux Saints (21°), постепенно повышается у новогвинейца и лезгина (23°), якута (25°) и макроцефала (31°), что вполнѣ соотвѣтствуетъ общему впечатлѣнію постепеннаго подъема нижней границы лба. Почти то же происходитъ и съ угломъ BPoFr: онъ меньше у негра и неандертальца (77° и 78°), далѣе повышается у якута (80°), новогвинейца и лезгина (82°), затѣмъ макроцефала (93°). Совершенно другое мы видимъ при изученіи радіусовъ, напр., VPo или MetPo: такъ какъ ихъ величина зависитъ отъ абсолютной величины черепа, то и значеніе ихъ второстепенное. Наоборотъ, соотношенія прямыхъ линій, выражающихъ высоту черепа и длину его передней и задней частей, т. е. переднюю и заднюю проекціи, а также проекціи высоты и длины лица, представляютъ даже и на этомъ небольшомъ матеріалѣ извѣстный интересъ. Далѣе, заслуживающими вниманія являются углы MetGa и BGa, а также углы LId и LOpb, показывающіе степень покатости лба и затылка. Такъ, уголъ MetGa чрезвычайно малъ у макроцефала и неандертальца и больше у аргентинца и негра. Уголъ LId обыкновенно приближается къ прямому, между тѣмъ какъ у якута онъ ясно меньше его, у неандертальца еще меньше, а у макроцефала уже тупой.

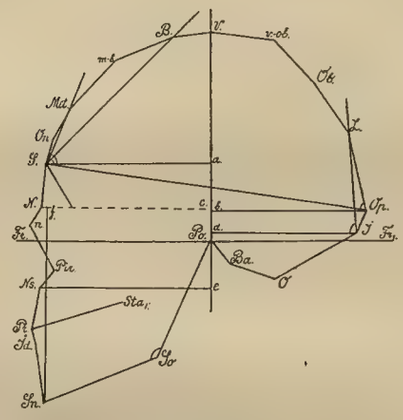
Нѣсколько приведенныхъ здѣсь примѣровъ анализа угловъ и радіусовъ, а также другихъ величинъ (проекціи), показываютъ, что они могутъ имѣть примѣненіе въ краніометріи. Ближайшей моей задачей является использовать этотъ методъ для изученія болѣе или менѣе значительныхъ группъ расовыхъ череповъ и тогда выяснить, насколько онъ удобенъ для передачи морфологическихъ особенностей расовыхъ череповъ.

Цифръ, выражающихъ величину угловъ и радіусовъ у *гориллы*, я не привожу, такъ какъ исходныя точки здѣсь иныя, чѣмъ у человѣка. Ограничиваюсь, поэтому, чертежомъ № 7.

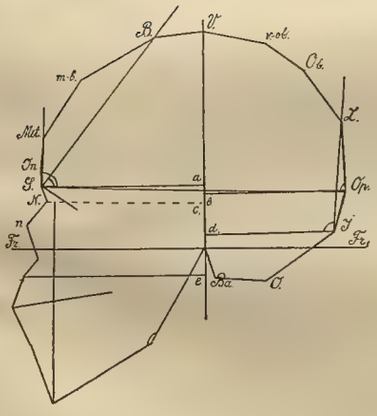
Наконецъ, на черепѣ «русскій II» мной опредѣлены для примѣра углы, величина которыхъ слѣдующая: MetGL = 65, MetGI = 85, BGL = 40, BGI = 60, MetNI = 90, BNI = 62, BLG = 32, LIG = 85, LIN = 89.



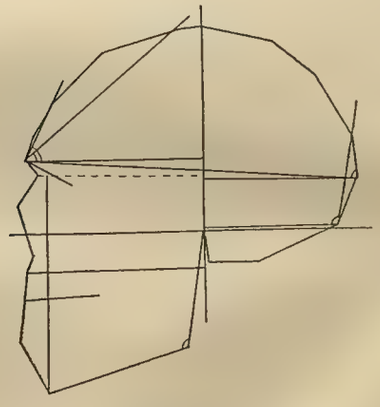
1. Русскій.



2. Якутъ.

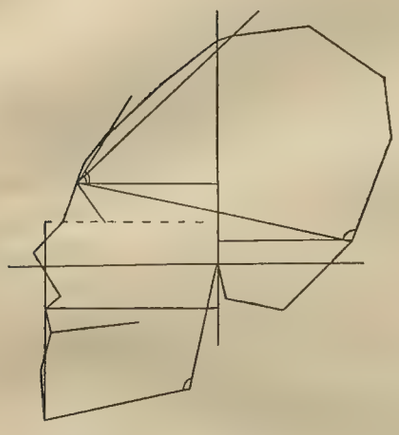


3. Негръ.

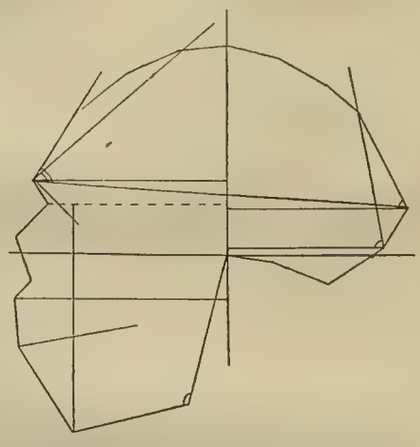


4. Новогвинеецъ.

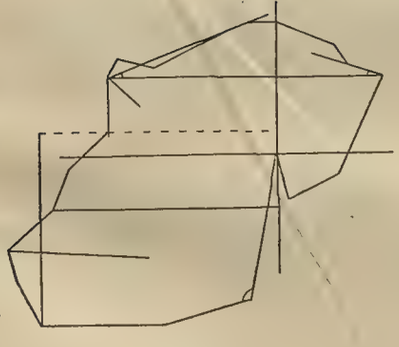
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ БИБЛІОТЕКА № Академіи Наукъ СССР



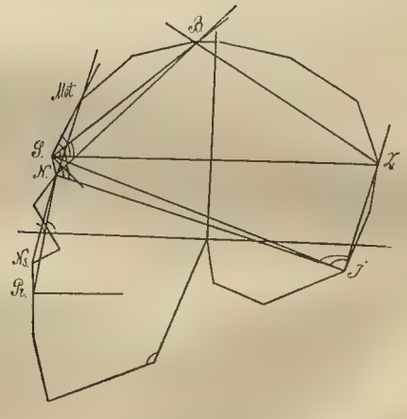
5. Макроцефалъ.



6. Неандерталецъ (изъ Chapelle-aux-Saints).



7. Горилла.



8. Русскій.

А. И. Ивановъ.

Изъ музейныхъ матеріаловъ по религіи китайцевъ.

Съ таблицей рисунковъ.

I.

Богъ богатства.

Второго числа перваго мѣсяца года въ Китаѣ приносятъ жертвы Цай-шэн'ю — богу богатства[1]. На обязанности этого божества лежитъ представленіе Юй-хуанъ-шанъ-ди—Яшмовому императору (верховному божеству даоскаго пантеона)[2] 2-го и 6-го числа каждаго мѣсяца свѣдѣній о поведеніи людей. Обычно въ эти дни Цай-шэн'ю приносятъ въ жертву три рюмки вина и три[3] яйца[4].

Второго числа перваго мѣсяца жертва бываетъ болѣе обильна и разнообразна: въ жертву приносятся кусокъ баранины, цыпленокъ, рыба, двѣ[5] тарелки-опрѣсноковъ (мань-тоу), три рюмки вина и изображенія денегъ, сдѣланныя изъ бумаги[1]. Совершается жертвоприношеніе почти въ каждомъ домѣ, въ лавкахъ, торговыхъ заведеніяхъ и храмахъ и сопровождается пусканіемъ ракетъ и взрывомъ хлопушекъ.

Жертва ставится передъ печатнымъ изображеніемъ божества на жертвенномъ столѣ.

---

[1] Богъ богатства, какъ и большинство боговъ, имѣетъ супругу. Супруги носятъ названія: мужъ — Цай-гунъ и жена — Цай-му.

[2] Къ даоскому пантеону принадлежатъ: 1) божества природы и ея явленій, 2) олицетворенія идей, 3) обожествленія лицъ историческихъ или созданій фантазіи, 4) божества буддійскаго пантеона и др. См. Z. v. E. 3 и 4 h. 1911. H. Müller. Ueber das daoistische Pantheon der Chinesen.

[3] Число три часто имѣетъ символическое значеніе. Здѣсь имѣются въ виду, вѣроятно, три силы: небо, мужское начало и женское.

[4] Яйца (цзи-цзыр) называются еще «плодами радости» и въ данномъ случаѣ приносятся, какъ символъ жизни.

[5] Двѣ тарелки — одна для мужа, другая для жены.

Въ торговыхъ заведеніяхъ и иногда въ частныхъ домахъ божество помѣщается или въ особую божницу или вмѣстѣ съ другими божествами. Поклоны, совершаемые передъ изображеніемъ божества, носятъ, въ зависимости отъ роли его самого въ жизни людей, характерныя названія. При началѣ жертвоприношенія, тотъ моментъ, когда приносящій жертву падаетъ ницъ, называется цзи-шэнь, что значитъ «приносить жертву духу»; моментъ же, когда вспыхиваетъ пламя пролитаго и зажженнаго вина, называется сунъ-шэнь, т.-е. проводы духа (отправляющагося на небо съ докладомъ). На дворѣ ставится цянь-лянъ-пынь, т.-е. тазъ (блюдо) съ податью, куда послѣ жертвоприношенія кладутся старѣйшими въ семьѣ деньги, хлопушки и изображеніе бога, и все это сжигается; послѣ этого считаютъ, что божество отправилось на небо.

Почитаніе Цай-шэн'я не ограничивается жертвою передъ его изображеніемъ. Оно можетъ быть обращено къ дощечкѣ, окрашенной въ красный (счастливый) цвѣтъ, на которой, обычно золотомъ, написано имя божества.

Повсюду, особенно въ торговыхъ кварталахъ и мѣстахъ, въ частныхъ домахъ и на улицахъ, видны божницы Цай-шэн'я, различныя изображенія, рисующія отношенія его къ людямъ, и надписи.

Въ послѣднихъ высказывается пожеланіе богатства, и одна изъ нихъ, весьма распространенная, характерна для опредѣленія взгляда на богатство и искренности моленій, съ которыми такъ часто китайцы обращаются къ Цай-шэн'ю. На полоскѣ красной бумаги, приклеенной на стѣнѣ дома и т. п., написано четыре знака: дуй-во-шэнъ-цай (букв.: напротивъ меня родятъ богатства — разбогатѣетъ находящійся напротивъ).

Одно изъ наиболѣе частыхъ изображеній Цай-шэн'я — это посѣщеніе имъ одного изъ своихъ просителей, когда счастливецъ видитъ исполненіе своей мечты. Даемъ здѣсь снимокъ картины[2], изображающей этотъ моментъ посѣщенія дома богомъ богатства. Наверху надпись 財神叫門 Цай-шэнь-цзяо-мынь — Цай-шэнь стучится въ дверь. Налѣво отъ надписи стишокъ изъ семизначныхъ строкъ:

Второго января чтутъ Цай-шэн'я,
Оба Хэ[3] несутъ коробы съ деньгами.
(Когда) вся семья согласна, много у нея счастія и благополучія:
Почтеніемъ побудятъ богатство и награды прибыть къ дверямъ.

---

[1] Называются «цянь-лянъ» въ данномъ случаѣ, что собственно значитъ подать въ деньгахъ и натурой.

[2] Колл. 2365, № 6. Размѣръ 57,5 × 33, 5 см. Отпечатана ксилографически на обыкновенной бумагѣ.

[3] Хэ-хэ эр-шэнь — два духа: Единеніе и Согласіе.

Прибытіе бога богатства.

Изображенія будды и боговъ неба и земли.

Китаецъ—хозяинъ дома, въ форменномъ головномъ уборѣ съ шарикомъ и перомъ (по формѣ маньчжурской династіи), почтительно привѣтствуетъ появленіе божковъ. Жена его, полная пріятной неожиданности отъ посѣщенія желанныхъ гостей, стоитъ у колонны.

Бог богатства со слиткомъ серебра въ лѣвой рукѣ идетъ въ предшествіи двухъ отроковъ — Единенія и Согласія. Одинъ изъ нихъ держитъ сосудъ съ драгоцѣнностями, озаряемыми пламенемъ — сіяніемъ, другой въ лѣвой рукѣ держитъ блюдо съ изображеніемъ лошади[1], а въ правой вѣтку съ висящими на ней связками денегъ. Сзади Цай-шэн'я стоитъ олень[2], на спинѣ котораго — корзина съ деньгами.

На полу лежатъ деньги, слитки и входящіе одинъ въ другой четырехугольники съ деньгами.

Часто также встрѣчается картина съ надписью: «чжэнь-ши-хо-цай-шэнь-лай-цза[3]-цзя — поистинѣ самъ Цай-шэнь пришелъ въ нашу семью».

На возвышеніи сидятъ мужъ и жена. Маленькія дѣти несутъ и везутъ деньги въ слиткахъ и въ монетѣ. Стоящее около дома дерево[4] все увѣшано слитками серебра и золота. Въ облакахъ, исходящихъ изъ «таза съ данью» (см. выше), видѣется само божество.

II.

Китайская народная иконографія.

Большинство авторовъ, писавшихъ о китайской религіи, отмѣчаетъ, какъ нѣчто особенное, одновременное существованіе у китайцевъ вѣры въ божества различныхъ религіозныхъ системъ и наличность въ кумирняхъ-храмахъ изображеній божествъ изъ пантеоновъ, казалось бы, враждебныхъ между собою религій, какъ буддизмъ, даосизмъ и шаманство.

Такое явленіе не представляется, какъ намъ кажется, исключительнымъ, такъ какъ религіозный пуризмъ — вообще крайне рѣдкое явленіе, и различныя легенды наслаиваются одна на другую, перепутываются и заслоняютъ другъ друга, причемъ отдѣльные элементы часто совершенно утрачиваютъ свое первоначальное значеніе.

---

[1] Возможно предположить заимствованіе изображенія лошади изъ буддизма. Въ числѣ драгоцѣнностей (7) царя-міродержца имѣется изображеніе лошади, навьюченной драгоцѣнностями.

[2] Олень по кит. — лу; это слово однозвучно со словомъ «лу — жалованіе, кормленіе». Изображеніе оленя символизуетъ второй знакъ.

[3] Шаньдунская форма мѣстоименія цза-мынь.

[4] Есть особое божество, которое стряхиваетъ деньги — Лю Хай(р).

Это въ особенности примѣнимо къ Китаю, если принять во вниманіе его многовѣковую культуру.

Буддизмъ проникъ въ Китай сравнительно поздно, когда тамъ уже сложилась народная религія, состоявшая изъ культа героевъ-предковъ, обожествъ рѣкъ, горъ, явленій природы, планетъ, звѣздъ и атмосферическихъ явленій. Въ то же время китайцы поклонялись небу, олицетворявшему верховное божество (шанъ-ди, что значитъ верховный государь), которое милуетъ и караетъ людей.

Буддизмъ принесъ не только ученіе Будды, но и различныя наслоенія, имѣвшія мало общаго съ истиннымъ ученіемъ его основателя. Конфуціанство, морально-политическое ученіе, считало своими основныя жертвоприношенія: небу и землѣ, солнцу и лунѣ и нѣкоторые другіе. Однако, они были связаны съ конфуціанствомъ только въ силу своего государственнаго значенія, какъ прерогативы императора — сына неба.

Даосизмъ, сформировавшійся въ религію на почвѣ раціоналистической философіи Лао-цзы подъ вліяніемъ буддизма, включилъ въ свой пантеонъ божества буддизма. Съ точки зрѣнія народа буддизмъ и даосизмъ ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, и только культъ патроновъ городовъ, т. н. чэнъ-хуан'овъ (чэнъ—городская цѣна, хуанъ—городской ровъ), связанъ съ конфуціанствомъ, но и то внѣшнимъ образомъ. Не только въ этомъ отношеніи, но и въ области догматики дѣлались попытки синкретизма. Такъ называемая новая китайская философія, творцами которой были Чжоу Дунь-и (1017—1073), Чжу Си (1130—1200) и другіе, построена въ сущности на буддизмѣ и даосизмѣ.

Помимо совмѣщенія божествъ различныхъ религій въ храмахъ, встрѣчаются и иконы, на которыхъ изображены божества буддизма, даосизма и народныя божества, не принадлежащія собственно ни къ одному изъ этихъ культовъ.

На имѣющейся въ нашемъ Музеѣ одной такой картинѣ представлены изображенія божествъ въ 5 рядахъ. Картина[1] исполнена въ краскахъ ксилографически на обыкновенной бѣлой бумагѣ и носитъ названіе «Тянь-ди-фо-чжу-шэнь-чжи-вэй, т.-е. изображенія буддъ и божествъ неба и земли».

Въ первомъ ряду идутъ будды и бодисатвы: Сакьямуни, Майтрейя, Амитабха, Авалокитешвара, Маньчжушри и другіе.

Второй рядъ занимаютъ изображенія даоскія: Тай-цинъ (небо, солнце)— великая чистота, Юй-цинъ — нефритовая (прекрасная) чистота и Шанъ-цинъ — верховная чистота. Шп-эр-гунъ-чэнь, т.-е. божества 12 знаковъ

---

[1] Колл. 2356, № 10. Размѣръ 56,3 × 50,5 см.

для обозначенія дѣленій эклиптики, и 11 такъ называемыхъ да-ши, т.-е. бодисатвъ (буддизмъ).

Въ третьемъ ряду находятся Юй-хуанъ — нефритовый государь, Цзы-вэй—божество звѣзды царя, Гоу-чэнь—зловѣщая звѣзда и Хоу-ту—богиня земли (даосизмъ).

Въ четвертомъ—Шанъ-юань, Чжунъ-юань, Ся-юань, первоначальное значеніе которыхъ — обозначенія трехъ періодовъ по 60 лѣтъ каждый, соотвѣтствующія зарѣ, полудню и упадку народовъ или 15 числу перваго, 15 числу седьмого и 15 числу десятаго мѣсяцевъ; Вэнь-чанъ[1] — божество стилистики, Чжао-цай — богъ богатства, Чжэнь-у — владыка сѣвера, изображаемый босымъ съ астрономическими символами: змѣей и черепахой; Да-ди — полярный Владыка; Тянь-ши — архимагъ Чжанъ Тянь-ши[2] и Ли-ши — покровитель рынковъ.

Въ пятомъ ряду имѣется только одно названіе: Ди-цзанъ, т.-е. Ди-цзанъ-пу-са (Кшити гарба бодисатва).

Подобныхъ картинъ среди народной иконографіи много, и такимъ образомъ синкретизмъ культовъ въ Китаѣ представляетъ собою явленіе общенародное, явленіе повседневной жизни, а отнюдь не исключительное, которое нужно бы было искать лишь въ нѣкоторыхъ храмахъ.

[1] Вэнь-чанъ ди-цзюнь — Владыка-покровитель просвѣщенія. Вэнь-чанъ — названіе 6 звѣздъ сѣверной Медвѣдицы, изъ коихъ одна служитъ жилищемъ Владыки-покровителя просвѣщенія. Яркій свѣтъ звѣздъ предвѣщаетъ процвѣтаніе просвѣщенія. Верховный владыка поручилъ Вэнь-чанъ-цзюн'ю, происходившему изъ фамиліи Чжанъ, завѣдывать дѣлами во дворцѣ звѣздъ Вэнь-чанъ, а также списками о награжденіи людей за ихъ подвиги и пожалованіяхъ титулами. Настоящій титулъ пожалованъ въ 1316 году императоромъ Жэнь-цзун'омъ Юаньской династіи.

[2] Даосскій архимагъ Чжанъ Дао-линъ, родившійся въ 34 г. нашей эры. Правнукъ его поселился на горѣ Лунъ-ху-шань въ пров. Цзянъ-си, и съ тѣхъ поръ гора служитъ резиденціей наслѣдственныхъ архимаговъ. Званіе Тянь-ши — небеснаго учителя было пожаловано въ 748 г.

А. И. Ивановъ.

Изъ музейныхъ матеріаловъ по быту китайцевъ.

Головные уборы китайскихъ невѣстъ.

Съ таблицей рисунковъ.

Уборъ изъ г. Кантона[1].

Представляетъ собою металлическій каркасъ, украшенный металлическими же изображеніями драконовъ съ накладкой изъ пера птицы фэй цуй (Halcyon smyrnensis) и помпонами изъ цвѣтного шелка. Въ медальонахъ, въ формѣ звѣздъ — китайскіе знаки: «фынъ-тянь-чао-минъ — получили распоряженіе неба».

Медальоны прикрѣплены на пружинахъ къ самому каркасу. Бортъ покрытъ изображеніями лука (цунъ), какъ омофона слова цунъ — умный. Кромѣ того, по верхней части каркаса — изображенія раковинъ, какъ символовъ богатства[2]. Внизу подвѣски изъ стекла, прикрѣпленныя къ изображеніямъ бабочки (символъ долголѣтія, какъ омофонъ), денегъ и музыкальнаго инструмента (цинъ — омофона знака «цинь — счастье») изъ камня или металла (треугольники).

Уборъ изъ г. Пекина[3].

Каркасъ сдѣланъ изъ папки и вызолоченъ снаружи. Изображенія драконовъ — изъ папки съ накладкой изъ пера птицы Фэй-цуй (Halcyon smyrnensis), тѣ же подвѣски, что и на кантонскомъ уборѣ, и изображенія лука. Отличается отъ убора изъ г. Кантона только обиліемъ знаковъ въ медальонахъ и изображеніемъ таблицы, на которой написано: «шэнъ-чжи — высочайшій указъ», и двухъ медальоновъ со знаками «жи — солнце», «юэ — мѣсяцъ».

Вся надпись: «шэнъ-чжи фынъ-тянь гуань-чао чунъ фынъ чао минъ — Высочайшій указъ, получено распоряженіе неба (рескриптъ) о новомъ награжденіи».

---

[1] Зарегистрованъ подъ № 2054—13.

[2] Раковины въ древности служили предметомъ мѣна и денежною единицею. Въ составъ китайскихъ идеограммъ «покупать», «продавать», «богатство» и другихъ входитъ идеограмма «раковина».

[3] Зарегистрованъ подъ № 2144—1.

Головной уборъ невѣсты — г. Кантонъ.

Головной уборъ невѣсты — г. Пекинъ.

Музей антропологии и этнографии
при Академии Наук СССР
БИБЛИОТЕКА

Музей Антропологии и Этнографии
Библиотека
№ ...
Академии Наук СССР

К. К. Гильзенъ.

Смычковый музыкальный инструментъ у арауканов.

(Изъ матеріаловъ Музея Антропологіи и Этнографіи И. А. Н. по отдѣлу Южной Америки).

Въ числѣ предметовъ этнографической коллекціи, собранной въ Южной Америкѣ Оскаромъ Менгельбиромъ и пожертвованной Музею въ 1904 г. д-ромъ Г. Мейеромъ, имѣется нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ, въ томъ числѣ самобытный для арауканов смычковый музыкальный инструментъ, называемый «кинкекахуэ» (по-испански quinquecachue) [1]. Въ присланномъ О. Менгельбиромъ спискѣ вещей мы находимъ относительно этого инструмента лишь очень лаконическое указаніе, а именно: «№ 105 Musikinstrument aus Pferdehaaren (Victoria)». Инструментъ этотъ заслуживаетъ подробнаго описанія (см. рисунокъ).

Онъ состоитъ изъ двухъ небольшихъ, лукообразно согнутыхъ, древесныхъ сучковъ, концы которыхъ стянуты пучками черныхъ конскихъ волосъ, причемъ пучокъ волосъ одного изъ нихъ продѣтъ въ другой смычокъ такимъ образомъ, что оба они соединены между собою, какъ два звена обыкновенной цѣпи.

Древесные сучки, или лучки, служащіе основою смычковъ, не очищены отъ покрывающей ихъ тонкой коры и представляютъ собою небольшіе обрѣзки толщиною менѣе мизинца. Одинъ изъ нихъ—длиною въ 36 см., считая по дугѣ, а другой—въ 34 см., при средней толщинѣ въ 1 см. На этихъ сучкахъ имѣются неглубокія искусственныя зарубки и природныя утолщенія (на разстояніи 1 см. отъ одного конца и 2—3 отъ дру-

[1] Зарегистрованъ въ спискахъ Музея подъ № 845—83.

гого), къ которымъ, при помощи узловъ, привязаны пучки конскихъ волосъ (въ 30—40 штукъ въ каждомъ). Относительно степени изогнутости и упругости лучковъ, равно какъ и о степени натянутости на нихъ пучковъ конскихъ волосъ, въ настоящее время трудно высказаться съ опредѣленностью, такъ какъ инструментъ этотъ полученъ 10 лѣтъ тому назадъ, дерево подсохло, упругость его измѣнилась, а натянутые пучки волосъ сильно ослабѣли.

Менгельбиръ въ своемъ спискѣ указываетъ, что этотъ смычковый инструментъ вывезенъ имъ, какъ и многіе другіе араукапскіе предметы, изъ Викторіи, находящейся на западномъ склонѣ Андовъ, въ провинціи Маллеко, въ средней части длинной береговой полосы Чилійской республики.

При взглядѣ на этотъ своеобразный музыкальный инструментъ, возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: какъ его изготовляютъ, какимъ образомъ на немъ играютъ, какіе извлекаютъ изъ него звуки, и много другихъ.

По всѣмъ этимъ вопросамъ мы находимъ много цѣнныхъ свѣдѣній въ обстоятельной статьѣ Р. Леманнъ-Нитче[1], изъ которой мы приведемъ здѣсь наиболѣе интересныя мѣста.

Однимъ изъ первыхъ, описавшихъ араукапскій смычковый музыкальный инструментъ, былъ А. Гуиппардъ, который три года провелъ въ плѣну у араукаповъ въ Патагоніи и затѣмъ опубликовалъ свои наблюденія и впечатлѣнія за это время[2].

---

[1] Robert Lehmann-Nitsche. Patagonische Gesänge und Musikbogen. Antropos. Band III. Heft 5, 6—1908, Seite 916.

[2] Guinnard: Three years slavery among the Patagonians. London. 1871.

«Скрипка,—говоритъ онъ между прочимъ въ своей книгѣ,—состоитъ изъ двухъ лошадиныхъ реберъ, которыя представляютъ собою что-то въ родѣ скрипичныхъ смычковъ; струна (очевидно, изъ конскихъ волосъ. Замѣчаніе Леманнъ-Нитче) туго натянута и смачивается слюной. При игрѣ проводятъ одной струной по другой, причемъ каждая часть этого инструмента сама по себѣ можетъ служить или скрипкой или смычкомъ. Та часть, которая должна изобразить скрипку, зажимается межъ зубовъ и держится горизонтально лѣвой рукой, другая же часть—смычокъ—быстро водится взадъ и впередъ по струнѣ смычковой скрипки. Этими движеніями вызываются тихіе звуки, которые переливаются въ разные тоны, вслѣдствіе нажиманія струны свободными пальцами,—такимъ же образомъ, какъ это дѣлаютъ наши музыканты».

Хами[1] описалъ подобные же музыкальные инструменты, которые были присланы на выставку въ Генуѣ, устроенную по случаю 400-лѣтія открытія Америки. Эти инструменты принадлежали арауканамъ изъ Pio Кварто, въ провинціи Кордоба, въ Аргентинѣ.

«Они были сдѣланы,—по словамъ Хами,—изъ ребра быка или коровы, съ зарубками на концахъ, между которыми былъ туго натянутъ пучокъ конскихъ волосъ; по нему водился деревянный дугообразный смычокъ съ такимъ же натянутымъ пучкомъ волосъ. Индѣйцы играютъ на этомъ примитивномъ инструментѣ приблизительно такъ, какъ и мы на скрипкѣ, но упираютъ при этомъ одинъ конецъ ребра въ ротъ и измѣняютъ тоны звука лѣвой рукой въ то время, когда правой рукой играющій водитъ смычкомъ по волосяной струнѣ».

Томасъ Гуевара[2], перечисляя въ своей работѣ музыкальные инструменты у араукановъ, упоминаетъ также и про скрипку, называемую «кипкекахуэ» и состоящую изъ двухъ дугообразно согнутыхъ ивовыхъ сучковъ, на концахъ которыхъ натянуты пучки конскихъ волосъ. Луи Марія Торесъ (Lui Maria Tores) изъ Буэносъ-Айреса разсказывалъ Леманнъ-Нитче, что еще въ дѣтствѣ, т.-е. въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, ему часто приходилось слышать игру одного пампа-араукапца на подобномъ смычковомъ инструментѣ.

Самый инструментъ состоялъ изъ двухъ большихъ реберъ лошади или коровы, къ концамъ которыхъ были прикрѣплены и туго натянуты конскіе волосы; оба ребра были свободно соединены между собою, такъ

---

[1] Hamy. Etude sur le collections américaines, réunies à Gênes à l'occasion du IV Centenaire de la découverte de l'Amérique. Journal de la Société des Américanistes de Paris. I, 1895—96, page 26.

[2] Guevara: Historia de la civilizacion de Araucania. Anales de la Universidad de Chile. Tomo 104, 1899, page 502.

какъ пучокъ волосъ каждаго изъ нихъ былъ продѣтъ въ образовавшіеся между ребрами и натянутыми волосами промежутки. Индѣецъ держалъ одинъ смычокъ лѣвой рукой, упирая въ ротъ его конецъ, правой же рукой водилъ вторымъ смычкомъ снизу вверхъ по струнѣ (пучку волосъ) перваго. Оттого, что его лѣвый указательный палецъ скользилъ взадъ и впередъ по струнѣ перваго смычка, получались звуки различныхъ тоновъ, которые были далеко слышны.

Въ настоящее время,—по словамъ Леманнъ-Нитче,—трудно найти виртуозовъ игры на этомъ инструментѣ среди аргентинскихъ араукановъ, но ему удалось найти одного, который, хотя самъ не игралъ, но хорошо зналъ устройство этого инструмента и изготовилъ ему одинъ экземпляръ изъ реберъ коровы; для этой цѣли, впрочемъ, болѣе пригодны ребра лошади[1]. По сообщенію этого араукана, смычокъ, изображающій собственно инструментъ (скрипку), долженъ нѣсколько отличаться отъ дѣйствительнаго смычка, которымъ играютъ; для послѣдняго употребляется ребро болѣе короткое и менѣе согнутое. Передъ игрой струну натираютъ углемъ.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что арауканскій музыкальный инструментъ «кипкекахуэ», смотря по матеріалу, изъ котораго онъ сдѣланъ, встрѣчается въ слѣдующихъ видоизмѣненіяхъ: 1) оба лучка—изъ реберъ лошади или коровы, 2) одинъ лучокъ—изъ ребра, другой—изъ древеснаго сучка и, наконецъ, 3) оба лучка—изъ древесныхъ сучковъ.

Относительно извлекаемаго изъ этого инструмента звука, можно съ увѣренностью сказать, что самъ по себѣ звукъ долженъ быть чрезвычайно тихимъ, но, благодаря тому, что играющій крѣпко прижимаетъ во время игры одинъ конецъ смычка-скрипки къ зубамъ, звукъ нѣсколько усиливается, причемъ полость рта играетъ роль резонатора. Количество тоновъ, которые могутъ получаться на сравнительно короткой струнѣ смычка-скрипки, довольно ограничено.

Не вдаваясь въ этой краткой замѣткѣ въ разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи инструмента «кипкекахуэ», отсылаю интересующихся къ указанной выше статьѣ Леманнъ-Нитче.

---

[1] Изображеніе этого инструмента помѣщено въ статьѣ Леманнъ-Нитче на стр. 936.

Музей Антропологии и Этнографии
Библиотека
№
Академии Наук СССР

И. И. Зарубинъ.

Обувь горныхъ таджиковъ долины Бартанга.

(Съ двумя таблицами рисунковъ).

Обыкновенною обувью, постоянно носимою горными таджиками долины Бартанга, являются *пехи* (pêx) (см. табл. VII e, f, h). Пехи носятся одинаково какъ мужчинами, такъ и женщинами, и даже дѣтьми, хотя послѣднія почти всегда ходятъ босикомъ. Пехи представляютъ собою высокіе сапоги изъ мягкой кожи, точнѣе—кожаные чулки. Длина ихъ различна и зависитъ отъ размѣра имѣющагося куска кожи. Самые высокіе доходятъ до колѣнъ, а самые низкіе едва достигаютъ до икръ. Каждый пехъ шьется изъ одного или двухъ кусковъ кожи, — это зависитъ исключительно отъ матеріала. Если пехъ шьется изъ одного куска, то единственный шовъ проходитъ спереди: сначала — посрединѣ голенища, затѣмъ — посрединѣ носка и всей подошвы, доходя до пятки, гдѣ кусокъ кожи былъ разрѣзанъ. Если не было большого куска кожи и пришлось шить пехъ изъ двухъ кусковъ, то сначала сшиваютъ оба полотнища, накладывая немного одно на другое, такъ что получается какъ бы одинъ цѣлый кусокъ, и затѣмъ шитье производится такъ же, какъ въ первомъ случаѣ. Шовъ, проходящій спереди голенища, всегда стачанный — parasèc; шовъ на носкѣ, подошвѣ и, если имѣется, на задней сторонѣ голенища производится не тачаніемъ, а простымъ сшиваніемъ немного наложенныхъ другъ на друга кусковъ кожи — zabàsèc.

При шитьѣ употребляются, вмѣсто нитокъ, узкія кожаныя тесемки. Для прочности очень часто пришивается снаружи вторая подошва изъ болѣе грубой кожи. Въ передней части верхняго края голенища всегда дѣлается треугольный вырѣзъ, чтобы нога не испытывала стѣсненія при ходьбѣ.

Сзади, у пятки, почти всегда пришивается небольшая кожаная петелька, черезъ которую проходитъ pèxban — шнурокъ, связывающій обутую въ пехъ ногу у щиколотки и не позволяющій пеху скользить. Формы и качество pèxban-овъ въ высшей степени разнообразны, но каждый pèxban снабженъ съ одного конца петлей, чрезъ которую пропускается другой его конецъ. Въ Музеѣ имѣются 4 pèxban-а изъ различныхъ селеній долины Бартанга.

Въ сел. Баситъ (Basit) пріобрѣтенъ самый простой pèxban, который представляетъ собою грубый шнурокъ, свитый изъ двухъ прядей сѣрой овечьей шерсти, длиной въ 78 см. На одномъ концѣ — небольшая петля, на другомъ — узелъ. Гораздо сложнѣе другой баситскій pèxban. Петля его — тройная, состоящая изъ трехъ ординарныхъ петель, которыя сплетены съ одной стороны вмѣстѣ. Каждая изъ этихъ отдѣльныхъ петель сдѣлана изъ тонкаго шнурка, сплетеннаго изъ 4-хъ цвѣтныхъ прядей. Послѣ сплетенія этихъ петель pèxban состоитъ уже изъ 8 тоненькихъ шнурковъ, которые затѣмъ сплетаются въ одинъ толстый шнуръ, расплетающійся дальше на 6 шнурковъ; затѣмъ это сочетаніе одного толстаго шнурка съ 6-ю тонкими повторяется дважды, пока pèxban не заканчивается такимъ же толстымъ шнуркомъ съ небольшой кистью на концѣ. Общая его длина — 131 см.; цвѣта прядей — голубой, зеленый, желтый, темномалиновый (см. табл. VII k).

Орошорскій (Orôšor) pèxban также имѣетъ четыре петли на концѣ; петли эти, сплетаясь вмѣстѣ, образуютъ дальше не шнурокъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ, а ленту (tasma) шириною въ 2 см., причемъ плетеніе произведено такимъ образомъ, что цвѣтныя полоски наклонно пересѣкаются одна съ другой. Дальше лента расплетается на 8 тонкихъ шнурковъ, и это сочетаніе повторяется еще три раза; конецъ обматывается пряжей и заключается небольшой кистью. Общая длина pèxban-а—105 см.; цвѣта пряжи— зеленый, малиновый, оранжевый (см. табл. VII g).

Pèxban, пріобрѣтенный въ Барчидивѣ (Barčidif), также имѣетъ четыре петли на концѣ; каждая сдѣлана изъ шнурка, свитаго изъ обыкновенной сѣрой шерсти и обмотаннаго сверху шерстью синяго, малиноваго и оранжеваго цвѣтовъ. Шнурки эти сплетаются въ сѣрую шерстяную ленту (tasma) шириною въ 2 см., причемъ края ленты вышиты двумя пересѣкающимися цвѣтными нитями, середина же оставлена безъ украшеній. Этотъ pèxban — не парный: одна tasma расплетается на четыре витыхъ шнурка, обмотанныхъ цвѣтной шерстью, какъ и петли, а другая — на семь такихъ же шнурковъ. Въ обоихъ случаяхъ шнурки соединяются въ кисть. Общая длина барчидивскаго pèxban-а — 105 см. (см. табл. VII i).

Плетеніе pèxban-овъ составляетъ исключительное занятіе женщинъ. Краски въ верховьяхъ Бартанга получаются отъ памирскихъ киргизовъ, на

Группа таджиковъ изъ сел. Орошоръ на Бартангѣ.

a, b, c, d—образцы ǰirâb-овъ; e—дѣтскій ǰirâb; f—ǰirâb, начатый работой; h—крючокъ для вязанья (dèramḱaš).

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ
и этнографии
БИБЛИОТЕКА
№
Академии Наук

нижнемъ же Бартангѣ и въ Рушанѣ привозятся изъ Бухары. Матеріаломъ для изготовленія pêxban-овъ служитъ исключительно овечья шерсть.

Для выдѣлки пеховъ употребляется кожа различныхъ животныхъ — какъ дикихъ, такъ и домашнихъ; чаще всего встрѣчаются пехи, сшитые изъ кожи кіика и архара; поэтому почти всегда можно найти на пехѣ небольшое отверстіе, пробитое пулей. Выдѣлка пеховъ производится исключительно мужчинами. При шитьѣ головки употребляется особая колодка (pây-čub), обыкновенно вырѣзаемая изъ цѣльнаго куска абрикосоваго дерева. Цѣна пары пеховъ, въ зависимости отъ ихъ размѣра и качества, колеблется между 2 и 7 рублями на наши деньги. Но въ большинствѣ случаевъ каждый изготовляетъ пехи для себя и неохотно продаетъ ихъ, даже если имѣетъ лишнюю пару.

Носятся пехи различно: или надѣваются прямо на голую ногу, и въ такомъ случаѣ верхняя часть голенища обыкновенно отгибается книзу, или же сначала нога обувается въ чулокъ (jirâb), и затѣмъ уже натягивается пехъ; чулки по большей части длиннѣе сапоговъ, такъ что верхній край чулковъ виденъ. Конечно, такой нарядъ считается болѣе элегантнымъ. Для верховой ѣзды, тѣ, кто имѣютъ, надѣваютъ двѣ пары чулковъ одну на другую, чтобы пехи плотнѣе сидѣли на ногѣ.

Чулки (jirâb) (см. табл. VI a—e) вяжутся длинными (до 102 см.) и всегда изъ разноцвѣтной овечьей шерсти. Ширина каждаго чулка одинакова, начиная сверху и до начала носка; пятки нѣтъ; въ носкѣ ширина чулка постепенно суживается. Если мы положимъ чулокъ, то одинъ край его представитъ совершенно прямую линію отъ начала до конца, другой же сначала идетъ параллельно первому, а затѣмъ въ мѣстѣ, предназначенномъ для пятки, рѣзко закругляется и соединяется съ концомъ перваго, образуя такимъ образомъ носокъ чулка. Концы шерсти, какъ сверху, такъ и въ носкѣ, не закрѣпляются, а остаются въ видѣ кистей.

Вязанье чулковъ всегда производится женщинами при помощи небольшого плоскаго желѣзнаго крючка (dêramkaš), снабженнаго небольшимъ ушкомъ, чрезъ которое обыкновенно продѣвается шнурокъ съ кистями (см. табл. VI h).

Вязанье всегда начинается сверху.

Орнаментировка jirâb-овъ самая разнообразная; образцовъ готовыхъ не существуетъ, и всякая вязальщица знаетъ мотивы орнамента на память. Верхняя и нижняя половины чулка всегда орнаментируются различно. Шерсть окрашивается въ цвѣта: темно-красный, лиловый, оранжевый и зеленый.

Перечисленные виды обуви (pêx и jirâb) носятся постоянно. Кромѣ того, существуютъ еще нѣкоторые виды обуви, носимой только зимой и при

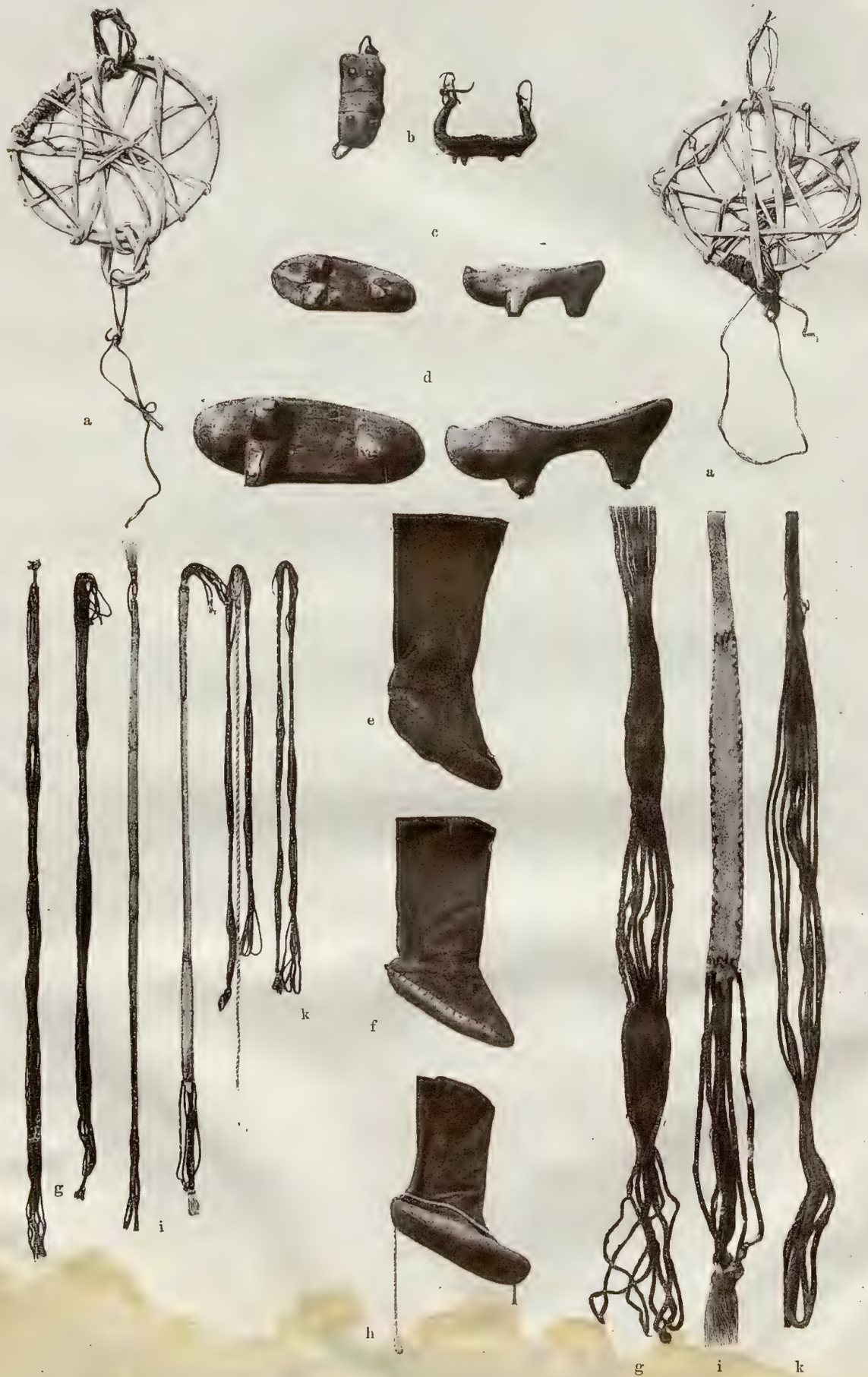
особыхъ условіяхъ. Зимой, а также осенью, въ грязную погоду, носятъ невысокіе деревянные башмаки, выдолбленные изъ орѣховаго дерева. Башмаки эти, называемые въ верховьяхъ Бартанга (въ Орошорѣ) ḱapič, въ низовьяхъ (въ Шуджанѣ — X̌uǰan) — ḱafx̌, снабжены тремя подставками-каблуками (puz'): одною сзади, подъ пяткой, и двумя — спереди. Для прочности эти подставки подбиваются еще желѣзомъ (см. табл. VII c, d).

Чтобы нога не проваливалась при ходьбѣ по рыхлому снѣгу, употребляются čapar—своеобразныя лыжи, представляющія собой плетенный изъ тальниковыхъ прутьевъ кругъ приблизительно 28 см. въ діаметрѣ. По краямъ прикрѣпляются двѣ тальниковыя же петли (alkaᶜ) съ кожаной завязкой (čaparband), стягивающей ногу (см. табл. VII a).

Если приходится карабкаться по обледенѣлымъ скаламъ, то надѣваются parnâm — особаго рода роговыя подставки. Каждая изъ такихъ подставокъ представляетъ собою развернутый и расплющенный рогъ — по большей части, кіика — съ загнутыми кверху краями, къ которымъ прикрѣплены кожаныя завязки; снизу прибивается четыре или шесть желѣзныхъ гвоздей, проходящихъ сквозь подошву и закрѣпляемыхъ на противоположной ея сторонѣ. Нога ставится на parnâm поперекъ и привязывается ремешками (см. табл. VII b).

Всѣ три послѣднихъ рода обуви надѣваются уже поверхъ постоянно носимыхъ пеховъ.

И ḱafx̌, и čapar, и parnâm выдѣлываются исключительно мужчинами, но носятся одинаково — какъ мужчинами, такъ и женщинами и дѣтьми. Вообще не существуетъ различія между мужской, женской и дѣтской обувью.



a—čapar; b—parnâm; c—дѣтскіе ǩafx̌; d—ǩafx̌; e, f, h—образцы пеховъ; g—орошорскій pėxban; i—барчидинскій pėxban; k—баситскіе pėxban-ы.

Музей Антропологии и Этнографии
БИБЛИОТЕКА
№
Академии Наук СССР

С. Д. Майнагашевъ.

Жертвоприношеніе Небу у бельтировъ.

(Съ двумя таблицами рисунковъ [1]).

I.

Жертвоприношеніе Небу.

(Тīг̄ĭр тāјī [2]).

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ видовъ жертвоприношеній у турецкихъ племенъ Минусинскаго уѣзда, Енисейской губ., носитъ названіе «Тīг̄ĭр тāјī», что значитъ «жертвоприношеніе Небу». Болѣе часто это жертвоприношеніе совершается качинцами. Изъ другихъ турокъ, насколько

---

[1] Фотографіи зарегистрированы въ спискахъ Музея подъ №№ 2287—117, 120, 127, 130, 136, 137.

[2] Въ транскрипціи словъ, приводимыхъ въ статьѣ на мѣстномъ нарѣчіи, встрѣчаются слѣдующія особенности, сравнительно съ транскрипціей, принятой акад. В. В. Радловымъ.

Въ нарѣчіи сагайскихъ племенъ, въ частности у бельтировъ, я не встрѣтилъ звука, который Радловъ обозначаетъ буквой k; вездѣ въ этихъ случаяхъ слышится соотвѣтствующій проточный звукъ, обозначаемый у Радлова для другихъ турецкихъ нарѣчій буквой х. Вездѣ, гдѣ бы Радловъ писалъ k, я пишу х.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ Радловъ пишетъ к, я различаю соотвѣтствующій проточный звукъ, что рѣшилъ обозначать чертой наверху (к̄), напр.: кӱк̄ синій, голубой.

Наоборотъ, въ случаяхъ, гдѣ Радловъ пишетъ г, я различаю соотвѣтствующій взрывной звукъ. Соотвѣтственно съ предыдущимъ, я рѣшилъ и здѣсь проточность обозначать чертой наверху, такъ что, напр., въ словѣ тīг̄ĭр (небо) г̄ соотвѣтствуетъ г Радлова, а въ словахъ ĭргāк̄ (большой палецъ), ilгāк̄ (сито) — въ статьѣ они не встрѣчаются — г обозначаетъ различаемый мною взрывной звукъ. Радловъ употребляетъ букву г̄ тамъ же, гдѣ и я пишу г̄, напр., таг̄ (гора), но онъ описываетъ этотъ звукъ нѣсколько иначе.

Звука ö у сагайскихъ племенъ я также не встрѣтилъ (у качинцевъ встрѣчается); звукъ этотъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ отмѣченъ Радловымъ, слышится какъ ӱ. Поэтому эта буква у меня стоитъ вездѣ, гдѣ у Радлова стояло бы ö.

Въ срединѣ словъ передъ согласными и въ концѣ словъ, гдѣ слышится j, Радловъ пишетъ i; я вездѣ пишу, какъ слышится, j.

Вмѣсто гласныхъ перваго слога Радлова ä или е, я пишу, согласно съ проф. Н. Ѳ. Катановымъ (Образцы, т. IX), какъ слышится, i. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ проф. Катановъ обозначаетъ краткость гласныхъ знакомъ ◌, я придерживаюсь способа обозначенія Радлова ˘.

мнѣ извѣстно, совершаютъ его бельтиры, живущіе на р. Теѣ, лѣвомъ притокѣ р. Абакана. У тѣхъ и другихъ жертвоприношеніе совершается неодинаково. Лѣтомъ 1913 года мнѣ пришлось наблюдать это жертвоприношеніе у бельтировъ, у которыхъ оно въ этомъ году состоялось 30 іюня. Приблизительно въ это время—по возможности, въ праздничный свободный день — бельтиры совершаютъ Тīгӯр тājī разъ въ каждые три года.

Большинство бельтировъ живетъ по Абакану, тейскіе же бельтиры составляютъ только оторвавшуюся отъ нихъ группу, которая оказалась окруженной турками другихъ родовъ. Но абаканскіе бельтиры совершенно не знаютъ Тīгӯр тājī; зато у тейскихъ бельтировъ оно носитъ вполнѣ характеръ *родового* праздника. Каждая семья къ назначенному дню приготовляетъ «арāӈы» (вино своего приготовленія). Сверхъ того семь или девять очередныхъ семей поставляютъ соотвѣтствующее количество молодыхъ барановъ, причемъ одинъ изъ нихъ, предназначенный для жертвы, долженъ быть бѣлый съ черной головой.

Наканунѣ или въ самый день жертвоприношенія утромъ въ каждой семьѣ приготовляется «ӱлдӱрбā». Ӱлдӱрбā могутъ дѣлать только мужчины; женщины не должны къ ней прикасаться. Обычно глава семьи или одинъ изъ сыновей его свиваетъ изъ льна веревку такой длины, чтобы ею можно было обвязать шапку или картузъ. Къ веревкѣ привязываются пучки, составленные изъ орлиныхъ перьевъ, и бѣлыхъ и синихъ лоскутковъ матерій. Орла убиваетъ кто-нибудь изъ бельтировъ. Они вѣрятъ, что духи сами присылаютъ орла, который долженъ быть убитъ и перья котораго должны быть употреблены при жертвоприношеніи. Если же никто изъ бельтировъ не убьетъ орла, то для этой цѣли пріобрѣтаютъ орла, убитаго кѣмъ-нибудь изъ другихъ родовъ. Пучковъ къ веревочкѣ должно быть привязано столько, сколько въ семьѣ душъ мужского пола, но не менѣе трехъ; если желаютъ, чтобы въ семьѣ родился мальчикъ, то привязываютъ лишній пучокъ. Веревочка съ пучками обвязывается вокругъ шапки, картуза или вообще головного убора того члена семьи, который ѣдетъ на тājыг (жертвоприношеніе), такъ, чтобы перья были направлены вверхъ, а лоскутки свѣшивались внизъ. Все вмѣстѣ обкуривается дымомъ растенія арчыш (можжевельникъ, верескъ)[1], одѣвается на голову и тогда можно отправиться на тājыг. Часто въ такихъ головныхъ уборахъ ѣдутъ на тājыг малолѣтніе члены семьи. Старшіе ѣдутъ безъ нихъ. Женщины и дѣвушки остаются дома; онѣ на тājыг не допускаются.

Длинный и довольно узкій логъ подъ названіемъ «Сары' хол» (желтый

[1] Обкуриванію дымомъ этого растенія въ религіи минусинскихъ турковъ приписывается очистительное значеніе.

логъ) спускается къ Теѣ съ правой стороны. Вверхъ по этому логу направляются группы бельтировъ верхомъ, въ телѣгахъ и тарантасахъ. На головахъ причудливо развѣваются перья ӱlдӱрбӓ; черезъ сѣдла перекинуты полныя фляги[1] арāҕы въ кожаныхъ сумахъ; въ телѣгахъ и тарантасахъ везутъ котлы, воду и предназначенныхъ въ жертву барановъ. Недалеко отъ выхода лога, на склонѣ горы виднѣется кладбище. Противъ него группы останавливаются. Взрослые мужчины наливаютъ арāҕы въ деревянныя чашки, срываютъ пучокъ травы и кропятъ по направленію къ кладбищу, къ окружающимъ горамъ, призывая умершихъ сородичей и духовъ горъ принять возліяніе (табл. VIII, рис. 1). Проѣхавъ около полпути, они снова останавливаются, чтобы совершить возліяніе новымъ духамъ, живущимъ въ горахъ, мимо которыхъ проѣзжаютъ. Здѣсь налѣво остается высокая гора. Бельтиры разсказываютъ, что прежде на этой горѣ они устраивали тāјыг̄; гора считалась священной, и ни одна женщина не должна была всходить на нее; но запретъ былъ нарушенъ: какая-то женщина взобралась на нее, и этимъ гора была осквернена; послѣ этого во снѣ было открыто одному старику бельтиру, что тāјыг̄ они должны теперь перенести на другую гору. Съ тѣхъ поръ гора покинута, и, только проѣзжая мимо, бельтиры не позабываютъ по направленію ея покропить арāҕы.

Наконецъ, отъѣхавъ верстъ семь отъ рѣчки, бельтиры выѣзжаютъ на вершину лога. Съ лѣвой стороны поднимается высокая сопка; это—священная гора бельтировъ, та самая, куда они перенесли свой тāјыг̄ послѣ оскверненія прежней горы; на этой горѣ нога женщины не бывала[2]. Съ южной, солнечной стороны сопка безлѣсна; съ сѣверной стороны она покрыта густымъ березникомъ и отчасти лиственницами. Коней оставляютъ у подножія сопки или на склонѣ ея; поднимаются пѣшкомъ, забравъ съ собой арāҕы, барановъ, котлы и воду. Сопка довольно высокая: господствуетъ надъ окрестными холмами. Съ вершины ея открываются широкіе и красивые виды во всѣ стороны. Внизу вьется долина Теи; уходя вдаль, она сливается съ широкой долиной Абакана; за Абаканомъ поднимаются снѣжныя вершины отроговъ Саянъ. Горныя цѣпи и вершины перемежаются въ разныхъ направленіяхъ самымъ безпорядочнымъ образомъ; лишь изрѣдка между ними раскрываются незначительные уголки равнинъ. Березникъ, растущій съ сѣверной стороны сопки, доходитъ почти до самой вершины ея; здѣсь у края березника выдѣляются четыре дерева — это *священныя березы*. Бельтиры увѣряютъ, что каждый разъ, когда какая-нибудь изъ нихъ засохнетъ или

---

[1] Круглый деревянный сосудъ, служащій для перевозки арāҕы, воды и пр.

[2] Ея названіе «Тӣг̄ӣр тāјыцаӊ»; буквальный смыслъ — (гора), на которой приносится жертва Небу.

свалится почему-либо, непзмѣнно на ея мѣстѣ вырастаетъ новая молодая береза. Подъ этими березами виднѣются протянутыя отъ одной березы къ другой, полуистлѣвшія отъ времени ӱлдӱрбӓ съ перьями и лоскутками, навязанныя на одну общую веревку — это слѣды жертвеннаго моленія прежнихъ лѣтъ. Когда я выразилъ желаніе взять образцы этихъ вещей, то бельтиры категорически настаивали не брать, ибо, по издревле установленному обычаю, ничего не полагается увозить изъ того, что было принесено въ жертву, — иначе это можетъ причинить роду несчастье.

На вершинѣ, на разстояніи не болѣе двухъ саженей другъ отъ друга, видны слѣды костровъ; рядомъ лежатъ камни, служившіе подставками для котловъ. Первые прибывшіе на мѣсто бельтиры, обычно какой-нибудь старикъ, разводятъ два костра на тѣхъ же мѣстахъ. Костеръ, разводимый ближе къ священнымъ березамъ, восточнѣе по отношенію къ другому костру, называютъ «улӱг от» (большой, старшій огонь). Другой костеръ, разводимый западнѣе, называютъ «кічӱг от» (малый, младшій огонь). «Большой огонь» имѣетъ священное значеніе. Къ этому костру, какъ и къ священнымъ березамъ, могутъ подходить только бельтиры, а къ востоку отъ него нельзя ходить никому. Назначеніе этихъ костровъ выясняется при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ временемъ одинъ за другимъ прибываютъ остальные бельтиры. Каждый часть своего арӓӈы брызгаетъ во всѣ стороны, бросаетъ нѣсколько капель въ костры и выпиваетъ самъ. Всѣ шапки съ ӱлдӱрбӓ снимаютъ и складываютъ въ одну кучу. Фляги съ арӓӈы также складываютъ въ одно мѣсто, и ихъ строго охраняетъ спеціально къ нимъ приставленный караульный.

На тӓјыг пріѣзжаетъ также много чужеродцевъ, не бельтировъ; они въ жертвоприношеніи не участвуютъ, сидятъ въ сторонѣ и могутъ лишь смотрѣть на совершающіеся обряды.

Когда соберутся всѣ участники жертвоприношенія, приступаютъ къ *закалыванію барановъ*. Прежде всего, особымъ способомъ убивается жертвенный баранъ. На этотъ разъ его замѣнялъ бѣлый молодой козленокъ. Двое держали за концы березовый шестъ; двое другихъ взяли козленка — одинъ за переднія, другой за заднія ноги — и, опуская спиной на шестъ, переломили ему позвоночникъ (табл. VIII, рис. 2). Чтобы животное не кричало, зажимаютъ ему ротъ. Говорятъ: если животное кричитъ, то это знаменуетъ, что жертва будетъ угодна[1]. Однако, животное сразу не умираетъ; его кладутъ на землю, быстро разрѣзаютъ животъ, просовываютъ руку и разрываютъ одинъ изъ внутреннихъ сосудовъ, идущій вдоль позвоночника; послѣ этого

[1] Алтайцы, какъ мнѣ разсказывалъ г. Гуркинъ, при жертвоприношеніи Ӱлгӓн'ю также зажимаютъ ноздри и ротъ жертвенной лошади, но съ иной цѣлью: чтобы животное скорѣе умерло отъ удушенія.

Рис. 1. Остановка по дорогѣ для кропленія арăҕы духамъ.

Рис. 2. Убіеніе жертвеннаго животнаго.

Рис. 3. Моленіе съ чĭлĭ паг̆.

животное умираетъ моментально. Снимаютъ шкуру и разрѣзаютъ тушу животнаго очень бережно, чтобы ни одна капля крови не упала на землю. Голова, ноги, внутренности, завернутыя въ шкуру, складываются на зеленыя березовыя вѣтки. Передняя часть кладется въ котелъ и варится на «большомъ огнѣ». Задняя часть на этотъ разъ была присоединена къ мясу остальныхъ животныхъ; но потомъ бельтиры говорили, что произошло нарушеніе обряда: слѣдовало и заднюю часть вмѣстѣ съ другими частями жертвеннаго животнаго сжечь на «большомъ огнѣ».

Тѣмъ временемъ закалываютъ и другихъ барановъ уже обычнымъ способомъ, перерѣзывая горло. Мясо разрѣзаютъ на мелкіе куски и внутренности очищаютъ также на березовыхъ вѣтвяхъ, чтобы всѣ остатки потомъ можно было собрать и положить на костеръ. Мясо варится въ котлахъ на «маломъ огнѣ».

Пока варится мясо, бельтиры берутся за ӱлдӱрбӓ. Тотъ, кто привозитъ жертвеннаго барана, привозитъ и чӣлӣ паг̃—льняную веревку длиной въ семь саженей, свитую мужчиной спеціально для тӓјыг̃. Всѣ ӱлдӱрбӓ снимаются съ шапокъ и привязываются къ чӣлӣ паг̃. Привязываются обоими концами такъ, что веревки ӱлдӱрбӓ не свѣшиваются, а идутъ вдоль чӣлӣ паг̃, какъ бы сливаясь съ нею. Въ такомъ видѣ чӣлӣ паг̃ окуривается дымомъ «арчын», и тогда приступаютъ къ моленію. Одинъ конецъ чӣлӣ паг̃ привязываютъ къ крайней восточной изъ четырехъ березъ; другой конецъ беретъ въ руки кто-нибудь изъ знающихъ молитвенныя слова; перья и лоскутки развѣваются въ воздухѣ; всѣ бельтиры съ обнаженными головами становятся въ одну группу—и старые и молодые; держащій чӣлӣ паг̃ произноситъ молитвенныя слова, обращаясь къ Небу, горѣ, на которой они стоятъ, къ протекающей Теѣ и т. д.; за нимъ вторятъ остальные, и всѣ голоса сливаются въ дружномъ и продолжительномъ возгласѣ «сӓ-ӓг̃!» (табл. VIII, рис. 3). И въ голосахъ слышится столько чувства, какъ будто духи самого Неба и самыхъ отдаленныхъ вершинъ должны услышать ихъ возгласы. При этомъ поднимаютъ кверху чӣлӣ паг̃, воздѣваютъ руки и совершаютъ низкіе поклоны. Такъ, начавъ съ сѣверной стороны и постепенно передвигаясь по направленію солнца, возносятъ моленія каждой горѣ, каждой рѣкѣ, не только тѣмъ, которыя видны, но и тѣмъ, которыхъ не видно, но гдѣ они бывали во время своихъ охотничьихъ скитаній. Чувствуется особенное величіе въ этой сценѣ, когда эти простодушные люди, поднявшись на вершину высокой горы, гдѣ ничто не мѣшаетъ своеобразному обаянію природы, въ видѣ видимой рѣки, горной цѣпи и вершины оживотворяютъ всю природу и возносятъ ей моленія.

Совершивъ такимъ образомъ полный кругъ, чӣлӣ паг̃ протягиваютъ черезъ остальныя березы и другимъ концомъ привязываютъ за крайнюю

западную березу. Такъ она остается висѣть на значительномъ разстояніи отъ земли. Этимъ заканчивается первая часть моленія.

Въ перерывѣ бельтиры выкуриваютъ трубки, выпиваютъ 1—2 чашки арāӈы, здороваются со вновь пріѣхавшими чужеродцами, обмѣниваясь обычными при встрѣчахъ фразами. Между тѣмъ, подкладываютъ огонь подъ котелъ съ жертвеннымъ мясомъ, кипящій на «большомъ огнѣ». Когда сварится мясо, изъ свѣжихъ березовыхъ вѣтокъ сплетаютъ два «тіпсі» — подобіе подносовъ. На нихъ выкладываютъ мясо изъ котла. Эти подносы берутъ въ руки двое; остальные снова становятся въ группу за ними. Держащіе «тіпсі» надѣваютъ шапки; у остальныхъ головы обнажены (табл. IX, рис. 1). Снова начинается моленіе въ томъ же порядкѣ; слышатся тѣ же прочувствованные возгласы. Возносится мясо, изъ котораго паръ еще поднимается; воздѣваются руки вверхъ, и во всѣ стороны отвѣшиваются низкіе поклоны. На этотъ разъ совершаютъ кругъ два раза, также по направленію солнца. Послѣ этого все мясо вмѣстѣ съ «тіпсі» кладутъ на костеръ («большой огонь») и сжигаютъ. Во время сожженія изъ ложки брызгаютъ виномъ на костеръ и кланяются. Старики при этомъ слѣдятъ, какъ поднимается дымъ надъ костромъ. Если дымъ поднимается, клубясь по направленію солнца, то это предвѣщаетъ благополучіе роду, а если въ обратную сторону, то это—предзнаменованіе неблагополучія.—Этимъ заканчивается собственно жертвоприношеніе.

За это время успѣваютъ сварить мясо и остальныхъ барановъ на «маломъ огнѣ». Оно предназначается для угощенія всѣхъ присутствующихъ. Разсаживаютъ собравшихся въ три круга: отдѣльно бельтировъ, отдѣльно всѣхъ чужеродцевъ и отдѣльно дѣтей. Въ каждый кругъ подаютъ мясо на кіӌім-ахъ[1] (табл. IX, рис. 2). Во время угощенія строго слѣдятъ, чтобы кости не разбрасывались. Послѣ этого угощаютъ всѣхъ присутствующихъ арāӈы. Между собой бельтиры обсуждаютъ, кому поставить барановъ для слѣдующей жертвы, угощая тѣхъ, на кого падаетъ очередь, большими чашками арāӈы.

Наконецъ, предлагаютъ всѣмъ чужеродцамъ разъѣзжаться, собираютъ всѣ остатки, кости; все это, вмѣстѣ съ остатками жертвеннаго животнаго: внутренностями, конечностями и шкурой, вмѣстѣ съ вѣтвями, на которыхъ они лежали, съ вѣтвями, на которыхъ разрѣзалось мясо и очищались внутренности другихъ барановъ, сжигается на «большомъ огнѣ» (табл. IX, рис. 3). Остаются лишь шкуры барановъ, которыя увозятся домой хозяевами, за исключеніемъ шкуры жертвеннаго барана, которая также сжигается. Во время сожженія, стоя вокругъ костра, кланяются; нѣкоторые

[1] Кіӌім — широкій кожаный подсѣдельникъ.

Рис. 1. Моленіе съ жертвеннымъ мясомъ.

Рис. 2. Вкушеніе жертвеннаго мяса.

Рис. 3. Сожженіе остатковъ жертвоприношенія.

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ
и ЭТНОГРАФИИ
при БИБЛИОТЕКА
Академии Наук СССР

становятся на колѣни; слышатся набожные голоса: «возьми твоего бѣлаго барана, дай твое счастье (благополучіе) (ах хурāҕыныц ал, хасхāҕыц[1] пір)». Оставшуюся часть арāҕы бельтиры послѣ сожженія выпиваютъ только сами. Къ ней относятся особенно бережно: въ видѣ арāҕы, по ихъ мнѣнію, они воспринимаютъ то счастье, которое даютъ имъ духи. Этимъ заканчивается жертвоприношеніе, и всѣ разъѣзжаются.

Въ заключеніе даемъ отрывокъ молитвъ, произносимыхъ бельтирами на «Тīг̄ĭр тāјī» (текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, а также названія рѣкъ и горъ, призываемыхъ во время моленія).

II.

Текстъ молитвы на языкѣ бельтировъ.

Кӱг̄ӓр-турҕан кӱк̄ тīг̄ĭр, сӓк̄!
Кӱдĭр-турҕан хара чір, сӓк̄!
Ӱ̆lдӱрбӓ Чајāн хајрахан, сӓк̄!
Ахты' кӱк̄тĭг̄ чаламац,
Ах хурāҕын пузыц
Чітĭрчā̆бĭс, сӓк̄!
Чімĭр-чāмыр хајрахан
Чымцāҕыцны пīрĭп-ōдыр, сӓк̄, сӓк̄!
Тӱстӓп сыххан аттыг̄ саптыг̄
Тīг̄ĭр тāјыцац хајрахан, сӓк̄!
Чылҕы хараца̄ц хајрахан, сӓк̄!
Аттыг̄ саптыг̄
Ала Тӱ хајрахан, сӓк̄!
Ада пōлып азрāзыц, сӓк̄;
Інӓ пōлып īмĭскӓзĭц, сӓк̄!
Сызып аххан пāзыцā,
Сы̄лап чіткӓн пiltірĭцā̆, сӓк̄,
Хырчынныг̄ тāлыцā,
Хыјҕан тāзыцā, сӓк̄!
Таг̄г̄ā суг̄г̄ā тоза чіт-турзын, сӓк̄!
Атāн утāн полбацāр, сӓк̄! сӓк̄!
Пāрыцāрда палалāрыц,
Хојныцāрда хорбалāрыц,

Музей антропологии и этнографии
Библиотека
№
Академии Наук СССР

[1] Буквальное значеніе слова «хасхāх» не выяснено; поэтому переводъ его словомъ «счастье (благополучіе)» является лишь близкимъ по смыслу.

Улў' кічиг̄г̄ā
Хајрал пір-турцāр, сāк̄, сāк̄!
Ах хурāђын пузыцāр,
Ӱзāп сōђын, чітірчāбіс, сāк̄!
. . . . . .
Ӱскāн тӱрāн чірібіс,
Улў' Хōрђыс, Кічі̆' Хōрђыс, сāк̄!
Ах хурāђын пузыцны
Адап сāг̄ā тутчāбіс, сāк̄!
. . . . . .
Ах хозан атты' кізі,
Ах хурāђын пустӱ̆' кізі, сāк̄!...

III.

Переводъ молитвы.

Синѣющее синее Небо, сāк̄[1]!
Носящая (насъ) черная земля, сāк̄!
Ӱ̆lдӱ̆рбā[2] Творецъ хајрахан[3], сāк̄!
Синіе, бѣлые твои лоскутки[4],
Бѣлаго ягненка—жертву твою
Приносимъ, сāк̄!
Чімӣр-чāмыр[5] хајрахан,
Подай мягкое[6] твое, сāк̄! сāк̄!

---

1 «Сāк̄» — общепринятый у минусинскихъ турковъ жертвенный возгласъ. Переводу не поддается. Ср. шӧк, шоk (шор.), чоk (тел. алт.). Словарь Радлова.

2 Слово «ӱlдӱ̆рбā» имѣетъ двоякое значеніе. Въ одномъ случаѣ означаетъ тѣ орлиныя перья и лоскутки цвѣтныхъ матерій, навязанныя на одну веревку, которые привозятся на «Тіг̄ір тāјī». Въ данномъ случаѣ оно является собственнымъ именемъ духа, къ которому обращаются, какъ къ Творцу. Въ послѣднемъ смыслѣ слово это встрѣчается иногда въ шаманскихъ пѣснопѣніяхъ. Въ словарѣ Радлова не отмѣчено.

3 «Хајрахан» — почтительное обращеніе къ духу. Переводу не поддается. Ср. kaipakkан (Словарь Радлова).

4 «Чалама» означаетъ тѣ лоскутки цвѣтныхъ матерій, которые употребляются при жертвоприношеніи. Ср. тел. јалама, шор. јалаба и чалаба (Словарь Радлова), якут. салама (Словарь Пекарскаго).

5 Слово «чімӣр-чāмыр» означаетъ дождь, но здѣсь употреблено какъ имя духа, завѣдывающаго дождемъ.

6 «Мягкое» — образное обозначеніе дождя въ отличіе отъ града. Такимъ обозначеніемъ бельтиры хотятъ подчеркнуть, что просятъ именно дождя, а не града.

Положившій начало, именитый, прославленный
Тīг̄ӣр тāјыцаӊ[1] хајрахан, сäк!
Чылӈы хараӊаӊ[2] хајрахан, сäк̄!
Именитая прославленная
Развѣтвившаяся[3] Тёя хајрахан, сäк̄!
Будучи отцомъ, ты вскормила (насъ), сäк̄!
Будучи матерью, напитала грудью, сäк̄!
Просачиваясь, истекающей твоей вершинѣ,
Шумно доходящему устью, сäк̄!
Тальникамъ твоимъ, растущимъ кустами,
Остроганнымъ каменьямъ твоимъ, сäк̄!
Пусть доходитъ (жертва) до горъ и до рѣкъ, сäк̄!
Не будьте суетливы[4], сäк̄, сäк̄!
Подъ грудью вашей (мы) дѣти ваши,
Въ объятьяхъ вашихъ потомки ваши,
Старымъ и молодымъ покровительствуйте, сäк̄, сäк̄!
Бѣлаго ягненка, жертву вашу,
Безъ пролитія крови убивши[5], приносимъ, сäк̄!..
. . . . . .
Край, гдѣ мы родились и выросли,
Улӯ' Хōрӈыс, Кічӣ' Хōрӈыс[6], сäк̄!
Бѣлаго ягненка, жертву твою,
Именуя тебѣ приносимъ, сäк̄!...
. . . . . .
Человѣкъ, ѣздящій на бѣломъ зайцѣ,
Имѣющій жертвою бѣлаго ягненка, сäк!
. . . . . .

IV.

Названія горъ, рѣкъ и др. мѣстъ, упоминаемыхъ бельтирами въ ихъ молитвенныхъ обращеніяхъ на «Тīг̄ӣр тāјī»:

---

[1] Названіе горы, на которой приносится жертва (см. прим. на стр. 95).

[2] Названіе сосѣдней горы; значитъ: (гора), съ которой обозрѣваютъ табуны лошадей.

[3] Соотвѣтствующее слово текста «ала» значитъ, что рѣка течетъ не прямо, а извилинами, образуя протоки, острова и пр.

[4] Этимъ выражаютъ пожеланіе, чтобы духи принимали жертву въ порядкѣ, не перебивая другъ друга. Выраженіе «атāн-утāн» означаетъ: суета, путаница, безпорядокъ.

[5] «Ӱзäп соӈарӈа» значитъ: убить животное по способу, описанному на стр. 96. Сущность этого способа состоитъ въ убіеніи животнаго безъ пролитія крови.

[6] Названія горъ—Большой Хōрӈыс, Малый Хōрӈыс. Существуетъ сказаніе, что бельтиры встарину жили подъ горою Хōрӈыс, на р. Абаканѣ, вблизи устья р. Матуръ.

Са̄ры' хол (желтый логъ). Сасханах, Сорах таг̄, Хаjалыг̄ таг̄ (скалистая гора), Улуг̄ оба̄лыг̄ пil (большой перевалъ съ оба̄)[1], Кічіг̄ оба̄лыг̄ пil (малый перевалъ съ оба̄), Іс (р. Есь), Чазой (названіе лога), Іпті' хара суг̄ сыны (хребетъ ключа «Іпті' хара суг̄»), Іпті' хара суг̄ (горный ключикъ), Аххыс (р. Аскысъ), Чіті хыс (гора—семь дѣвъ), База (р. База), Са̄р таг̄ (желтая гора), Ӱк̄ (р. Камышта), Нін (р. Нина), Уjбат (р. Уйбатъ), Кірбі̆ (названіе горы), Кӱ' хаjа (синяя скала), Аҕыс таг̄, Тӱрдӓба̄, Арныг̄ (названія горъ), Сарой (названіе лога), Ызых (гора), Улӱг таг̄ (большая гора), Арбалыг̄ ча̄зы (названіе степи), Пічі хол (названіе лога), Піс таг̄ (пять горъ), Аҕбан (р. Абакан), Хуртіjах тас (каменная бабушка), Хамҕа̄зы, Хызыл хаjа (красная скала), Кӱцрӓ, Табаты (р. Табатъ), Піj (р. Бея), Бурҕус (названіе горы), Кім (р. Енисей), Хара хаjа (черная скала), Ӱ таг̄ (гора), Хара чул (черный ключъ), Арбаты (р. Арбаты), Тор' ахсыр, Чабас (р. Чебашъ), Быдрах (р. Бутрахты), Поjзым (гора), Імцӓк̄, Хараҕаj соjах (названія горъ), Тімір тас (названіе горы), Кіна̄, Чалбарт (назв. скалы), Хоццыл, Са̄быхан, Узун чул (длинный ключъ) Тібіг̄ (назв. рѣчки), Тіба̄ тас, Кӱрбӓцӓк̄ (названія горъ), Ӱстӱг̄ӱ Кіна̄ и другія.

---

[1] Оба̄—куча камней на перевалахъ, куда проѣзжающіе бросаютъ камень или вѣтку дерева и кропятъ арӓҕы.

И. Н. Шуховъ.

Изъ отчета о поѣздкѣ весною 1914 года къ казымскимъ остякамъ.

Весною 1914 года я посѣтилъ долину рѣки Казыма, населенную остяками, куда я былъ командированъ Музеемъ Антропологіи и Этнографіи для собиранія этнографическихъ коллекцій.

Всѣ необходимыя инструкціи и указанія были даны мнѣ Л. Я. Штернбергомъ (по этнографіи) и С. М. Дудинымъ (по фотографіи). Въ поѣздкѣ, кромѣ меня, приняли участіе студентъ К. К. Лѣпинъ, производившій метеорологическія наблюденія, и переводчикъ А. М. Шиловъ — житель села Полноватскаго (Березовскаго у., Тобольской губ.).

Въ области рѣки Казыма мы пробыли со 2-го апрѣля по 31 мая, т. е. 1 мѣсяцъ и 29 дней, а вообще на всю поѣздку употребили безъ нѣсколькихъ дней три мѣсяца.

Изъ Петрограда мы выѣхали 3-го марта по Сѣверной дорогѣ въ Тюмень, а оттуда на лошадяхъ черезъ Тобольскъ въ г. Березовъ. 1-го апрѣля, послѣ окончательныхъ сборовъ, мы покинули г. Березовъ. Въ этотъ же день мы достигли вечеромъ села Полноватскаго, гдѣ и наняли переводчика, а на другой день вечеромъ выѣхали въ зимнія юрты Мазьямскія[1]. Здѣсь мы смѣнили лошадей на оленей и тронулись въ дальнѣйшій путь 3-го апрѣля. По пути пересѣкли рядъ болотъ, соровъ (обширныхъ поймъ) и гарей, въ большинствѣ же случаевъ дорога шла хвойнымъ лѣсомъ. 3-го апрѣля мы миновали зимнія Выргямскія юрты и на ночлегъ остановились въ Амнинскихъ. 5-го апрѣля, проѣхавъ юрты Хуллорскія, достигли юртъ Ильбигорскихъ.

---

[1] Въ этихъ мѣстахъ вмѣсто термина «стойбище» употребляется терминъ «юрты» въ смыслѣ селенія.

6-го апрѣля утромъ выѣхали изъ юртъ Ильбигорскаго старшины и въ тотъ же день вечеромъ достигли Юпльскаго городка, расположеннаго въ 15 верстахъ къ югу отъ р. Казыма. Въ Юпльскомъ городкѣ сохранились еще двѣ башни и развалившаяся казарма—остатокъ защиты остяковъ отъ нашествія самоѣдовъ, какъ разсказываютъ старые остяки. Мои попытки разыскать въ архивѣ Казымской инородной управы какіе-либо документы, касающіеся постройки Юпльскаго городка, не увѣнчались успѣхомъ. Построенъ городокъ, судя по преданіямъ, въ началѣ XVIII ст. Изъ Юпльскаго городка мы проѣхали въ самыя послѣднія юрты Вершинскія, куда и прибыли ночью 6-го апрѣля; въ нихъ мы пробыли ночь, а 7-го утромъ, послѣ совѣщанія съ остяками относительно весновки, выѣхали въ юрты Ильбигорскаго старшины. Дорогою я производилъ обмѣнъ вещей на этнографическіе предметы и велъ записи. 8-го утромъ мы прибыли на весновку въ весеннія Ильбигорскія юрты, расположенныя на лѣвомъ берегу р. Казыма въ сосновомъ бору. Изъ этихъ юртъ, во все время нашего пребыванія въ нихъ, мы не дѣлали большихъ поѣздокъ, ограничившись лишь нѣсколькими экскурсіями. Во время нашей весновки въ Ильбигорскихъ юртахъ остяки насъ не забывали, и не проходило дня, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ сосѣдей не навѣстилъ насъ и не привезъ какого-нибудь «товару», какъ выражались инородцы.

Обратный путь въ г. Березовъ мы совершили въ лодкѣ съ семействомъ казымскихъ остяковъ, выѣзжавшихъ на Нижнюю Обь для промысла рыбы. 31-го мая мы достигли села Полноватскаго, а 5-го іюня утромъ я прибылъ въ г. Березовъ.

Перейду къ результатамъ моей поѣздки.

Несмотря на то, что въ долинѣ р. Казыма я пробылъ сравнительно короткій срокъ, мнѣ удалось болѣе или менѣе ознакомиться съ бытомъ казымскихъ остяковъ и собрать этнографическую коллекцію по быту и культу, состоящую изъ 171 предмета[1]. Въ ней имѣются, между прочимъ, 4 шаманскихъ бубна, 2 берестяныя маски, употребляемыя на медвѣжьемъ праздникѣ, пара рукавицъ для пляски медвѣдя, значительное собраніе образцовъ орнамента съ объясненіемъ, дѣтскій костюмъ и украшенія, дѣтскія игрушки, предметы оружія и орудія для обработки дерева и кожи.

Сообщу нѣкоторыя данныя, касающіяся быта и культа казымскихъ остяковъ. Остяки, населяющіе бассейнъ р. Казыма, составляютъ одну инородческую волость, управленіе которой находится въ г. Березовѣ. Это—полуосѣдлые инородцы, кочующіе зимою въ казымскихъ лѣсахъ и по притокамъ р. Казыма, а лѣтомъ отлучающіеся въ низовья р. Оби на рыбные

---

[1] Зарегистрирована мною подъ № 2858.

КАРТА
РѢКИ КАЗЫМА СОСТАВЛЕННАЯ И.Н.ШУХОВЫМЪ
НА ОСНОВАНІИ ПРОИЗВЕДЕННОЙ ИМЪ БУС-
СОЛЬНОЙ СЪЕМКИ ВЕСНОЮ 1914 года ОТЪ
УСТЬЯ РѢКИ ДО ЮРТЪ ИЛЬБИГОРСКИХЪ
Масштабъ въ дюймѣ 10 верстъ
ЗНАКИ
ЛѢСЪ
БОЛОТО
ЗИМН. ДОРОГА
ЮРТЫ
КАЗЫМСКІЙ СОРЪ
юр. Мазьямская
юр. Мазьямские весенния
с. ПОЛНОВАТСКОЕ
юр. Выргимская
соръ Выргимскій
р. Выргимская
соръ
юр. Амнинская осенняя
юр. Амнинская весенняя
Амня
р. Амня
Сангомъ
гора Васью Сангомъ
соръ

промысла. Занятія оленеводствомъ, рыболовствомъ и звѣроловствомъ составляютъ основу ихъ существованія. За нѣсколько дней до ледохода остякъ изъ зимнихъ юртъ переселяется со своимъ семействомъ въ весеннія юрты, расположенныя на берегу р. Казыма, и перегоняетъ свое немногочисленное стадо въ оленныя юрты на лѣто. По прилетѣ птицы, остякъ занимается ея промысломъ, изготовляетъ лодки, приводитъ въ порядокъ снасти и готовится къ перекочевкѣ въ низовья Оби. Перекочевываетъ онъ туда съ семействомъ въ концѣ мая и остается тамъ на рыболовныхъ промыслахъ вплоть до конца августа, времени возвращенія на р. Казымъ въ осеннія юрты. Въ осеннихъ юртахъ остякъ занимается промысломъ птицъ и сборомъ ягодъ и готовится къ промыслу звѣря. Замерзла рѣка, выпалъ снѣгъ, — и часть остяцкаго населенія переселяется въ зимнія юрты, расположенныя на зимнемъ трактѣ, а часть разбредается по лѣсу въ погонѣ за добычею звѣря и въ поискахъ корма для оленей. Въ зимнихъ юртахъ остяки живутъ до весны.

Годовой циклъ кочевокъ и пріуроченныя къ нему занятія нашли себѣ отраженіе въ названіяхъ мѣсяцевъ:

январь — ас-хатты-тылись (мѣсяцъ замора рѣки),
февраль — ай-кер-тылись (мѣсяцъ малаго наста),
мартъ — ун-кер-тылись (мѣсяцъ большого наста),
апрѣль — нобытты-новы (мѣсяцъ, несущій ледъ),
май — лыбыт-этты-тылись (мѣсяцъ листьевъ),
іюнь — вуш-новы (мѣсяцъ, несущій нельму),
іюль — вуйт-тор-тось-ты-новы (мѣсяцъ городить малыя рѣчки),
августъ — ун-тор-тось-ты-новы (мѣсяцъ городить большіе соры),
сентябрь — хор-теуты-тылись (мѣсяцъ случки оленей),
октябрь — сус-ун-тыды-тылись (мѣсяцъ рубки лѣса),
ноябрь — ван-хат-тылись (мѣсяцъ короткихъ дней) и
декабрь — рох-пын-курых-тылись (обманчивый орлиный мѣсяцъ).

Въ связи съ годовымъ цикломъ кочевокъ мѣняются и жилища. Я различаю слѣдующіе типы жилищъ: зимнія — избы русскаго типа и шалаши конической формы и лѣтнія — берестяные шалаши двухъ типовъ.

Зимнія избы срублены по образцу русскихъ, съ двускатной крышей изъ теса или бересты, и имѣютъ одно или два окна со стеклянными рамами у богатыхъ и льдиною у бѣдныхъ. Положеніе входа въ избу относительно странъ свѣта безразлично. Въ большинствѣ избъ потолковъ не имѣется. Въ углу, у входа, находится чувалъ (родъ камина), сдѣланный изъ еловыхъ жердей, которыя суживаются кверху и образуютъ трубу. Жерди обильно обмазаны глиной. Такія юрты находятся въ весеннихъ, осеннихъ, ясачныхъ и зимнихъ селеніяхъ.

Вторымъ типомъ зимняго жилища является конической формы шалашъ, крытый сукномъ или оленьими шкурами и употребляемый остяками во время скитанія по лѣсу въ погонѣ за добычей.

Лѣтній конической шалашъ—такого же устройства, какъ и зимній, но только крытый берестяной тиской (полстью)—служитъ остякамъ жилищемъ на рыбныхъ промыслахъ въ низовьяхъ Оби. Во время весенней и осенней перекочевокъ съ Казыма на Обь и съ Оби на Казымъ остяки употребляютъ для ночлега небольшой, квадратной формы, берестяный шалашъ, въ которомъ и ночуютъ подъ пологомъ. Остовъ для такого шалаша дѣлаютъ на мѣстѣ зимней стоянки и, вслѣдствіе его портативности, всегда возятъ съ собою.

Главными промыслами казымскихъ остяковъ, какъ я уже сказалъ, являются оленеводство, рыболовство и звѣроловство.

Оленеводство играетъ видную роль въ экономической жизни казымскихъ остяковъ, хотя на Казымѣ нѣтъ значительныхъ оленеводовъ, и величина стадъ у отдѣльныхъ семей въ среднемъ колеблется между 20—30 головами; я зналъ только одного остяка, у котораго имѣлось стадо въ 300 головъ. Олени главнымъ образомъ служатъ для передвиженія. Въ составѣ стадъ преобладаютъ важенки. Въ зимніе мѣсяцы пастьбой занимается каждая семья въ отдѣльности, причемъ участвовать въ этомъ могутъ и женщины. На лѣто стада отдѣльныхъ семей сгоняются въ нѣсколько пунктовъ, въ такъ называемыя оленныя юрты, и пасутся общими пастухами, обыкновенно по одному отъ каждой семьи. Для защиты оленей отъ мошки и комара дѣлаются особые сараи, въ которыхъ тлѣетъ мохъ, и такое курево всегда поддерживается пастухами. Чтобы стадо не разбредалось, оленямъ надѣваютъ на ноги особыя деревянныя колодки, называемыя ешь-юх. Знакъ собственности выстригается на шерсти оленя и ставится на упомянутыхъ колодкахъ. Пищу, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, олени добываютъ сами; бродя около остяцкихъ жилищъ, они охотно ѣдятъ рыбные и другіе отбросы. Для приманки оленей употребляютъ куски хлѣба или зовутъ ихъ чмоканьемъ; кличекъ своихъ олени не знаютъ. Способы вылавливанія оленей изъ стада зависятъ отъ ихъ характера; обыкновенно ихъ ловятъ арканомъ (кинзян), сплетеннымъ изъ тонкихъ ремней. Арканить остяки учатся еще съ дѣтства и быстро достигаютъ искуснаго киданія аркана. Дикихъ оленей въ долинѣ Казыма нѣтъ; поэтому помѣсей дикихъ съ домашними не бываетъ. Какихъ-либо мѣръ къ улучшенію породы казымскіе остяки не принимаютъ. Время случки оленей происходитъ въ сентябрѣ, почему этотъ мѣсяцъ и называется по-остяцки мѣсяцемъ случки оленей. Самцовъ-оленей на Казымѣ не кастрируютъ. Важенки телятся въ маѣ. Самцы все время держатся вмѣстѣ съ самками. Самцамъ отпиливаютъ рога, чтобы они не дрались въ періодъ

гочки. Сани, употребляемыя для ѣзды на оленяхъ — самоѣдскаго типа: узкія и длинныя — мужскія, а болѣе широкія и короткія, со спинкою — женскія; копылья — съ небольшимъ наклономъ. Упряжь дѣлается изъ ремней и оленьей кости. Способъ запряжки — такой же, какъ и у самоѣдовъ. Управленіе оленями производится посредствомъ длиннаго шеста съ костяною шпичкою на одномъ концѣ и желѣзнымъ наконечникомъ на другомъ. Обыкновенно въ нарту запрягается пара оленей въ рядъ. Какъ вьючныя животныя, олени на Казымѣ не употребляются.

Другой основной промыселъ — рыболовство.

Орудія и способы рыболовства достаточно разнообразны. Ловятъ рыболовными сѣтями (кальданъ), разнообразными мордами и неводами. До сего времени употребляются еще деревянные и костяные крючки для ловли щукъ (образцы имѣются въ коллекціи). Лѣтній промыселъ рыбы въ низовьяхъ Оби, кромѣ доставленія денежнаго заработка, позволяетъ остякамъ заготовлять рыбу впрокъ на зиму, въ видѣ «юрка» и «поземовъ»[1].

Но самую главную роль въ жизни казымскихъ остяковъ играетъ звѣроловство. Промысловыми звѣрями здѣсь являются: горностай, бѣлка, выдра, колонокъ, заяцъ, лисица и медвѣдь. Охотятся на нихъ съ ружьемъ и посредствомъ капкановъ и всевозможныхъ ловушекъ. Распространеннымъ оружіемъ у казымскихъ остяковъ остаются до сихъ поръ малокалиберная кремневая винтовка и штуцеръ съ прямыми нарѣзами, изготовляемые подъ г. Тобольскомъ. Самострѣлы и ловушки очень разнообразны и отличаются своимъ устройствомъ въ зависимости отъ того, для какого звѣря они предназначаются.

Промыселъ птицы мѣняется въ зависимости отъ времени года. Птицы употребляются въ пищу самими промышленниками; перо и пухъ являются предметами торговли. Промыселъ гусей, утокъ и лебедей производится весною во время пролета; лѣсную птицу добываютъ осенью и въ большинствѣ случаевъ разнообразными ловушками.

Во время звѣроловнаго промысла зимою остяки съ семьями кочуютъ по лѣсу, дѣлая болѣе или менѣе значительныя остановки на одномъ мѣстѣ. Въ общихъ чертахъ о звѣроловномъ промыслѣ можно сказать, что онъ носитъ хищническій характеръ.

---

[1] Позёмъ — вяленая, прокопченная, а иногда и сваренная въ рыбьемъ жиру рыба. Въ словарѣ Даля (томъ III, столб. 597, 4-ое изд.) позёмомъ названа также провѣсная рыба «юколо» (юколо, а не юкола). Это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. «Юколомъ» въ Енисейской губерніи называютъ вяленую провѣсную рыбу (не копченую). Въ Тобольской губерніи этому термину соотвѣтствуетъ «юрокъ» (по Далю—«юрюкъ»). «Позёмъ», «юколо» и «юрокъ»— слова промышленныя, а не инородческія, хотя и употребляются инородцами. Слово «юрокъ»— вообще связка, пучокъ, и я полагаю, что вяленая провѣсная рыба называется юркомъ именно потому, что ее заготовляютъ отдѣльными связками или пучками.

Костюмъ казымскихъ остяковъ — вогульско-самоѣдскаго типа, и на немъ я не останавливаюсь, а скажу лишь нѣсколько словъ объ орнаментѣ.

Орнаментъ бываетъ вырѣзной, вышитый, нашивной и красочный. Вырѣзной орнаментъ встрѣчается обыкновенно на берестяныхъ и деревянныхъ издѣліяхъ; вышитый чаще всего встрѣчается на костюмахъ, и то же самое можно сказать и про нашивной. Матеріаломъ для орнаментики служатъ: краска, бисеръ, сукна различныхъ цвѣтовъ и мѣха. Встрѣчается еще и орнаментъ, шитый волосомъ, но довольно рѣдко; одинъ образецъ его я нашелъ только на рукавицахъ, употребляемыхъ на медвѣжьемъ праздникѣ. Излюбленнымъ мотивомъ для орнамента на одеждѣ являются рога оленя и лося (табл. I, рис. 4), затѣмъ — стилизованное изображеніе соболя (табл. II,

Таблица I.

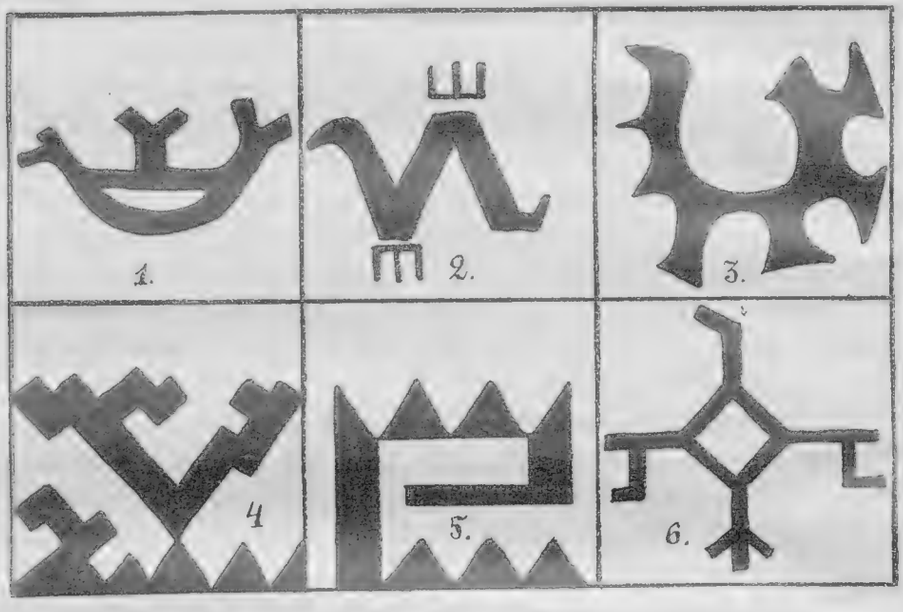
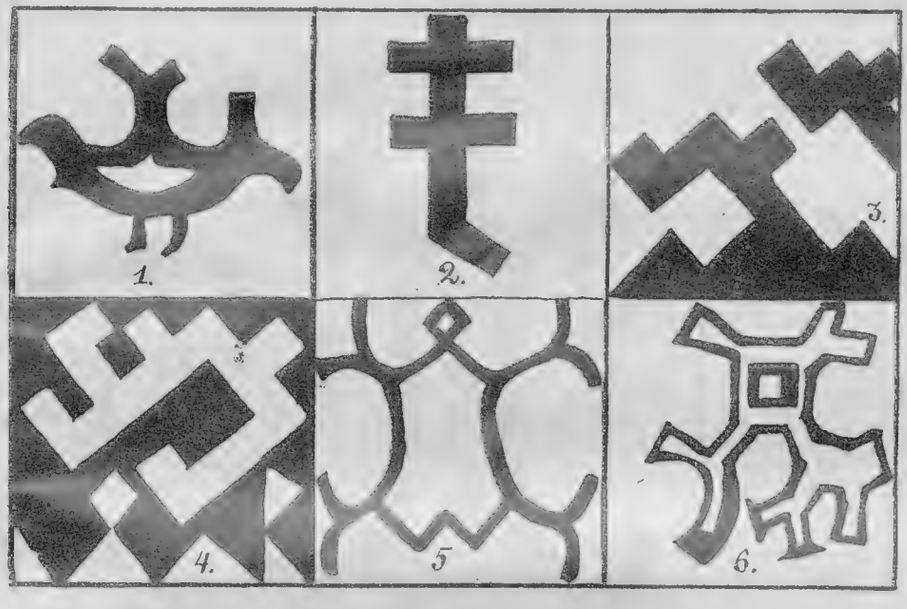


рис. 4) и сучьевъ или вѣтвей березы (табл. II, рис. 3). Орнаментъ на берестяныхъ издѣліяхъ почти безъ исключеній — животный; здѣсь мы встрѣчаемъ кедровку (табл. II, рис. 6), бѣлку (табл. II, рис. 2), медвѣдя (табл. II, рис. 5), лошадиную голову, зайца, кулика (табл. I, рис. 1), синицу (табл. I, рис. 6) и соболя (табл. II, рис. 4). Наибольшій интересъ представляетъ орнаментъ медвѣдя (табл. III), тѣмъ болѣе что медвѣдь играетъ видную роль въ культѣ остяковъ. Въ литературѣ почти нѣтъ данныхъ о медвѣжьемъ орнаментѣ, если не считать сообщенія С. И. Руденко, принявшаго по ошибкѣ орнаментъ лошади на предохранительной дощечкѣ, употребляемой остяками при стрѣльбѣ изъ лука (ешь-кар), за орнаментъ медвѣдя. Въ

моемъ распоряженіи были три образца орнамента медвѣдя: шитый оленьимъ волосомъ на ритуальной перчаткѣ, употребляемой во время медвѣжьей пляски (табл. III, рис. 1), вырѣзанный на костяшкѣ, употребляемой при стрѣльбѣ изъ лука (табл. III, рис. 2), и на берестѣ (табл. III, рис. 3).

На всѣхъ изображеніяхъ медвѣдя—одна голова и четыре лапы; задняя часть тѣла медвѣдя оканчивается двумя отростками, которые выражены различно. Орнаментъ на костяшкѣ, найденной С. И. Руденко[1] въ остяцкомъ могильникѣ близъ Обдорска, имѣетъ мало сходства съ орнаментомъ на такой же костяшкѣ въ моей коллекціи; на первомъ — двѣ головы, вмѣсто одной. Изъ сравненія образцовъ С. И. Руденко съ орнаментальными

Таблица II.



образцами, бывшими въ моемъ распоряженіи, я пришелъ къ заключенію, что болѣе всего онъ напоминаетъ остяцкій мотивъ изображенія лошади. Надо сказать, что объясненія къ орнаментамъ могутъ дать далеко не всѣ остяки; его знаютъ въ большинствѣ случаевъ только старики, хотя изображать его могутъ и молодые. Собранныя мною объясненія провѣрялись путемъ опроса не одного десятка лицъ, и въ точности данныхъ объясненій я не сомнѣваюсь.

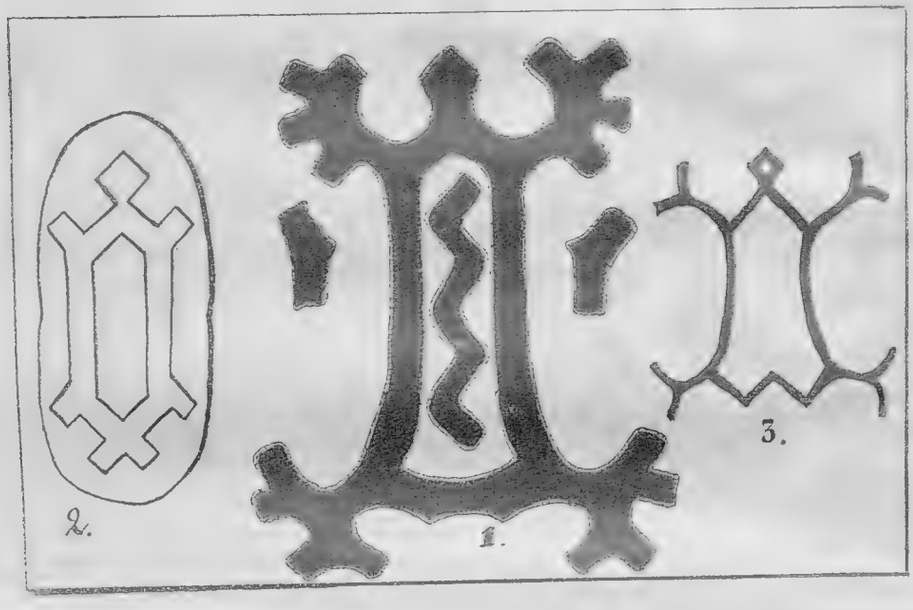
Изъ остальныхъ особенностей быта остановлюсь только на медвѣжьемъ праздникѣ, принадлежности котораго имѣются въ моей коллекціи.

---

[1] С. И. Руденко. Предметы изъ остяцкаго могильника близъ Обдорска. Петроградъ. 1914 (отд. оттискъ изъ II тома «Матеріаловъ по этнографіи Россіи», стр. 6, рис. 6).

По вѣрованіямъ казымскихъ остяковъ, медвѣдь (мойбер) считается братомъ (младшимъ) Торума. Ему приписываютъ всевѣдѣніе. О немъ всегда говорятъ съ особымъ благоговѣніемъ; его нельзя называть собственнымъ именемъ, вмѣсто котораго говорятъ: «онъ» или «старикъ, живущій въ лѣсу». Убитый на охотѣ медвѣдь является виновникомъ цѣлаго сложнаго празднества. При возвращеніи съ охоты, его везутъ на передней нартѣ. Народъ выходитъ навстрѣчу, а прибывшихъ охотниковъ женщины катаютъ въ снѣгу. Снятая съ медвѣдя шкура набивается сѣномъ; вмѣсто глазъ вставляются жестяные кружки. Чучело ставятъ въ передній уголъ юрты, и передъ нимъ зажигаютъ свѣчи. Когда сосѣди соберутся на празднество, то начинается извѣстная процедура «отреченія». Пріѣзжающіе остяки при входѣ въ юрту обливаются водой, и затѣмъ дѣлаютъ пори (жертвоприношеніе). Пори состоитъ изъ цвѣтныхъ

Таблица III.

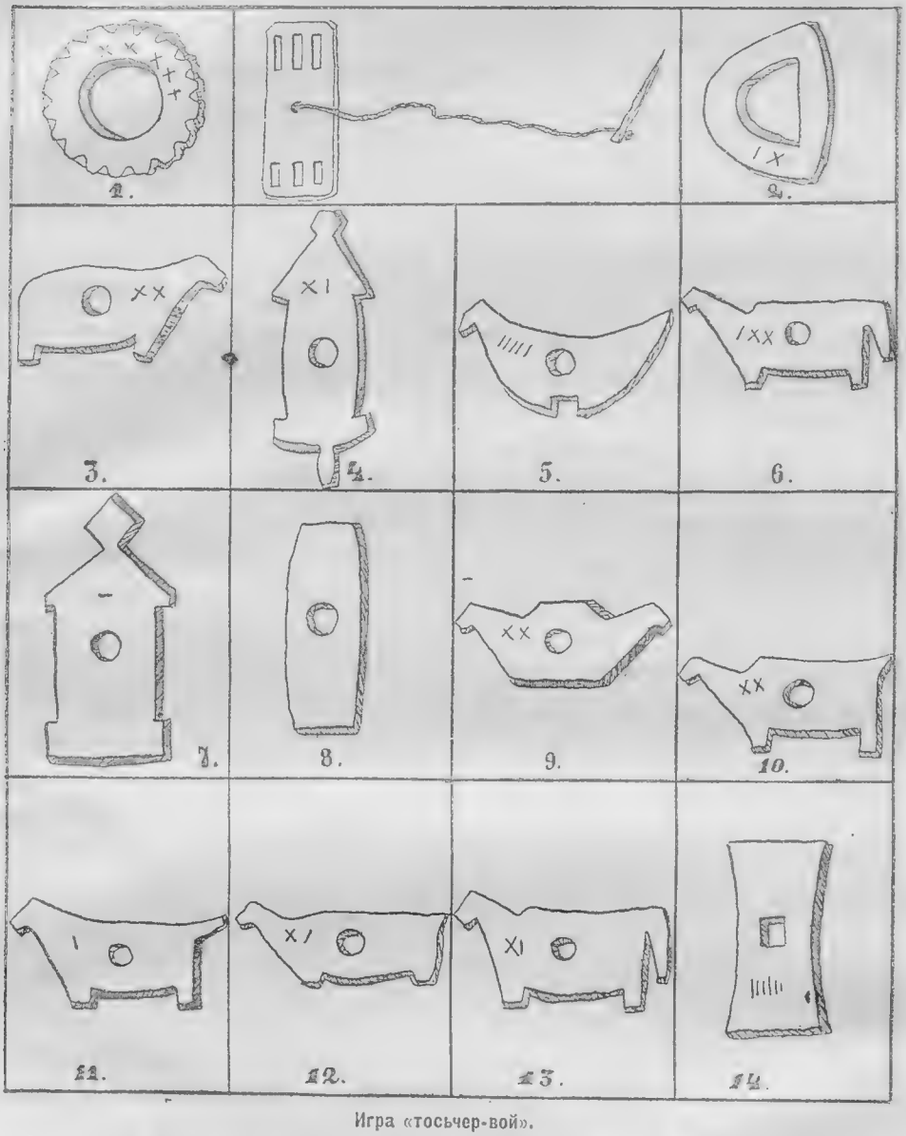


лоскутковъ, бусъ и колецъ, навѣшиваемыхъ и надѣваемыхъ на чучело медвѣдя. Всѣ жертвоприношенія по окончаніи празднества поступаютъ въ собственность хозяина юрты; кольца иногда получаетъ шаманъ, который затѣмъ привязываетъ ихъ къ своему бубну (пензяр).

Отреченіе заключается въ слѣдующемъ: три охотника надѣваютъ остроконечныя суконныя шапки съ лисьей оторочкой (мил) и обнарядки (своеобразный, обшитый позументами, сатинетовый халатъ, надѣваемый инородцами при посѣщеніи церкви). Вставъ передъ чучеломъ медвѣдя, охотники берутся за руки и три раза кричатъ кара-юй-ія, а затѣмъ обра-

наются къ медвѣдю съ рѣчью, въ которой указываютъ на то, что не они убили медвѣдя, а ружье, которое сдѣлалъ русскій. По окончаніи отреченія начинается угощеніе гостей, сопряженное съ пьянствомъ, во время кото-

Таблица IV.



Игра «тосьчер-вой».

1. Солнце. — 2. Луна. — 3. Медвѣдь. — 4. Выдра. — 5. Тетеревъ. — 6. Лошадь. — 7. Духъ. — 8. Оселокъ. — 9. Легендарная птица «черныя-хои-вой». — 10. Олень. — 11. Лисица. — 12. Собака. — 13. Корова. — 14. Брусокъ.

раго совершается такъ называемая медвѣжья пляска «мойбер-яхты». Пляшутъ всѣ желающіе въ спеціальныхъ рукавицахъ, вышитыхъ оленьимъ волосомъ съ орнаментомъ медвѣдя «мойбер-яхты-нос». Съ голыми руками

плясать нельзя, и тѣ, у кого нѣтъ рукавицъ, обматываютъ руки платками. Пляшутъ подъ аккомпанементъ струннаго инструмента пярсюх и въ тѣлодвиженіяхъ подражаютъ медвѣдю. Потомъ слѣдуетъ представленіе. Актеры надѣваютъ на лица берестяныя маски, а на себя всякую ветошь. Сюжетъ представленія—обычно комическій, хотя все же изъ охотничьяго быта. Такъ, напримѣръ, извѣстный охотникъ, бившій на своемъ вѣку всякихъ звѣрей, изображенъ трусомъ: актеру, изображающему охотника подкидываютъ сдѣланную изъ тряпокъ мышь, отъ которой онъ въ ужасѣ бѣгаетъ по юртѣ и прячется.

Медвѣжій праздникъ продолжается семь дней. На этихъ празднествахъ всѣ остяки, начиная со стариковъ и кончая младенцами, съ увлеченіемъ проводятъ цѣлыя ночи. По окончаніи празднества, отъ медвѣжьей шкуры отрѣзаются голова и лапы. Эти послѣднія хранятся около года въ переднемъ углу, и изъ нихъ дѣлать что-либо нельзя. Мясо ѣдятъ, а черепъ медвѣдя помѣщается на спеціальномъ лабазѣ; такіе лабазы находятся на жертвенныхъ мѣстахъ, близъ остяцкихъ селеній.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ интересной остяцкой игрѣ тосьчер-вой (табл. IV), до сего времени, насколько мнѣ извѣстно, еще никѣмъ не описанной. При этой игрѣ употребляютъ 14 фигуръ звѣрей и птицъ, сдѣланныхъ изъ дощечекъ. Фигуры эти—слѣдующія: солнце, луна, медвѣдь, выдра, тетеревъ, лошадь, духъ, корова, брусъ, легендарная птица Черыз-хон-вой, лисица, собака, олень и оселокъ. Фигуры имѣютъ посрединѣ отверстіе и нанизаны на веревочку. На одномъ концѣ веревочки привязана деревянная, слегка заостренная, шпилька, а другой конецъ укрѣпленъ въ дощечку съ прорѣзами. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: играющіе становятся въ кругъ, послѣ чего одинъ изъ участниковъ, держа рукой за шпильку, раскачиваетъ дощечку съ фигурками и, подбросивъ ее вверхъ, старается попасть шпилькою въ прорѣзъ дощечки. Если это играющему удается, то онъ снимаетъ первую фигурку съ веревочки и затѣмъ продолжаетъ подбрасывать фигуры, а если не удается, то передаетъ игру слѣдующему, и такъ далѣе. Каждая фигура помѣчена особыми знаками—очками: X—означаетъ десять, а I—пять очковъ. Играютъ большею частью на деньги.

Б. Э. Петри.

Неолитическія находки на берегу Байкала.

Предварительное сообщеніе о раскопкѣ стоянки «Уланъ-Хада».

Лѣтомъ 1913 года я раскопалъ неолитическую стоянку, открытую мною на берегу Байкала въ бывшемъ Ольхонскомъ вѣдомствѣ, на мысѣ Уланъ-Хада, отдѣляющемъ заливъ Мухоръ отъ «Ольхонскихъ воротъ».

Эта стоянка представляетъ выдающійся интересъ какъ по предметамъ, найденнымъ на ней, такъ и, главнымъ образомъ, по характеру ихъ залеганія. Въ своемъ очеркѣ «Вторая поѣздка въ Предбайкалье»[1] я далъ общую характеристику напластованія слоевъ, геологическаго прошлаго стоянки, физико-географическихъ условій мѣстности и способа раскопки. Добытый матеріалъ находится еще въ стадіи обработки, что, при его обширности, потребуетъ по всей вѣроятности, немало времени. Это побуждаетъ меня сдѣлать настоящее предварительное сообщеніе, посвятивъ его лишь типологическому разбору предметовъ и оставивъ всѣ заключенія и выводы до окончательной обработки матеріала.

Приступая къ описанію найденныхъ предметовъ[2], считаю нужнымъ хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ дать общую характеристику стоянки.

I.

Стоянка Уланъ-Хада расположена на берегу небольшой бухточки залива Мухоръ, который издавна славился у бурятъ обиліемъ рыбы. Вѣроятно рыба и привлекла сюда первобытныхъ насельниковъ береговъ Байкала, избравшихъ мѣстомъ своего обитанія берегъ песчаной бухточки, которая защищена высокими скалами отъ вѣтровъ, дующихъ съ S, W и O. Лишь со стороны залива бухточка широко открыта для дѣйствія сѣвернаго вѣтра, который въ теченіе долгаго времени напосилъ въ нее песокъ съ

[1] См. Извѣстія Русскаго Комитета для изуч. Средней и Вост. Азіи, серія II, вып. III.

[2] Зарегистрованы въ спискахъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго подъ №№ 2225, 2226 и 2041.

озера и тѣмъ увеличивалъ песчаное пространство берега. Этотъ песокъ не имѣлъ возможности двигаться дюнами въ глубь страны, такъ какъ скалы парализовывали дѣйствіе вѣтра, вслѣдствіе чего онъ расположился горизонтальными слоями, слегка наклоненными въ сторону Байкала.

Въ этихъ слояхъ оказались погребенными остатки неолитической индустріи. Опредѣлить хотя бы приблизительно время появленія человѣка на Уланъ-Хада не представляется пока возможнымъ. Установлено лишь, что культурные остатки его пребыванія начинаются уже съ глубины 4-хъ метровъ.

Въ теченіе многихъ поколѣній древніе насельники разбрасывали по всему пространству стоянки всевозможные предметы своего обихода. Главнымъ образомъ здѣсь встрѣчаются предметы, брошенные вслѣдствіе порчи—черепки посуды, обломки орудій, éclats, зазубренные lames; немало найдено и начатыхъ издѣлій (ébauches), среди которыхъ много бракованныхъ. Цѣлыя орудія, которыя, надо думать, были потеряны, встрѣчаются, какъ и всюду на стоянкахъ, много рѣже.

Песокъ, поступая съ озера и погребая въ себѣ предметы индустріи, расположилъ ихъ въ своихъ слояхъ въ строго хронологическомъ порядкѣ и предохранилъ отъ перемѣшиванія: предметы лежатъ въ слояхъ песка такъ, какъ они были оставлены ихъ обладателями. Особенно поражаютъ сложенные изъ камней очаги, на которыхъ иногда попадаются разбитые горшки. Черепки каждаго изъ такихъ горшковъ расположены обыкновенно кучкой; дно часто лежало въ ея серединѣ.

Очень интересны сложенные изъ камней особаго вида очаги (подробнѣе см. ниже, стр. 131), имѣющіе форму розетки. Они сохранились въ совершенно непарушенномъ видѣ, что исключаетъ возможность какихъ-либо сдвиговъ, перемѣщеній, сползаній или перемѣшиванія слоевъ. Культурные слои переходятъ одинъ въ другой постепенно, безъ всякихъ перерывовъ и промежуточныхъ пустыхъ слоевъ. Поэтому мнѣ, при разбивкѣ всей толщи на слои, пришлось руководствоваться ихъ геологическимъ строеніемъ, принявъ за критерій: 1) цвѣтъ, зависящій отъ большаго или меньшаго содержанія угольной пыли и золы, 2) плотность и вязкость (въ зависимости отъ количества органическихъ остатковъ) и 3) количество гравія, щебня и углей.

Всѣхъ слоевъ оказалось 11; большинство изъ нихъ было въ 25 см. толщины, нѣкоторые по 30 см., а одинъ (III-й) въ 20 см. Вся толща слоевъ образуетъ пластъ мощностью въ 2 м. 95 см.; сверху этотъ пластъ прикрытъ слоемъ песка въ 90 см., не содержащимъ никакихъ культурныхъ остатковъ. Такимъ образомъ, мною разрабатывался пластъ мощностью въ 3 м. 85 см.

Пока вполнѣ разобраны лишь находки изъ трехъ нижнихъ слоевъ, а

также склеены всѣ оказавшіеся пригодными для подбора черепки. Изъ этихъ послѣднихъ получились какъ цѣлые сосуды, такъ и большіе фрагменты, дающіе полное представленіе о формѣ сосудовъ и о характерѣ ихъ орнаментаціи. Уже и теперь бѣглое ознакомленіе съ расположеніемъ предметовъ по слоямъ показываетъ, что нижній (XI-й) слой совершенно не содержитъ керамики. Керамика начинается лишь въ X-омъ слоѣ — грубая, плохо обожженная и неорнаментированная. По мѣрѣ перехода къ вышележащимъ слоямъ, формы керамики все болѣе и болѣе совершенствуются. Керамика верхнихъ слоевъ поражаетъ тонкостью стѣнокъ, совершенствомъ обжига и разнообразіемъ орнамента. Также значительно измѣняются по мѣрѣ перехода отъ нижнихъ слоевъ къ верхнимъ и каменныя орудія. Въ нижнихъ двухъ слояхъ мы встрѣчаемъ лишь скребки, lames нуклеусы, крючки изъ слюдистаго сланца для удочекъ и т. п. Въ IX слоѣ начинаютъ попадаться наконечники стрѣлъ. Средніе слои характеризуются присутствіемъ шлифованныхъ орудій, а въ I слоѣ встрѣчаются шлифованные нефритовые топорики. Вообще верхній слой сильно приближается къ бронзовой эпохѣ, хотя бронзовыхъ предметовъ въ немъ не найдено. Такимъ образомъ, мы имѣемъ на протяженіи слоевъ какъ бы цѣлый рядъ неолитическихъ стадій, непосредственно переходящихъ одна въ другую. Непарушенность залеганія слоевъ, намѣтившіеся уже переходы стадій и значительная мощность общей массы слоевъ, при обиліи добытыхъ предметовъ, позволяютъ думать, что окончательная обработка результатовъ раскопокъ на Улапъ-Хадѣ дастъ богатый матеріалъ для классификаціи неолита Ангарскаго бассейна.

II.

Песокъ, въ которомъ погребены предметы индустріи насельниковъ Улапъ-Хады, является очень ненадежнымъ консервирующимъ матеріаломъ, и поэтому до насъ дошли лишь предметы, сдѣланные изъ камня и глины. Вся деревянная и костяная культура, которая играетъ такую значительную роль въ жизни первобытнаго человѣка, погибла безслѣдно.

При общемъ взглядѣ на каменную индустрію, наблюдателя поражаютъ миніатюрность многихъ издѣлій, особенно стрѣлъ и скребковъ, и тщательность и совершенство ретуши. Впрочемъ, эти двѣ черты являются вообще характерными для всего сибирскаго неолита.

Изъ породъ камня, служившаго матеріаломъ для орудій, слѣдуетъ отмѣтить на первомъ мѣстѣ кремень, изъ котораго сдѣлано большинство орудій, хотя, повидимому, обиліемъ кремня эта мѣстность не отличается. Хорошихъ кремней пѣтъ: это преимущественно — окремнѣлые сланцы. Кремень иногда замѣняется халцедономъ, но этотъ послѣдній довольно рѣдокъ, и % орудій изъ него незначителенъ. Недостатокъ кремня пополняется

главнымъ образомъ кварцемъ, который, въ силу своего кристаллическаго строенія, не даетъ возможности выдѣлывать такія геометрически правильныя формы, какъ кремень. Тѣмъ не менѣе, издѣлія изъ кварца весьма многочисленны (количество ихъ стоитъ на второмъ мѣстѣ послѣ кремня) и отличаются очень тщательной ретушью. На послѣднемъ мѣстѣ стоятъ издѣлія изъ слюдистаго сланца, — матеріала, значительно уступающаго предыдущимъ въ прочности. Крупныя орудія сдѣланы изъ гранита, гнейса, діорита, филлита, кремнистыхъ сланцевъ, окварцованныхъ и глинистыхъ песчаниковъ, окремнѣлыхъ известняковъ, известняковъ, переходящихъ въ афитъ, и другихъ плотныхъ породъ[1].

Наконечники стрѣлъ.

Таблица X.

Наконечники стрѣлъ, найденые на Уланъ-Хадѣ, — самыхъ разнообразныхъ формъ.

Классифицировать ихъ въ порядкѣ хронологической послѣдовательности пока не представляется возможнымъ, и поэтому приходится ограничиться лишь ихъ типологической классификаціей. Основнымъ и самымъ распространеннымъ типомъ слѣдуетъ считать наконечникъ треугольнаго вида со слегка вогнутымъ основаніемъ (№ 41); размѣры такого наконечника незначительны (2,2 см. длины, 1,2 см. ширины). Отъ этого типа, путемъ удлиненія линіи кривизны вогнутости основанія, получаются наконечники типа № 34 съ хорошо развитыми жальцами. Если жальца прогрессируютъ, то они достигаютъ значительнаго размѣра — до $^1/_4$ длины тѣла наконечника (№ 29). Иногда жальца развиты неравномѣрно, и одно жальце значительно превосходитъ другое (№ 19). У нѣкоторыхъ наконечниковъ база имѣетъ тенденцію выпрямлять линію кривизны изгиба, и тогда наконечникъ принимаетъ видъ равнобедреннаго треугольника (№ 44), иногда даже почти равносторонняго (№ 45). Переходя отъ прямой линіи къ линіи выпуклой, база придаетъ наконечникамъ форму лавролистную (№ 51) и, при очень значительной выпуклости, даже ромбоидальную (№ 57). Нижняя, обыкновенно меньшая, половина ромбоидальнаго наконечника служитъ насадомъ. Этотъ насадъ въ нѣкоторыхъ видахъ принимаетъ суженную форму (№№ 59—68) и тогда является уже спеціально сдѣланнымъ насадомъ; остающіеся по бокамъ отъ насада выступы пріобрѣтаютъ характеръ жалецъ (№№ 63—67), иногда очень отчетливо выраженныхъ (№ 68).

---

[1] Минералы опредѣлены старшимъ ученымъ хранителемъ Геологическаго и Минералогическаго Музея И. А. Н. А. Е. Ферсманомъ, которому приношу свою глубокую благодарность.

Основной типъ наконечника стрѣлы путемъ удлиненія дастъ другой видъ наконечниковъ (№ 9) узко-ланцетовидной формы, среди которыхъ встрѣчаются очень тонкіе и длинные экземпляры (№ 1), доходящіе до 4,9 см. длины при базѣ въ 0,95 см. Этотъ же типъ наконечниковъ образуетъ путемъ постепеннаго утолщенія новый типъ толстыхъ наконечниковъ стрѣлъ (№ 14) узко-лавролистной формы. Иногда этотъ послѣдній типъ имѣетъ 4 грани (№№ 16—17). Если грани рѣзко выражены, то наконечникъ принимаетъ четырехгранную штыковидную форму (№ 18). Особый типъ образуютъ чрезвычайно мелкіе наконечники стрѣлъ (№№ 89—97), имѣющіе отъ 1,1 до 1,5 см. длины при ширинѣ отъ 0,6 до 0,8 см.; матеріаломъ, изъ котораго они сдѣланы, служитъ исключительно кремень; по своимъ формамъ они являются повтореніемъ всѣхъ предыдущихъ типовъ, кромѣ наконечниковъ треугольной формы. Наконечники стрѣлъ изъ халцедона (№№ 69—71) ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ изъ кремня, а изъ кварца (№№ 72—88) — повторяютъ всѣ виды наконечниковъ изъ кремня, но сдѣланы они гораздо хуже, и форма ихъ далека отъ идеальной геометрической правильности кремневыхъ наконечниковъ, что, конечно, слѣдуетъ приписать неблагодарности матеріала. Полное отсутствіе наконечниковъ стрѣлъ обнаружено въ слояхъ XI и X. Они начинаютъ встрѣчаться лишь въ слоѣ IX, т.-е. третьемъ снизу.

Наконечники копій.

Таблицы XI и XII.

Наконечниковъ копій найдено на стоянкѣ очень немного. Ихъ можно разбить на слѣдующіе типы: наконечники большіе, плоскіе, лавролистные, расширенные у своей середины (табл. XII, № 50) или у базы; наконечники треугольной формы (табл. XII, № 49); наконечники узко-стилетовидные (табл. XII, № 51) и наконечники съ насадомъ (табл. XI, № 37). Матеріаломъ для нихъ служатъ кремень или кварцъ.

Скребки.

Таблица XI.

Не меньше разновидностей, чѣмъ стрѣлы, образуютъ и скребки, которые отличаются другъ отъ друга какъ по своимъ формамъ, такъ и по размѣрамъ. По своей величинѣ они колеблются отъ 1 см. до 9 см. и больше. Самымъ распространеннымъ типомъ является полукруглый скребокъ съ плоскимъ (№№ 2—6) или утолщеннымъ скребущимъ краемъ (№№ 1, 7—9). Къ тому же типу слѣдуетъ отнести и круглые скребки въ видѣ маленькихъ дисковъ изъ кремня (№№ 10—12) или изъ халцедона (№№ 13—15). Кстати можно замѣтить, что халцедонъ, какъ матеріалъ для скребковъ,

употребляется для выдѣлки лишь сравнительно небольшихъ экземпляровъ. Другимъ типомъ являются скребки съ прямымъ скребущимъ краемъ. Болѣе крупные экземпляры выдѣлываются изъ желваковъ (№№ 16 и 17), мелкіе же—изъ lames (18—20).

Особую группу образуютъ скребки, представляющіе двойное орудіе — скребущее и колющее (№№ 21, 22), одинъ конецъ которыхъ служитъ скребкомъ, а другой тщательно заостренъ и употреблялся какъ навертышъ (буравчикъ). Эти орудія, повидимому, при употребленіи не вставлялись въ рукоятки. Такого же рода скребки, острый конецъ которыхъ не отдѣланъ и не заостренъ (№№ 23—25), надо думать, предназначались лишь для скобленія и вставлялись въ рукоятку. Совершенно особо стоятъ плоскіе полулунные скребки. Они бываютъ двухъ видовъ: 1) скребки съ однимъ прямымъ, а другимъ выпуклымъ краемъ (№№ 26, 27) и 2) скребки съ краями, изъ которыхъ одинъ — выпуклый, а другой — слегка вогнутый (№№ 28—30), причемъ одинъ конецъ—заостренный, а другой—широкій. Въ то время какъ первый типъ почти вполнѣ симметриченъ, типъ второй на одномъ своемъ концѣ тщательно обработанъ въ слегка загнутое книзу острее; другой же конецъ ретушированъ небрежно и имѣетъ случайную форму. Надо полагать, что скребки перваго типа вставлялись въ рукоятку своими выпуклыми краями, а скребки второго — своими широкими концами. Наконецъ, имѣется цѣлый рядъ скребковъ (№№ 31—35), сработанныхъ нѣсколько небрежно и не представляющихъ спеціальнаго вида со строго опредѣленными формами, какъ всѣ вышеописанные, но имѣющихъ совершенно случайныя формы и приготовлявшихся, повидимому, для единичныхъ специальныхъ надобностей. Матеріаломъ для скребковъ служитъ въ большинствѣ случаевъ кремень, но немало скребковъ и изъ кварца. Скребки разныхъ типовъ встрѣчаются во всѣхъ слояхъ.

Навертыши. шилья и lames.

Таблица XII.

Инструменты для прокалыванія встрѣчаются трехъ видовъ: 1) Навертыши, сдѣланные изъ кремневыхъ желваковъ, съ толстымъ тѣломъ и узкимъ шиловиднымъ остреемъ (№№ 1 и 2). 2) Шилья, сдѣланныя изъ толстыхъ lames, тщательно отретушированныхъ такъ, что образуется узкое трехгранное шило съ утолщеніемъ на тупомъ концѣ, могущимъ служить для держанія непосредственно въ рукѣ или же для вставленія въ рукоятку (№ 3). 3) Шилья, представляющія собою lames съ отретушированными на одномъ концѣ остреями (№№ 4, 5, 6).

Lames встрѣчаются самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, начиная отъ

крупныхъ и толстыхъ въ 8 см. длины (№ 7) и кончая мелкими въ 2 см. длины (№ 16). Многія lames обладаютъ тщательно ретушированными рѣжущими лезвеями. У большинства lames лезвея перетушированы и сильно зазубрены, совершенно какъ у ножа, бывшаго долго въ употребленіи. Зазубрины указываютъ на то, что при помощи этихъ lames производилась работа. Помимо своего прямого назначенія (ножи), lames служили еще матеріаломъ, изъ котораго выдѣлывались мелкіе кремневые предметы — вилки, накопечники стрѣлъ, шилья и скребки. Матеріаломъ для lames служитъ по большей части кремень. Очень тонкія и острыя lames сдѣланы изъ халцедона. Lames изъ кварца попадаются рѣдко, очень толсты и тупы; кромѣ того всѣ онѣ обладаютъ значительной кривизной.

Много найдено обломковъ lames, часть которыхъ, весьма возможно, предназначалась, судя по ихъ незначительнымъ размѣрамъ, спеціально для лезвея костяныхъ кинжаловъ-вкладышей. Lames на стоянкѣ найдено громадное количество, и ихъ несомнѣнно можно назвать самымъ распространеннымъ предметомъ.

Нуклеусы.

Таблица XII.

Нуклеусы найдены трехъ типовъ. 1) Нуклеусы коническіе (№№ 17—21), происшедшіе, повидимому, исключительно вслѣдствіе откалыванія отъ нихъ lames; эти нуклеусы очень тщательно закруглены; у крупныхъ экземпляровъ вершина тупая, у мелкихъ — острая. 2) Нуклеусы односторонніе, т. е. такіе, которые лишь съ одной стороны имѣютъ грани, происшедшія отъ откалыванія lames, другая же сторона сохраняетъ форму желвака. Это — какъ бы начальная стадія нуклеусовъ (№№ 23 и 24). 3) Нуклеусы съ остреемъ (№№ 25—29); они совершенно круглы, и вершины ихъ подверглись вторичной огранкѣ, такъ что получились какъ бы острея. Основаніе такихъ нуклеусовъ плоско, такъ что они могутъ стоять на горизонтальной поверхности. Эти нуклеусы нѣсколько напоминаютъ тѣ камни, которые употребляются первобытными народами для сверлъ съ лучками; возможно, что этотъ видъ нуклеусовъ служилъ насельникамъ Уланъ-Хады для этой же цѣли. Въ собраніи О. Финша (колл. Муз. Антр. и Этнографіи, № 157—315) имѣется такое сверло, снабженное на своемъ концѣ маленькимъ нуклеусомъ; оно уже въ 1882 г. было большой рѣдкостью на Новой Гвинеѣ. Подобныя же сверла О. Финшъ встрѣтилъ на Маршальскихъ островахъ, гдѣ они употреблялись при постройкѣ лодокъ[1].

[1] См. O. Finsch, Ethnologische Erfahrungen, S. 114. O. Finsch, Canoes und Canoebau in den Marshall-Inseln. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft f. Anthrop., Ethnologie und Urgeschichte 1887, S. 22.

Пилки.

Таблица XII.

Пилки сдѣланы по большей части изъ кремня и имѣютъ очень изящную форму. Онѣ бываютъ длинныя (№№ 30, 31) и короткія (№№ 32, 33), иногда даже въ формѣ правильнаго квадрата (№ 34). Судя по ихъ тонкости и тщательности ретуши, надо полагать, что онѣ употреблялись для тонкихъ работъ. Но встрѣчаются пилы и бо́льшого калибра; онѣ грубо сдѣланы изъ кварца (№ 48) и превосходно пилятъ дерево.

Крючки отъ удочекъ и грузила.

Таблица XII.

Отъ удочекъ сохранились грузила и крючки изъ слюдистаго сланца. Грузила (№ 35) имѣютъ форму трегранной пирамиды, на вершинѣ которой сдѣлана зарубка для привязыванія къ лесѣ.

Крючки состоятъ изъ двухъ частей — острея и стерженька. Стерженекъ (№ 36) имѣетъ видъ круглой, уплощенной съ двухъ сторонъ и суживающейся къ одному концу палочки. На широкомъ своемъ концѣ онъ имѣетъ выемку съ поперечными зарубочками, за которыя очень удобно закрѣплять обмотку. Противоположная сторона этого широкаго конца слегка скошена. Узкій конецъ почти круглый и имѣетъ двѣ зарубки, для привязыванія лесы. Острея крючковъ очень разнообразны по формамъ. Одни изъ нихъ—прямыя (№№ 37—39). Въ этомъ случаѣ они имѣютъ двѣ грани выпуклыя, а двѣ—плоскія; одна изъ плоскихъ граней у основанія крючка имѣетъ выемку; соотвѣтствующее ей мѣсто на противуположной плоской грани слегка скошено, что вполнѣ соотвѣтствуетъ скошенному основанію стерженька. Если приложить стерженекъ къ острею обѣими скошенными поверхностями и обмотать ихъ по выемкамъ, то получается крючокъ, напоминающій подобные же крючки современныхъ первобытныхъ народовъ, живущихъ и понынѣ въ періодѣ камня.

Нѣкоторыя острея имѣютъ изогнутую форму (№№ 40 и 41); въ этомъ случаѣ выемки при основаніи перенесены на боковыя поверхности, и острея—круглыя, а не уплощенныя, какъ предыдущія формы. Изогнутыя острея образуютъ также другой видъ острій съ утолщеннымъ тѣломъ, достигающій иногда весьма крупныхъ размѣровъ въ 4,1 см. (№ 42), но большинство изъ нихъ—малаго размѣра, въ 2,3 см. (№ 45). Всѣ острея послѣдняго типа обладаютъ на вершинѣ зарубками, которыя должны пре-

пятствовать рыбѣ «срываться». Большею частью они, на одной изъ боковыхъ поверхностей основанія, имѣютъ выемку съ зарубками (№ 43) или безъ нихъ (№ 41); нѣкоторыя же имѣютъ основаніе заостренное (№ 44).

Чтобы покончить съ рыболовными принадлежностями, упомянемъ еще о грузилахъ для сѣтей (рис. 1). Всѣ грузила сдѣланы изъ простыхъ плоскихъ галекъ овальной формы, у которыхъ сдѣланы выемки на обоихъ концахъ. Обычно онѣ выбиты по длинному діаметру, но немало найдено грузилъ съ выемками по короткому діаметру. Грузила найдены въ изобиліи во всѣхъ слояхъ, кромѣ XI, и это указываетъ, что насельники Уланъ-Хады примѣняли сѣти въ широкихъ размѣрахъ.

Рис. 1. Грузило для сѣтей (1/2 нат. вел.). № 2225—131.

Украшенія.

Таблица X.

Украшеній на Уланъ-Хадѣ найдено чрезвычайно мало. Найдены лишь буспинки изъ бѣлой массы (№№ 100 и 101) и украшенія изъ слюдистаго сланца въ видѣ подвѣсокъ съ дырочками (№ 99).

Долота.

Долота среди прочихъ орудій на Уланъ-Хадѣ—довольно рѣдкое явленіе. Они бываютъ или въ формѣ толстаго клина (рис. 2) или въ формѣ клина со слегка вогнутою верхнею поверхностью. Далѣе встрѣчаются плоскія долота, которыя обычно сдѣланы небрежно и представляютъ собой плоскую гальку подходящей формы съ отшлифованнымъ рѣжущимъ ребромъ (рис. 3). Наконецъ имѣется еще одинъ видъ долотъ — очень мелкихъ и тщательно обработанныхъ (табл. XI, № 36). У этихъ долотъ обѣ грани тщательно отшлифованы; одна изъ граней, неподалеку отъ ребра, скошена такъ, что образуетъ при пересѣченіи съ другой гранью острый рѣжущій край. Другое ребро лишь грубо ретушировано и служило для вставленія въ рукоятку. Орудіе этого типа, если имѣть въ виду ту работу, для которой оно предназначалось, можно назвать прототипомъ современнаго рубанка.

Рис. 2. Долото (1/2 нат. вел.) изъ окремнѣлаго известняка. № 2225 –181.

Рис. 3. Долото (1/2 нат. вел.) изъ кремнистаго сланца съ хлоритомъ. № 2225—11.

Топоры и палицы.

Топоры на Улапъ-Хадѣ довольно многочисленны и представляютъ три типа: I типъ, широко распространенный по всему пространству Европы и

Рис. 4. Топоръ изъ діорита (1/2 нат. вел.). № 2225—3.

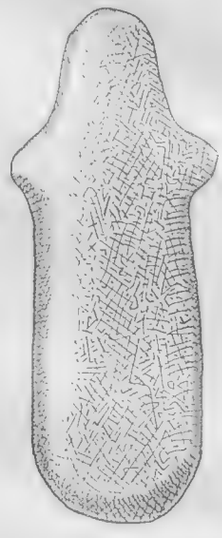


Рис. 5. Топоръ изъ кремнистаго сланца (1/2 нат. вел.). № 2225—1.

Сибири—обычные клинообразные топорики небольшого размѣра. Въ верхнихъ слояхъ найдены такіе топорики изъ нефрита. II типъ (рис. 4)—сердцевидной формы съ хорошо отшлифованнымъ лезвеемъ и двумя выступами на обухѣ, служащими для привязыванія къ топорищу. III типъ (рис. 5)—въ видѣ длиннаго и уплощеннаго эллипсоида съ заостреннымъ обухомъ и двумя выступами, расположенными приблизительно на 1/4 разстоянія между лезвеемъ и обухомъ, ближе къ обуху. Нѣкоторые изъ этихъ топоровъ носятъ на себѣ слѣды долговременной работы и имѣютъ укороченную вслѣдствіе стачиванія форму (рис. 6).

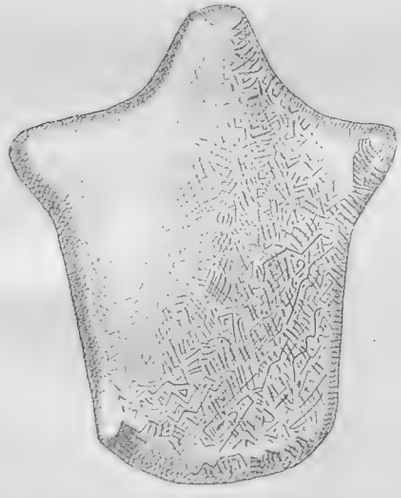


Рис. 6. Топоръ изъ глинистаго песчаника. [illegible] трапами, сильно сточенный [illegible] работы (1/2 нат. вел.). № 2225—2.

Палицы бываютъ двухъ типовъ: плоскія и круглыя со сверлиной по-

срединѣ (рис. 7) и шаровидныя въ видѣ уплощеннаго сфероида со сверлиной, проходящей по короткой оси (рис. 8). Сверлина—всегда конической формы и начинается, какъ о томъ свидѣтельствуютъ незаконченные экземпляры, съ обѣихъ сторонъ. Нѣкоторые, брошенные незаконченными, экземпляры указываютъ на ошибки въ работѣ, такъ какъ сверлины не приходятся одна противъ другой (рис. 9).

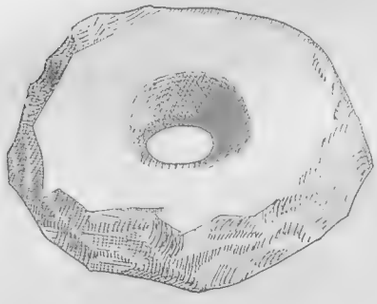


Рис. 7. Палица изъ филлита. Ребра сильно зазубрились отъ ударовъ. (1/2 нат. вел.). № 2225—8.

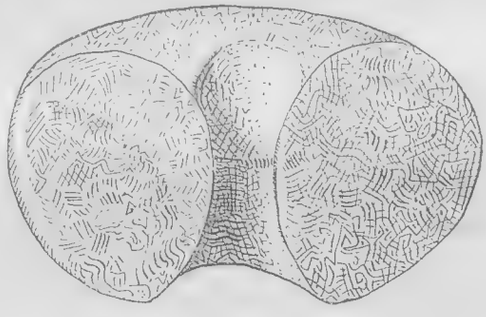


Рис. 8. Палица изъ гранита, раскололась пополамъ при ударѣ (1/2 нат. вел.). № 2225—7.

Песты, ступки, отбойники, шлифовальные камни.

Песты представляютъ собой удлиненныя гальки (рис. 10), одинъ конецъ которыхъ вслѣдствіе тренія сточился и сгладился. Ступки имѣютъ видъ плоскихъ плитъ изъ песчаника. Кромѣ нихъ на стоянкѣ найдено не мало круглыхъ плоскихъ плитъ, сильно сглаженныхъ дѣйствіемъ воды. Эти плиты

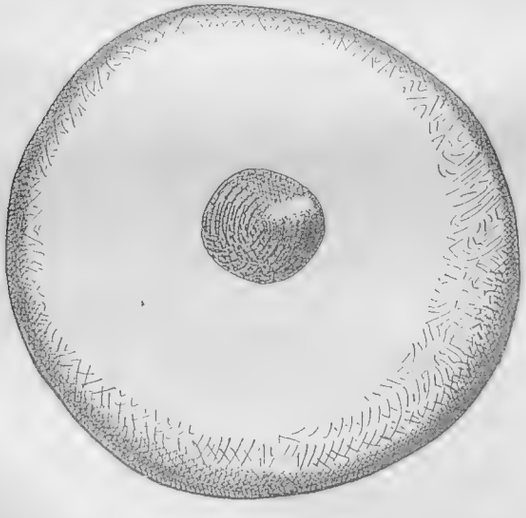


Рис. 9. Палица съ незаконченной сверлиной изъ мелкозернистаго гнейса (1/2 нат. вел.). № 2225—9.

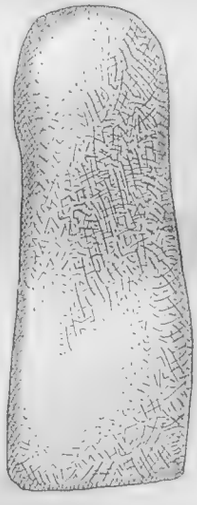


Рис. 10. Пестъ изъ діорита (1/2 нат. вел.). № 2225—13.

приносились на стоянку изъ озера и служили, видимо, для какихъ-нибудь надобностей, въ родѣ расплстыванія рыбы или тому подобнаго. Отбойники—обычной формы въ видѣ шарообразной или яйцевидной гальки гранита, гнейса или иной плотной кристаллической породы со слѣдами ударовъ. Эти отбойники (рис. 11) употреблялись для болѣе грубой первоначальной работы. Для окончательной обработки служили отбойники въ формѣ пестовъ съ головками (рис. 12). Нижняя поверхность этихъ пестовъ—округловыпуклая и обладаетъ тѣми же характерными для отбойника маленькими звѣздчатыми выбоинками, какъ и ударныя поверхности отбойниковъ предыдущаго типа.

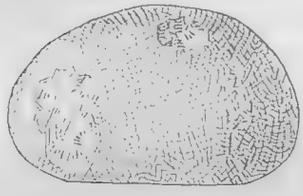


Рис. 11. Отбойникъ изъ мелкозернистаго гранита (1/2 нат. вел.). № 2225—34.

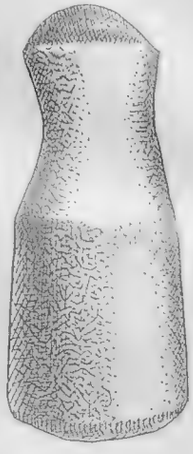


Рис. 12. Пестъ-отбойникъ изъ мелкозернистаго гранита (1/2 нат. вел.). № 2225—12.

Шлифовальные камни на Уланъ-Хадѣ чрезвычайно многочисленны и разнообразны какъ по плотности матеріала (песчаника), такъ и по размѣрамъ и формамъ, завпсѣвшимъ, конечно, отъ того, для какой работы они предназначались.

Мы имѣемъ здѣсь всѣ образцы шлифовальныхъ камней отъ маленькихъ оселковъ въ видѣ правильныхъ четырехгранныхъ призмочекъ изъ мелкозернистаго песчаника вплоть до крупныхъ экземпляровъ, около 2—3 фунтовъ вѣсомъ, изъ крупнозернистаго песчаника.

Изобразительное искусство.

Изображеній на Уланъ-Хадѣ найдено немного. Изъ нихъ почти всѣ принадлежатъ изображеніямъ рыбъ. Лучше всего сохранились изображенія рыбъ изъ бѣлаго мрамора (рис. 13), напоминающія сиговъ или омулей. У этихъ изображеній хорошо выражены голова, хвостъ и плавники—брюшной и спинной. Въ спинномъ плавникѣ просверлено отверстіе съ тѣмъ расчетомъ, чтобы при подвѣшиваніи рыба находилась въ состояніи равновѣсія. Бо́льшая изъ найденныхъ рыбъ этого рода плохо сохранилась (хвостъ оломанъ и поверхность сильно вывѣтрилась), имѣла въ своемъ первоначальномъ цѣломъ видѣ около 43 см.; остальныя рыбы изъ мрамора имѣютъ около 21 см. длины.

Хуже сохранились изображенія изъ слюдистаго песчаника, которыя воспроизводятъ осетровъ, налимовъ и еще какихъ-то рыбъ, видъ которыхъ установить не удалось (рис. 14—18). Большинство изображеній сломано—

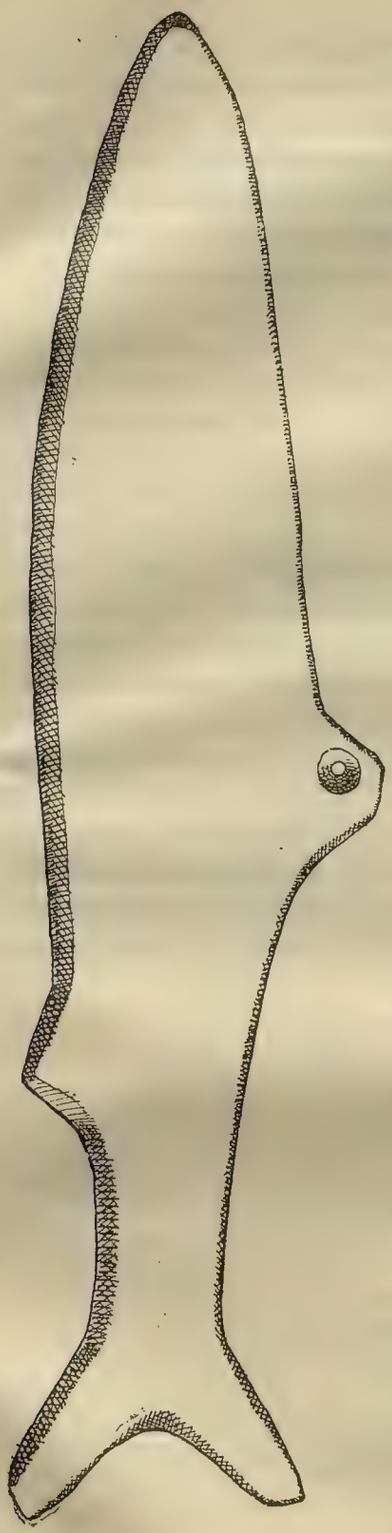


Рис. 13. Рыба изъ бѣлаго мрамора (натур. вел.). № 2225—49.

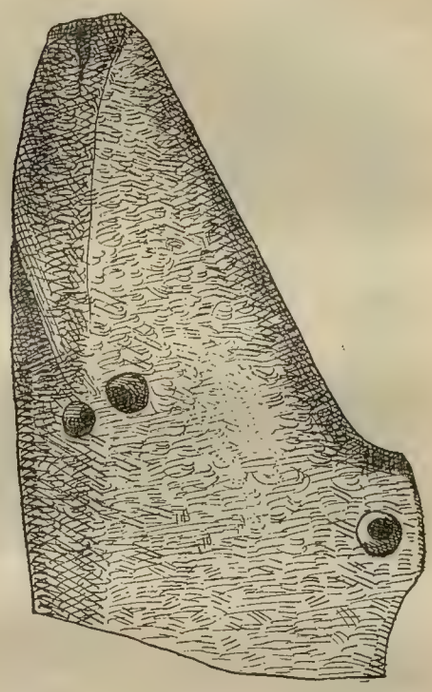


Рис. 14. Голова рыбы (видъ сбоку) изъ актинолитоваго сланца (нат. вел.). № 2225—52.

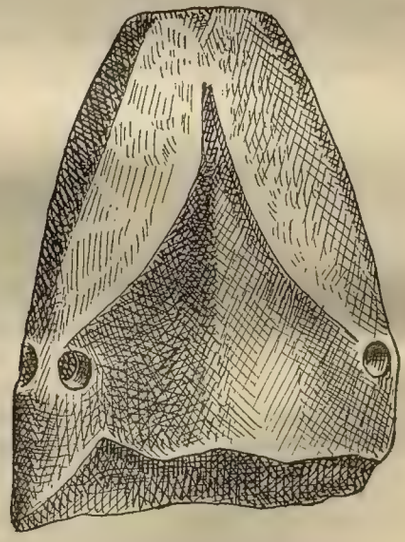


Рис. 15. Та же голова снизу.

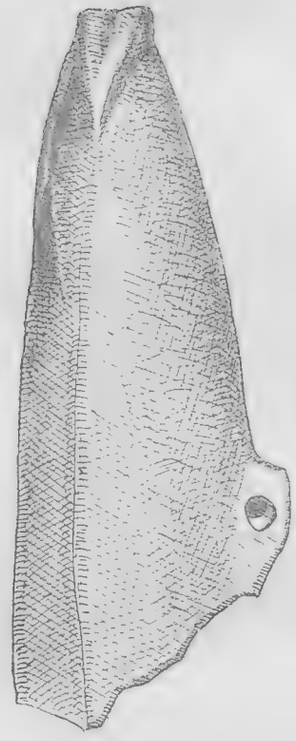


Рис. 16. Голова и туловище рыбы изъ слюдистаго песчаника (натур. вел.). № 2225—53.

сохранились лишь части. Рыбы эти имѣютъ отверстія въ спинномъ плавникѣ (для подвѣшиванія), а нѣкоторыя изъ нихъ — около жаберъ. Одна рыба имѣетъ даже пару отверстій при переходѣ туловища въ хвостъ. Хвостовъ не найдено — всѣ они оказались отломанными и утерянными. Если судить по другимъ сибирскимъ рыбамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя изданы Д. Н. Анучинымъ[1], а другія хранятся въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи (Петроградъ)[2], въ Историческомъ Музеѣ (Москва) и въ Музеѣ Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. (Иркутскъ), эти рыбы должны были имѣть еще одно отверстіе въ хвостѣ. Сверлина во всѣхъ случаяхъ — коническая.

Изъ другихъ изображеній найдены лишь схематическіе рисунки змѣй. Они выгравированы на наружной поверхности одного большого глянцаго горшка и расположены вокругъ вѣнчика, чередуясь съ крестами (рис. 19). Изображенія на неолитической керамикѣ — вообще довольно рѣдкое явленіе[3]. Изъ сибирскаго же неолита — это единственный извѣстный мнѣ случай. Эти изображенія по характеру схематизаціи вполнѣ тождественны съ изображеніями змѣй на писаномъ камнѣ въ бухтѣ Ая, которая расположена къ Ю. З. отъ Уланъ-Хады[4].

Керамика.

Таблица XIII.

Керамика на Уланъ-Хадѣ поражаетъ своимъ обиліемъ и разнообразіемъ. Черепки найдены въ огромномъ количествѣ, которое при подсчетѣ

---

[1] Д. Н. Анучинъ. О нѣкоторыхъ своеобразныхъ древнихъ каменныхъ издѣліяхъ изъ Сибири. Труды VI Археологическаго Съѣзда, т. I, стр. 35.

[2] №№ 1456—1; 917—14; 1554—1.

[3] В. В. Передольскій. Eine bildliche Darstellung des Menschen auf einem neolithischen Tongefäss. Archiv für Anthropologie—Neue Folge, B. III, H. 4. 1905.

[4] Изображенія бухты Ая были обслѣдованы И. Н. Аганитовымъ въ 1881 г. (см. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1882, т. XII, № 4—5) и мною лѣтомъ 1913 года (см. Изв. Русск. Комит. для изуч. Средней и Вост. Азіи, сер. II вып. 3).

могло бы выразиться въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ. Большинство изъ нихъ богато орнаментировано. Орнаментація чрезвычайно разнообразна: нѣтъ двухъ горшковъ, которые были бы одинаково орнаментированы. Кромѣ того, всѣ горшки значительно отличаются другъ отъ друга по цвѣту, зависящему помимо условій залеганія, повидимому, и отъ примѣсей къ глинѣ. Цвѣта горшковъ проходятъ всѣ варіаціи, начиная отъ ярко-кирпично-краснаго черезъ фіолетовый и жемчужно-сѣрый до густо-чернаго включительно. Эти два обстоятельства — орнаментъ и окраска — значительно облегчили задачу подбора черепковъ и склейку горшковъ. Въ настоящее время склеено уже 19 горшковъ, дающихъ полное представленіе о формѣ ихъ и о характерѣ орнаментаціи соотвѣтствующаго періода. Всѣ горшки имѣютъ дно уплощенно-конической формы; горшковъ съ плоскимъ дномъ не найдено. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ выпуклыя стѣнки и нѣсколько суженный вѣнчикъ; другіе же имѣютъ вертикальныя стѣнки и похожи на яйцо со срѣзаннымъ острымъ концомъ. Вѣнчикъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ налѣплялся впослѣдствіи; его накладывали, какъ это ясно видно на рис. 20, на верхній край горшка и затѣмъ примазывали сверху внизъ. Черепки такихъ вѣнчиковъ даютъ при разбиваніи не перпендикулярный изломъ, а скошенный. Окончательная разборка керамики по слоямъ дастъ, повидимому, богатый матеріалъ для классификаціи неолита Ангарскаго бассейна; пока можно лишь сказать, что керамика, какъ и каменныя подѣлки, претерпѣваютъ значительное измѣненіе въ сторону совершенствованія по мѣрѣ перехода отъ нижнихъ слоевъ къ верхнимъ. Въ самомъ нижнемъ XI слоѣ совсѣмъ нѣтъ керамики; она появляется лишь въ

Рис. 17. Рыба изъ слюдистаго песчаника (натур. вел.). № 2225—55.

Рис. 18. Изображеніе, напоминающее рыбу, изъ слюдистаго песчаника (нат. вел.). № 2225—56.

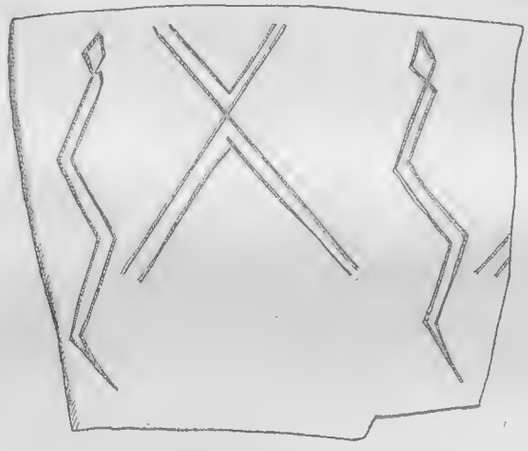


Рис. 19. Изображеніе змѣй на горшкѣ. № 2226—3147. Слой VII ($^1/_2$ нат. вел.).

Рис. 20. Черепокъ вѣнчика горшка ($^1/_2$ нат. вел.). № 2011—128.

X слоѣ. Въ этомъ послѣднемъ находится керамика лишь одного типа: буровато-черные черепки, плохо обожженные, со слѣдами какого-то плетенія на наружныхъ стѣнкахъ. Похоже на то, какъ будто бы горшки этого типа дѣлались такъ: плелась коническая корзинка изъ тонкихъ прутиковъ или изъ шнурковъ; ее обмазывали внутри глиной, тщательно разглаживая внутреннюю поверхность будущаго горшка; сверху надъ корзинкой иногда прикрѣпляли вѣнчикъ, который или оставляли гладкимъ (въ большинствѣ случаевъ) или орнаментировали (рѣже) при помощи незатѣйливаго штампа. Затѣмъ будущій горшокъ ставили въ огонь и обжигали, причемъ, конечно, корзинка сгорала, оставляя на поверхности горшка бороздки и слѣды узелковъ (см. табл. XIII, черепки 1—5). Въ послѣдующихъ вышележащихъ слояхъ керамика этого типа смѣняется другой: обжигъ становится болѣе совершеннымъ, стѣнки тоньше и орнаментація богаче. Нѣкоторые сосуды почти сплошь покрыты орнаментомъ. Керамика верхняго слоя поражаетъ тонкостью стѣнокъ сосудовъ, совершенствомъ обжига и звонкостью, но зато въ отношеніи орнаментаціи наступаетъ какъ бы нѣкоторый регрессъ—сосуды почти не орнаментировались.

Классифицировать по слоямъ керамику пока еще до окончанія разборки и регистраціи находокъ не представляется возможнымъ, и поэтому приходится ограничиться лишь классификаціей ея по характеру орнаментаціи, придерживаясь *способа* нанесенія узора; для опредѣленія послѣдняго мною были произведены опыты, выяснившіе технику орнаментаціи керамики насельниками Уланъ-Хады.

Орнаментацію керамики по техникѣ нанесенія узора можно разбить на слѣдующіе типы: I — орнаментацію *штампомъ*, II — орнаментацію при посредствѣ *наложенія* матеріала, III — орнаментацію *стеками*, IV — орнаментацію при помощи *пальцевъ и ногтей* и V — орнаментацію *проколами* или *выдавливаніемъ*.

1. Орнаментація *штампомъ* самая распространенная среди всѣхъ другихъ; самой древней слѣдуетъ считать орнаментацію, нанесенную на черепки 5 и 17 (табл. XIII), такъ какъ она появляется уже въ X слоѣ на горшкахъ со слѣдами плетеній. Она наносилась маленькимъ штампомъ съ 3-мя, 4-мя или 5-ю острыми зубчиками; держали штампъ въ наклонномъ

положеніи. Изъ другихъ способовъ той же орнаментаціи отмѣчу: орнаментацію маленькимъ четырехугольнымъ штампомъ (черепокъ 18) или штампомъ въ видѣ лопаточки съ маленькими четырехугольными выступами (отъ 3 до 8-ми) на ребрѣ (череп. 8 и 13); въ обоихъ случаяхъ штампъ держали вертикально. Самой распространенной формой штампа является прямая широкая лопаточка, которую или, держа наклонно, вели по глинѣ непрерывно, нажимая то съ большей, то съ меньшей силой, отчего получался желобокъ съ углубленіями (череп. 30 и 33), или же держали вертикально и послѣ каждаго нажима отрывали, отчего получались ряды рубчиковъ (череп. 9 и 23). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этой лопаточкѣ придавалась острококонечная форма, отчего получались ряды уголковъ (череп. 31); въ иныхъ случаяхъ вырѣзывалась прямая лопаточка съ зубчиками (черепки 12, 22 и 29), или, наконецъ, лопаточка закруглялась и снабжалась зубчиками (череп. 27), или ею работали, не зазубривая ее (череп. 19 и 25). Самой простой формой штампа является палочка съ закругленнымъ концомъ, которою въ зависимости отъ ея формы, производились или круглыя ямочки (череп. 28 и 32) или овальныя (череп. 6, 16 и 26).

II. Орнаментація при посредствѣ *наложенія* производилась нанесеніемъ на горшокъ новаго матеріала, который накладывался въ видѣ валиковъ, параллельныхъ вѣнчику, и примазывался, причемъ валикамъ придавали различныя формы: иногда ихъ разрубали на части (череп. 8), иногда они оставлялись въ первопачальномъ видѣ (череп. 20 и 35), иногда же имъ придавали волнообразное положеніе (череп. 7); въ нѣкоторыхъ случаяхъ валикъ служилъ вставкой среди рисунка штампомъ (череп. 27).

III. При орнаментаціи *стеками* различной толщины и заостренности получались линіи различной толщины. Если стеки были заострены, то получались линіи, подобныя нанесеннымъ на черепки 10 или 22; если же онѣ были притупленныя, то линіи получались болѣе широкія, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ (череп. 14 и 15). Линіи, выцарапанныя стеками, располагались или крестъ-накрестъ, отчего горшокъ казался покрытымъ сѣткой (череп. 10), или группами параллельныхъ рядовъ (череп. 14, 15, 22 и 34), или зигзагами (череп. 29), или, наконецъ, волнистыми кривыми (череп. 31).

Этимъ же способомъ нарисовано изображеніе змѣи, описанное выше (рис. 19).

IV. Орнаментація безъ особыхъ инструментовъ производилась или *пальцемъ* или *ногтемъ*. Орнаментація перваго рода всегда наносилась на верхній край вѣнчика — или на его внутренней поверхности или на обѣихъ поверхностяхъ, отчего вѣнчикъ или дѣлался волнистымъ, или покрывался рядомъ углубленій, соотвѣтствующихъ величинѣ подушечки пальца (череп. 32). Орнаментація второго рода встрѣчается двухъ видовъ: одна,

произведенная надавливаніемъ ногтемъ (череп. 28), другая царапаніемъ ногтемъ (череп. 21). Слѣды, подобные послѣднему виду орнамента, могутъ получиться лишь въ томъ случаѣ, если въ глину слегка погрузить ноготь, затѣмъ вести ноготь, погруженный въ глину, въ горизонтальномъ направленіи и сразу оторвать его отъ орнаментируемой поверхности; часть глины, которую тащилъ за собою ноготь, образуетъ валикъ; этотъ валикъ подрѣзался слегка ногтемъ съ противоположной его стороны, и вновь повторялось предыдущее дѣйствіе; такимъ образомъ получалось нѣсколько рядовъ валиковъ, которые располагались группами.

V. При орнаментаціи *проколами* получались дырочки, назначеніе которыхъ двояко. Нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе крупныя, расположены всегда въ толстыхъ наиболѣе прочныхъ частяхъ вѣнчика и всегда парами въ діаметрально противоположномъ положеніи на кругѣ вѣнчика. Эти дырочки обычно не согласованы съ орнаментомъ и нарушаютъ его симметрію (черепки 4, 12, 13, 23). Предназначались онѣ, конечно, для продѣванія шнура, при помощи котораго горшокъ можно было подвѣшивать.

Но въ значительномъ большинствѣ случаевъ дырочки очень мелки и часто пронизываютъ вѣнчикъ въ тонкихъ и хрупкихъ его частяхъ, располагаясь въ одинъ рядъ параллельно его краю. Многія изъ этихъ дырочекъ даже не проходятъ сквозь всю толщу стѣнки вѣнчика, что совершенно исключаетъ какое бы то ни было ихъ утилитарное примѣненіе. Кромѣ того ихъ ряды всегда согласованы съ общимъ орнаментальнымъ замысломъ, что можетъ лишь увеличить увѣренность въ ихъ исключительно орнаментальномъ назначеніи (черепки 27, 31, 34, 35).

Орнаментація *выдавливаніемъ* производилась палочкой съ закругленнымъ концомъ, которою дѣлалась на внутренней поверхности горшка глубокая ямка, и тѣмъ самымъ выдавливалась часть глины наружной поверхности, на которой вслѣдствіе этого образовывалась выпуклина въ видѣ пузырька (череп. 24 и 29). Выпуклины, расположенныя въ одинъ или два ряда вокругъ вѣнчика, встрѣчаются обычно на горшкахъ съ утолщеннымъ и выступающимъ верхнимъ краемъ вѣнчика (череп. 16 и 24).

Кромѣ того, есть еще нѣсколько способовъ орнаментаціи, которые встрѣчаются лишь въ единичныхъ случаяхъ и здѣсь не будутъ приведены.

Всѣ вышеперечисленные способы орнаментаціи являются самыми характерными и встрѣчаются обычно въ видѣ комбинацій; такъ, напр., черепокъ 31 украшенъ орнаментикой I, III и V типовъ, черепокъ 27-ой — орнаментикой I, II и V типовъ, черепокъ 32-ый — I и IV и т. д.; ямки, желобки, линіи, выпуклины сочетаются во всевозможныхъ и самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ и располагаются гирляндами, углами, фесто-

нами, поражая глазъ наблюдателя художественностью композиціи, достигнутой такими простыми средствами.

Къ разряду орнаментальныхъ украшеній слѣдуетъ отнести также и вѣнчики горшковъ. Помимо того, что имъ придается очень часто какое-либо особое положеніе или изгибъ, отчего форма горшка, уклоняясь отъ обычной, дѣлается болѣе оригинальной и изящной, вѣнчики иногда имѣютъ верхній край волнообразный (череп. 11 и 12) или въ зубцахъ (череп. 14). Этотъ типъ вѣнчика не былъ еще найденъ ни на одной (изъ опубликованныхъ и извѣстныхъ мнѣ) неолитической стоянкѣ Сибири или Европейской Россіи.

Интереснымъ сооруженіемъ, связаннымъ, повидимому, самымъ тѣснымъ образомъ съ керамикой, являются особаго вида очаги, сложенные изъ плоскихъ плитъ гнейса. Каждый очагъ имѣетъ полъ, вымощенный плитами. Стѣны сложены изъ плитъ большаго размѣра, чѣмъ плиты пола, поставленныхъ наклонно такъ, что всѣ вмѣстѣ онѣ образуютъ фигуру, похожую на воронку или розетку. Эти очаги, надо думать, служили для обжиганія горшковъ: въ нихъ удобно вставить горшокъ съ круглымъ дномъ и, обложивъ его сучьями, обжечь. Считать это сооруженіе очагомъ для варки пищи нельзя, такъ какъ для этой цѣли требуется подкладывать огонь подъ котелъ, что совершенно невозможно сдѣлать на очагѣ этого вида, допускающемъ лишь обкладываніе вокругъ и сверху котла.

Объясненіе къ таблицамъ.

Таблица X.

Наконечники стрѣлъ.

1—10. Узко-ланцетовидные. **11—13.** Переходныхъ формъ. **14.** Узко-лавролистнаго типа. **15—17.** Четырехгранные узкіе. **18.** Штыковидной формы. **19—28.** Съ жальцами, изъ которыхъ одно длиннѣе другого. **29—34.** Съ одинаковыми жальцами. **35—40.** Переходныхъ формъ. **41.** Наконечникъ самаго распространеннаго типа. **42—46.** Въ формѣ равнобедренныхъ треугольниковъ. **47—56.** Переходныхъ формъ. **57.** Ромбондальной формы. **58—59.** Переходныхъ формъ. **60—68.** Съ насадомъ и жальцами. **69—71.** Изъ халцедона. **72—88.** Изъ кварца. **89—97.** Очень мелкіе наконечники. **98.** Незаконченный наконечникъ стрѣлы.

Украшенія: **99.** Подвѣска-украшеніе изъ слюдистаго сланца. **100—101.** Бусы изъ бѣлой массы.

Таблица XI.

Скребки.

1—9. Съ закругленнымъ скребущимъ краемъ. 10—12. Круглые въ видѣ дисковъ. 13—15. Маленькіе, круглые изъ халцедона. 16—20. Съ прямымъ скребущимъ краемъ. 21—22. Двойное орудіе—скребущее и колющее. 23—25. Скребки предыдущей формы, но не заостренные. 26—30. Полулунные. 31—35. Случайныхъ формъ.

36. Долото шлифованное.

37. Наконечникъ копья съ насадомъ.

Таблица XII.

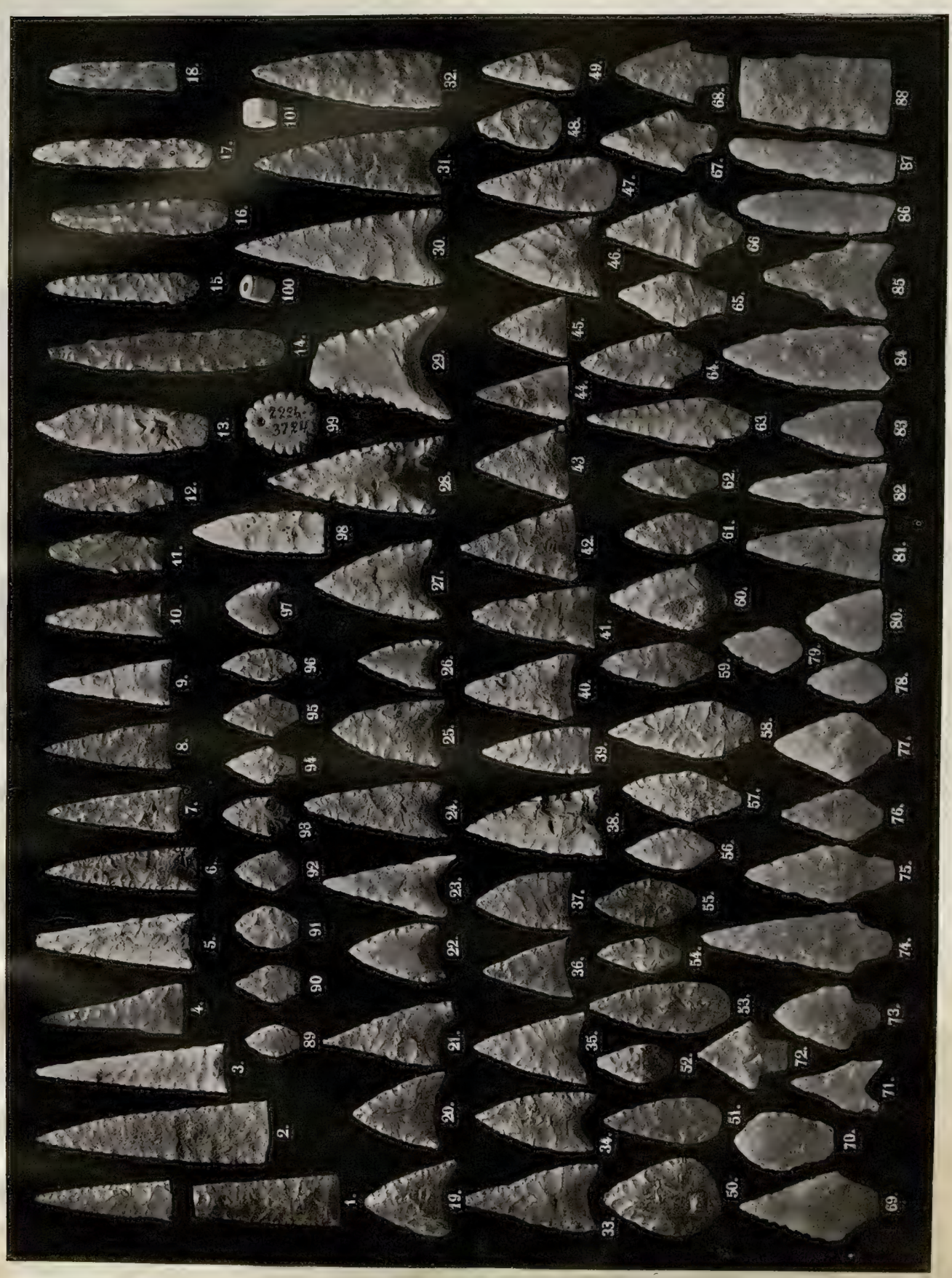
Удочки, пилки, шилья, буравы, нуклеусы, lames, наконечники копій.

1—2. Навертыши. 3—6. Шилья. 7—16. Lames. Нуклеусы: 17—22—конические, 23—24 — односторонніе, 25—29 — съ остреемъ. 30—34. Пилки. 35. Грузило для удочки. 36. Стерженекъ отъ крючка. 37—47. Острея отъ крючковъ. 48. Пила. 49. Треугольный типъ наконечника копья. 50. Лавролистный типъ. 51. Узко-стилетовидный типъ.

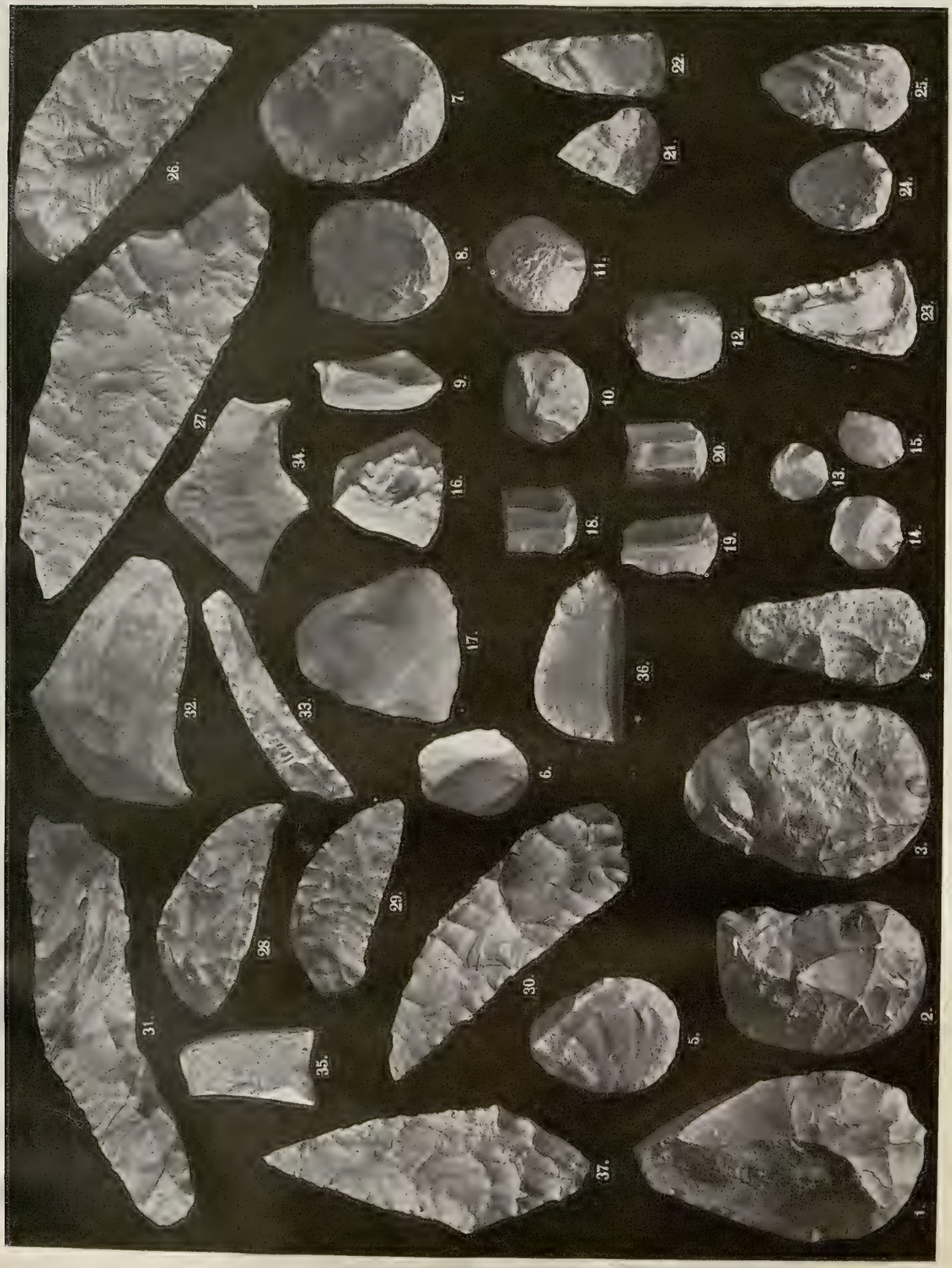
Таблица XIII.

Керамика.

1—3. Черепки со слѣдами плетенія. 4—5. Части вѣнчиковъ отъ горшковъ со слѣдами плетенія. 6. Черепокъ, орнаментированный ямками. 7—8. Съ накладнымъ орнаментомъ. 9. Орнаментированъ рубчиками. 10. Покрытъ перекрещивающимися штрихами. 11—12. Черепки отъ горшковъ съ волнообразнымъ краемъ вѣнчика. 13. Орнаментированный пунктиромъ. 14. Отъ вѣнчика съ зубчатымъ краемъ. 15. Орнаментированъ рубчиками. 16. Отъ горшка съ утолщеннымъ и выступающимъ краемъ вѣнчика. 17. Часть вѣнчика отъ горшка со слѣдами плетенія. 18. Орнаментированъ пунктиромъ. 19. Орнаментированъ штампомъ въ видѣ закругленной лопаточки. 20. Съ накладнымъ орнаментомъ. 21. Орнаментація при помощи ногтя. 22. Штампомъ. 23. Рубчиками. 24. Украшенъ выпуклинами. 25. Орнаментированъ штампомъ 26. Овальными ямками. 27. Дырочками, накладнымъ валикомъ и штампомъ. 28. Узоромъ, нанесеннымъ ногтями, и ямками. 29—31. Различными штампами. 32. Часть вѣнчика, украшеннаго ямками, сдѣланными пальцами. 33—34. Украшенъ штампомъ. 35. Валиками и дырочками.

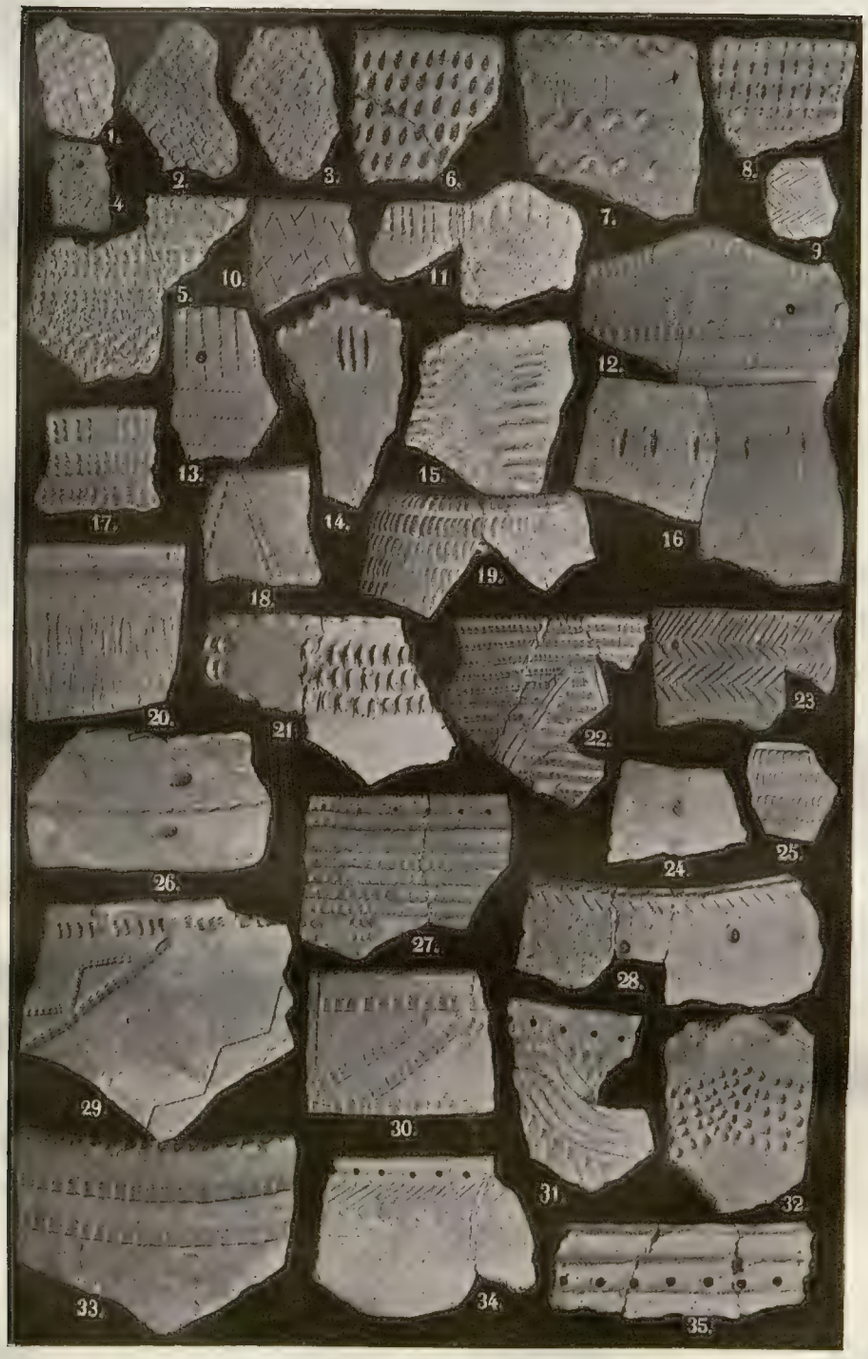


Наконечники стрѣлъ.


1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37.

Скребки.

Удочки, пилки, шилья, буравы, нуклеусы, lames, наконечники копій.


1.
2.
3.
6.
8.
4.
7.
9.
10.
11.
5.
12.
13.
15.
17.
14.
16.
19.
18.
20.
21.
22.
23.
26.
24.
25.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.

Керамика.

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТЕКА
№ 2

Музей Антропологии и Этнографии
Библиотека
№
Академии Наук СССР

Л. Я. Штернбергъ.

Античный культъ близнецовъ при свѣтѣ этнографіи [1].

Культъ близнечныхъ божествъ болѣе всего извѣстенъ изъ религій индо-европейскихъ народовъ, особенно древне-индусской и греко-римской. Въ дѣйствительности, въ той или другой степени, культъ этотъ игралъ роль въ религіяхъ всѣхъ античныхъ народовъ.

Въ древнемъ Египтѣ къ этому разряду божествъ причислялся самъ Озирисъ, центральная фигура египетскаго культа, первоначально родоначальникъ людей и богъ подземнаго царства, въ позднѣйшій періодъ возведенный въ рангъ самого верховнаго божества, — близнечный братъ своей близнечной божественной сестры Изиды и супругъ ея еще во чревѣ матери.

Въ древней Вавилоніи божественной парѣ близнецовъ поклонялись въ соединеніи съ такъ называемыми Sibitti — той таинственной «седьмицей духовъ подземнаго царства», передъ чарами которыхъ были безсильны самые могучіе боги. Вмѣстѣ съ этими Sibitti, которые, судя по ихъ признакамъ, представляли подобіе близнечнаго соединенія, пара близнецовъ изображалась на ритуальныхъ дощечкахъ и призывалась въ молитвахъ и заклинаніяхъ [2].

Въ Китаѣ, въ даосскомъ культѣ, находимъ общепочитаемыхъ близнецовъ «геніевъ Единства и Гармоніи» — такъ называемыхъ Хэ-хэ-эр-шэнь, и есть достаточное основаніе думать, что даже знаменитая философская доктрина объ универсальныхъ двухъ началахъ (мужескомъ и женскомъ) возникла изъ примитивнаго вѣрованія въ происхожденіе человѣчества отъ пары близнецовъ, ставшихъ супругами еще во чревѣ матери (какъ въ легендахъ объ Озирисѣ и Изидѣ, Яма и Ями и т. д.).

---

[1] Сообщеніе, сдѣланное авторомъ въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1 мая 1915 г.

[2] Одно изъ такихъ заклинаній («Сибитти, близнечной парой, заклинаю» и пр.) приведено у Ястрова, Die Religion Babyl. und Assyriens, II, 1, 119. См. также Zimmern, Beiträge zur Kenntniss der Babylonischen Religion, № 54, obv. 12 folg.

Слѣды этого культа мы находимъ и въ Библіи, именно въ разсказѣ о близнецахъ Исавѣ и Іаковѣ, имена которыхъ, согласно критической школѣ, представляютъ имена божествъ: Исавъ — божество охоты, а что касается Іакова, то самое имя его — сокращенное Iacob-el (Іаковъ-божество) — указываетъ на его культовую роль. Въ частности Исава отождествляютъ съ миѳическимъ героемъ Usöos, который, согласно Филону Библосскому, былъ богомъ охоты, въ то время какъ братъ его считался покровителемъ культуры и осѣдлой жизни, и это болѣе или менѣе совпадаетъ съ характеромъ двухъ братьевъ въ библейскомъ разсказѣ и въ легендахъ агады, въ которыхъ братья рисуются, подобно Ормузду и Ариману, представителями двухъ противоположныхъ началъ добра и зла[1].

Въ Индіи ведійскаго періода въ роли, подобной Озирису, въ качествѣ родоначальника человѣчества и бога подземнаго царства, находимъ опять-таки близнечное божество Yama, и тоже въ роли супруга своей близнечной сестры Yamī, которымъ, въ свою очередь, въ парсійской миѳологіи соотвѣтствуютъ такія же существа Jima и Jimeh[2]. Въ Индіи того же періода находимъ еще болѣе популярныя божества этого рода въ лицѣ небесныхъ наѣздниковъ, братьевъ-близнецовъ Аçвиновъ, рожденныхъ отъ Неба. Послѣ Индры, Агни и Сомы, они не только почитались самыми важными божествами, но часто даже отождествлялись съ Индрой и Агни, и культъ ихъ подъ разными именами сталъ достояніемъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ.

Величайшія божества Ирана Ормуздъ и Ариманъ, соотвѣтствующіе Митрѣ-Варунѣ Ригведъ, согласно зерванитской доктринѣ, родились «во времени безъ предѣла и были близнецами, зачатыми въ лонѣ одной и той же матери»[3].

Въ греко-римской религіи чаще всего подъ общимъ именемъ Діоскуровъ (отроковъ Зевса) мы находимъ цѣлый сонмъ самыхъ различныхъ близнечныхъ героевъ, начиная съ божествъ, какъ Аполлонъ и Артемида, Кастеръ и Полидевкъ, Борей и Зефиръ, Эринніи, Хариты и т. д., и кончая такими персонажами, какъ Миносъ и Радамантисъ, Ромулъ и Ремъ и т. д. Къ этой группѣ нѣкоторые (Eitrem) причисляютъ даже и личность Одиссея-Улисса. Судя по распространенности и обрядамъ ихъ культа, Діоскуры

---

[1] Ср. Budde, Biblische Urgeschichte, 217 и слѣд. (Евр. Энциклопедія подъ словами Исавъ и Яковъ).

[2] Поразительная тождественность роли Озириса и Ямы, въ качествѣ первыхъ людей и первыхъ смертныхъ, а потому и боговъ подземнаго царства, заслуживала бы особаго вниманія со стороны изслѣдователей сравнительной миѳологіи. Діоскуры, какъ извѣстно, тоже считались божествами хтоническими и часто именовались πρωτόγενοι—первородными. Вавилонскіе близнецы — тоже духи подземнаго царства.

[3] Darmesteter, Le Zend Avesta, 221.

безспорно были самыми популярными божествами среди народныхъ массъ и, какъ таковыя, перешли въ циклъ святыхъ христіанскихъ церквей (наши Косьма и Даміанъ, Флоръ и Лавръ, Борисъ и Глѣбъ и т. д.)[1]. — Въ частности, въ древне-италійской религіи даже такіе персонажи, какъ Юпитеръ и Юнона или ихъ прототипы Янусъ и Яна, по генезису своему должны быть причислены къ близнечному циклу.

Находимъ, наконецъ, близнечныхъ героевъ въ германской миѳологіи (Балдуръ и Гедуръ, нагарвальскіе юноши Тацита, англо-саксонскіе герои, Hengist и Horsa и др.), въ славянской (напр., герои-близнецы Валигоръ и Вырвидубъ), въ литовской (такъ хорошо разъясненные Маннгардтомъ литовскіе Діоскуры — dëva dëli dëvo sunélei, которые, подобно Аçвинамъ, прилетаютъ на своихъ коняхъ сватать дочь солнца), въ кельтской и т. д.

Нигдѣ, однако, культъ близнечныхъ божествъ не достигъ такого развитія и такой степени распространенія, какъ у индо-европейскихъ народовъ. Неудивительно, поэтому, что культъ этотъ — главнымъ образомъ, Аçвиновъ-Діоскуровъ — такъ сильно привлекалъ и продолжаетъ привлекать къ себѣ особенное вниманіе изслѣдователей сравнительно-арійской миѳологіи, и по справедливости можно сказать, что сюжетъ этотъ — въ значительной степени, конечно, благодаря обилію источниковъ — цѣлымъ рядомъ первоклассныхъ изслѣдователей, санскритистовъ и эллинистовъ, разработанъ съ исключительной полнотой и тщательностью [2]. Къ сожалѣнію, изслѣдователи не только исключили изъ своего поля зрѣнія всѣ факты, выходящіе за предѣлы индо-европейской миѳологіи, но и въ предѣлахъ послѣдней они ограничились почти исключительно одними Аçвинами-Діоскурами, причемъ съ чисто морфологической точки зрѣнія. Вотъ почему, несмотря на массу собраннаго матеріала, основные вопросы, связанные съ этимъ страннымъ и таинственнымъ культомъ, до сихъ поръ такъ же темны, какъ во времена Куна.

Долгое время все остроуміе изслѣдователей было направлено на то, чтобы рѣшить вопросъ о той или другой роли близнечныхъ божествъ въ солнечномъ миѳѣ или вообще въ явленіяхъ небеснаго свода. Одни, какъ Кунъ, отождествляли Аçвиновъ съ утренней и вечерней звѣздой, другіе (М. Мюллеръ) — съ утромъ и вечеромъ, третьи (Зоннe) — съ извивами молній, четвертые (В. Ѳ. Миллеръ) — съ солнцемъ и мѣсяцемъ и т. д. И если

[1] Ср. Вс. Миллеръ. Очерки арійской миѳологіи, I, Аçвины-Діоскуры, стр. 266 и сл.; Henri Gregoire, Saints jumeaux et dieux cavaliers (Bibliothèque hagiographique orientale), Paris, 1905; M. J. Rendel Harris, The Dioscuri in the Christian legends, London, 1903.

[2] Изъ сравнительно новѣйшихъ монографическихъ работъ по этому вопросу заслуживаетъ вниманія, по исключительному обилію матеріала, трудъ S. Eitrem, Die göttlichen Zwillinge bei den Griechen, Christiania, 1902; также Rendel Harris, The cult of the Heavenly Twins, Cambridge, 1906.

теперь, повидимому, communis opinio doctorum начинаетъ склоняться къ первоначальной версіи Куна и Велькера[1] объ утренней и вечерней звѣздѣ, то отъ этого вопросъ о психологической основѣ этого культа, какъ увидимъ, отнюдь не рѣшается. И это начинаютъ теперь понимать и сами изслѣдователи филологической школы. Къ сожалѣнію, и въ новѣйшее время, по старой традиціи, пытаются найти отвѣтъ на этотъ вопросъ чисто филологическимъ путемъ.

Такъ, такой крупный ученый, какъ Usener, генезисъ культа близнецовъ видитъ въ какой-то особой психологической тенденціи (Trieb) къ образованію близнечныхъ представленій (Zwillingsbildung). «Was in der Sprache,— говоритъ онъ,—das Doppelwort (санскрит. dvandva)[2], das ist für die Vorstellung in Sage und Bild die Zwillingsbildung[3]. И это—единственная, насколько мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, попытка филологической школы пойти дальше простого собиранія и сопоставленія индо-европейскаго матеріала и проникнуть въ психологическую основу этого культа. Между тѣмъ, при изученіи обширнѣйшаго матеріала, собраннаго и разработаннаго изслѣдователями-филологами, возникаетъ цѣлый рядъ крайне важныхъ и интересныхъ вопросовъ, которые не только не находятъ отвѣтовъ, но даже надлежащимъ образомъ не поставлены. Попробуемъ поставить эти вопросы.

1) Центральнымъ пунктомъ является, конечно, вопросъ о самомъ генезисѣ этого культа. Почему цѣлый рядъ божествъ обоготворяется именно какъ близнецы? Для филологической школы вопросъ разрѣшался очень просто: съ ея точки зрѣнія эти божества обоготворялись не потому, что они—близнецы, а потому, что играли ту или другую важную роль среди небесныхъ явленій; если же ихъ ассоціировали съ близнецами, то исключительно чисто символически, по простой ассоціаціи представленій, вслѣдствіе того, что эти явленія—парнаго характера (солнце и луна, вечерняя и утренняя звѣзда, день и ночь и т. п.).

Это объясненіе уже потому не выдерживаетъ критики, что близнечныя божества не всегда представлялись въ видѣ пары, а очень часто въ видѣ тройни (такъ называемые *tergemini*). Указанія на это мы находимъ у Цицерона (De Natura Deorum III, cap. 21, 53), гдѣ онъ перечисляетъ поименно тройственныхъ Діоскуровъ[4], у Павзанія (III, 24—5), который упоми-

[1] Cp. S. Eitrem, op. c., 1. So sicher es nun scheint, dass die Gottessöhne schon in den ältesten Zeiten mit dem Morgen- und Abendstern identifiziert worden sind... Впрочемъ, нѣкоторые, какъ Bethe и, повидимому, Велькеръ, теперь иного мнѣнія по этому вопросу.

[2] Dvandva—санскритскій терминъ для такихъ составныхъ словообразованій, какъ богочеловѣкъ, златокудрый и т. п.

[3] Usener, Zwillingsbildung въ юбилейномъ сборникѣ Strena Helbigiana, стр. 317—318. Usener, повидимому, склоненъ въ этомъ случаѣ видѣть своего рода Мюллеровскую «болѣзнь языка» («Bereitwilligung der Volkssprache» etc.).

[4] Срав. Gregoire, Saints jumeaux, стр. 67, цитирующаго упомянутое сочиненіе Harris'a.

нается о трехъ статуяхъ, изображающихъ близнечныхъ отроковъ Зевса. Въ частности, близнечныя Хариты и Горы изображались то въ двойственной, то въ тройственной формѣ [1]. Наконецъ, въ тройственной формѣ находимъ Діоскуровъ въ христіанской легендѣ [2]. И если чаще Діоскуры изображались въ видѣ пары, то просто потому, что тройни рождаются рѣже, чѣмъ парные близнецы, и потому нельзя утверждать, что именно парность явленій вызвала представленіе о близнецахъ.

Но самое существенное въ данномъ вопросѣ—это то, что парность такихъ явленій, какъ солнце и луна, вечерняя и утренняя звѣзда и т. д., менѣе всего должна вызывать ассоціацію съ близнецами. Безчисленное число фактовъ изъ миѳологіи первобытныхъ и античныхъ народовъ показываетъ, что парность ассоціируется—и совершенно логично—не съ близнецами, а съ *супругами* (солнце — мужъ, луна — жена; то же съ небомъ и землей и т. д.). И это совершенно понятно, потому что упомянутыя явленія—парныя только по количеству, а не по существу, и потому ихъ естественнѣе всего ассоціировать съ представителями различныхъ половъ. Правда, близнечныя божества обычно представляются въ видѣ противоположностей, но, какъ мы увидимъ ниже, отнюдь не вслѣдствіе различности ихъ роли въ небесныхъ явленіяхъ и не вслѣдствіе различія въ ихъ внѣшнемъ обликѣ.

А тотъ фактъ, что близнечныя существа представлялись и въ тройственной формѣ, показываетъ, что тѣ парныя небесныя явленія, съ которыми миѳологи обыкновенно ихъ ассоціируютъ, вовсе не первичная причина ихъ обоготворенія.

Ясно, такимъ образомъ, что въ разбираемомъ культѣ близнечность — отнюдь *не символъ* только опредѣленной категоріи божествъ, а существеннѣйшій ихъ признакъ, что основная причина этого культа кроется именно въ явленіи близнечности, съ которой народы древности связывали, повидимому, особыя религіозныя представленія. Каковы эти представленія, объ этомъ миѳологи не задумывались. Не выяснивъ этого основного вопроса, они оставили въ полномъ мракѣ цѣлый рядъ болѣе второстепенныхъ, но крайне важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ культомъ.

2) Прежде всего представляется крайне страннымъ, почему боготворимые близнецы обыкновенно рисуются какъ персонажи, во всемъ противоположные. Самое характерное въ этой чертѣ—это то, что одинъ изъ близнецовъ — смертный, другой — божественной, безсмертной природы, но въ то же время обоготворяются оба близнеца. Уже въ Ведахъ, гдѣ образъ близнецовъ Аçвиновъ вообще рисуется довольно смутно, оба близнеца различаются въ указанномъ смыслѣ; такъ, въ гимнѣ I, 181, 4 мы читаемъ:

[1] Bethe, ст. Діоскуры въ энциклопедіи Pauly-Wissowa.
[2] Примѣры у Harris'a и Gregoire'a.

«одинъ изъ васъ побѣдитель богатыря (т. е. *просто богатыръ*), другой блистательный, слыветъ *блаженнымъ сыномъ неба* (Діауса)» [1]; при всемъ томъ обычно оба величаются divo parātā — сынами неба, т. е. оба божественны, безсмертны.

Въ греческой миѳологіи это различеніе становится уже обычнымъ представленіемъ. Особенно ярко оно выражено въ миѳѣ о Касторѣ и Полидевкѣ, изъ которыхъ первый, какъ смертный, былъ убитъ и обреченъ на вѣчное пребываніе въ загробномъ мірѣ, и только вслѣдствіе самопожертвованія второго, безсмертнаго, оба брата, поочередно, пребывали то на Олимпѣ, то въ преисподней, и при всемъ различіи ихъ природы оба называются Διὸς κοῦροι — отроками Зевса. То же съ другими греческими близнецами: оиванскими — дѣтьми Зевса — Амфіономъ и Зетосомъ (первый смертенъ, другой безсмертенъ), мессенскими — смертнымъ Идасомъ и безсмертнымъ Линкеемъ — дѣтьми Посейдона, съ элидскими сросшимися близнецами, такъ наз. Моліонами, изъ которыхъ одинъ умираетъ, другой пребываетъ въ вѣчномъ блаженствѣ и т. д. Конечно, не образы парныхъ небесныхъ свѣтилъ, хотя бы и различныхъ, какъ солнце и луна или утренняя и вечерняя звѣзды, могутъ дать объясненіе этому противоположенію, ибо ясно, что каждое изъ свѣтилъ одинаково божественно и безсмертно.

Точно такъ же рѣзко различаются близнецы и въ другихъ отношеніяхъ. Ормуздъ — владыка свѣта, Ариманъ — тьмы. Исавъ — необузданный и воинственный добытчикъ звѣрей, Іаковъ — мирный пастухъ и любитель сѣни шатровъ. Балдуръ — свѣтлый и прекрасный, Гедуръ — слѣпой и безобразный. Амфіонъ — геніальный музыкантъ, двигающій камни своей игрой на лирѣ Гермеса, Зетосъ — простофиля, охотникъ [2]. Изъ близнечныхъ сестеръ Гарпій одна — прекрасна, другая — уродлива и страшна. Нѣжный и ласкающій Зефиръ и холодный, леденящій Борей... Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще много, но самые характерные и наиболѣе поучительные, именно съ точки зрѣнія генезиса близнечнаго культа, — это случаи, когда одинъ изъ близнецовъ оказывается даже нечеловѣческой природы. Такъ, согласно аркадской легендѣ, разсказанной Павзаніемъ, изъ двухъ близнецовъ, рожденныхъ Деметрой-Эринніей, одинъ оказался конемъ Аріономъ, другой — дѣвушкой Персефоной [3]. Точно такъ же отъ Горгоны-Медузы родились близнецы — Хрисаоръ и конь Пегасъ [4].

---

[1] Переводъ В. Миллера (op. c., 339), который по этому поводу нерѣшительно спрашиваетъ: «нельзя ли изъ этого выводить, что и у индусовъ были преданія, въ которыхъ оба брата различались, какъ смертный Касторъ и безсмертный Полидевкъ?»

[2] Любопытно наивное объясненіе этой противоположности у Eitrem'a (op. cit., 43), видящаго причину ея въ томъ, что «у оиванцевъ развито было раздѣленіе труда» (sic!).

[3] Pausanias, Arcadica, VIII, 25, 4 (у Миллера, 186) и Eitrem, 62.

[4] Hesiod, Theog., 279.

Противоположность природы и характеровъ близнецовъ обычно приводитъ къ борьбѣ и часто къ трагическому финалу. Ормуздъ — въ вѣчной борьбѣ съ Ариманомъ. Идасъ борется съ Линкевсомъ, и дѣло едва не кончается убійствомъ[1]. Исавъ боролся съ Іаковомъ еще во чревѣ матери. По Мидрашу, борьба шла за обладаніе міромъ, причемъ Исавъ убилъ бы Іакова, если бы не заступничество архангела Михаила. Ромулъ убиваетъ Рема въ борьбѣ за первенство; слѣпой Гедуръ убиваетъ свѣтлоликаго Балдура омеловой вѣткой и т. д. Характерна исторія трехъ греческихъ близнечныхъ паръ Бутеса и Ликурга, Скеллиса и Кассамепоса, Отоса и Эфіалта. У всѣхъ у нихъ одна общая судьба: одинъ изъ пары всегда погибаетъ. Въ первой парѣ Бутесъ убиваетъ самъ себя, а въ послѣднихъ двухъ одинъ братъ убиваетъ другого[2].

Откуда это противоположеніе близнецовъ? Обычный отвѣтъ: они олицетворяютъ контрастныя явленія небеснаго свода (утреннюю и вечернюю звѣзду и т. д.). Но вѣдь ничѣмъ не доказано, что даже у народовъ индо-европейскихъ *первоначально* культъ близнецовъ былъ связанъ именно съ обоготвореніемъ небесныхъ явленій.

Но даже съ точки зрѣнія теоріи парныхъ небесныхъ явленій отвѣтъ является совершенно необоснованнымъ. Среди этихъ явленій есть много парныхъ разнороднаго характера, какъ солнце и луна, земля и небо, разсвѣтъ и сумерки, день и ночь, тѣ же утренняя и вечерняя звѣзды, но *божественность* каждаго явленія одинаково признавалась античными народами.

За нѣкоторыми божествами этого рода, какъ, напр., за луной, признавалась, правда, способность временнаго умиранія, но съ непремѣннымъ возрожденіемъ, между тѣмъ какъ смертность одного изъ пары Діоскуровъ обычно изображается въ чисто человѣческомъ смыслѣ. И, наконецъ, если даже пожелать стать на точку зрѣнія филологической школы, при чемъ все-таки тутъ близнецы?

Почему близнецамъ именно, которымъ, по самой природѣ ихъ, скорѣе всего должна бы быть свойственна самая близкая сходственность признаковъ, почему имъ именно приписываются полная противоположность и антагонизмъ вплоть до фатальности взаимной между ними борьбы и гибели одного изъ нихъ?

Относительно послѣдняго момента — борьбы — правдоподобнымъ можетъ показаться объясненіе филологической школы, видящей здѣсь отраженіе кажущейся борьбы между свѣтомъ и тьмой, но тогда чѣмъ объяснить такіе случаи, какъ съ Озирисомъ и Изидой, Кастеромъ и Полидевкомъ,

---

[1] Ср. Миллеръ, op. c., 245.
[2] Eitrem, 51.

между которыми чувства братской любви — самыя трогательныя, вплоть до самопожертвованія?

3) Совершенно уже несообразнымъ со звѣздной или вообще небесной теоріей близнечныхъ божествъ является обычное отношеніе послѣднихъ къ людямъ, какимъ оно рисуется въ памятникахъ индо-европейскихъ народовъ. Какъ божества небесной сферы, Аśвины и Діоскуры должны были, казалось бы, стоять болѣе или менѣе далеко отъ всего земного. Между тѣмъ, среди всѣхъ божествъ — не только небесныхъ, но и земныхъ, даже такихъ близкихъ къ человѣку, какъ *агни* индусовъ — ни одно не рисуется въ такой интимной связи съ людьми, какъ близнечныя божества. За эту исключительную близость къ людямъ Аśвины вызвали даже пренебрежительное къ себѣ отношеніе со стороны другихъ божествъ. Въ одной легендѣ боги отказываются допустить Аśвиновъ къ своему жертвенному пиршеству, мотивируя это тѣмъ именно, что послѣдніе слишкомъ близко держатся къ людямъ, странствуя и занимаясь врачеваніемъ[1], а въ Mahabharat'ѣ Аśвины даже просто названы судр'ами, т. е. низшей кастой среди боговъ. И, дѣйствительно, по всему тому, что мы знаемъ про нихъ, Аśвины рисуются скорѣе — какъ люди, историческія фигуры, возведенныя въ рангъ божествъ, чѣмъ какъ урожденныя божества. Они, правда, обладаютъ сверхъестественными силами, но употребляютъ ихъ главнымъ образомъ на пользу людямъ: обычный эпитетъ Діоскуровъ — σωτῆρες — спасители. Аśвины даютъ благосостояніе, плодовитость, возстанавливаютъ молодость, помогаютъ при опасностяхъ на морѣ, во время войны, и — это ихъ главная спеціальность — являются искуснымъ врачевателями (въ Ведахъ даже называются врачами боговъ); въ Греціи не только сами Діоскуры фигурируютъ въ роли цѣлителей, но съ ними ассоціируются всѣ прочіе боги-цѣлители, въ томъ числѣ самъ Эскулапъ[2]. Они принимаютъ близкое участіе и въ обыкновенныхъ человѣческихъ дѣлахъ, запросто являются въ гости къ людямъ и принимаютъ участіе въ пиршествахъ. Такъ, Діоскуры гостили у Палифаеса въ Аргосѣ, у Лафанеса — въ Аркадіи, у Форміона — въ Спартѣ. Теоксеніи Діоскуровъ отличались особой интимностью и представляли излюбленную форму ихъ культа[3]. Греки были убѣждены, что на теоксеніяхъ Діоскуры не только присутствуютъ невидимо, но и могутъ являться въ тѣлесномъ образѣ въ видѣ всадниковъ на черныхъ коняхъ, и бывали случаи, когда недоброжелатели предательски пользовались этой вѣрой. Объ ихъ чудесахъ разсказываютъ, какъ объ историческихъ фактахъ, перечисляя имена исцѣленныхъ.

---

[1] Muir, Orig. Sanscrit Texts., V, p. 250 и слѣд., цит. у Миллера, 180.

[2] Ср. Eitrem, 92 и слѣд.; Deubner, De Incubatione, 56—109.

[3] Ср. Deneken. De Theoxeniis; также S. Reinach, Cultes, Mythes et Religions, t. II. Les Théoxenies et le vol des Dioscures.

Павзаній видѣлъ домъ, въ Спартѣ, въ которомъ жили Кастор̀ъ и Полидевкъ, когда были еще людьми; ему показывали могилу Идаса и Линкевса, точно такъ же какъ въ Θивахъ показывали могилу Амфіона и Зетоса (Eitrem, 43). У Гомера Діоскуры фигурируютъ еще просто, какъ люди (Тиндариды); какъ и люди, они охотятся, любятъ пѣніе и пляски... Цицеронъ еще называетъ ихъ tritopatores — предками, родоначальниками человѣчества (De Natura Deorum, III, cap. 21, 53).

Наконецъ, въ этомъ же отношеніи крайне характерна ихъ роль, какъ культурныхъ героевъ. Всюду они являются въ качествѣ строителей городовъ (Ромулъ и Ремъ — основатели Рима, Амфіонъ и Зетосъ — строители Θивъ и т. д.), законодателей (Ману), или же царей (ἄνακτες), въ каковой роли находимъ и Аçвиновъ («праведные цари», ср. Миллеръ, 247).

Во всемъ этомъ сказывается одна самая яркая и наиболѣе требующая объясненія черта близнечныхъ божествъ, именно *множественный и локальный* ихъ характеръ. Если нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ Озирису, Ямѣ, Ормузду, удается превратиться въ божества общенародныя, то въ большинствѣ случаевъ они представляются лишь нарицательными именами для цѣлаго ряда божествъ локальныхъ со своими спеціальными мѣстными названіями. Такъ оно было въ Греціи, о близнечныхъ божествахъ которой у насъ больше всего свѣдѣній, — въ Греціи, гдѣ не было ни одной даже маленькой области или города, которые не имѣли бы своихъ собственныхъ Діоскуровъ подъ своими мѣстными названіями. Эта-то множественность и локальность близнечныхъ божествъ, ихъ близость къ народу, легендарная «историчность», чисто земной характеръ ихъ дѣятельности особенно приводили въ смущеніе изслѣдователей филологической школы. Geldner[1] отказывается поэтому признать ихъ божествами солнечнаго характера, считая ихъ просто духами помощи (Nothheilige).

В. О. Миллеръ считалъ «историчность» Аçвиновъ результатомъ упадка ихъ культа, забывая, что ту же «историчность» находимъ въ Греціи, гдѣ, по его же словамъ (стр. 332), культъ Діоскуровъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ, и удивляется, почему «божественные близнецы столь популярны у индусовъ и не испытали судьбы Митры» (стр. 317).

Наконецъ, въ связи съ отношеніями близнецовъ къ людямъ, заслуживаютъ особаго вниманія — съ точки зрѣнія генезиса близнечнаго культа — слѣдующія двѣ особенности: а) Отношеніе близнецовъ къ половой жизни и плодородію. Такъ, Аçвины являются покровителями браковъ; они соединяютъ любящихъ, даютъ дѣтей безплоднымъ и даже возвращаютъ половую способность потерявшимъ ее. Греческіе близнецы — Горы помогаютъ при ро-

[1] Vedische Studien, 2, 31.

дахъ. Ромулъ—спеціальный хранитель здоровья и безопасности дѣтей и т. д. [1]
б) Другая черта—рѣдкая двойственность въ отношеніи къ людямъ. Они—специфическіе благодѣтели и спасители людей, но въ то же время внушаютъ послѣднимъ страхъ и требуютъ умилостивленія. Многимъ пришлось испытать мстительную силу Діоскуровъ, какъ Форміону и Аристоману, или даже цѣлымъ народамъ, какъ мессенцамъ, которые приписывали имъ свое пораженіе на войнѣ. Аполлонъ былъ благодѣтельнымъ божествомъ свѣта, но одновременно и страшнымъ истребителемъ стадъ. Типичны въ этомъ отношеніи близнечныя сестры Гарпіи, страшные демоны смерти, требовавшіе даже человѣческихъ жертвъ, но, тѣмъ не менѣе, благодѣтельствовавшіе отдѣльнымъ людямъ и государствамъ [2]. Пытаются (Rohde и др.) объяснить это тѣмъ, что Діоскуры — хтоническія божества и потому требуютъ умилостивительныхъ жертвъ. Но откуда самое представленіе о близнечныхъ божествахъ, какъ о существахъ хтоническихъ, — представленіе, создавшее изъ нихъ божествъ подземнаго царства, первыхъ умершихъ и родоначальниковъ человѣчества?

Не удовольствоваться же намъ толкованіемъ миѳологовъ, что одинъ изъ близнецовъ олицетворяетъ вечернюю звѣзду, обитающую тамъ, гдѣ солнце заходитъ и гдѣ начинается входъ въ подземный міръ!

4) Самая интересная и въ то же время самая темная черта близнечныхъ божествъ, особенно у индо-европейскихъ народовъ,—это характерный для нихъ *зооморфизмъ*. Правда, и многія другія божества иногда ассоціируются съ тѣми или другими животными, но основная ихъ природа все же остается антропоморфной; въ близнечныхъ божествахъ зооморфныя черты являются постоянной и характерной для нихъ особенностью.

Начнемъ съ индусскихъ близнецовъ — Аçвиновъ. Уже самая этимологія слова (açva — лошадь) достаточно указываетъ на ихъ зооморфную природу. Açvinau (двойств. отъ açvin)—латинское equini—имѣетъ двойное значеніе: либо «обладатели лошадей, наѣздники», либо «происходящіе отъ лошадей, дѣти лошади» [3].

И то и другое значеніе совершенно соотвѣтствуютъ тому, что намъ извѣстно объ Аçвинахъ и Діоскурахъ. И въ поэзіи и въ скульптурѣ какъ тѣ, такъ и другіе обыкновенно рисуются—какъ пара юношей, мчащихся на коняхъ (dieux cavaliers, какъ ихъ называютъ французы). Они — укротители коней и покровители коневодства и конскихъ состязаній; въ качествѣ тако-

---

[1] Ср. Миллеръ, op. c., 134, 180; Macdonell, Vedic Mythology, 52; Belege, Mythol. Lex., Sp. 2738 f.

[2] Ср. Eitrem, 5, 59.

[3] Ср. у Mannhardt'a Die lettischen Sonnengötter, 312 (Zeitschrift f. Ethnologie B. VII, 1875 г.): Ihr Name Açvinau mag er ursprünglich die beiden Pferdebesitzer oder Reiter, oder Söhne des Rosses bezeichnen...

выхъ они перешли даже въ христіанскую агіографію. Но въ то же время они и сами рисуются въ видѣ лошадей и какъ рожденныя отъ лошадей. Въ Mahabharat'ѣ Adiparva v. 2559 мы читаемъ, что мать Аçвиновъ имѣетъ видъ кобылы vadavā (Миллеръ, 187). Далѣе, изъ извѣстной легенды, приводимой Куномъ, мы знаемъ, что родители Аçвиновъ, Вивасватъ и Саранью, зачали ихъ, будучи обращены въ коня и кобылу, и, сопоставляя эти указанія съ цѣлымъ рядомъ другихъ близкихъ къ Аçвинамъ божествъ (напр., Uşas — утренняя заря), тоже конеподобныхъ, лучшіе изслѣдователи религіи Ведъ принимаютъ, что первоначально Аçвины представлялись чисто зооморфными существами и рисовались въ видѣ лошадей, причемъ нѣкоторые полагаютъ, что антропоморфированіе ихъ произошло въ индо-германское время[1].

Еще яснѣе, благодаря большому обилію памятниковъ, зооморфная природа близнецовъ выступаетъ въ Діоскурахъ. Обычнымъ эпитетомъ этихъ послѣднихъ служилъ терминъ, очень близкій индусскому açvinau (лошадные), именно λευκίπποι — обладающіе бѣлыми конями, бѣлоконные; ихъ потомство носило патронимическое названіе левкиппидовъ (т. е. происходящіе отъ бѣлоконныхъ) или тоже λευκίπποι (бѣлоконные), но наряду съ этимъ, и особенно въ религіозныхъ формулахъ, въ которыхъ обычно консервируются древнѣйшіе термины, они именуются, соотвѣтственно ихъ настоящей природѣ, просто бѣлыми конями, чаще всего бѣлыми жеребцами.

Такъ, въ недавно найденномъ фрагментѣ Антіопы, въ пророчествѣ Гермеса о будущей славѣ ѳиванскихъ близнецовъ, послѣдніе именуются λευκὼ πώλω Διός — два бѣлыхъ жеребца Зевса: λευκὼ δὲ πώλω τὼ Διὸς κεκλημένοι τιμὰς μεγίστας ἕξετ' ἐν Κάδμου πόλει[2].

И лучшіе эллинисты теперь не сомнѣваются, выражаясь словами Bethe, что «первоначально Діоскуры сами представлялись въ образѣ двухъ бѣлыхъ лошадей... и только впослѣдствіи бѣлыя лошади стали ихъ атрибутомъ, когда сами они, въ процессѣ антропоморфированія на эллинской почвѣ, приняли человѣческій образъ»[3].

Діоскуры не только сами лошади, но женятся на себѣ подобныхъ и такихъ же рождаютъ. Касторъ и Полидевкъ, равно какъ Идасъ и Линкевсъ, женятся на Левкиппидахъ, на Харитахъ, а Хариты тѣ же — hari, harita Ведъ — буланые кони колесницы Индры[4].

---

[1] Oldenberg, Die Religion des Veda, 73.

[2] Antiope, C. 55. Cunningham, Memoirs VIII; Eitrem. 12.

[3] Bethe, въ ст. Діоскуры § 5, Энцикл. Pauly-Wissowa. Bethe только напрасно приписываетъ процессъ антропоморфированія эллинскому періоду; этотъ процессъ имѣлъ мѣсто и въ періодъ созданія образа Аçвиновъ.

[4] Usener, Götternamen, 131 ff; Eitrem, 14, 22 (гдѣ доказывается тождественность Харитъ и Левкиппидовъ)

Борей и Зефиръ женаты на близнечныхъ сестрахъ Гарпіяхъ, рождающихъ имъ лошадей (Eitrem, 58). У Гомера Борей самъ въ образѣ черногривой лошади съ кобылами Эрихтонія производитъ на свѣтъ 12 жеребцовъ. И такихъ примѣровъ съ греческими близнецами очень много. Греческія представленія въ этомъ отношеніи отнюдь не одиноки въ индо-европейской миѳологіи. У литовцевъ Маннгардтъ нашелъ близнечныя божества, аналогичныя Аçвинамъ-Діоскурамъ, которыя именуются «лошадками Луны»; въ англо-саксонской миѳологіи близнечные герои носятъ названіе Hengist и Horsa—одна этимологія которыхъ (Hengst—то же, что греческое πῶλος—жеребецъ; horsa — лошадь) достаточно опредѣленно указываетъ на зооморфическія представленія, связанныя съ этими героями. Любопытно, что вавилонскіе близнецы, о которыхъ мы упоминали выше, тоже ассоціируются съ лошадьми. По крайней мѣрѣ, тѣ семь божествъ, вмѣстѣ съ которыми они призываются въ заклинаніяхъ, рисуются въ видѣ лошадей[1].

Близнецы ассоціируются въ индо-европейской миѳологіи съ цѣлымъ рядомъ другихъ животныхъ, кромѣ лошадей. Такъ, близнецы Миносъ и Радамантисъ рождаются отъ Европы и Зевса въ образѣ быка, но это животное, впрочемъ, играетъ незначительную роль въ близнечномъ культѣ.

Зато выдающуюся роль играютъ волки. Аçвины въ Ведахъ являются хозяевами-покровителями волковъ и защитниками отъ нихъ. Весьма характерна по отношенію къ Аçвинамъ исторія съ Риджраçвой, который былъ ослѣпленъ своимъ отцомъ за то, что зарѣзалъ для волчицы 101 овцу. Аçвины, въ вознагражденіе за эту щедрую жертву покровительствуемому ими животному, вернули ему зрѣніе (Миллеръ, 240—242). Хозяева волковъ въ позднѣйшее время, Аçвины первоначально, несомнѣнно, и сами рисовались въ образѣ волковъ, какъ въ другихъ случаяхъ — въ образѣ лошадей.

Въ греческой миѳологіи ассоціацію Діоскуровъ съ волками можно усмотрѣть даже въ именахъ героевъ близнечнаго культа. Такъ, имя мужа Антіопы и отца близнецовъ-алоадовъ — Ликосъ (волкъ). эпитетъ Аполлона — λυκεῖος (волчій), имя одного изъ мессенскихъ Діоскуровъ — Линкевсъ отъ λυγξ—рысь, которая отождествляется съ волкомъ за зоркость зрѣнія и т. д. Лэто, мать Аполлона и Артемиды, принимаетъ видъ волчицы. Но наиболѣе рельефно выступаетъ роль волка въ легендѣ рожденія близнецовъ Ромула и Рема. Обычно эта исторія передается въ томъ видѣ, что мать близнецовъ, Рея Сильвія, идя за водой къ священному источнику, въ рощѣ Марса, бога-покровителя волковъ, была загнана волками въ пещеру, гдѣ ее находитъ самъ Марсъ, и отъ него она рождаетъ близнецовъ, которые впослѣд-

---

[1] «Auf Bergen aufgewachsene Rosse sind sie». Jastrow, o. c., I, 282.

ствіи вскармливаются волчицей. Совершенно справедливо даже представители филологической школы считаютъ эту версію позднѣйшей. «Волчица, вскормившая близнецовъ грудью,— говоритъ В. Ѳ. Миллеръ,—была первоначально настоящая ихъ мать, соотвѣтствовала волчицѣ Лэто. Волкъ, считавшійся животнымъ Марса, былъ самъ богъ въ звѣриномъ образѣ» (Миллеръ, 222).

Въ русской миѳологіи мотивъ волка, въ связи съ близнецами, находимъ въ сказкѣ о Валигорѣ и Вырвидубѣ, которые родились въ лѣсу и вскормлены были одинъ волчицей, а другой — львицей [1].

Діоскуры и Аѳвины рисуются еще въ одномъ зооморфномъ образѣ, именно, въ видѣ людей-лебедей,—подобно германскимъ валькиріямъ, которыя имѣли тѣло лебедей, но во всякое время могли снять съ себя лебяжью оболочку и принять образъ женщины.

По одной легендѣ, Діоскуры родились изъ яйца и являются дѣтьми Зевса, превратившагося въ лебедя, и Леды. Лошади Аѳвиновъ называются въ Ведахъ haṃsa, что означаетъ въ санскритскомъ, между прочимъ, лебедя. Близнецы Аполлонъ и Кикносъ—какъ уже можно судить по самому названію послѣдняго — люди-лебеди [2].

Какую роль зооморфный элементъ игралъ въ созданіи культа близнецовъ, это въ изслѣдованіяхъ филологической школы остается совершенно темнымъ. Даже Маннгардтъ, который такъ много сдѣлалъ для выясненія зооморфныхъ чертъ Діоскуровъ, склоненъ эти черты объяснять символически въ связи съ солнечнымъ миѳомъ. Образъ лошади, по его мнѣнію, долженъ олицетворять лучи солнца [3].

Съ солнцемъ нѣкоторые, какъ К. Миллеръ, Воеводскій и др., ассоціируютъ также и волка: зоркость волка, солнце-волкъ поѣдаетъ тучи-коровъ и т. д.

Максъ Мюллеръ еще проще пытается истолковать зооморфическія легенды, какъ возникшія впослѣдствіи для объясненія происхожденія термина açvinau (лошадныя). Подобное объясненіе, связанное якобы съ такъ называемой «Volksetymologie», готовъ допустить даже такой представитель антропологической школы, какъ Лангъ, но онъ, впрочемъ, допускаетъ и вліяніе первобытной идеи культа животныхъ [4]. Это вліяніе культа животныхъ въ болѣе рѣшительной формѣ признаетъ и Рейнакъ въ упомянутой

---

[1] Повѣрья и преданія народовъ слав. племенъ, изд. Ворцевскимъ (стр. 112—116). Ср. также Аѳанасьевъ, Сказки русск. народа, т. 2, стр. 100 (Дубыня и Горыня).

[2] Cp. Sal. Reinach, Cultes, Mythes et Religions, II, 53 и слѣд.

[3] Der Name Açvinau führt uns wieder die Lichtstrahlen in der Auffassung als Rosse vor Augen. Mannhardt, op. cit., 312.

[4] Lang. Myth. Ritual and Religion, II. 179.

статьѣ Les Théoxénies et le vol des Dioscures[1], но въ какой связи эта идея стоитъ къ культу близнецовъ, на этомъ оба представителя антропологической школы не останавливаются.

Наконецъ, еще нѣкоторыя другія черты заслуживаютъ быть отмѣченными, какъ весьма характерныя для античныхъ близнецовъ и въ то же время остающіяся безъ объясненія.

Прежде всего *мотивъ похищенія женщинъ*. Не приходится приводить отдѣльные примѣры, потому что вся исторія Аѳвиновъ, и особенно героевъ греческаго близнечнаго культа, полна эпизодами похищенія или исчезновенія женщинъ. Этотъ мотивъ обычно готовы объяснить тѣмъ, что бракъ посредствомъ похищенія былъ будто бы обычной формой брака въ древней Греціи, какъ въ древности вообще[2]. Въ дѣйствительности, эта гипотеза «хищническаго брака» подвергнута весьма основательному сомнѣнію, и, во всякомъ случаѣ, она не объясняетъ, почему именно близнечные герои выступаютъ въ роли похитителей женщинъ par excellence.

Далѣе, заслуживаетъ вниманія неизмѣнный мотивъ бѣгства и преслѣдованія въ исторіи матерей близнецовъ. Сарапью, послѣ рожденія первыхъ близнецовъ — Яма и Ями, убѣгаетъ отъ Вивасвата; мать мессенскихъ Діоскуровъ, Антіопа, попадаетъ въ темницу и подвергается преслѣдованіямъ, Лэто бѣжитъ отъ Геры, а Рея, мать Ромула и Рема, не только преслѣдуется царемъ Амуліемъ, но подвергается смертной казни. Судьба близнецовъ послѣ рожденія — тоже трагическаго характера. Антіопа, преслѣдуемая, вынуждена бросить своихъ дѣтей на произволъ судьбы, и они спасаются только благодаря тому, что ихъ находятъ пастухи, которые даютъ имъ имена и воспитываютъ. Ромулъ и Ремъ тоже осуждены на гибель и спасаются волчицей, ихъ вскормившей. Славянскіе близнецы Вырвидубъ и Валигоръ, покинутые матерью, какъ мы видѣли, тоже вскармливаются звѣрями — волчицей и львицей. Но и впослѣдствіи жизнь близнецовъ продолжаетъ носить трагическій характеръ. Какъ Аѳвины, такъ и Діоскуры — персонажи вѣчно странствующіе, вѣчно посящіеся по бѣлу свѣту (богистранники); въ качествѣ культурныхъ героевъ, они всегда являются работниками не на своей родинѣ, а на чужбинѣ, гдѣ фигурируютъ, какъ мы видѣли выше, въ роли основателей городовъ (Амфіонъ и Зетосъ, Аполлонъ, Посейдонъ, Ромулъ и Ремъ) и царей.

Послѣдній мотивъ, мотивъ «царей», заслуживаетъ особеннаго вниманія. Этотъ мотивъ мы находимъ и у Аѳвиновъ, и у греческихъ близнецовъ, и не какъ случайный эпизодъ, а какъ характерный признакъ, какъ бы

---

[1] Op. cit., стр. 53.
[2] Ср. Eitrem, 13.

органически связанный съ ними, именно какъ съ близнецами. Царскія роли Ромула и Рема, Амфіона и Зетоса и т. д. могли бы быть связанными со случайными авантюристскими наклонностями этихъ близнечныхъ героевъ, но никакъ нельзя объяснить случайностью тотъ фактъ, что оба царствующихъ дома въ Спартѣ вели свое происхожденіе отъ двухъ близнецовъ — Эврисѳена и Прокла, сыновей Аристодема, которые, въ свою очередь, были зачаты на похищенныхъ ими близнечныхъ сестрахъ, Лаоріи и Анаксандрѣ, имѣвшихъ свой алтарь за храмомъ Ликурга и — что очень характерно въ связи съ зооморфизмомъ близнечнаго культа — ведшихъ свое происхожденіе отъ сына Геракла по имени Κτήσ-ιππος[1], что̀ буквально означаетъ то же, что Асвинъ, т. е. обладатель лошадей. Недаромъ, культовое имя Діоскуровъ было ἄνακτες — цари.

Таковъ цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ культомъ близнецовъ въ античныхъ религіяхъ и до сихъ поръ не нашедшихъ себѣ отвѣта ни въ многочисленныхъ трудахъ миѳологовъ-классиковъ, ни даже у изслѣдователей первобытныхъ вѣрованій этнографической школы, которые, впрочемъ, генезису культа близнецовъ не удѣлили никакого вниманія. Между тѣмъ данныя этнографіи, несмотря на сравнительную еще недостаточность матеріала по этому вопросу, могутъ, думается мнѣ, уже и теперь удовлетворительно отвѣтить на поднятые вопросы.

Къ анализу этихъ данныхъ мы и перейдемъ[2].

II.

Первый и основной вопросъ нашей проблемы сводится къ тому, является ли, какъ думаетъ филологическая школа, близнечность лишь впѣшнимъ символомъ, антропоморфнымъ образомъ парныхъ божествъ, культъ которыхъ возникъ внѣ всякой зависимости отъ близнечнаго ихъ рожденія, а исключительно въ связи съ той или другой ролью ихъ среди небесныхъ свѣтилъ и другихъ явленій природы, либо же въ самомъ явленіи близнечности кроется основа интересующаго насъ культа?

Мы уже видѣли, что даже a priori первая гипотеза, являющаяся

---

[1] Pausanias 3, 16, 6, у Eitrem'a 24, пр. 38.

[2] Болѣе или менѣе подобранный матеріалъ объ отношеніи къ близнецамъ у «первобытныхъ» народовъ можно найти у Haberland'a въ его статьѣ «Der Kindermord, als Volkssitte» (Globus, B. XXVII, стр. 59, 72); у Ploss'a, Das Kind (посмертное переработанное и дополненное изданіе д-ра B. Renz, 1911 г.), стр. 145—159 (большой матеріалъ, въ основу котораго положена ст. Haberland'a, но совершенно неправильно освѣщенный); у Фрэзера, The Magic Art, т. I, стр. 262 и слѣд. (главнымъ образомъ иллюстрація вліянія близнецовъ на погоду и водные элементы); вопросъ о генезисѣ культа у него, какъ и у Ploss'a, совершенно не затронутъ.

исходнымъ пунктомъ не одной филологической школы[1], не выдерживаетъ критики.

Данныя этнографіи даютъ на нашъ вопросъ ясный и категорическій отвѣтъ. У всѣхъ примитивныхъ народовъ, у которыхъ констатированъ, въ той или другой формѣ, или степени, культъ близнецовъ, обоготворяются первоначально не тѣ или другія парныя явленія природы, въ образѣ близнецовъ, а сами близнецы, т. е. человѣческіе индивиды, родившіеся близнецами, и притомъ не какіе-нибудь исключительные ихъ представители, а *близнецы вообще: каждый случай рожденія близнецовъ—поводъ къ созданію новаго объекта культа; каждый близнецъ уже отъ рожденія, и въ силу рожденія, существо божественное,—во всякомъ случаѣ существо сверхъестественное, демоническое.* Культъ близнецовъ, такимъ образомъ, съ неба переносится на землю, культъ свѣтилъ становится культомъ обоготворенныхъ людей. Правда, и у примитивныхъ народовъ мы встрѣчаемъ примѣры ассоціаціи небесныхъ свѣтилъ съ близнецами. Такъ, напримѣръ, у племени бакапри въ Бразиліи мы находимъ два близнечныя божества въ роли культурныхъ героевъ Кери и Каме, имена которыхъ означаютъ (въ араукапскихъ діалектахъ) солнце и луну. Но первоначальное происхожденіе ихъ, несомнѣнно, чисто земное. У племени Kadjuveo въ Бразиліи до сихъ поръ сохранился въ полной примитивности настоящій культъ лицъ, родившихся близнецами[2]. Такой же культъ сохранился у многихъ другихъ народовъ Южн. Америки, въ томъ числѣ и у культурныхъ перуанцевъ. Обоготворяемые при жизни близнецы могутъ, какъ мы это увидимъ на многихъ примѣрахъ ниже, въ извѣстныхъ случаяхъ послѣ смерти переноситься ихъ поклонниками на небо, но основа ихъ обоготворенія—въ близнечномъ рожденіи на землѣ. И это — общая психологія не однихъ только примитивныхъ народовъ. Слѣды этой первичной психологіи не такъ трудно найти еще и теперь даже у народовъ европейскихъ.

Позволю себѣ для иллюстраціи привести одинъ давно извѣстный въ литературѣ примѣръ[3] поразительной тождественности основныхъ воззрѣній въ интересующемъ насъ вопросѣ у двухъ народовъ, относительно которыхъ о возможности взаимнаго заимствованія не можетъ быть и рѣчи. Я говорю о перуанцахъ и древнихъ германцахъ. Въ древнемъ Перу одинъ изъ близне-

---

[1] Извѣстный этнологъ Шурцъ, напримѣръ, тоже связываетъ культъ близнецовъ съ солнечнымъ мифомъ, съ элементами свѣта и тьмы. (См. его Urgeschichte der Kultur, 1900, стр. 578).

[2] Богатая коллекція предметовъ этого культа, собранная А. Фричемъ среди Gajucuru, отрасли племени Kadjuveo, хранится въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи при И. Академіи Наукъ.

[3] Впервые приведенъ у Haberland'a въ указанной выше работѣ. Свѣдѣнія Haberland'a о перуанцахъ дополнены мною на основаніи другихъ данныхъ.

цовъ не только у людей, но и у животныхъ (напр., ламъ), считался сыномъ бога молніи, владыки и творца дождя. Поэтому, по словамъ Бастіана, близнецы и ихъ мать почитались «huaca» (священными). Ихъ вѣнчали цвѣтами, торжественно носили по улицамъ среди плящущаго народа, и въ честь матери слагались хвалебные гимны. При жизни, къ близнецамъ относились, какъ къ существамъ, отъ которыхъ зависитъ дождь и засуха, морозъ и тепло. Когда близнецы умпрали въ дѣтствѣ, они хоронились въ особыхъ урнахъ, и держали ихъ въ домахъ какъ святыни, которымъ оказывали постоянное поклоненіе [1].

Послѣ принятія христіанства, перуанцы, сохранивъ свое старое вѣрованіе въ происхожденіе близнецовъ отъ бога молніи и дождя, стали давать каждому близнецу имя св. Іакова (Santiago), отождествляемаго ими съ богомъ молніи, очевидно подъ вліяніемъ испанцевъ, у которыхъ съ этимъ святымъ связываются такія же представленія, какъ у насъ съ Ильей пророкомъ, такъ что церкви пришлось даже, во избѣжаніе соблазна, запретить въ концѣ концовъ давать дѣтямъ имя св. Іакова [2].

И вотъ, такое же воззрѣніе *объ участіи бога молніи* въ рожденіи близнецовъ существовало у древнихъ германцевъ. Еще и теперь по отношенію къ женщинѣ, родившей близнецовъ, въ Англіи говорятъ: «She has had Martin's hammer knocking at her wicket»—св. Мартинъ своимъ молотомъ ударилъ въ ея окно. Если принять во вниманіе, какъ справедливо указываетъ Haberland, что св. Мартинъ замѣнилъ древне-германскаго бога грома, а молотъ этого послѣдняго, какъ это доказалъ Маннгардтъ, игралъ фаллическую роль, то смыслъ приведеннаго англійскаго выраженія становится совершенно яснымъ, являясь отголоскомъ старинаго вѣрованія древнихъ германцевъ въ происхожденіе близнецовъ отъ бога грома [3].

А что у древнихъ германцевъ существовалъ культъ близнецовъ, достаточно свидѣтельствуетъ сообщеніе Тацита о нагарвальскихъ юношахъ, культъ коихъ онъ уподобляетъ культу Кастора и Поллукса и о которыхъ характерно выражается: ut fratres tamen ut juvenes venerantur (Germania, 43). Балдуръ и Гермодръ, по Маннгардту, повидимому, соотвѣтствуютъ этимъ братьямъ Тацита.

Приведенные примѣры крайне поучительны еще въ другомъ отношеніи. Въ нихъ съ особенной ясностью мы можемъ видѣть тотъ естествен-

---

[1] J. G. Müller, Geschichte der amerikanischen Urreligionen, стр. 370; Rivero and Tschudi, Peruvian Antiquities; N. J. 1854, стр. 173 (у Haberland'a, Der Kindermord als Volkssitte. Globus, XXXVII, 72).

[2] P. J. de Arriaga, Extirpacion de la idolatria del Peru (Lima, 1621), стр. 16. слѣд.; у Фрэзера. The Magic Art, I, 266 и слѣд.

[3] A. Kuhn, Sagen, Gebräuche ... aus Westfalen. Leipzig, 1859, B. II, 98; Mannhardt, Zeitschrift f. deutsche Mythologie, B. III. 86 ff. (Haberland. op. cit., 72).

ный процессъ, благодаря которому культъ обоготворенныхъ при жизни близнецовъ въ концѣ концовъ, при извѣстныхъ условіяхъ (когда, какъ въ данномъ случаѣ, рожденіе близнецовъ связано съ небеснымъ божествомъ молніи), переносится на небо и начинаетъ ассоціироваться съ той или другой парой небесныхъ свѣтилъ.

Теперь передъ нами другой вопросъ. Какимъ образомъ могла возникнуть у самыхъ различныхъ народовъ эта странная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти универсальная идея обоготворенія близнецовъ? Почему рожденіе ихъ связывается, какъ мы видѣли въ приведенныхъ примѣрахъ и увидимъ дальше въ цѣломъ рядѣ другихъ примѣровъ у самыхъ различныхъ народовъ земли, обязательно съ тѣмъ или другимъ сверхъестественнымъ существомъ? Подобное воззрѣніе въ свою очередь, очевидно, должно быть связано съ особымъ представленіемъ первобытнаго человѣка о причинахъ, вызывающихъ рожденіе близнецовъ. Дѣйствительно, представленіе это совершенно своеобразное.

Какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя данныя, собранныя по этому вопросу, примитивные народы убѣждены въ томъ, что рожденіе близнецовъ не можетъ быть результатомъ *индивидуальнаго* оплодотворенія. Отъ одного отца заразъ не можетъ родиться болѣе одного ребенка. Такимъ образомъ, въ рожденіи близнецовъ непремѣнно, кромѣ отца, должно участвовать, по крайней мѣрѣ, еще одно лицо. При этомъ одни, напримѣръ, нѣкоторыя племена Южной Америки (люлс, салива, индѣйцы на Ориноко и др.) считаютъ соучастникомъ въ рожденіи близнецовъ тайнаго любовника матери. Подобныхъ воззрѣній не были чужды древніе греки и римляне. Такъ, напримѣръ, александрійскій врачъ Эразистратъ, жившій приблизительно за 300 лѣтъ до Р. Х., высказывался за то, что рожденіе близнецовъ возможно только какъ результатъ оплодотворенія женщины двумя лицами[1].

Еще опредѣленнѣе мнѣніе Плинія старшаго, который иллюстрируетъ свое воззрѣніе примѣромъ, когда одинъ изъ близнецовъ лицомъ походитъ на отца, другой на любовника матери[2].

Нечего говорить о томъ, что мнѣніе какъ ученаго грека, такъ и его римскаго товарища отражало только обычныя народныя воззрѣнія.

Но самымъ распространеннымъ какъ у первобытныхъ, такъ и болѣе культурныхъ народовъ мнѣніемъ является то, по которому соучастникомъ по рожденію близнецовъ бываетъ не человѣкъ, а существо особаго порядка, то или другое доброе или злое божество, тотъ или другой духъ, а—при культѣ животныхъ — то или другое изъ послѣднихъ. Отъ людей, со сколькими бы

---

[1] Sprengel, Geschichte d. Medizin im Altertum, B. I, 529 (у Haberland'a, op. cit., стр. 72).
[2] Ibid. 275.

мужчинами женщина не состояла въ связи, близнецы рождаться не могутъ. Въ этомъ убѣждаетъ первобытнаго человѣка его наивный непосредственный опытъ. У огромнаго большинства первобытныхъ обществъ широко практикуются и часто даже въ узаконенной формѣ поліандрическіе нравы, между тѣмъ рожденіе близнецовъ является рѣдкимъ исключеніемъ. Съ другой стороны, безъ участія человѣка-мужчины женщина, обычно, рожать не можетъ. Изъ этого естественный выводъ, что соучастникомъ въ половой связи съ матерью близнецовъ, помимо мужа, должно быть существо нечеловѣческое, какой-нибудь духъ, какое-нибудь даже животное[1]. Въ этомъ воззрѣніи нѣтъ ничего страннаго для монистической психологіи примитивнаго человѣка, который все окружающее одинаково одушевляетъ и очеловѣчиваетъ, не видитъ никакой рѣзкой грани между собой и предметами или явленіями окружающаго міра и, наконецъ, создаетъ духовъ по образцу и подобію своему. Духи для него не только человѣкоподобны, но чаще всего и человѣческаго происхожденія: вѣдь и собственные сородичи человѣка послѣ смерти, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ это мы увидимъ на примѣрѣ гиляковъ, становятся соплеменниками божественныхъ духовъ. Что же удивительнаго, если между духами и людьми возникаютъ половыя связи? Фольклоръ самыхъ различныхъ народовъ земли полонъ разсказовъ, передаваемыхъ съ подлинной вѣрой, о такихъ связяхъ не только между людьми и духами, но между людьми и животными. Ученіе объ инкубахъ дошло почти вплоть до нашего времени. Даже въ Библіи мы находимъ наивный разсказъ о подобныхъ связяхъ между духами («сынами Божьими») и людьми («сынами человѣческими»). Въ книгѣ Бытія (гл. 6, стих. 1—4) читаемъ: «И было, когда люди начали размножаться по лицу земли и дочери родились у нихъ, сыны Божіи увидѣли, что дщери человѣческія прекрасны, и они взяли себѣ въ жены тѣхъ, кого они себѣ выбрали... Въ тѣ дни существовали гиганты на землѣ: именно послѣ того, какъ сыны Божіи сошлись съ дочерьми человѣческими, онѣ родили имъ дѣтей, которыя стали могучими людьми древности, людьми прославившимися» (т. е. гигантами).

Но духи бываютъ разные—какъ по своей роли въ природѣ, такъ и—что особенно важно—по своему отношенію къ человѣку. Въ зависимости отъ характера того или другого сверхъестественнаго существа вытекаетъ соотвѣтственное отношеніе къ близнецамъ и ихъ родителямъ. Въ одномъ случаѣ, когда виновникомъ является существо зловредное, первобытный человѣкъ, какъ увидимъ ниже, принимаетъ мѣры, предохраняющія отъ злыхъ послѣдствій обрушившагося на него несчастія, въ другомъ—если это существо благодѣтельное—возникаетъ тотъ или другой *культъ*.

[1] Интересно отмѣтить, что женщинъ, родившихъ близнецовъ, во многихъ мѣстахъ сравнивали съ животными, рожающими сразу много дѣтенышей. Ср. Ploss, op. cit., 158.

III.

Переходя къ разсмотрѣнію культа близнецовъ у первобытныхъ народовъ, нужно прежде всего указать на тотъ любопытный фактъ, что къ этому культу становятся причастны и родители близнецовъ, въ особенности же, конечно, мать, избранница сердца, супруга могучаго духа и родительница божественнаго близнеца. Съ нашей «европейской» точки зрѣнія можетъ показаться страннымъ, что связь замужней женщины съ постороннимъ, хотя бы и духомъ, нисколько не шокируетъ ни окружающихъ, ни даже ея собственнаго мужа и, наоборотъ, вызываетъ реакцію особо благосклоннаго къ ней отношенія. Въ моногамическихъ обществахъ, дѣйствительно, было бы трудно себѣ представить такое положеніе. Но нужно имѣть въ виду, что культъ близнецовъ зародился въ тѣ далекія времена, когда господствовали совершенно другія нормы половыхъ отношеній.

Еще и теперь у многихъ племенъ, внутри рода или класса, цѣлыя группы мужчинъ и женщинъ (обыкновенно братья и кузены съ одной стороны и ихъ жены съ другой) облечены общими супружескими правами (групповой бракъ), а кромѣ того практикуется и обычай гостепріимнаго гетеризма, когда почетному гостю хозяинъ считаетъ за честь предоставить дѣлить ложе со своей супругой. При такомъ поліандризмѣ связь женщины съ духомъ сама по себѣ не должна представляться, какъ нѣчто шокирующее для нея и обидное для чувства мужа. Въ извѣстныхъ случаяхъ для женщины такая связь можетъ являться даже правообязанностью, именно, когда духъ — умершій сородичъ изъ того класса, съ которымъ она при жизни его была бы въ отношеніяхъ группового брака. А когда этотъ духъ — могучее и благодѣтельное божество, то такая связь естественно будетъ разсматриваться, какъ счастіе и честь для всего рода. Такой духъ, согласно родственной терминологіи группового брака, будетъ считаться «зятемъ» всѣхъ членовъ рода и даже всего племени, какъ, напримѣръ, у айну, у орочей, у которыхъ медвѣдь считается «зятемъ», потому что, по преданію, кто-то изъ его породы былъ женатъ на женщинѣ этого племени. Что касается отца близнецовъ, то для него духъ, бывшій въ связи съ его женой, тѣмъ самымъ становится на правахъ товарища по классу группового брака (братомъ-кузеномъ), и потому, какъ породнившійся съ духомъ, отецъ близнецовъ становится причастнымъ и къ культу послѣднихъ.

Но поліандризмъ особенно сказался на положеніи близнецовъ въ культѣ. Обычно, какъ мы видѣли, считается, что только одинъ изъ близнецовъ рожденъ отъ человѣка, другой (или остальные въ случаѣ тройни, напр.) рожденъ отъ духа. Убѣжденіе въ этомъ настолько твердо,

что существуютъ даже особые правила и пріемы, какъ распознать природу каждаго изъ близнецовъ. Чаще всего они различаются по времени выхода изъ утробы матери: перворожденный считается сыномъ человѣческимъ, слѣдующій или слѣдующіе—божественнаго происхожденія. У нѣкоторыхъ племенъ природа каждаго изъ близнецовъ опредѣляется посредствомъ магическихъ пріемовъ гаданія, но такъ или иначе вездѣ близнецы различаются по источнику ихъ происхожденія. При всемъ томъ, оба близнеца одинаково считаются дѣтьми духа и оба обоготворяются. Это легко объясняется поліандрическимъ строемъ, при которомъ дѣти называютъ своимъ «отцомъ» каждаго изъ «мужей» своей матери. Вотъ почему и Касторъ, который считался рожденнымъ отъ Тиндарея, и Полидевкъ, считавшійся сыномъ Зевса, оба одинаково назывались Διὸς κοῦροι — дѣтьми Зевса, но въ то же время оба назывались также и Тиндаридами, потому что и Тиндарей именовался отцомъ какъ Кастора, такъ и Полидевка, и оба одинаково обоготворялись. То же и съ Аѳвинами, которые, при всемъ различіи ихъ природы, именовались divo parātā. Равное обоготвореніе каждаго изъ близнецовъ въ греко-римскомъ мірѣ доходило до того, что изъ двухъ близнецовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Италіи, почитался особенно интенсивно какъ разъ смертный Касторъ, сынъ человѣка, Тиндарея (ср. Bethe. Pauly-Wissowa, Dioskuren, 1090). Понятно поэтому, почему къ культу близнецовъ становятся причастны не только мать, какъ супруга божества и мать божественнаго близнеца, но и отецъ, какъ «общій» отецъ обоихъ близнецовъ.

Настоящій культъ близнецовъ естественно начинается послѣ ихъ смерти, потому что только тогда они, вернувшись къ божественнымъ отцамъ своимъ, становятся настоящими божествами и, конечно, памятуя своихъ родичей на землѣ, начинаютъ оказывать имъ свои благодѣянія.

Но и при жизни сказывается уже ихъ божественное происхожденіе. Имъ приписываются исключительныя способности и сверхъестественныя магическія силы, и даже не только имъ, но и ихъ родителямъ: у однихъ — только матери, у другихъ — и отцу.

Уже отъ рожденія близнецы являются избранниками. У племени Shuswap (Брит. Колумбія), напримѣръ, въ то время какъ молодежь при наступленіи половой зрѣлости тренируется, чтобы пріобрѣсти духовъ-покровителей, одни только близнецы этого не дѣлаютъ, потому что предполагается, что они таковыхъ уже имѣютъ отъ рожденія[1].

Интересный примѣръ представляютъ зулусы. У нихъ нѣтъ настоящаго культа близнецовъ. Ихъ считаютъ скорѣе животными, чѣмъ человѣческими

[1] James Teit, The Shuswap. pp. 588 sq.

существами. Близнецовъ боятся, а въ прежнее время ихъ даже часто убивали; тѣмъ не менѣе, отношеніе къ нимъ при жизни — какъ къ существамъ высшаго порядка. Хотя о нихъ думаютъ почему-то, что они не имѣютъ мозговъ, ихъ, однако, считаютъ необыкновенно умными и талантливыми. Уваженіе къ непогрѣшимости ихъ сужденій такъ велико, что къ близнецамъ-малолѣткамъ обращаются не только ихъ сверстники за разрѣшеніемъ своихъ споровъ, безпрекословно подчиняясь ихъ рѣшенію, но и взрослые сплошь и рядомъ берутъ ихъ судьями въ своихъ распряхъ, совѣтуясь съ ними, по выраженію Кидда, «словно они были прорицателями». Далѣе, близнецы у зулусовъ славятся, какъ вдохновенные сочинители пѣсенъ (ср. греческаго близнеца Амфіона, вдохновеннаго артиста на арфѣ). Во время свадебныхъ церемоній близнеца посылаютъ со спутникомъ къ водопаду прислушаться къ шуму водъ, послѣ чего онъ возвращается съ вдохновенными пѣснями, которыя приводятъ въ изумленіе народъ. Спрашиваютъ: «Какъ дошелъ этотъ мальчикъ до всего того, о чемъ вѣщаетъ и что онъ „заткалъ“ въ свою пѣснь?» Близнецамъ приписывается, далѣе, способность предсказывать погоду. Когда люди ожидаютъ дождя, то идутъ къ близнецу и спрашиваютъ: «не чувствуетъ ли онъ себя больнымъ сегодня?» Если нѣтъ — значитъ, погода будетъ хорошая. Наконецъ, близнецы, подобно воинственнымъ Діоскурамъ, «помощникамъ на войнѣ», богатырямъ Аçвинамъ, даютъ успѣхъ въ сраженіяхъ. Они безстрашны и свирѣпы[1]. Во время битвы близнецъ долженъ итти впереди всѣхъ, и если у него есть сестра, то ее заставляютъ продѣлать цѣлый рядъ магическихъ дѣйствій, которыя приводятъ къ побѣдѣ[2].

У другихъ народовъ сверхъестественныя силы близнецовъ выступаютъ еще рельефнѣе. Такъ, по вѣрованіямъ тсимшей и другихъ индѣйцевъ Британской Колумбіи, какъ сообщаетъ проф. Боасъ[3], всякое желаніе близнецовъ исполняется. Это имъ обязаны индѣйцы періодическимъ появленіемъ ходовыхъ рыбъ, которыя составляютъ главный предметъ пропитанія населенія, и поэтому имъ присвоенъ эпитетъ «творящихъ изобиліе»,— эпитетъ, такъ поразительно напоминающій эпитетъ Аçвиновъ, purubhujau — расточители даровъ, многоимущіе[4].

У племени нутка не только близнецамъ, но и ихъ родителямъ, приписывается такая же власть надъ водянымъ царствомъ. Отецъ близнецовъ

---

[1] Ср. прозвища Діоскуровъ λαπέρσαι — истребители людей, непреодолимые (Вельскеръ), σωτέρες — спасители. Діоскуры — участники походовъ (походъ аргонавтовъ) и вершители участи битвъ (напр., у римлянъ при битвѣ у озера Региллы) и т. д. Ср. Миллеръ, 234 и слѣд.

[2] Kidd, Savage Childhood, a study of kafir childern. London. 1906, стр. 46 и слѣд.

[3] Fifth Report on the North-Western Tribes of Canada, p. 51.

[4] Ср. Миллеръ, стр. 114; Macdonell, Vedic Mythology, 51.

разсматривается какъ священная особа, любимецъ боговъ. Своими пѣснями онъ вызываетъ появленіе лососей. Онъ къ тому же, подобно Асвинамъ и Діоскурамъ, имѣетъ силу исцѣлять недуги[1]. Любопытно, что вѣра въ магическую силу близнецовъ, особенно въ области исцѣленія недуговъ, сохранилась до настоящаго времени даже въ Европѣ.

Въ Добшивальдѣ (Австрійская Силезія), во время эпидеміи на домашній скотъ, когда устраивается церемонія очищенія скота «живымъ» огнемъ, добытымъ посредствомъ треніе, дерево для священнаго исцѣляющаго костра должно быть срублено обязательно *близнецами*[2].

Въ цѣлительныя силы близнецовъ вѣрятъ и паши якуты. Какъ любезно сообщилъ мнѣ извѣстный знатокъ вѣрованій этого племени, В. М. Іоповъ, калъ близнеца у якутовъ служитъ цѣлебнымъ средствомъ при глазныхъ болѣхъ. Если у коровы образуется соѣую (опухоль), то достаточно близнецу помять руками или ударить по немъ погою, чтобы соѣую прорвало и корова пзлѣчилась.

Особенно замѣчательна по своей распространенности приписываемая близнецамъ способность вызывать дождь и вѣтеръ и вообще вліять на погоду.

Во всей Британской Колумбіи къ близнецамъ, какъ нѣкогда къ Борею и Зефиру, обращаются съ молитвой о вѣтрѣ и дождѣ. По словамъ Боаса, у упомянутаго племени тсимшей, моля о вѣтрѣ, говорятъ: «Спустись, о, дыханіе близнецовъ!»

Въ Перу, гдѣ, какъ мы видѣли, близнецы считаются дѣтьми бога молніи, творца дождей, родители ихъ подвергаются цѣлому ряду табу, гарантирующихъ благопріятную погоду, а сами близнецы считаются отвѣтственными за всякое метеорологическое бѣдствіе. Такъ, когда случается сильный морозъ, жрецы вызываютъ близнецовъ и упрекаютъ ихъ въ томъ, что они—виновники бѣдствія, послѣ чего на нихъ налагается постъ воздержанія отъ соли и перца[3].

У баронга (группы Банту) въ Африкѣ, у которыхъ близнецы считаются дѣтьми Неба, причемъ матери ихъ даже присваивается имя Tilo (небо), эта послѣдняя и ея дѣти обладаютъ магическими свойствами содѣйствовать появленію дождя. Во время засухи, въ числѣ другихъ магическихъ дѣйствій, считаютъ необходимымъ окроплять водой женщину, родившую близнецовъ, равно какъ поливать водой гробницы близнецовъ. Вообще у

---

[1] Narrative of the Adventures... of John R. Jewitt, p. 173 (у Фрэзера, The Magic Art, I, 264).

[2] Anton Peter, Volksthümliches aus Oesterreichisch-Schlesien (Troppau 1865—67) II, 250 (у Фрэзера, Balder the Beautiful, I, 278).

[3] Ср. Фрэзеръ, The Magic Art, I, 266.

этого племени близнецы тѣсно связаны съ воднымъ элементомъ. Ихъ обязательно хоронятъ на берегу озера, и, когда случается засуха, колдунъ говоритъ: «Совершенно ясно, почему небо такъ накалилось: близнецъ похороненъ на сухомъ мѣстѣ, выкопайте его кости и похороните его на берегу озера».

У того же племени и тоже въ связи съ водой близнецы играютъ важную роль въ борьбѣ съ врагами урожая. Однимъ изъ такихъ страшныхъ враговъ является особаго рода жукъ, называемый *нуну*, крайне губительный для бобовъ и маиса. Въ декабрѣ и январѣ, когда насѣкомыя начинаютъ ропться, женщины выходятъ въ поле процессіей для собиранія этихъ насѣкомыхъ со стеблей въ особые сосуды изъ тыквы. По окончаніи сбора, выступаетъ на сцену дѣвочка-*близнецъ*, которая должна бросить собранныхъ насѣкомыхъ въ сосѣднее озеро. Сопровождаемая толпою пожилыхъ женщинъ, неся въ рукахъ калебасу съ насѣкомыми, дѣвочка открываетъ шествіе, не произнося во все время пути ни слова. За нею слѣдуетъ вся толпа женщинъ, покрытыхъ травой (на головѣ, рукахъ и вокругъ пояса); размахивая широкими листьями маніока, онѣ выкликаютъ: «*Нуну*, оставь наши поля! *Нуну*, уходи отъ насъ!» Дѣвочка бросаетъ калебасу съ насѣкомыми въ воду, причемъ она не должна оглядываться назадъ, а въ это время женщины распѣваютъ «фривольныя» пѣсни, которыя поются только въ этомъ случаѣ и при церемоніи вызыванія дождя[1]. Судя по тому, что близнецы у этого племени называются дѣтьми Неба[2], т. е. бога Неба и, слѣдовательно, творца влаги и плодородія, фривольныя пѣсни, т. е. фалличе-скаго характера, адресованы этому послѣднему, а озеро играетъ роль жилища одного изъ духовъ воды, представителей Хозяина небесныхъ водъ на землѣ.

У племени ваньямвези (Центр. Африка), когда близнецу приходится переѣзжать черезъ рѣку или озеро, особенно во время шторма, онъ, набравъ полный ротъ воды, брызгаетъ по поверхности рѣки или озера и выкликаетъ при этомъ: «Я—близнецъ!»—успокаивая такимъ образомъ разбушевавшуюся стихію. У этого племени близнецамъ оказывается настоящій культъ. Хотя рожденіе близнецовъ здѣсь—довольно обычное явленіе, тѣмъ не менѣе каждый такой случай является цѣлымъ событіемъ, которое со-

---

[1] Junod, Les Ba-ronga (Neuchatel, 1898). pp. 412, 416, 419. Цитир. у Фрэзера, The Magic Art, I, 268, Spirits of the Corn, II, 280.

[2] Удивительно, что у Фрэзера названіе «дѣти Неба» вызываетъ почему-то недоумѣніе: «The reason,—говоритъ онъ,—for calling twins „the childern of the Sky" is obscure. Are they supposed in some mysterious way to stand for the Sun and the Moon?» (The Magic Art, I, 268, прим.). Въ дѣйствительности, близнецы выступаютъ здѣсь отнюдь не какъ символы солнца и луны, а какъ подлинныя дѣти Неба, т. е. какъ существа, родившіяся отъ Хозяина Неба и небесныхъ водъ.

провождается религіозными церемоніями. Старыя женщины ходятъ процессіей по селенію, ударяя въ бубны и распѣвая пѣсни въ честь отца. Затѣмъ два фетишныхъ домика устраиваются для близнецовъ передъ жилищемъ ихъ матери, и здѣсь народъ приноситъ жертвоприношенія періодически, а также въ спеціальныхъ важныхъ случаяхъ жизни—во время болѣзни, при отправленіи въ путь, при выступленіи въ походъ[1] и т. п.

Любопытно, что представленіе о связи близнецовъ съ водянымъ элементомъ сохранилось до сихъ поръ на родинѣ Аѳвиновъ, среди жителей центральныхъ областей Индіи, которые вѣрятъ, что близнецъ можетъ спасти жатву отъ града и ливней. Для этого онъ долженъ правую половину своего зада выкрасить въ черную краску, а лѣвую—въ какую-нибудь другую краску и въ такомъ видѣ ходить и стоять по направленію къ вѣтру[2].

Эта связь близнецовъ съ водянымъ элементомъ представляетъ особый интересъ для нашей проблемы, ибо, какъ это выяснено многими изслѣдователями, особенно покойнымъ В. Ѳ. Миллеромъ, Аѳвины и Діоскуры тоже нерѣдко ассоціируются, по выраженію послѣдняго, съ «влажнымъ» элементомъ (Аѳвины и Діоскуры часто изображаются какъ водныя птицы—лебеди; мать Ямы и Ями—водная женщина—aruá yoša; Рея, мать Ромула и Рема—жена рѣчного божества; Леда, мать греческихъ близнецовъ—дочь Главка, морского божества; Европа, мать Миноса и Радамантиса дочь Океана и нимфы Остиды и т. д.)[3].

При всемъ томъ не нужно водному элементу въ культѣ близнецовъ придавать какое-нибудь специфическое или универсальное значеніе. Боги водъ небесныхъ (они же — боги неба) или земныхъ, поскольку они играютъ роль въ жизни человѣка, — а роль ихъ чрезвычайно обширна, особенно у народовъ земледѣльческихъ и рыболовныхъ, — естественно играютъ роль и въ культѣ близнецовъ, но въ одинаковой мѣрѣ въ этомъ культѣ выступаютъ на сцену и всякія другія божества, имѣющія отношеніе къ благосостоянію и благополучію человѣка.

IV.

Самый характерный примѣръ *прижизненнаго* культа близнецовъ и ихъ родителей находимъ у африканскаго племени овагереро,—примѣръ, описанный съ исключительной обстоятельностью миссіонеромъ Dannert'омъ[4].

---

[1] Reichard, Die Wanjamuesi. Zeitschrift der Gesellschaft f. Erdkunde zu Berlin. XXIV. стр. 256 (у Фрэзера, The Magic Art, I, 269).

[2] Venketswami, Superstitions among Hindus in the Central Provinces. Indian Antiquary XXVIII. 111 (у Фрэзера, l. c.).

[3] Ср. Миллеръ, стр. 223, 219.

[4] C. Dannert, Sitten und Gebräuche der Ovaherero bei Geburten (Globus. 1880, стр. 364—366).

Съ момента рожденія близнецовъ родители послѣднихъ становятся *ve zera*—священными (по современной терминологіи—табу въ смыслѣ пріобрѣтенія божественныхъ, сверхъестественныхъ свойствъ). Въ качествѣ *ve zera*, они въ теченіе извѣстнаго времени становятся запретными для всякаго общенія съ окружающими. Смерть неминуема для каждаго, кто въ теченіе этого періода нарушитъ по отношенію къ нимъ малѣйшій установленный запретъ или обязательство. При первыхъ признакахъ предстоящаго появленія на свѣтъ близнецовъ, всѣ присутствующіе безмолвно удаляются изъ помѣщенія рожеицы. Обязательно должны остаться только двѣ женщины для прислуживанія матери. Когда же близнецы, наконецъ, появляются на свѣтъ, объ этомъ прежде всего оповѣщается окрестное *поле* (хотя Dannert не объясняетъ, какъ нужно понимать этотъ терминъ, но, очевидно, подъ полемъ имѣется въ виду не само поле, а духъ-хозяинъ его). Въ зависимости отъ комбинаціи половъ новорожденныхъ близнецовъ, одна изъ бабокъ выходитъ изъ дому и кричитъ: «О, поле, поле, двое птенцовъ родилось!» (если оба—мужескаго пола), или «О, поле, поле, двѣ луковицы!» (если оба—женскаго пола), или же, наконецъ: «О, поле, поле, птичка и луковица!» (если близнецы—разнаго пола). Лишь только отецъ услышалъ это оповѣщеніе, онъ обязанъ немедленно и молча покинуть селеніе. Съ нимъ обязательно отправляются двое односельчанъ, которые съ этого момента становятся его слугами. На нѣкоторомъ разстояніи отъ селенія слуги выбираютъ подходящее мѣсто для устройства временной стоянки (*ondanda*) семейства близнецовъ. Рожеица съ новорожденными, сопровождаемая въ свою очередь двумя приставленными къ ней прислужницами, несмотря ни на какую погоду, должна слѣдовать за мужемъ. Все собравшееся въ ondanda общество и каждый членъ его въ отдѣльности, т. е. родители, близнецы и прислужники, отнынѣ именуются *epaha*, т. е. близнецы, и не могутъ имѣть ни съ кѣмъ общенія, какъ только между собою. Въ *ondanda* прислужники и прислужницы снимаютъ съ родителей всю одежду и украшенія, причемъ надъ матерью эта церемонія продѣлывается еще до выхода изъ помѣщенія, гдѣ она рожала. Замедленіе въ снятіи одежды грозитъ немедленной смертью. Вмѣсто одежды родители близнецовъ получаютъ для прикрытія пару старыхъ *звѣриныхъ шкуръ*, такъ что, по выраженію Dannert'а, «они кажутся бѣднѣе своихъ слугъ». На вопросъ, почему одежда замѣняется шкурами, Dannert не могъ добиться другого отвѣта, кромѣ обычной шаблонной отговорки, что таковъ, молъ, религіозный обычай овагереро. Въ дѣйствительности, этотъ обрядъ объясняется, по нашему мнѣнію, очень просто. Съ момента рожденія близнецовъ, родители, особенно мать (для которой снятіе старыхъ одеждъ обязательно немедленно послѣ разрѣшенія), какъ мы видѣли, становятся *ve zera:* они какъ бы мѣняютъ свою природу,

становятся родственными божеству, участвующему въ рожденіи близнецовъ, — хозяину поля. И такъ какъ (что видно будетъ изъ дальнѣйшаго) божество это обычно и, въ частности, у *гереро*—зооморфно, то облаченіе родителей близнецовъ въ шкуру животнаго (жаль, что Dannert не сообщаетъ, какого именно животнаго) является актомъ конкретнаго пріобщенія ихъ къ этому божеству, символомъ перевоплощенія въ божественное животное. Такимъ образомъ, обрядъ этотъ является отнюдь не чѣмъ-то уничижительнымъ, какъ это представляютъ себѣ Dannert и вслѣдъ за нимъ Плоссъ, а, наоборотъ, важнымъ символомъ обоготворенія.

Если близнецы родились утромъ, то односельчане въ тотъ же день обязаны привести къ *ondanda* рогатую скотину для закланія, не смѣя при этомъ ни приблизиться къ самому жилищу табуированныхъ, ни произнести какое-либо слово. Если почему-либо односельчане замѣшкаютъ съ доставленіемъ животнаго, то отецъ близнецовъ начинаетъ кричать: «О, поле, поле, я голоденъ!»—и тотчасъ приводится скотина изъ селенія. Отецъ новорожденныхъ пользуется также правомъ выбрать изъ мимо проходящаго стада любую скотину, и хозяинъ стада, будь онъ хоть злѣйшій врагъ его, не смѣетъ препятствовать этому. Весьма показательно, что всѣ обитатели *ondanda* ничего другого не могутъ употреблять въ пищу, кромѣ *мяса*. Даже новорожденнымъ, которыхъ, разумѣется, приходится кормить молокомъ, все же подносятъ мясо, засовывая его (что опять-таки очень знаменательно) не въ пальцы на рукахъ, а въ ножные, — несомнѣнное указаніе на представленіе о близнецахъ, какъ о существахъ зооморфныхъ.

Въ то самое время какъ родители и близнецы переселяются въ священное *ondanda*, во всѣ стороны разсылаются гонцы, которые созываютъ въ селеніе всѣхъ безъ исключенія сородичей родителей близнецовъ, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ стадами. Смерть неминуемо грозитъ всякому неявившемуся. Если родъ близнецовъ многочисленъ, то передъ *ondanda* поле бываетъ на многіе часы пути сплошь усѣяно стадами согнаннаго со всѣхъ сторонъ скота. Лишь только люди и домашній скотъ появились передъ *ondanda*, кто-нибудь изъ собравшихся, обращаясь къ обитателямъ послѣдняго, возглашаетъ: «О, поле, поле, они пришли, они собрались!» Послѣ этого *epaha* должны покинуть *ondanda* и вернуться въ селеніе. Чтобы возвѣстить о своемъ прибытіи, отецъ близнецовъ трубитъ въ козій рогъ. Тогда все населеніе выходитъ навстрѣчу. Замѣчательно, что встрѣча носитъ притворно враждебный характеръ. Мужчины бросаютъ по направленію къ *epaha*, но безъ намѣренія попасть въ нихъ, охапки мусора, щепки, комья земли и т. п., а женщины поднимаютъ нестовый жалобный вой. Dannert не даетъ объясненія этой идущей какъ бы

враждѣзъ съ обоготвореніемъ близнецовъ церемоніи. Въ дѣйствительности, тутъ никакого противорѣчія нѣтъ.

Притворно враждебныя дѣйствія и жалобный вой женщинъ — вполнѣ обычное для примитивныхъ людей наивное выраженіе «богобоязни», правильнѣе сказать—«богоужаса», чувства, подобнаго тому, которое испытываетъ человѣкъ при встрѣчѣ съ могучимъ звѣремъ (поэтому женщины, какъ существа слабыя, жалобно воютъ, а мужчины какъ бы обороняются бросаніемъ первыхъ попавшихся предметовъ). Что это—лишь видъ «богобоязни», видно изъ дальнѣйшаго.

Въ селеніи *epaha* и всѣ собравшіеся усаживаются съ сѣверной стороны отъ такъ называемаго *otyizero*, «священнаго дома» селенія. Тогда одинъ за другимъ начинаютъ подходить мужчины и женщины — первые къ отцу, вторыя къ матери близнецовъ — чтобы получить освященіе, принося при этомъ жертвоприношенія въ видѣ бисера, страусовыхъ яицъ и другихъ украшеній. Самая процедура освященія, носящая особое названіе *okukama*, состоитъ въ томъ, что родители близнецовъ берутъ щепотку растертаго въ порошокъ дерева, носящаго названіе *Omunyoze*, и натираютъ имъ лѣвую половину лба и лѣвую руку освящаемаго, а остаткомъ обсыпаютъ грудь. У мужчинъ освящается и оружіе. Пока длится процедура освященія, первыя изъ освященныхъ женщинъ строятъ для *epaha* хижину, а мужчины достаютъ вола для закланія, ранѣе чего скотъ не можетъ выпускаться на пастьбу. Сваренное мясо укладывается близъ священнаго дома, причемъ каждый изъ присутствующихъ долженъ вкусить отъ него по маленькой порціи. Первый кусокъ беретъ отецъ, второй—мать, которая свой кусокъ прикладываетъ предварительно къ *ножнымъ пальцамъ* каждаго изъ близнецовъ. Послѣ этого оставшееся мясо переносится къ вновь выстроенной хижинѣ, куда, наконецъ, окончательно водворяются *epaha*. Въ слѣдующіе дни *epaha* дѣлаютъ обходъ селенія и посѣщаютъ каждый разъ по 2—3 дома. При этомъ происходитъ такая же процедура, какъ и въ первый день возвращенія въ селеніе. Закончивъ обходъ послѣдняго, *epaha* предпринимаютъ путешествіе по всей странѣ, одѣтые въ тѣ же старыя шкуры, которыми они прикрылись въ день рожденія близнецовъ. Вездѣ происходятъ такія же церемоніи встрѣчи, освященія и жертвоприношеній, какъ въ ихъ родномъ селеніи. Обходъ продолжается иногда больше года, и такъ какъ *epaha* обыкновенно требуютъ для себя скота и разныхъ драгоцѣнныхъ украшеній, то домой они возвращаются богатыми людьми. Въ день возвращенія, по особо установленному церемоніалу, происходитъ торжественная процедура дачи именъ близнецамъ. Съ этого момента отецъ и мать теряютъ титулъ *epaha*, снимаютъ съ себя звѣриныя шкуры, одѣваются въ обыкновенное одѣяніе и покрываютъ себя всякими укра-

шеніями. Но привилегированное положеніе сохраняется за родителями навсегда. Каждый отецъ близнецовъ имѣетъ право, въ качествѣ замѣстителя царька селенія, исполнять жреческія функціи. Близнецы, въ свою очередь, пользуются уже отъ рожденія особыми привилегіями. Для близнеца нѣтъ никакихъ запретовъ ни въ пищѣ, ни въ питьѣ. Всякое посягательство на него, хотя бы словомъ, преступно. Въ случаѣ убійства *epaha* все населеніе деревни убійцы подвергается истребленію. Наконецъ, послѣ смерти царька селенія *младшій* изъ близнецовъ наслѣдуетъ его жреческое званіе, и селеніе съ того момента начинаетъ называться его именемъ. Близнецъ, такимъ образомъ, становится, единственно въ силу рожденія, духовнымъ и политическимъ главой своего племени. Такіе случаи мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ Африки, наприм., у негровъ Золотого берега, гдѣ въ Акимѣ миссіонеръ Riis встрѣтилъ близнеца въ роли короля. Тутъ мы явственно видимъ прообразъ и смыслъ царей Аѳвиновъ-Діоскуровъ.

Не много найдется въ этнографической литературѣ такихъ подробныхъ описаній прижизненнаго культа близнецовъ, но не потому, что этихъ случаевъ мало, а потому, что самое существованіе подобнаго культа мало кѣмъ подозрѣвалось. Самъ авторъ приведеннаго описанія этого культа у гереро не уяснилъ себѣ его смысла, и даже недавніе изслѣдователи Ploss—Renz, въ работѣ которыхъ находимъ единственную попытку сколько-нибудь систематизировать матеріалы о близнецахъ и у которыхъ описаніе Dannert'a приведено почти полностью, совершенно не поняли смысла цитированныхъ имъ фактовъ, видя въ этомъ исключительномъ отношеніи къ близнецамъ у гереро якобы лишь отраженіе общераспространеннаго «воззрѣнія на дѣтей, какъ на богатство семьи» (sic!)[1].

V.

Теперь приведу характерный примѣръ *посмертнаго* культа близнецовъ, наблюдавшійся мною лично у племени *гиляковъ*, изученіемъ которыхъ я въ свое время занимался въ теченіе ряда лѣтъ. Этотъ примѣръ будетъ для насъ особенно поучителенъ. Здѣсь мы явственно увидимъ психологію этого культа, какъ естественную и интегральную часть общаго стройнаго анимистическаго міровоззрѣнія. Здѣсь мы найдемъ ясные отвѣты на цѣлый рядъ темныхъ вопросовъ въ античномъ культѣ близнецовъ и, наконецъ, что особенно любопытно, встрѣтимся съ деталями, поразительно совпадающими съ таковыми же въ культѣ Аѳвиновъ-Діоскуровъ.

Впервые мнѣ пришлось познакомиться съ проявленіемъ этого культа

[1] Ploss. Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. 3 посм. изд. д-ра Renz'a (Leipzig, 1913), стр. 117—150.

при обстоятельствахъ, которыя живо напомнили мнѣ индо-европейскихъ близнецовъ въ ихъ излюбленной функціи врачевателей людей и боговъ.

Дѣло было такъ. Въ одной юртѣ с. Сляво на р. Тымь я замѣтилъ больного ребенка, вокругъ котораго суетилась цѣлая толпа женщинъ. Я выразилъ желаніе оказать ему помощь. Среди женщинъ поднялся громкій ропотъ. Меня даже не допустили осмотрѣть ребенка. Особенно горячилась старуха-бабушка. «Разгнѣвается, вопила она,—Тоигр̆ (близнецъ и духъ, родившій близнеца), и ребенку не быть въ живыхъ!» Всѣ настаивали на томъ, что необходимо сейчасъ же отвезти жертвоприношенія этому духу. Отецъ ребенка, сидѣвшій въ сторонѣ и не принимавшій участія въ общей суетѣ, быстро одѣлся и вышелъ изъ юрты. Я послѣдовалъ за нимъ. На мои разспросы онъ отвѣтилъ, что на противоположномъ берегу рѣки нѣсколько лѣтъ тому назадъ похоронили двухъ дѣтей-близнецовъ, на могилы которыхъ въ случаѣ болѣзни, особенно дѣтей, приносятъ жертвоприношенія и просятъ объ исцѣленіи. Разспрашивать подробнѣе въ тотъ моментъ было некогда, такъ какъ сейчасъ же пришлось садиться въ лодку, а помимо того гиляки передъ жертвоприношеніемъ бываютъ очень сосредоточены и неохотно разговариваютъ. Когда мы подъѣхали къ противоположному берегу, то, къ сожалѣнію, оказалось, что мѣсто, гдѣ расположена могила, затоплено, и пробраться къ нему невозможно. Но мой спутникъ этимъ не смутился и, бросая по направленію къ берегу табакъ и сладкія коренья, прокричалъ: «Чухъ! (вотъ тебѣ). О, богъ, такъ какъ мой мальчикъ боленъ, я пришелъ къ тебѣ, жертву принесъ; пожалуйста, сдѣлай такъ, чтобы мой мальчикъ совсѣмъ здоровъ сталъ, чтобы больше не болѣлъ!»

Этотъ эпизодъ, естественно, меня крайне заинтересовалъ, и я постарался выяснить психологію и детали этого страннаго культа. Узналъ я слѣдующее.

Рожденіе близнецовъ считается явленіемъ сверхъестественнымъ. Отъ человѣка женщина не можетъ родить заразъ больше одного ребенка, и если это случается, то гиляки убѣждены, что она приглянулась какому-нибудь «духу», который имѣлъ съ ней общеніе во снѣ. Отцомъ *одного* изъ близнецовъ обыкновенно считается либо горный, либо морской духъ — пал̀ ні̀ӡ̆ывыӊ или тол̀ ні̀ӡ̆ывыӊ — букв.: «горный» или «морской человѣкъ», но чаще всего это бываетъ «горный человѣкъ».

Поэтому, сейчасъ послѣ рожденія близнецовъ устраивается торжественное жертвоприношеніе, въ присутствіи всѣхъ сородичей, *родовому горному человѣку* на обычномъ мѣстѣ жертвоприношеній этому божеству, на такъ называемомъ чауф. *Чауф* — мѣсто, гдѣ погребенъ обоготворенный сородичъ, который послѣ смерти сталъ «горнымъ человѣкомъ», т. е. принятъ въ родъ горныхъ людей[1]. Обыкновенно это человѣкъ, задранный въ

[1] См. Л. Я. Штернбергъ. Гиляки, стр. 87, 95.

тайгѣ медвѣдемъ. Приносятся при этомъ такія же жертвоприношенія, какъ во время обычныхъ сезонныхъ жертвоприношеній «горному человѣку», т. е. традиціонное *мось* (кисель изъ ягодъ, риса, жира и отвара изъ рыбьихъ никуръ), сарана, сладкіе коренья, вареная рыба рѣдкихъ породъ и т. д. Собравшіеся удѣляютъ изъ этихъ яствъ сначала долю «горному человѣку», а потомъ остальное ѣдятъ сами. Разумѣется, если есть основаніе думать, что отецъ близнеца — духъ моря, «морской человѣкъ», то жертвоприношенія приносятся на томъ мѣстѣ, гдѣ покоятся останки сородича, превратившагося послѣ смерти въ морского человѣка и принятаго въ родъ морскихъ людей. Это обычно утопленникъ, сжигаемый на томъ мѣстѣ, гдѣ вытащили изъ воды его трупъ.

Но, какъ я сказалъ, чаще всего отцомъ одного изъ близнецовъ считается духъ горный.

Другой изъ близнецовъ считается сыномъ гиляка. Тѣмъ не менѣе, какъ и у античныхъ народовъ, обоготворяются оба близнеца. Въ случаѣ ранней смерти одного изъ нихъ или обоихъ, считается, что они отправились къ своему отцу, т. е. къ «горному человѣку».

Но и мать близнецовъ, какъ удостоившаяся объятій «горнаго человѣка», послѣ смерти, судя по ритуалу ея погребенія, тоже становится «горной женщиной» и, подобно близнецамъ, покровительницей своихъ бывшихъ сородичей на землѣ. Когда умираетъ близнецъ, его не сжигаютъ, какъ обыкновенныхъ людей, а хоронятъ въ особомъ надземномъ срубѣ, усаживая въ обычной гиляцкой позѣ—съ поджатыми ногами (антх вівын), причемъ за спиной вколачиваютъ шестъ, поддерживающій тѣло въ сидячемъ положеніи. Одѣваютъ его не въ роскошныя одежды, какъ обыкновенныхъ покойниковъ, а въ бѣлую рубаху и штаны, и обкладываютъ священными стружками (іпау)[1].

Въ старое время близнецовъ хоронили и вовсе безъ одежды, только закутывая тѣло въ стружки. Передъ надземнымъ срубомъ ставятъ высокія іпау въ видѣ застружепныхъ шестовъ. Мать хоронятъ подобнымъ же образомъ, т. е. обкладывая стружками, но не въ срубѣ, а въ ящикѣ.

Чтобы оцѣнить значеніе этого обряда, нужно имѣть въ виду, что хороненіе въ надземномъ срубѣ (вмѣсто сжиганія) и обкладываніе покойника стружками практикуется у гиляковъ обычно только по отношенію къ человѣку, задранному медвѣдемъ, т. е. къ человѣку, превращающемуся послѣ смерти въ «горнаго человѣка»[2], такъ что указанный обрядъ погребенія близнецовъ и ихъ матери самъ по себѣ ясно указываетъ на то, что на нихъ

[1] Объ іпау см. мою статью «Культъ іпау у племени айну» въ «Ежегодникѣ Русск. Антроп. О—ва при Имп. С.-Петерб. Университетѣ», т. I, 1904 г. (Спб. 1905).

[2] Штернбергъ, op. c., 91. 95.

смотрятъ какъ на «горныхъ людей». Послѣ похоронъ близнеца дѣлаютъ еще особый домикъ (тоигр̀-раф) — съ изображеніемъ сросшихся близнецовъ, обложенныхъ священными стружками (описаніе, изображеніе и обрядовое значеніе домика см. въ приложеніи къ статьѣ), и помѣщаютъ его либо въ домѣ родителей близнецовъ, либо гдѣ-нибудь по близости, какъ предметъ особаго культа.

Умершій близнецъ, въ качествѣ сородича горнаго человѣка, оказываетъ своимъ земнымъ сородичамъ такія же услуги, какъ и самъ горный хозяинъ, т. е. посылаетъ звѣрей, особенно медвѣдей, покровительствуетъ во всякомъ предпріятіи и даетъ исцѣленіе отъ безплодія и всякихъ болѣзней. Вотъ почему передъ домиками близнецовъ приносятъ жертвы при отправленіи въ путешествіе и при возвращеніи, особенно когда отправляются на охоту, и, наконецъ, при болѣзняхъ; словомъ, близнецы фигурируютъ, какъ благодѣтельные духи, во всѣхъ случаяхъ жизни, въ частности, подобно Аѳвинамъ и Діоскурамъ, какъ боги плодовитости и врачеванія, — настоящіе σωτέρες древности. Особенно замѣчательно, что, сверхъ указанныхъ случаевъ, близнецамъ приносятъ еще жертвы періодически, именно, при рожденіи луны и при полнолуніи. Близнецы, такимъ образомъ, играютъ роль лунныхъ божествъ, — черта, которую находимъ во всѣхъ античныхъ религіяхъ[1].

Кстати, не безынтересно упомянуть объ одномъ любопытномъ эпизодѣ изъ культа близнецовъ у гиляковъ, весьма напоминающемъ знаменитый діалогъ любви Ямы и Ями въ Ведахъ. Б. О. Пилсудскій[2], тоже наблюдавшій отношеніе гиляковъ къ близнецамъ, разсказываетъ, что онъ записалъ у гиляковъ пѣсню о близнецахъ разнаго пола, въ которой братъ оказывается влюбленнымъ въ свою сестру и молитъ ее «взять въ руки его сердце», такъ какъ иначе онъ умретъ. Какъ напоминаетъ это мѣсто мольбу влюбленной Ями: «да склонится твое сердце къ моему; какъ супругъ, войди въ тѣло жены»[3]. Жаль, что г. Пилсудскій не далъ полнаго текста этой пѣсни.

Замѣчательно, что при жизни къ взрослымъ близнецамъ гиляки относятся довольно индиферентно, хотя, впрочемъ, остерегаются вызвать съ ихъ стороны недовольство. Это объясняется, мнѣ кажется, тѣмъ, что, по возрѣніямъ гиляковъ, человѣкъ, родившійся отъ духа, послѣ извѣстнаго возраста при жизни теряетъ *память* о прошломъ своемъ существованіи и, повиди-

---

[1] Озирисъ — богъ луны; изображается съ ея дискомъ на головѣ и въ этомъ случаѣ называется Іах — мѣсяцъ. Мать Аѳвиновъ — Sarapu̯, Ями и Яма, Леда, Деметра, Рея Сильвія. Идасъ, Елена и т. д., — всѣ эти герои близнечнаго культа, вмѣстѣ съ тѣмъ, ассоціировались съ лунными божествами.

[2] Роды, беременность и пр. у туземцевъ о. Сахалина (Живая Старина, кн. 73, 74), стр. 38.

[3] Ригведа, X, 10 (переводъ Миллера, op. cit., 19).

мому, особенности своей основной природы [1]. Потому-то, по воззрѣнію гиляковъ, близнецъ, обыкновенно, умираетъ въ раннемъ возрастѣ, что онъ тоскуетъ по «своимъ» и боится задержаться долго среди людей, опасаясь, повидимому, забыть свою природу. Послѣ смерти, конечно, душа близнеца снова получаетъ свою старую природу и возвращается къ своимъ сородичамъ — горнымъ или морскимъ духамъ [2].

Культъ каждаго близнеца, какъ и всякаго обоготвореннаго человѣка, продолжается только въ теченіе трехъ поколѣній, послѣ чего домикъ въ родовой процессіи уносятъ далеко въ горы, ставятъ вокругъ него новыя іпау и устраиваютъ послѣднее жертвенное пиршество, своего рода теоксенію.

Прекращеніе культа послѣ 3-го поколѣнія объясняется общимъ вѣрованіемъ гиляковъ, что души не только людей, но и духовъ-божествъ, перевоплощаются всего три раза (въ теченіе трехъ поколѣній) и потомъ окончательно погибаютъ.

Вообще же культъ близнецовъ никогда не прекращается, потому что постоянно нарождаются и умираютъ новые близнецы, но этотъ культъ — чисто родовой и носитъ всегда локальный характеръ. Одновременно въ разныхъ мѣстахъ, у разныхъ родовъ могутъ быть свои отдѣльныя близнечныя святилища и родовые близнечные культы.

Культъ близнецовъ у гиляковъ отнюдь не представляетъ собою явленія чрезвычайнаго, исключительнаго, одиноко стоящаго внѣ общаго ихъ религіознаго міровоззрѣнія. Наоборотъ, онъ совершенно логично вытекаетъ изъ этого послѣдняго. По представленіямъ этого народа, весь окружающій міръ, кромѣ настоящихъ людей, населенъ еще особымъ огромнымъ «человѣчествомъ» *духовъ* различныхъ категорій: горныхъ, водныхъ, подземныхъ, не-

---

[1] Для пониманія психологіи гиляковъ въ этомъ случаѣ интересно сопоставить слѣдующее. Если рождается ребенокъ, обнаруживающій признаки происхожденія отъ умершаго человѣка или другого какого-нибудь духа, то такой ребенокъ, еще до пріобрѣтенія способности къ полной рѣчи, временами произноситъ будто бы слова, которыя указываютъ на сохраненіе имъ воспоминаній о прошломъ изъ другого міра. Когда же ребенокъ уже начинаетъ говорить связной рѣчью, отецъ, чтобы заставить его забыть прошлое и окончательно порвать связь съ прошлымъ, надѣваетъ ему на голову шапку задомъ напередъ и задаетъ нѣсколько вопросовъ о прошломъ, а затѣмъ шопотомъ говоритъ ему: «Ну, теперь довольно, забудь прошлое!» и надѣваетъ шапку по настоящему, послѣ чего ребенокъ окончательно забываетъ свое прошлое, порываетъ связь съ другимъ міромъ («злой духъ изъ него изгнанъ») и будетъ долго жить. Если же отецъ этого не сдѣлаетъ, то ребенокъ умретъ.

[2] Воззрѣніе, что именно послѣ смерти раскрывается настоящая природа близнецовъ (посмертный культъ), находимъ не у однихъ гиляковъ. Характерный примѣръ представляетъ культъ *мертворожденныхъ* близнецовъ у негровъ Невольничьяго берега. Когда у женщины рождаются такіе близнецы, то она изготовляетъ двуликую статую, которая ставится въ углу дома. Передъ этой статуей приносятся жертвоприношенія (птицы, бананы, пальмовое масло и пр.), благодаря которымъ исполняются всѣ просьбы и молитвы и получаются предсказанія будущаго. См. «Missions Catholiques», VII (1875), p. 592 (у Фрэзера, The Magic Art, I, 269, прим.).

бесныхъ и т. д. Духи эти антропоморфны, живутъ племенами и родами, имѣютъ селенія, домашнихъ животныхъ и ведутъ образъ жизни, близкій къ человѣческому. На языкѣ гиляковъ они иначе и не именуются, какъ *люди*, только съ прибавленіемъ той стихіи, въ которой обитаютъ. Такимъ образомъ, имѣются люди горные — пал̀ ӥӯывыӊ, морскіе — тол̀ ӥӯывыӊ, небесные — тӀы ӥӯывыӊ и т. д. Каждый разрядъ этихъ «людей» имѣетъ особаго «хозяина» изъ среды своихъ сородичей, являющагося главнымъ распорядителемъ всей территоріи племени, но каждый такой отдѣльный «человѣкъ», въ свою очередь, широко распоряжается въ своей маленькой территоріи, на правахъ «хозяина». Вотъ эти-то «*люди*», имѣющіе въ своемъ распоряженіи животныхъ сухопутныхъ или водныхъ, являются главными благодѣтелями туземцевъ, причемъ у каждаго *рода* гиляковъ имѣется спеціальный родъ тѣхъ или другихъ духовъ, которые ему спеціально помогаютъ. Эта интимная связь между родами гиляковъ и родами духовъ устанавливается посредствомъ особыхъ *избранниковъ*, которые послѣ смерти принимаются въ соотвѣтственный родъ духовъ. Въ своей статьѣ о религіи гиляковъ я подробно выяснилъ, что весь культъ у этого народа сводится главнымъ образомъ къ культу такихъ избранниковъ, которые своимъ посредничествомъ создаютъ благосостояніе своихъ живыхъ сородичей. Культъ близнецовъ есть, такимъ образомъ, только *одинъ изъ видовъ родового культа* избранниковъ, обоготворенныхъ сородичей. Не отличается этотъ видъ родового культа ничѣмъ и по *мотивамъ* избранничества.

Основной мотивъ избранничества — *сексуальный, любовь какого-нибудь духа къ человѣческому существу.*

Гилякъ не видитъ ничего страннаго или противоестественнаго въ томъ, что «горный человѣкъ» влюбится въ гиляцкую женщину или что «горной женщинѣ» приглянется тотъ или другой гилякъ-красавецъ. Разными путями въ такихъ случаяхъ горные люди добиваются своей цѣли. Въ легендахъ и сказкахъ горные люди дѣйствуютъ подобно гилякамъ: ухаживаютъ, объясняются въ любви [1], а если нельзя добиться взаимности, то просто-на-просто похищаютъ возлюбленную.

[1] Хорошій образецъ ухаживанія «горнаго человѣка» за гиляцкой женщиной можно найти въ записанномъ мною разсказѣ о «Горномъ человѣкѣ, женившемся на гиляцкой женщинѣ». Героиня пошла съ подругами по ягоды и вдругъ прилипла къ землѣ и не могла подняться. Въ это время къ ней подошелъ гилякъ «въ налобникѣ изъ многихъ бѣлокъ, въ пестрыхъ голенищахъ, въ сапогахъ съ цѣльными передками», и, спустя немного, тотъ человѣкъ сказалъ: «Эхъ ты, чего испугалась? Вѣдь потому, что думаю, что *тебя всю цѣликомъ полюбилъ*, я къ тебѣ пришелъ! Ты пойдешь ли за меня замужъ? Я вѣдь, тебя забрать думая, пришелъ?» А женщина, особенно не удивившись, съ тонкой манерностью отвѣчаетъ: «Разъ ты, чтобы взять меня, пришелъ, я отказываюсь; если же не послушаешь меня, тогда пойти за тебя придется: твоему приказу перечить ли? Хотя своихъ мужей опасаюсь, все же за тебя итти придется! Своихъ мужей хотя жалѣю, да что подѣлаешь?» (Л. Штернбергъ, Матеріалы по изученію гиляцкаго языка и фольклора, Спб., 1908, т. I, стр. 172).

Духи умѣютъ, далѣе, вызывать таинственными путями въ своей возлюбленной особую тоску любви, отъ которой она умираетъ, послѣ чего становится женой своего возлюбленнаго [1].

Это очень распространенное среди гиляковъ повѣрье порождаетъ часто специфическіе психозы, выражающіеся въ томъ, что женщина не перестаетъ чувствовать запахъ того или другого звѣря. Этотъ запахъ, вѣчно ее преслѣдующій, доводитъ несчастную до истощающей душевной болѣзни и преждевременной смерти.

Но самый обычный способъ дѣйствія влюбленнаго духа — убіеніе: то «горный человѣкъ» въ видѣ медвѣдя умертвитъ женщину въ лѣсу, то «водяной человѣкъ» увлечетъ ее въ подводное царство и т. д.

Не всегда, однако, страсть духовъ заходитъ такъ далеко, ограничиваясь часто мимолетнымъ *флиртомъ*, и тогда духъ имѣетъ общеніе съ женщиной во снѣ. Стоитъ женщинѣ увидѣть во снѣ тигра или медвѣдя, раздѣляющаго съ ней супружеское ложе, и у всѣхъ рождается убѣжденіе, что родившійся послѣ этого ребенокъ—дитя «горнаго человѣка» (тигра, медвѣдя). На Амурѣ есть много родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ тигра или медвѣдя исключительно на основаніи женскихъ разсказовъ о подобныхъ любовныхъ сновидѣніяхъ.

Рожденіе близнецовъ—одинъ изъ такихъ случаевъ мимолетнаго флирта духа съ гилякской женщиной. Но, несмотря на легкость такой связи, природа ребенка сохраняетъ свою силу, мать его остается навсегда избранницей, и въ ихъ лицѣ и особенно въ лицѣ божественнаго младенца весь родъ его земныхъ родителей пріобрѣтаетъ могущественнаго покровителя и благодѣтеля во всѣхъ нуждахъ.

Остается еще выяснить, какъ представляютъ себѣ гиляки тѣ божества или тѣхъ духовъ, которые являются виновниками рожденія близнецовъ.

Судя по ихъ названію («горный человѣкъ», «морской», «водяной человѣкъ» и т. д.), это — существа человѣкообразныя. Въ то же время мы видѣли, что ихъ представляютъ себѣ въ видѣ животныхъ (медвѣди, тигры являются къ женщинамъ во снѣ; женщины, околдованныя влюбленными въ нихъ духами, чувствуютъ запахъ того или другого звѣря). Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія.

Дѣйствительно, представленіе гиляковъ объ этихъ духахъ двойственное. Гиляки переживаютъ тотъ дуалистическій періодъ культа, когда, на ряду съ

---

[1] Гиляки, чтобы вызвать къ себѣ любовь въ женщинѣ, отъ которой невозможно добиться взаимности, прибѣгаютъ къ цѣлому ряду магическихъ средствъ. Самымъ популярнымъ средствомъ служитъ примѣшиваніе перьевъ кукушки къ табаку возлюбленной или зашиваніе такого пера въ ея платье.

полнымъ антропоморфированіемъ духовъ, сохраняется и живое представленіе о зооморфной ихъ природѣ,—пережитокъ той стадіи культа животныхъ, когда они обоготворялись въ своемъ реальномъ образѣ. По обычному представленію, духъ — настоящій человѣкъ не только по облику, но и по одеждѣ и образу жизни: онъ лишь странствуетъ въ образѣ звѣря, а по возвращеніи къ себѣ въ деревню снимаетъ свою шкуру, какъ шубу, и снова превращается въ человѣка. Но иногда, наоборотъ, духъ странствуетъ въ видѣ человѣка и, по возвращеніи домой, принимаетъ въ своей юртѣ видъ звѣря. Въ упомянутой выше легендѣ о горномъ человѣкѣ, женившемся на гиляцкой женщинѣ, горный человѣкъ ухаживаетъ за нею, какъ мы видѣли, въ образѣ человѣка, но тотчасъ по похищеніи ея превращается въ медвѣдя.

Такое же двойственное представленіе у гиляковъ о нѣкоторыхъ животныхъ. То медвѣдь лишь — собака «горнаго человѣка»,—«хозяина медвѣдей», то онъ самъ — «горный человѣкъ», а «хозяинъ» его — такой же медвѣдь, только выходящихъ изъ ряда вонъ размѣровъ.

Эта двойственность представленій о животныхъ — безспорно позднѣйшая антропоморфная стадія культа животныхъ, когда оба представленія, зооморфное и антропоморфное, еще уживаются рядомъ и послѣднее не успѣло окончательно дифференцироваться. На этой стадіи, повидимому, и стояли античные народы, когда у нихъ слагался культъ близнецовъ.

Любопытный примѣръ изъ этой области вѣрованій представляютъ сосѣди гиляковъ — айну. У нихъ, при той же двойственности представленій, въ отличіе отъ гиляковъ, преобладаетъ зооморфизмъ: хозяинъ той или другой области природы всегда — настоящее животное, только исключительныхъ размѣровъ. Гилякъ никогда не назоветъ то или другое конкретное животное богомъ (кыз), — напротивъ, онъ протестуетъ, если русскій человѣкъ станетъ утверждать это. Айну, наоборотъ, говоря, напримѣръ, о медвѣдѣ, всегда называетъ его камуи (духъ, божество).

Если у гиляковъ божество близнецовъ уже носитъ двойственный характеръ, то у цѣлаго ряда народовъ это божество сохранило еще свой чисто зооморфный характеръ.

У камчадаловъ, по словамъ Стеллера, отцомъ близнецовъ считается волкъ, какъ въ исторіи Ромула и Рема [1], и во время ежегодныхъ ноябрьскихъ религіозныхъ празднествъ изготовлялся изъ травы идолъ, изображавшій волка, который заботливо сохраняли въ теченіе всего года для того, чтобы онъ вступалъ въ бракъ съ *дѣвушками* селенія. Стеллеръ утверждаетъ, что это дѣлалось для предохраненія ихъ въ будущемъ отъ рожденія близнецовъ, считавшагося большимъ грѣхомъ и несчастіемъ.

[1] Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, стр. 117, 327—328.

Это указаніе Стеллера, что рожденіе близнецовъ считается *грѣхомъ*, крайне поучительно въ связи съ тѣмъ, что нами было высказано выше о роли поліандризма въ культѣ близнецовъ. Дѣло въ томъ, что у камчадаловъ, какъ и у коряковъ, во времена Стеллера, поліандризмъ по отношенію къ *замужнимъ* женщинамъ совершенно исчезъ. Наоборотъ, отъ замужней женщины требовалась строжайшая вѣрность мужу, и всякое нарушеніе сурово каралось. Сожительство духа съ замужней женщиной представлялось, поэтому, грѣхомъ.

Съ другой стороны, камчадалы, повидимому, были того мнѣнія, что близнецы могутъ родиться только у замужнихъ женщинъ, т. е. когда участвуютъ въ оплодотвореніи и человѣкъ и божество. Поэтому, чтобы удовлетворить пристрастію волка къ камчадальскимъ женщинамъ и въ то же время избѣгнуть рожденія близнецовъ, они отдавали ему во временное замужество своихъ дѣвушекъ, отъ которыхъ близнецовъ уже родиться не могло.

Во всякомъ случаѣ этотъ обрядъ несомнѣнно указываетъ на то, что, въ глазахъ камчадаловъ, половыя связи женщинъ съ животными представлялись дѣломъ совершенно естественнымъ. Насколько этотъ взглядъ былъ распространенъ на Камчаткѣ, видно изъ того, что даже мѣстные русскіе люди изъ интеллигентнаго класса въ свое время вполнѣ этому вѣрили. Въ воспоминаніяхъ одного изъ администраторовъ Камчатки начала прошлаго столѣтія разсказывается, какъ о достовѣрномъ фактѣ, что въ одинъ прекрасный день медвѣдь забрелъ въ Петропавловскъ и увезъ мѣстную обывательницу въ тайгу и сдѣлалъ ее своей женой.

Индѣйское племя квакютлъ считаетъ, что близнецы — превратившіеся въ людей *лососи;* поэтому ихъ не пускаютъ ходить близъ воды, иначе они рискуютъ снова превратиться въ рыбъ. Какъ бывшіе лососи, близнецы даютъ своимъ земнымъ сородичамъ изобиліе рыбы. Боасъ приводитъ красивую легенду объ одномъ вождѣ по имени Вождь старѣйшинъ, селеніе котораго было расположено далеко отъ воды и потому страдало отъ отсутствія рыбы. Это очень огорчало вождя, и однажды онъ сказалъ своимъ младшимъ братьямъ: «Я желаю поискать какую-нибудь женщину-близнеца и сдѣлать ее своей женой, дабы мы черезъ нее получили лососей». Его тетка, Звѣздная женщина, велѣла ему пойти къ могиламъ и поискать близнеца. Такимъ образомъ онъ пошелъ къ могиламъ и сталъ кричать: «О могилы, есть ли среди васъ какой-нибудь близнецъ?»—и могилы отвѣчали: «Нѣтъ, среди насъ близнецовъ не имѣется». Такъ онъ обошелъ много кладбищъ, и, наконецъ, одна могила отвѣтила: «Я—близнецъ». Тогда вождь подошелъ къ могилѣ, собралъ кости, окропилъ ихъ водой жизни, и близнечная женщина сразу ожила. Передъ нимъ была красавица-женщина. Онъ взялъ ее къ себѣ домой, и она доставила ему лососей въ изобиліи, потому что ей достаточно было по-

вожить палецъ въ ротъ и потомъ погрузить его въ воду, чтобы сейчасъ въ водѣ появился лосось, а когда она входила въ рѣку, то лососи тотчасъ начинали вертѣться вокругъ ея ногъ[1].

Воззрѣніе на родство близнецовъ съ лососями находимъ и у племени Британской Колумбіи нутка, у которыхъ вслѣдствіе этого близнецамъ запрещено не только ѣсть рыбу, но даже дотрогиваться до нея[2]. Тотъ же запретъ распространяется и на родителей въ теченіе двухъ лѣтъ. Любопытно, что вскорѣ послѣ рожденія близнецовъ отецъ поетъ спеціальныя пѣсни, послѣ чего лососи сбѣгаются, чтобы повидать своихъ братьевъ-близнецовъ. Конечно, эта идиллія должна дать и практическіе результаты, такъ какъ, благодаря этому, получается богатый уловъ лососей. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ случай, когда близнецы рождаются отъ духа воды, лосося.

У другого племени Британской Колумбіи, у Lillooet, мы встрѣчаемся съ вѣрованіемъ, что отцомъ близнецовъ является сѣрый *медвѣдь*, духъ горный. Близнецы, думаютъ многіе изъ нихъ, — сѣрые медвѣди въ человѣческомъ образѣ, но послѣ смерти они уходятъ назадъ къ сѣрымъ медвѣдямъ и опять становятся медвѣдями[3].

Среди томпсонскихъ индѣйцевъ близнецы тоже считаются «дѣтьми сѣраго медвѣдя», и потому въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ жизни ихъ окружаютъ условіями, близкими къ жизни въ лѣсу. Родители удаляются съ ними изъ человѣческаго общества, устраивая себѣ шалашъ изъ пихтовыхъ вѣтокъ и корней. Всякое общеніе съ людьми запрещается, и близнецовъ очищаютъ путемъ окропленія пихтовыми вѣтвями, намоченными въ водѣ. Во время этой церемоніи, для предохраненія дѣтей отъ дурныхъ вліяній, отецъ описываетъ вѣтвями вокругъ нихъ магическіе круги и поетъ «пѣснь сѣраго медвѣдя».

Аналогичныя воззрѣнія — во всей Британской Колумбіи.

Въ Африкѣ роль медвѣдей играютъ *обезьяны;* негры изъ Порто Нуово въ Бенинскомъ заливѣ вѣрятъ, что близнецы обладаютъ такими же духами или геніями, какъ и мѣстныя мелкорослыя обезьяны Гвинеи. Когда близнецы становятся взрослыми, имъ запрещается ѣсть мясо обезьянъ, а до того матери ихъ приносятъ обезьянамъ жертвоприношенія бананами и другими лакомствами[4].

Совершенно тождественное воззрѣніе находимъ у негрскаго племени хо въ нѣмецкомъ Тоголандѣ. Здѣсь близнецы называются «дѣтьми обезьянъ»,

---

[1] Boas and Hunt, Kwakiutl Texts, II, pp. 322—330.

[2] Boas, Sixth Report on the N. Western tribes of Canada, pp. 39 sq. cl. (reprint from the Report of the British Association 1890), (у Фрэзера, The Magic Art, I, стр. 263).

[3] J. Teit, Lillooet Indians, p. 263 (въ трудахъ Jesup Expedition, t. II, p. V.).

[4] Bandin, Le Fétichisme ou la religion des Nègres de la Guinée, Missions Catholiques, XVI (1884), p. 250 (у Фрэзера, The Magic Art, I, стр. 265).

и ни они, ни ихъ родители, не могутъ ѣсть мясо тѣхъ породъ обезьянъ, съ которыми они въ родствѣ, и если охотникъ убиваетъ такую обезьяну, родители должны бить его палкой[1].

Явные слѣды подобныхъ же зооморфныхъ воззрѣній мы находимъ у гереро, культъ близнецовъ у которыхъ изложенъ нами такъ подробно. Мы видѣли, что родителей одѣваютъ въ звѣриныя шкуры; они могутъ только кормиться мясомъ, какъ плотоядныя животныя, и даже новорожденнымъ близнецамъ преподносятъ мясо, прикладывая его къ ножнымъ пальцамъ, которые символизируютъ лапы животнаго. Замѣчательно, что шкура животнаго въ культѣ близнецовъ играла такую роль въ Перу; здѣсь черезъ 10 дней послѣ рожденія близнецовъ родственники должны были убить въ лѣсу оленя и изъ шкуры его изготовить накидку, подъ которой родителей близнецовъ съ ремнями изъ кожи на шеѣ торжественно проводили нѣсколько разъ[2].

И такихъ примѣровъ зооморфнаго происхожденія близнецовъ можно найти множество у первобытныхъ народовъ, для которыхъ половыя связи между людьми и животными, какъ мы указывали, представляются совершенно естественнымъ явленіемъ.

Любопытно, что подобное воззрѣніе по отношенію къ близнецамъ сохранилось даже у мусульманскихъ народовъ. Среди арабскаго населенія Египта до сихъ поръ, по свидѣтельству лэди Гордонъ, живетъ повѣрье, что близнецы до 11—12 лѣтъ по ночамъ, если они голодны, бродятъ въ образѣ кошекъ, въ то время какъ тѣла ихъ, какъ мертвыя, остаются лежать дома. Здѣсь образъ кошки—вѣроятно, пережитокъ древняго культа египтянъ, у которыхъ кошка, какъ извѣстно, являлась тотемнымъ божествомъ. Неудивительно послѣ этого, что во многихъ мѣстахъ въ близнецахъ въ теченіе всей жизни продолжаютъ видѣть существа зоологическаго порядка. Такъ, напримѣръ, зулусы, относящіеся къ близнецамъ, какъ къ *ilongo*, т. е. какъ къ духамъ предковъ, въ то же время не могутъ отдѣлаться отъ мысли, что въ близнецахъ есть нѣчто звѣриное. Жалуясь на трудность воспитанія близнецовъ, они говорятъ: «мы знаемъ, какъ воспитывать дѣтей, но не знаемъ, какъ управиться съ животными»[3].

VI.

На ряду съ вѣрованіемъ, что виновникомъ рожденія близнецовъ является существо благодѣтельное,—вѣрованіемъ, которое приводитъ къ культу близнецовъ и даже ихъ родителей,—весьма распространено и обрат-

---

[1] Spieth. The Ewe Stämme, pp. 204, 206.

[2] Ср. у Ploss-Bartels. Das Weib, 8 изд. I, 791); Arriaga. l. c.

[3] Kidd, op. cit., 46.

ное представленіе, что такимъ виновникомъ можетъ являться существо злое, враждебное человѣку.

Такая противоположность вѣрованій не представляетъ ничего страннаго. Основная идея и того и другого—одна и та же: участіе въ рожденіи близнецовъ сверхъестественнаго существа, духа, божества, а какое именно изъ существъ, доброе или злое, является въ томъ или другомъ случаѣ виновникомъ, это — дѣло случая или индивидуально сложившагося воззрѣнія того или другого племени. Поэтому, у многихъ народовъ во всемъ мірѣ находимъ рядомъ совершенно противоположное отношеніе къ близнецамъ и ихъ родителямъ[1].

Характерный примѣръ такого противоположнаго отношенія у двухъ сосѣднихъ народовъ мы находимъ на Сахалинѣ, среди *айну* и *гиляковъ*. У послѣднихъ, какъ мы видѣли, существуетъ ясно сознанный культъ близнецовъ, базирующійся на представленіи, что отцомъ одного изъ близнецовъ является благодѣтельный «горный» или «морской» человѣкъ. У айну, наоборотъ, по словамъ Б. О. Пилсудскаго, считаютъ, что «одинъ изъ близнецовъ безусловно рожденъ отъ чорта (ояси)». Рожденіе близнецовъ, поэтому, считается у нихъ несчастіемъ, и ими принимается цѣлый рядъ мѣръ, предохраняющихъ отъ вторичнаго рожденія близнецовъ. Матерей близнецовъ всегда избѣгаютъ, какъ способныхъ передать свою «заразу» другимъ, и онѣ сами всю жизнь чувствуютъ стыдъ и горе отъ выпавшаго на ихъ долю несчастія. Существуетъ даже основаніе думать, что въ старину одного изъ дѣтей, именно младшаго, который предполагается сыномъ «чорта», убивали[2]. О курильскихъ айнахъ мы имѣемъ объ этомъ свидѣтельство Крашенинникова.

Подобное противоположное отношеніе находимъ у цѣлаго ряда народовъ на всемъ земномъ шарѣ. Въ частности очень интересно прослѣдить это явленіе у различныхъ племенъ кафрскихъ народовъ. У гереро, какъ мы

---

[1] Примѣры подобнаго противоположнаго отношенія можно найти въ посмертномъ изданіи напечатанной нами работы Плосса-Ренца, который выражаетъ по этому поводу свое недоумѣніе. В. Н. Харузина, приведши нѣсколько такихъ примѣровъ, говоритъ: „интересно было бы прослѣдить, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ понятіемъ о «нечистомъ» или, наоборотъ, «священномъ»“. (См. «Объ участіи дѣтей въ религіозно-обрядовой жизни». Эти. Обозр., 1911, № 1—2, стр. 63, прим.). Между тѣмъ, дѣло совершенно ясно: отношеніе къ близнецамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ или у каждаго отдѣльнаго народа зависитъ отъ того, считается ли данное сверхъестественное существо, участвовавшее въ рожденіи близнецовъ, духомъ благодѣтельнымъ или зловреднымъ.

[2] См. Пилсудскій, op. cit., стр. 40. Между прочимъ Пилсудскій приписываетъ и гиликамъ опасливое отношеніе къ близнецамъ. Я этого лично не наблюдалъ. Возможно только, что къ воззрѣніямъ гиляковъ случайно примѣшались нѣкоторые изъ взглядовъ сосѣдей—айну, но эти взгляды не стоятъ ни въ какой связи съ кореннымъ воззрѣніемъ гиляковъ на происхожденіе близнецовъ и отношеніе къ нимъ.

видѣли, существуетъ подлинный культъ, но у родственныхъ имъ племенъ къ близнецамъ относятся съ ужасомъ.

Дитя, родившееся отъ зловреднаго духа, естественно не можетъ принести счастія ни семьѣ, въ которой оно родилось, ни тому обществу, къ которому принадлежитъ эта семья. Наоборотъ, оно представляетъ такую же перманентную опасность, какъ и самъ злой духъ, его породившій. И мать такого ребенка, связавшаяся со злымъ духомъ или безъ вины съ ея стороны опоганенная имъ, точно такъ же представляетъ опасность для окружающихъ и является предметомъ ужаса и отвращенія. Но, конечно, главную опасность представляетъ ребенокъ. Онъ опасенъ не только для окружающихъ, но даже для своего утробнаго собрата. Айну, напр., по свидѣтельству Зибольда, считаютъ поэтому необходимымъ воспитывать близнецовъ въ разныхъ домахъ изъ опасенія, что одинъ изъ близнецовъ (очевидно, сынъ человѣческій) долженъ умереть. У нѣкоторыхъ кафрскихъ народовъ въ Наталѣ существовало повѣрье, что если оставить въ живыхъ обоихъ близнецовъ, то одинъ изведетъ другого, наколдовавъ на него смертельную болѣзнь. Въ другихъ мѣстахъ, на Явѣ, напр., отдаютъ опаснаго близнеца какому-нибудь родственнику, иначе другой умретъ[1].

Еще опаснѣе, разумѣется, такой близнецъ для всего окружающаго его общества. Поучительный примѣръ общественнаго страха передъ близнецами находимъ у древнихъ вавилонянъ. «Если женщина — читаемъ мы въ одномъ текстѣ — рождаетъ близнецовъ, то въ странѣ наступитъ нужда, внутренность страны будетъ испытывать бѣдствія, бѣдствія постигнутъ также и домъ отца близнецовъ» (Jastrow, op. c., II, 914).

Естественно, что отъ опаснаго близнеца желаютъ всячески избавиться. Вотъ почему у самыхъ различныхъ народовъ такъ распространенъ обычай — одного изъ близнецовъ, того, котораго предполагаютъ рожденнымъ отъ злого духа, непремѣнно убивать.

Есть основаніе думать, что убійство близнецовъ практиковалось и въ средневѣковой Европѣ. Въ одной испанской повеллѣ разсказывается про королеву, издавшую законъ о сожженіи каждой женщины, родившей близнецовъ[2]. О подобной практикѣ свидѣтельствуютъ и германскія народныя легенды (Haberland, op. c., 73).

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ наблюдатели не указываютъ, чѣмъ руководствуются у разныхъ народовъ при обреченіи на смерть одного изъ близнецовъ. Въ дѣйствительности, какъ показываютъ многіе примѣры, при этомъ выборѣ руководствуются извѣстными признаками, по которымъ опредѣ-

---

[1] Ср. Ploss, стр. 152, 154.

[2] Zeitschrift für deutsche Mythologie, B. IV, 190.

ляютъ, что ребенокъ — дѣйствительно дитя злого духа. Чаще всего убиваютъ второго изъ родившихся близнецовъ (напр., у кафровъ, у современныхъ перуанцевъ, у нѣкоторыхъ племенъ въ Брит. Вост. Африкѣ, у айну и т. д.), исходя, повидимому, изъ воззрѣнія, что первое оплодотвореніе производится человѣкомъ, и потому первовыходящій близнецъ — настоящій сынъ своего отца. «Въ нынѣшнемъ Перу, — читаемъ у Плосса[1], — племена Campas и Antis погребаютъ живымъ второго изъ близнецовъ, потому что *это дитя чорта*. Перворожденный же считается происшедшимъ отъ мужа родильницы». У сахалинскихъ айну, которые теперь уже не убиваютъ близнецовъ, какъ и у японцевъ, считается, что только младшій изъ двойни смѣлъ, силенъ и удачливъ (т. е. сверхъестественнаго происхожденія), старшій же ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго человѣка своего племени[2]. При культѣ близнецовъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же критеріемъ. Такъ, мы видѣли, что у гереро младшій изъ близнецовъ наслѣдуетъ царскія и жреческія прерогативы.

Изъ близнецовъ разнаго пола обыкновенно убиваютъ мальчика, такъ какъ, повидимому, полагаютъ, что болѣе сильный ребенокъ рожденъ болѣе могучимъ, чѣмъ человѣкъ, существомъ, хотя есть случаи убіенія дѣвочекъ.

У нѣкоторыхъ народовъ выборъ обреченнаго ребенка обставляется болѣе «надежными» гарантіями, чѣмъ указанные критеріи. Такъ, напримѣръ, у племени макалака (Брит. Юж. Африка) выборъ обреченнаго опредѣляется посредствомъ гадальныхъ дротиковъ, обладающихъ силой предсказанія.

Такъ или иначе, ясно, что убіеніе одного изъ близнецовъ является актомъ религіознымъ и именно связано съ указаннымъ выше представленіемъ, по которому одинъ изъ близнецовъ — дитя сверхъестественнаго злого существа.

Бываютъ случаи, когда убиваютъ обоихъ близнецовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подобное убійство не находится въ связи ни съ экономическими причинами, ни съ половыми запретами[3], мотивъ остается тотъ же, что при убійствѣ одного, но усугубленный расширеннымъ страхомъ контагіоза. Въ Центр. Австраліи, напр., по свидѣтельству Спенсера и Гиллена, убиваютъ обоихъ близнецовъ, потому что обоихъ считаютъ опасными, т. е. предполагается, что одинъ заразится отъ другого гибельными вліяніями. У нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ, напр., у Mojawe на Колорадо, представляли себѣ, что мать близнецовъ одержима злымъ духомъ, такъ что все, что она рождаетъ, должно быть той же природы.

[1] Op. cit., 157.

[2] Пилсудскій, op. cit., 10, въ концѣ.

[3] Какъ въ Меланезіи, напримѣръ, гдѣ близнецы разнаго пола убиваются вслѣдствіе предположенія, что они въ утробѣ матери совершили актъ кровосмѣшенія. Frazer, Totemism..., II, 122.

Самый способъ убійства близнеца свидѣтельствуетъ о религіозномъ происхожденіи обычая. У нѣкоторыхъ кафрскихъ племенъ, повидимому, вѣровавшихъ въ происхожденіе близнеца отъ подземнаго духа, убивали близнеца путемъ удушенія (засыпавъ ему ротъ землей) и хоронили у входа въ домъ, посадивъ надъ могилой карликовое алоэ. У базутовъ хоронили близнецовъ на скотномъ дворѣ, обсыпавъ его предварительно коровьимъ пометомъ, что явственно указываетъ на связь близнеца съ домашнимъ скотомъ. У племени макалака, у котораго судьба близнецовъ рѣшалась посредствомъ гадальныхъ дротиковъ, обреченнаго ребенка помѣщали въ горшокъ и выставляли на добычу гіэнамъ. Въ другихъ мѣстахъ бросаютъ близнеца на съѣденіе муравьямъ, топятъ въ рѣкѣ, вѣшаютъ на деревья или просто выносятъ въ лѣсъ живьемъ и оставляютъ на произволъ судьбы и т. д.

Но, какъ я сказалъ, не только близнецъ, но и мать признается опаснымъ существомъ, и во многихъ мѣстахъ она подвергается той же жестокой участи, что и ея несчастный ребенокъ.

Такъ, у упомянутаго племени индѣйцевъ Mojawe мать и дѣти сжигаются вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ въ домѣ, гдѣ увидѣли свѣтъ близнецы, причемъ послѣднимъ предварительно по требованію шамана разбиваютъ головы. Также поступали у племени Buck: въ обоихъ случаяхъ это объяснялось тѣмъ, что въ мать близнецовъ вселился злой духъ. У зулусовъ женщина, родившая второй разъ близнецовъ, убивалась, какъ чудовище (Kidd, 45). Впрочемъ, чаще всего жизнь матери щадилась, какъ невинно пострадавшей. Иногда жизнь ея выкупалась, какъ въ Лоанго, гдѣ мать и дѣти приносились въ жертву, если мужъ не выкупалъ ея жизнь, замѣнивъ ее рабыней (Ploss, Das Weib, 267). Но, даже оставшись въ живыхъ, женщина попадала на время или на всю жизнь въ положеніе отверженной и подвергалась разнымъ суровымъ табу очищенія. Такъ, напр., у негровъ Аропо, мать близнецовъ въ теченіе шести лѣтъ интернировалась вмѣстѣ съ дѣтьми въ особый домикъ и въ теченіе этого времени не могла имѣть общенія ни съ кѣмъ изъ родныхъ и окружающихъ. Тѣмъ болѣе должно быть тяжело на всю жизнь положеніе оставшихся въ живыхъ близнецовъ. Общенія съ ними избѣгаютъ, какъ чего-то опаснаго и притомъ заразительнаго.

Нужно имѣть въ виду, что пощада близнецовъ у тѣхъ народовъ, у которыхъ существовало повѣрье въ происхожденіе ихъ отъ злыхъ духовъ, должна была явиться въ результатѣ долгой эволюціи, борьбы двухъ силъ— инстинкта самосохраненія со стороны окружающаго общества и естественнаго чувства любви родителей къ своимъ дѣтямъ: эмоціональный протестъ любящаго противъ доводовъ разсудка и вѣры. Мы имѣемъ много примѣровъ трагическихъ переживаній родителей или мужей, когда имъ приходится насильственно лишаться дѣтей или жены. У нѣкоторыхъ кафрскихъ на-

родовъ, напримѣръ, отцовъ приходится уговаривать въ теченіе многихъ дней, приводя передъ ними безконечные доводы и примѣры ужасныхъ послѣдствій несоблюденія кроваваго обычая, передъ тѣмъ какъ несчастные родители рѣшаются на убіеніе своихъ дѣтей. Авторъ, описывающій сожженіе матери и ея близнецовъ у Mojawe, разсказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о трогательныхъ мольбахъ со стороны мужа и отца пощадить несчастныхъ.

Но постепенно, какъ всегда, на сцену является компромиссъ. Въ однихъ случаяхъ, какъ у суагели въ Африкѣ, если ребенка не убиваютъ, то продаютъ его на сторону. У другихъ отдаютъ на воспитаніе въ дальнюю семью. Иногда производится замѣна. Убиваютъ невольницу вмѣсто матери близнецовъ или устанавливается выкупъ, который является актомъ примиренія съ оскорбленными духами предковъ, и т. д. Безъ сомнѣнія, когда компромиссъ бывалъ невозможенъ, жалостливые родители прибѣгали къ хитростямъ. Дѣлали видъ, что бросали близнецовъ въ воду, какъ въ исторіи съ происхожденіемъ вельфовъ, или въ лѣсъ на съѣденіе звѣрямъ, и тайкомъ ихъ воспитывали. А впослѣдствіи, когда дѣти вырастали, оставалось только для оправданія прибѣгнуть къ правдоподобному въ глазахъ «первобытныхъ» людей разсказу о вскормленіи близнецовъ лѣсными звѣрями, медвѣдемъ, волкомъ, собакой и т. д. Иногда брошенные на произволъ близнецы подбирались посторонними, и тогда создавались легенды о чудесномъ спасеніи и воспитаніи пастухами, охотниками и т. д.

Но и послѣ прекращенія убійства близнецовъ, старые предразсудки и страхи продолжали жить и дѣйствовать. И мы имѣемъ многочисленные примѣры, рисующіе тяжелое положеніе близнецовъ среди окружающаго ихъ общества. Всякое близкое общеніе съ ними считается опаснымъ. Однаково опасаются ихъ дружбы и непріязни, ибо въ нихъ таится нѣчто отъ звѣринаго или злого духа. Они таятъ въ себѣ помимо своей воли цѣлый рядъ опасныхъ заразъ, передающихся другимъ. Имѣющіе съ ними общеніе рискуютъ сами стать родителями близнецовъ. Самое ужасное, быть можетъ, въ положеніи близнецовъ—это то, что они лишены привилегіи принадлежности къ роду и племени, въ которомъ родились. У кафровъ, напр., по свидѣтельству Кидда, «близнецы никогда не входятъ въ составъ общества, какъ равноправные члены клана» (Kidd, op. cit, 14), не участвуютъ въ церемоніяхъ посвященія. Въ лишеніи этого права приходится видѣть высшую степень отверженія, такъ какъ у народовъ, стоящихъ на ступени родового быта, человѣкъ внѣ рода — настоящій outlaw, послѣдній отверженецъ, не только лишенный общественной защиты, но и всякихъ религіозныхъ и соціальныхъ благъ общественной жизни. Наиболѣе энергичнымъ изъ нихъ остается покинуть свой родъ и, какъ Ромулъ и Ремъ, искать счастья въ жизни бродяги и искателя приключеній.

Таковы контрасты въ судьбѣ близнецовъ. Въ однихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, имъ воздается культъ: они — цари при жизни и боги послѣ смерти, въ другихъ—они безжалостно убиваются и въ лучшемъ случаѣ окружены атмосферой страха и безправности, обречены на оброшенность и скитальчество.

Наконецъ, для полнаго пониманія отношенія къ близнецамъ, нужно имѣть въ виду, что и близнецъ, рожденный отъ благодѣтельнаго существа, по самой природѣ своей, какъ существо сверхъестественное, могущественное, окруженное со стороны общества цѣлымъ рядомъ строгихъ табу, наряду съ благоговѣніемъ къ себѣ долженъ вызывать въ окружающихъ и чувство «богобоязни», страха. Такое же двойственное отношеніе имѣетъ мѣсто у первобытныхъ народовъ ко всякому божеству, хотя бы и благодѣтельному.

VII.

Резюмирую.

Культъ близнецовъ, въ той или другой формѣ — положительной или отрицательной, т. е. въ формѣ ли поклоненія или страха, на раннихъ ступеняхъ культуры можно считать почти универсальнымъ. Хотя на этотъ видъ культа изслѣдователи обращали мало вниманія, тѣмъ не менѣе онъ и теперь уже констатированъ у самыхъ различныхъ народовъ.

Въ основѣ его лежитъ представленіе о томъ, что рожденіе близнецовъ — явленіе сверхъестественное, что оно возможно только, какъ результатъ оплодотворенія матери двумя участниками, изъ которыхъ одинъ — настоящій отецъ близнецовъ, другой — тотъ или другой духъ, то или другое божество; при этомъ чаще всего принимается, что ребенокъ, вышедшій первымъ изъ утробы матери — происхожденія человѣческаго, а второй божественнаго. Психологія группового брака, идея магическаго контагіоза, равно какъ, быть можетъ, отсутствіе полной увѣренности въ точности признаковъ опредѣленія происхожденія каждаго изъ близнецовъ, привели къ тому, что оба близнеца обоготворяются и оба одинаково почитаются—и какъ дѣти божества, и какъ дѣти земного ихъ отца.

Какъ дѣти божества, близнецы наслѣдуютъ его свойства и потому обоготворяются подобно своему божественному отцу. Еще при жизни, когда проявленію ихъ божественной природы мѣшаетъ человѣческая оболочка, они, какъ мы видѣли, обладаютъ сверхъестественными свойствами, имѣютъ власть надъ погодой, появленіемъ рыбъ и животныхъ, проявляютъ мудрость и поэтическій геній; и мы видѣли у гереро, что по одному праву рожденія они становятся царями и жрецами своего селенія. Такъ какъ въ то же время

со стороны матери божественные близнецы—человѣческаго происхожденія и являются членами рода, въ которомъ родились, то естественно, что не только при жизни, но, главное, послѣ смерти, снова присоединившись къ сонму божествъ, они всячески стараются благодѣтельствовать своимъ сородичамъ, являясь лучшими посредниками между своимъ родомъ и божествомъ.

Такимъ образомъ, культъ близнецовъ есть только видъ культа обоготворенныхъ людей-сородичей, или, какъ его неправильно называютъ, культа предковъ. Гробницы близнецовъ — самое близкое и вѣрное прибѣжище для молитвы во всѣ трудныя минуты жизни: это — ихъ храмы и алтари; періодическія жертвоприношенія близнецамъ — такого же характера, какъ родовыя поминочныя пиршества, въ которыхъ божества принимаютъ участіе вмѣстѣ со своими поклонниками, живыми сородичами (геоксенія).

Вслѣдствіе того, что близнецы рождаются повсемѣстно, культъ ихъ крайне распространенъ и носитъ поэтому чисто *локальный* характеръ, и только на высшихъ ступеняхъ, когда нарождается іерархія божествъ, близнечныя божества, какъ въ примѣрѣ Озириса, начинаютъ терять свой локальный характеръ и становятся всенародными божествами. И далѣе, такъ какъ первобытный человѣкъ переноситъ и на объекты окружающей природы особенности своего я, одухотворяя и антропоморфируя ее, то нѣкоторые отдѣльные объекты и явленія природы могутъ представляться ему по аналогіи съ человѣкомъ близнечными божествами.

Божественными отцами близнецовъ могутъ быть представители различныхъ областей природы; поэтому и близнечныя божества, даже у одного и того же народа и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ разное время могутъ оказаться различной природы. Въ одномъ случаѣ они будутъ божествами небесной сферы, въ другомъ — водной, въ третьемъ — подземной и т. д., и впослѣдствіи, по мѣрѣ смѣшенія мѣстныхъ культовъ, одно и то же божество будетъ носить атрибуты самыхъ различныхъ божествъ. Естественно далѣе, что, въ зависимости отъ индивидуальныхъ условій, у каждаго народа будутъ преобладать представители той области природы, которая играетъ бо́льшую роль въ его жизни: у рыболовныхъ народовъ — боги водъ, у охотничьихъ — боги звѣрей, у земледѣльческихъ — небесные боги и т. д.

Два вида божествъ естественно и особенно часто ассоціируются съ близнечными божествами, именно боги плодородія и подземнаго царства. Представленіе о близнецахъ, какъ божествахъ плодородія, повидимому, стоитъ въ связи съ чрезвычайными условіями рожденія близнецовъ, предполагающими исключительную производительную силу отца. Въ свою оче-

редь это представленіе породило ассоціаціи близнецовъ то съ солнцемъ, элементомъ огня, страсти, то съ воднымъ элементомъ (оплодотворяющей влагой) и, наконецъ, съ луной, которая часто представляется особаго рода влагой, питающей небесныя существа[1].

Что касается ассоціированія близнецовъ съ божествами подземнаго царства, владыками царства мертвыхъ, то оно связано, несомнѣнно, съ универсальнымъ почти представленіемъ о близнецахъ, какъ о родоначальникахъ человѣчества, первыхъ людяхъ, которые родились на землѣ и первыми, слѣдовательно, перешли въ царство смерти.

Поводъ къ такому представленію, повидимому, подали случаи рожденія близнецовъ разнаго пола, которые, по широко распространенному представленію, еще въ утробѣ матери становятся супругами (Озирисъ и Изида и т. д.)[2], и такъ какъ первыя пары людей несомнѣнно — творенія какого-нибудь божества, то естественнѣе всего представлять эту пару, какъ близнечную, тѣмъ болѣе что именно богамъ только приписывается способность производить на свѣтъ близнецовъ.

Старѣйшіе среди умершихъ, первые близнецы естественно стали владыками подземнаго царства. На выработку этого представленія имѣла, конечно, вліяніе и обычная высокая смертность близнецовъ, истолковываемая какъ природное тяготѣніе ихъ къ загробному міру, къ царству мертвыхъ.

Далѣе. Хотя, какъ мы видѣли, по цѣлому ряду причинъ обоготворяются безразлично оба близнеца, но различіе въ ихъ происхожденіи отчетливо сказывается въ представленіяхъ о природѣ и психическихъ особенностяхъ каждаго изъ нихъ. Вотъ почему такъ часто имъ приписываются рѣзко противоположныя свойства и такъ различно бываетъ отношеніе къ нимъ въ зависимости отъ происхожденія каждаго. Одинъ талантливъ, храбръ, непобѣдимъ (какъ мы видѣли у айну), другой — субъектъ совершенно ординарный; одинъ добръ, другой золъ; одинъ безсмертенъ, другой смертенъ; одному (младшему, какъ у гереро) достаются царская власть и жреческій санъ, а другой, — при жизни, по крайней мѣрѣ, — не пользуется никакими привилегіями.

Въ силу той же противоположности природы близнецовъ, между ними часто возникаетъ антагонизмъ, зависть, борьба, иногда съ трагическимъ финаломъ, но иногда бываетъ и наоборотъ, les extrêmes se touchent: между близнецами возникаетъ особенно горячая, даже самоотверженная привязанность (Кастеръ и Поллуксъ), а если близнецы разнаго пола, то и любовь (Ими и Има), и тоже самоотверженная (Озирисъ и Изида).

---

[1] Ср. Macdonell. Vedic Mythology, стр. 112.

[2] Поэтому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Меланезіи, такихъ близнецовъ убиваютъ, какъ кровосмѣсителей.

Переходимъ къ представленію о божественныхъ отцахъ близнецовъ. На нашихъ примѣрахъ мы видѣли ихъ въ двухъ формахъ. У однихъ народовъ (у гиляковъ, напр.) это — существа двойственнаго характера, и антропоморфныя и зооморфныя въ то же время, съ преобладаніемъ первой черты. Зооморфность у нихъ — потенціальная и притомъ болѣе внѣшняго характера, своего рода оболочка, которую они легко принимаютъ на себя и также легко снимаютъ. Какъ женщины-лебеди германской миѳологіи, это — люди-медвѣди, люди-волки и т. д., что́ мы охарактеризовали какъ вторую стадію культа животныхъ, когда духи антропоморфируются, но за ними продолжаетъ сохраняться и ихъ животная природа.

Наконецъ, мы видѣли и примѣры народовъ (айну, камчадалы, племена Британской Колумбіи и т. д.), когда божественные отцы представляются еще настоящими животными, лососями, сѣрыми медвѣдями, волками и пр.

Что касается половой связи духовъ съ человѣческими женщинами, то «первобытному» человѣку, не видящему никакой пропасти между собою и міромъ духовъ, она представляется совершенно естественнымъ явленіемъ, результатомъ серіозной страсти или легкаго увлеченія, причемъ въ одномъ случаѣ духъ убиваетъ возлюбленную (похищаетъ въ свой міръ), въ другомъ сближается съ нею во снѣ.

Теперь остается резюмировать отношеніе къ близнецамъ, рожденіе которыхъ приписывается существамъ демоническимъ, губительнымъ. И въ этомъ случаѣ первобытный человѣкъ дѣйствуетъ съ той же логической прямолинейностью. Если въ первомъ случаѣ онъ создаетъ близнецу поклоненіе, то во второмъ онъ старается отъ него избавиться, и потому одинъ изъ близнецовъ (случается, и оба), предполагаемый ребенокъ злого существа, убивается, а съ нимъ иногда и его мать, какъ лицо, связавшееся со злымъ духомъ. Постепенно убійство близнецовъ перестало практиковаться, но страхъ по отношенію къ нимъ сохранился, и еще долго близнецы считались опасными для окружающихъ и были безправными, безродными существами, чужими среди родныхъ; только немногимъ изъ нихъ, цѣною скитаній и авантюристской предпріимчивости, удавалось побѣдить судьбу и создать себѣ положеніе на чужбинѣ.

Но и боготвореніе близнецовъ, въ свою очередь, постепенно ослаблялось и, наконецъ, прекратилось, хотя еще долго (до нашихъ дней кой-гдѣ въ Европѣ) продолжаетъ сохраняться вѣра въ какую-то таинственную силу близнецовъ.

Теперь для насъ становятся совершенно ясными генезисъ и психологія культа близнецовъ въ античныхъ религіяхъ, въ частности культа Асвиновъ и Діоскуровъ. Теперь получаются опредѣленные отвѣты на выставленные нами впачалѣ вопросы.

Для насъ ясно прежде всего, откуда эта специфическая противоположность свойствъ близнецовъ Аѳвиновъ-Діоскуровъ (смертность и безсмертіе, доброта и зловредность, геній и бездарность и т. д.), такъ часто приводящая къ антагонизму и борьбѣ, — потому что, несомнѣнно, и древніе арійцы въ рожденіи близнецовъ видѣли двойное участіе божества и человѣка; близнецы, поэтому, разсматривались, какъ дѣти разныхъ отцовъ. Что древніе такъ и смотрѣли на это, мы сплошь и рядомъ видимъ въ эпитетахъ близнецовъ (Тиндариды, т. е. дѣти Тиндарея и дѣти Зевса) и въ легендахъ объ ихъ происхожденіи, гдѣ обычно матери близнецовъ рисуются замужними женщинами, причемъ точно называются имена ихъ мужей. Вотъ почему древніе писатели и поэты указываютъ не только алтари близнецовъ, но и дома, гдѣ они родились, и гробницы, гдѣ покоился ихъ прахъ.

Аѳвины и Діоскуры, такимъ образомъ,—первоначально,—по крайней мѣрѣ, отнюдь не астральныя тѣла, а *настоящіе люди,* родившіеся отъ человѣческихъ женщинъ, жившіе среди людей и отличавшіеся отъ остальныхъ только тѣмъ, что были близнецами. Недаромъ у античныхъ народовъ, какъ и у современныхъ первобытныхъ, близнечныя божества именуются и изображаются младенцами. Діоскуры именуются ἄναχτες παῖδες — цари[1]-дѣти, и греческое искусство изображало ихъ въ видѣ маленькихъ дѣтей въ остроконечныхъ шапочкахъ[2], а искусство римское изображало божественныхъ близнецовъ-супруговъ, Юпитера и Юнону, въ видѣ младенцевъ, сосущихъ грудь своей общей матери Фортуны.

Вотъ почему культъ этотъ носитъ такой ясно выраженный локальный и множественный характеръ, что не было ни одной области въ Греціи, которая не имѣла бы своихъ собственныхъ близнечныхъ божествъ подъ особыми названіями и со спеціальными легендами объ ихъ происхожденіи. Вотъ почему, несмотря на свою мнимую астральность, близнечныя божества такъ близки къ людямъ, такъ входятъ во всѣ ихъ мелочныя нужды, являясь ихъ постоянными помощниками и спасителями, и запросто участвуютъ въ ихъ пиршествахъ. Вотъ почему Аѳвины, какъ родившіеся отъ mésalliance'овъ и якшавшіеся съ людьми земли, считались какъ бы божествами низшей расы, судрами среди боговъ.

Теперь ясно, почему мы находимъ Аѳвиновъ и Діоскуровъ такъ часто не только въ роли божествъ, но и культурныхъ героевъ и царей, какъ это мы видѣли среди нѣкоторыхъ народовъ Африки, и ясной становится причина возникновенія института двухъ царей въ Спартѣ, двухъ царей и двухъ консуловъ въ Римѣ,—института, такъ долго смущавшаго историковъ. Относи-

---

[1] Тутъ терминъ ἄναξ — царь — въ смыслѣ культоваго эпитета «господинъ, владыка, хозяинъ», какъ семитическій терминъ «баал».

[2] Ср. Bethe, Dioskuren у Pauly-Wissowa, 1089; Marx. Athen. Mittheil., X, 88.

гельно Спарты мы видѣли свидѣтельство Павзанія о близнецахъ, основателяхъ обѣихъ царскихъ династій. Въ древне-италійскихъ легендахъ близнечныя божества неба рисуются первоначально царями на землѣ. «Первый и величайшій изъ божественныхъ царей», какъ называютъ его гимны салієвъ, близнечный (geminus) Янусъ, былъ царемъ на Яникулѣ[1].

Психологія первобытныхъ народовъ объясняетъ намъ другую любопытную особенность дѣятельности арійскихъ близнецовъ, а именно, что зачастую они являются культурными героями не на своей родинѣ, а на чужбинѣ, т. е. лицами пришлыми, ушедшими отъ своихъ родовъ, а Аҫвины даже вообще рисуются вѣчно странствующими, перебѣгающими съ мѣста на мѣсто существами. Безъ сомнѣнія, мы видимъ здѣсь результатъ смѣшенія двухъ указанныхъ нами выше воззрѣній на близнецовъ, какъ на объекты культа съ одной стороны и соціальнаго отверженія съ другой,— отверженія, поневолѣ заставлявшаго близнецовъ искать себѣ лучшей доли на чужбинѣ и въ скитаніяхъ. И здѣсь умѣстно прибавить, что въ легендахъ о Діоскурахъ мы находимъ тѣ же первобытные мотивы убіенія близнецовъ, спасенія и вскормленія ихъ животными, какъ и у первобытныхъ народовъ (исторія Ромула и Рема, дѣтей Антіопы и т. д.).

Данныя этнографіи, далѣе, объясняютъ намъ, почему и Аҫвины и Діоскуры ассоціировались съ богами плодородія (то въ связи съ водянымъ элементомъ, то съ луной), являлись покровителями браковъ, исцѣлителями безплодныхъ, даруя изобиліе въ дѣтяхъ и скотѣ, и въ этихъ же данныхъ мы находимъ объясненіе той двойственности, въ силу которой эти обычно благодѣтельныя существа становятся иногда враждебными и мстительными.

Теперь намъ понятнымъ становится то, почему античныя близнечныя божества, какъ Озирисъ, Яма и т. д., являются въ роли боговъ подземнаго царства и родоначальниковъ человѣчества въ видѣ близнечной пары, брата и сестры. И теперь, наконецъ, для насъ становятся совершенно ясными зооморфическія черты въ Аҫвинахъ и Діоскурахъ. Арійскіе народы въ томъ періодѣ близнечнаго культа, о которомъ дошли до насъ литературные памятники, стояли на стадіи дуалистическаго культа животныхъ, когда божества-животныя приняли уже антропоморфную форму, сохраняя потенціально и форму зооморфную. Какъ гиляцкій горный человѣкъ рисуется то антропоморфнымъ существомъ—хозяиномъ медвѣдей, то просто медвѣдемъ, такъ Аҫвины и Діоскуры представлялись то хозяевами лошадей, то лошадьми, то

---

[1] De Vit, Onomasticon, II, 612. Аналогичное мнѣніе о происхожденіи двойственной царской власти въ Римѣ высказываетъ A. B. Cook: My suggestion is that the two kings twins if possible were regarded as the most fitting embodiment of the twofold sky-god (The European Sky-God, Folklore, 1905; стр. 300).

хозяевами волковъ, то волками, то лебедями, то людьми-лебедями. Миѳологи филологической школы склонны были объяснять роль животныхъ въ близнечномъ культѣ, какъ и въ культѣ вообще, чисто символически или въ видѣ случайныхъ воплощеній божествъ. Въ дѣйствительности несомнѣнно, что и у арійскихъ народовъ налицо такіе же конкретные слѣды подлиннаго культа животныхъ, какъ у самыхъ первобытныхъ народовъ.

Ограничусь только примѣрами культа лошади, который такъ тѣсно связанъ съ культомъ Аѳвиновъ и Діоскуровъ. Слѣды этого культа находимъ еще въ Греціи. Въ древней Спартѣ, напримѣръ, присяги приносились надъ трупомъ жертвенной лошади[1], какъ это дѣлаютъ теперь остяки надъ лапой медвѣдя. На древне-греческихъ поминкахъ пиршество происходило передъ головой лошади, какъ это видимъ на погребальныхъ барельефахъ[2]. Но отчетливѣе всего мы видимъ слѣды этого культа въ Индіи, гдѣ еще и теперь, впрочемъ, въ такой сильной степени сохранился культъ животныхъ. Ограничусь только однимъ, но поразительнымъ примѣромъ,—такъ называемымъ праздникомъ жертвоприношенія лошади (açvamedha)[3], ярко рисующимъ отношеніе къ животнымъ вообще и, въ частности, къ лошади, какъ существу высшаго порядка. Это самое импозантное изъ индусскихъ празднествъ устраивалось исключительно для царей, чтобы обезпечить имъ успѣхъ въ потомствѣ, во всѣхъ ихъ личныхъ и государственныхъ дѣлахъ, а также передъ каждой войной. Празднество начиналось весной и продолжалось цѣлый годъ. Въ теченіе этого года избранная по особымъ примѣтамъ лошадь пользовалась полной свободой,—до такой степени, что за нею вынуждены были слѣдовать, рискуя даже войной, если она заходила на непріятельскую территорію. Ей давался эскортъ изъ трехсотъ старыхъ лошадей, трехсотъ принцевъ крови, ста благородныхъ, ста сыновей чиновниковъ высшаго ранга и ста — низшаго ранга. Во все это время давались безпрерывныя празднества, устраивались всенародныя жертвоприношенія богу солнца. Наканунѣ послѣдняго акта, избранную лошадь торжественно купали, послѣ чего три первыя жены царя натирали ее благовонными мазями и надѣвали на нее украшенія, а въ послѣдній день, послѣ торжественнаго удушенія жертвенной лошади, первая жена царя должна была лечь рядомъ съ нею подъ однимъ покрываломъ и подвергнуться циничной на нашъ взглядъ церемоніи, являясь въ роли супруги жертвеннаго животнаго. Эта церемонія, которая самую знатную женщину народа публично ставитъ

---

[1] Fitrem, 26.

[2] Reinach, 53.

[3] Подробное описаніе см. у Hillebrandt'a въ его Rituallitеratur. Vedische Opfer und Zauber, стр. 149 и слѣд.

въ такое положеніе по отношенію къ животному и подобной которой не знаетъ даже ни одинъ примитивный народъ, довольно наглядно рисуетъ воззрѣніе творцовъ близнечнаго культа на природу лошади и достаточно доказываетъ, что психологія, создавшая примитивное представленіе о половомъ общеніи между людьми и божественными животными, нисколько не была чужда и творцамъ культа Асвиновъ и Діоскуровъ.

Приложеніе.

Культовые домики близнецовъ у гиляковъ.

Отъ античныхъ народовъ до насъ дошли свѣдѣнія о святилищахъ близнечныхъ божествъ. Дошли до насъ и изображенія самихъ близнецовъ на скульптурахъ, монетахъ, вазахъ.

Подобныя же свѣдѣнія и изображенія дошли до насъ и отъ культурныхъ мексиканцевъ[1].

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о подобныхъ святилищахъ и изображеніяхъ близнецовъ, въ частности изобразительный матеріалъ, почти совершенно отсутствуютъ относительно нынѣ живущихъ народовъ, которыми занимается этнографія[2].

Считаемъ поэтому небезынтереснымъ дать здѣсь описаніе и изображеніе двухъ культовыхъ домиковъ близнецовъ у гиляковъ о. Сахалина, модели которыхъ имѣются въ академическомъ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи.

I. Первый домикъ (рис. 1—3) вывезенъ мною съ о. Сахалина въ 1910 г. Онъ былъ изготовленъ подъ моимъ наблюденіемъ старымъ моимъ пріятелемъ, многоопытнымъ въ дѣлахъ гиляцкаго культа, престарѣлымъ гилякомъ Фимкой, въ селѣ Славо на р. Тымь, и представляетъ во всѣхъ деталяхъ точный образецъ подлиннаго домика близнецовъ, какъ его дѣлаютъ въ этомъ районѣ.

---

[1] Особенно извѣстны разнообразныя изображенія богини произрастанія и ткачества Xochiquetzal съ ея двумя близнецами. Два такихъ изображенія (одно представляетъ богиню въ моментъ рожденія близнецовъ, другое — глиняная статуэтка богини съ близнецомъ на каждой рукѣ) воспроизведены, по Зелеру и Леману, у Ploss'a, op. cit., стр. 156, 157. Имѣется и изображеніе мужескаго божества близнецовъ (оно же — божество похоти), Xolotl.

[2] Извѣстны—популярныя китайскія изображенія близнечныхъ геніевъ гармоніи и согласія, деревянныя статуэтки сросшихся близнецовъ изъ Того (въ Лейпцигскомъ Музеѣ Народовѣдѣнія), урны съ останками близнецовъ, хранимыя, какъ святыни, въ домахъ у перуанцевъ, двуликія статуэтки близнецовъ у негровъ Невольничьяго берега, фетишные домики для новорожденныхъ близнецовъ у ваньямвези и нѣкоторые другіе, но и изъ этихъ немногихъ примѣровъ авторы не во всѣхъ случаяхъ даютъ соотвѣтствующія изображенія.

Общій видъ домика (рис. 1) представляетъ четырехстѣнный дощатый срубъ съ двускатной орнаментированной крышей. Посрединѣ послѣдней проходитъ тонкая плоская перекладина, оканчивающаяся вырѣзаннымъ въ видѣ головы выступомъ. Это — голова медвѣдя, эмблема «горнаго человѣка», настоящаго отца близнецовъ (см. стр. 162). Въ боковыхъ стѣнкахъ домика продѣлано по круглому отверстію, по одному для каждаго близнеца. Черезъ эти отверстія-окошечка бросаются внутрь жертвоприношенія. Нижняя доска, на которой установленъ домикъ, оканчивается выступомъ, и на этотъ выступъ устанавливаются блюдца съ жертвоприношеніями.

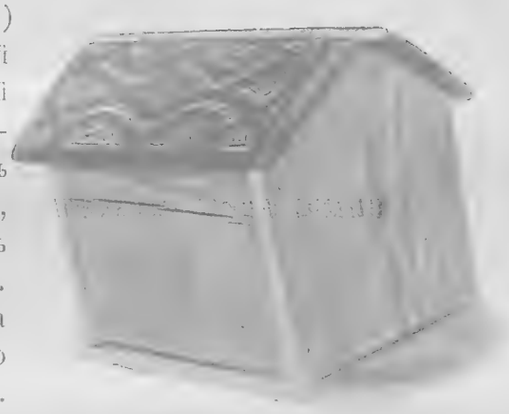


Рис. 1 ($^1/_3$ нат. вел.).

Внутри домика (рис. 2, 3; на первомъ для наглядности откинута половина крыши, а на второмъ временно вынута передняя стѣнка) устанавливается деревянная статуэтка, изображающая близнецовъ: одного — если только одинъ умеръ, двухъ — если оба умерли. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ на настоящемъ рисункѣ, близнецы изображаются *сросшимися* боками, какъ изображались часто близнечныя божества въ Греціи (συμφυεῖς) и какъ это встрѣчается у нѣкоторыхъ современныхъ первобытныхъ народовъ (у негровъ въ Того). Статуэтка обложена «ипау» — священными стружками, играющими въ данномъ случаѣ несомнѣнно такую же культовую роль, какъ и при погребеніи близнецовъ, которыхъ одѣваютъ въ одежду изъ стружекъ. Любопытно, что антропоморфныя изображенія медвѣдя, изготовляемыя послѣ каждаго медвѣжьяго праздника и хранимыя, какъ духи-хранители, въ особыхъ домикахъ, тоже облекаются въ стружки, и совна-

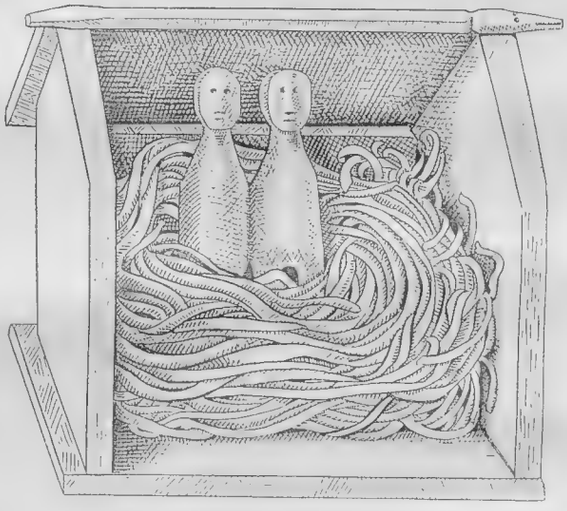


Рис. 2 ($^1/_3$ нат. вел.).

деніе это — не случайное, ибо и близнецы послѣ смерти, возвращаясь къ своему отцу, горпому человѣку, тоже становятся медвѣдями.

Передъ домикомъ ставятъ одну или двѣ (по числу умершихъ близнецовъ) заструженныхъ палочки, служащихъ посредниками между людьми и духами близнецовъ.

Рисунки 4 и 5 представляютъ орнаментъ на двухъ половинкахъ крыши домика. Это—типичный проскціонный анскій орнаментъ, давно уже усвоенный сахалинскими гиляками, особенно на среднемъ Сахалинѣ. По своему характеру, орнаментъ этотъ — чисто символическій, какъ я имѣлъ возможность убѣдиться по аналогичнымъ образцамъ на палочкахъ для питья саки[1], но каково его значеніе въ данномъ случаѣ — выяснить на мѣстѣ не удалось. Повидимому, смыслъ этого орнамента гиляками утерянъ. Съ своей стороны, на основаніи своего знакомства съ орнаментомъ айну, могу сказать, что нѣкоторые элементы, особенно на рис. 5, совпадаютъ съ таковыми же на палочкахъ для саки, именно изображенія глазъ и нѣкоторыхъ другихъ частей тѣла морскихъ животныхъ (очень символизированныхъ). Въ частности, на рис. 5 въ серединѣ — фигура, изображающая, повидимому, китайско-японскій символъ мужескаго и женскаго начала.

Рис. 3 (1/3 нат. вел.).

II. Второй домикъ близнецовъ (рис. 6) нѣсколько иного типа. Онъ доставленъ въ Музей въ числѣ другихъ этнографическихъ предметовъ съ о. Сахалина еще въ 1892 г. д-ромъ медицины П. Супруненко. Послѣдній, къ сожалѣнію, не сообщаетъ, изъ какой именно части о. Сахалина полученъ имъ этотъ интересный объектъ культа, но, судя по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною на мѣстѣ отъ гиляковъ, доставлявшихъ д-ру Супруненко этнографическія собранія, и, наконецъ, по самому типу домика, могу съ увѣренностью сказать, что происходитъ онъ отъ гиляковъ, наиболѣе объайнившихся, живущихъ на территоріи между южнымъ Pila-wo и Viax-tu. Имѣю основаніе думать также, что домикъ изготовленъ былъ въ с. Танги нынѣ покойнымъ гилякомъ *Hibl*, который былъ главнымъ поставщикомъ д-ра Супруненко. Хотя я лично такого типа близнечнаго домика не видѣлъ, но въ существованіи его не сомнѣваюсь. Какъ видно по рисунку 6, домикъ

[1] Саки — напитокъ изъ риса.

представляетъ собою сквозной кузовообразный шалашъ, крытый длинными стружками, подобными тѣмъ, которыми обложены близнецы въ домикѣ № 1. Характерно, далѣе, что верхняя перекладинка шалаша точно такъ же заканчивается грубымъ изображеніемъ головы медвѣдя. Внутри шалаша — двѣ деревянныя поясныя безрукія человѣческія фигурки. Бюстовая часть фигурокъ не очищена отъ коры. Очень любопытно, что по такому же шаблону (въ видѣ неочищеннаго отъ коры короткаго обрубка съ человѣческой головой) изготовляются и тѣ культовыя изображенія медвѣдя, о которыхъ говорилось выше.

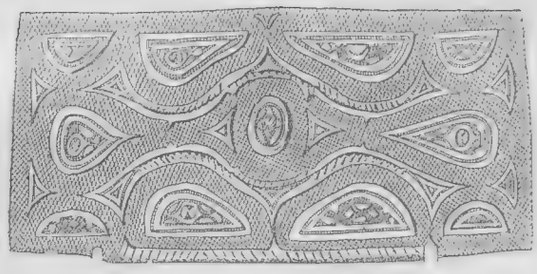


Рис. 4 (1/4 нат. вел.).

Кромѣ фигурокъ, въ шалашѣ имѣется корытце для жертвоприношеній. Въ это корытце, какъ сообщаетъ г. Супруненко, «желающіе имѣть дѣтей кладутъ щепотками пищевыя вещества и табакъ». Человѣческія фигурки г. Супруненко называетъ «богами плодовитости» и даетъ для нихъ терминъ «томаръ». Такого термина у гиляковъ нѣтъ: это, несомнѣнно, искаженіе гиляцкаго слова тонгў, что означаетъ и близнеца и божество,—духа, породившаго близнецовъ. Къ этому духу, какъ я уже говорилъ, обращаются не только въ случаяхъ безплодія, но и во всѣ важные моменты жизни (при болѣзни, при отправленіи въ далекій путь, на охоту и т. д.), и если информировавшій г. Супруненко гилякъ говорилъ ему лишь о роли тонгў при безплодіи, то это показываетъ только, какое важное значеніе гиляки придаютъ именно этой функціи.

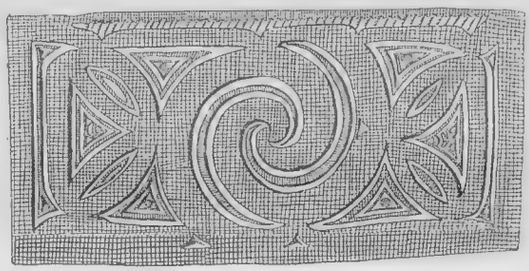


Рис. 5 (3/4 нат. вел.).

Домики близнецовъ носятъ названіе тонгў раф, отъ тонгў — близнецъ и раф — могильный домикъ.

Могильные домики обычно дѣлаются для каждаго покойника послѣ сожженія его трупа и ставятся недалеко отъ погребальнаго костра. Домики эти — болѣе крупныхъ размѣровъ, чѣмъ домики близнецовъ, и, кромѣ того,

отличаются отъ послѣднихъ и по внѣшнему виду, и по внутреннему устройству и снаряженію[1]. Особенно характерное отличіе такихъ домиковъ — это водружаемое на крышѣ изображеніе кукушки. Назначеніе могильныхъ домиковъ — дать пріютъ одной изъ душъ покойника на время, пока душа-двойникъ послѣдняго не доберется до «селенія мертвыхъ», и снабдить ее всѣмъ тѣмъ, что можетъ облегчить трудности путешествія въ загробный міръ.

Близнецы въ такомъ домикѣ не нуждаются, — прежде всего, потому, что ихъ не сожигаютъ и не погребаютъ въ землѣ, а усаживаютъ въ просторномъ и прочномъ надземномъ срубѣ, который, какъ временное жилище для души, гораздо комфортабельнѣе и долговѣчнѣе, чѣмъ тѣсный игрушечный раф. Затѣмъ, ни въ какомъ особенномъ снаряженіи для путешествія въ страну мертвыхъ близнецы тоже не нуждаются, такъ какъ послѣ смерти они переходятъ жить къ хозяину горъ и становятся медвѣдями.

Рис. 6 (1/4 нат. вел.).

Далѣе, обыкновенный раф сохраняетъ свое значеніе только на самое короткое время — до трехъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ покойника «кормятъ», пока онъ окончательно не доберется до загробнаго міра. Послѣ этого домикъ перестаетъ совершенно интересовать окружающихъ, и такъ какъ онъ ставится безъ всякаго прикрытія отъ непогоды, то очень скоро дожди и вѣтры приводятъ его въ полное разрушеніе.

Совершенно различна судьба раф'а близнецовъ. Это — не кратковременное жилище для души покойника, а долговѣчный храмъ, гдѣ близкіе и чужіе возносятъ молитвы и совершаютъ жертвоприношенія періодически въ каждое ново- и полнолуніе и во всякій моментъ нужды и несчастія. Для предохраненія отъ разрушенія домикъ ставятъ не на открытомъ воздухѣ,

[1] Описаніе ихъ можно найти у Шренка: «Объ инородцахъ Пріамурскаго края». т. III, стр. 136—145.

а сохраняютъ въ закрытомъ помѣщеніи — въ домѣ, амбарѣ или въ другомъ защищенномъ мѣстѣ близъ селенія. Такъ онъ продолжаетъ служить сородичамъ близнецовъ до третьяго поколѣнія, когда, съ кончиной душъ близнецовъ (см. выше, стр. 165), кончается и роль ихъ родового храма. Но и въ этотъ моментъ домику-храму воздаютъ такія же высокія послѣднія почести, какъ и костямъ божественнаго медвѣдя. Въ торжественной процессіи уносятъ домикъ далеко въ горы, окружаютъ его священными заструженными деревцами и устраиваютъ послѣднее жертвенное пиршество.

Подобную роль святилищъ близнецовъ, какъ мѣста жертвоприношеній и молитвъ, находимъ и не у однихъ гиляковъ. Такъ, у африканскаго племени ваньямвези передъ жилищемъ родителей близнецовъ устраиваются жителями селенія, послѣ торжественной церемоніи, два фетишныхъ домика, передъ которыми приносятъ жертвы и молятся во время болѣзни, при выступленіи въ походъ и т. д., — словомъ въ тѣхъ же случаяхъ, что и у гиляковъ. У негровъ Невольничьяго берега передъ изображеніями близнецовъ приносятся даже кровавыя жертвы.

Къ сожалѣнію, такихъ примѣровъ въ этнографической литературѣ пока еще очень мало. Будемъ надѣяться, что, по мѣрѣ дальнѣйшаго детальнаго изученія культа близнецовъ, на который до сихъ поръ сравнительно мало обращалось вниманія, накопится достаточное количество новыхъ данныхъ и, быть можетъ, еще болѣе интересныхъ о подобныхъ святилищахъ близнечнаго культа.

Л. Ш.

К. В. Щенниковъ.

Мѣры протяженія у киргизовъ Акмолинской области.

Въ Петропавловскомъ и Кокчетавскомъ уѣздахъ у киргизовъ существуютъ слѣдующія мѣры протяженія.

Кон алка—около 60—80 верстъ—разстояніе, которое проѣзжаютъ за день на лошади (утромъ выѣзжаютъ, а вечеромъ бываютъ на мѣстѣ).

Тўстўк (Радловъ III, 1580) — около 40 вер. — разстояніе, проѣзжаемое на лошади въ полдня (утромъ выѣзжаютъ, въ полдень бываютъ на мѣстѣ).

Туё кут — около 40 вер. — пробѣгъ верблюда безъ отдыха (утромъ выѣзжаютъ, около полудня останавливаются для отдыха).

Ат чаптрым — около 15 — 25 вер. — пробѣгъ лошади безъ отдыха.

Шакрым (Радловъ IV, 934) — русская верста въ 500 саж.

Кулаш (Радловъ II, 975) — русская маховая сажень. Этой мѣрой измѣряется веревка, главнымъ образомъ, для перевозки сѣна при метаніи его въ стогъ во время сѣнокоса.

Кадам (съ арабск., Радловъ II, 316) — шагъ. Измѣряютъ землю для различныхъ надобностей.

Табан (Радловъ III, 963) — длина ступни ноги. Измѣряется ребятами разстояніе при играхъ въ асык (лодыжка).

Сўём (Радловъ IV, 795) — пядь, четверть (протяженіе межъ растянутыхъ большого и указательнаго пальцевъ). Эта мѣра служитъ для различныхъ надобностей, какъ то: измѣренія саней, дверей, оконъ и пр.

Төрт eli (Радловъ I, 814) — четыре пальца руки, сложенныхъ вмѣстѣ, ўш eli — три пальца руки, сложенныхъ вмѣстѣ, екі eli — два пальца и бір eli — одинъ палецъ. Этими мѣрами киргизы измѣряютъ толщину верхняго почвеннаго слоя, глубину воды, скопляющейся въ низинахъ послѣ дождя, и, главнымъ образомъ, толщину сала у лошадиной туши. Киргизъ съ гордостью говоритъ, что у его лошади маj төрт eli (сала на четыре пальца).

Е. М. Романова.

Библіотека Музея Антропологіи и Этнографіи, ея основаніе и ростъ за 11 лѣтъ.

Основаніе библіотекѣ положено было передачей въ Музей, неизвѣстно кѣмъ и когда, 19 томовъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und zu Lande oder Sammlung aller Reisebeschreibungen welche bis itzo in verschiedenen Sprachen von allen Völkern herausgegeben worden» 1747—1771[1]. Въ 1894 году, когда Музей былъ переведенъ въ новое помѣщеніе и началось выставленіе коллекцій, было пріобрѣтено нѣсколько словарей и книгъ по антропологіи и этнологіи и атласъ Штилера. Въ концѣ 1902 года директоръ Музея, В. В. Радловъ, пожертвовалъ библіотекѣ очень много книгъ и журналовъ и далъ ей помѣщеніе въ двухъ рабочихъ кабинетахъ. Съ этого времени собственно и начинается жизнь библіотеки: книги были занесены на карточки въ алфавитный каталогъ и переплетены. Хотя средствъ на пополненіе библіотеки не было, ростъ ея продолжался непрерывно, благодаря пожертвованіямъ, поступавшимъ главнымъ образомъ отъ директора и отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ.

Кромѣ того, персоналъ Музея усердно содѣйствовалъ пополненію библіотеки, привлекая пожертвованія книгами и журналами отъ различныхъ научныхъ учрежденій.

Въ 1903 году была куплена за 150 рублей часть библіотеки К. К. Гильзена, состоявшая изъ 300 книгъ и нѣсколькихъ альбомовъ съ рисунками. Въ томъ же году начался обмѣнъ изданіями, сначала съ русскими учеными учрежденіями и музеями, а потомъ и иностранными.

---

[1] Сочиненіе это состоитъ изъ 21 тома и въ настоящее время еще продается въ Германіи у антикваровъ за 110 марокъ.

Предложеніе обмѣниваться изданіями послано было въ музеи Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Живѣе всѣхъ отозвались Соединенные Штаты, приславшіе всѣ изданія, которыми могли располагать; изъ Южной Америки получился отвѣтъ, что изданія на русскомъ языкѣ имъ не нужны; изъ Африки не отвѣтили ничего; изъ Азіи отозвались на призывъ Мадрасскій Музей, Бомбейское Антроп. Общество, университеты Кіото и Токіо, а изъ Австраліи — Музей въ Сиднеѣ. Изъ русскихъ ученыхъ учрежденій въ обмѣнъ изданіями вступили: всѣ отдѣлы Имп. Русск. Геогр. Общества Европейской и Азіатской Россіи, музеи, университеты, ученыя архивныя комиссіи. Съ каждымъ годомъ обмѣнъ изданіями разрастался, что видно изъ годовыхъ отчетовъ о дѣятельности Музея. Въ 1905 году завязались сношенія съ книжной фирмой Гирземана въ Лейпцигѣ, и библіотека стала пополняться журналами и книгами, соотвѣтствующими научнымъ задачамъ Музея. Одновременно продолжали поступать и пожертвованія: отъ директора Музея, отъ разныхъ учрежденій и отъ частныхъ лицъ. Такъ, въ 1907 году Статистическій Отдѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, по просьбѣ Музея, прислалъ всѣ изданія «Результатовъ переписи населенія Росс. Имперіи». Въ 1908 г. поступило 12 книгъ отъ Конгресса американистовъ; въ 1909 г. прислано въ даръ отъ Импер. Археологической Комиссіи 38 томовъ ея изданій, а отъ Smithsonian Institution въ Вашингтонѣ 129 томовъ работъ по этнологіи Сѣв. Америки. Въ сентябрѣ того же года въ жизни библіотеки произошла важная перемѣна: библіотека получила новое отдѣльное помѣщеніе и была приглашена помощница библіотекаря. Благодаря этому, явилась возможность правильно разставить книги по размѣрамъ, составить новый карточный каталогъ и вести отдѣльную запись книгъ и журналовъ въ хронологическомъ порядкѣ, по мѣрѣ ихъ поступленія.

Въ 1910 г. В. И. Каменскій пожертвовалъ въ библіотеку 45 книгъ, большею частью по археологіи; въ 1911 г. начали поступать изданія Государственной Думы 3-го созыва — даръ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи — и изданія Восточнаго Института во Владивостокѣ, съ которымъ Музей вступилъ въ обмѣнъ изданіями и отъ котораго сразу получилъ 29 томовъ журналовъ и 32 книги.

Иностранный отдѣлъ обогатился 25-тью томами сочиненій доктора Hrdlička, присланными имъ въ даръ, и 9-тью томами по археологіи Соедин. Штатовъ, тоже даромъ Mr'a Clarence Moore. Въ 1912 году докторъ Н. В. Кирпловъ принесъ въ даръ библіотекѣ 167 книгъ по антропологіи, этнографіи, медицинѣ и фольклору на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, китайскомъ и японскомъ языкахъ, а Разрядъ ученыхъ учрежденій Министерства Народнаго Просвѣщенія прислалъ нѣсколько книгъ на англійскомъ языкѣ. По мѣрѣ того какъ росла библіотека, въ ней стали появляться

дублеты книгъ русскихъ и иностранныхъ, и въ настоящее время ихъ насчитывается 115 русскихъ и 110 иностранныхъ.

Въ первые годы существованія библіотеки пріобрѣталось только самое ограниченное количество журналовъ и книгъ: такъ, въ 1909 г. куплено было 4 книги, въ 1910—18 книгъ; чѣмъ дальше, однако, тѣмъ количество ихъ все возрастало, и въ 1914 г. за 6 мѣсяцевъ (1 дек. — 1 іюня) пріобрѣтено покупкою 94 книги и намѣчено было много другихъ, но война прервала всѣ сношенія съ Германіей, Бельгіей и Франціей. Журналовъ выписывали сначала только 5, въ настоящее время ихъ выписывается 10, а всѣхъ вообще журналовъ въ библіотекѣ получается 62 иностранныхъ и 47 русскихъ. Кромѣ этихъ текущихъ изданій, имѣется еще 12 журналовъ иностранныхъ и нѣсколько русскихъ за прежніе годы.

Кромѣ книгъ, въ библіотекѣ имѣются брошюры (378), атласы географическіе, археологическіе и этнографическіе, альбомы съ рисунками и карты. За послѣдніе два года пріобрѣтено особенно много картъ, нужныхъ для работъ персонала Музея: такъ, были куплены карты всѣхъ частей свѣта, подробныя карты Австраліи и Южной Америки, карты бывшихъ германскихъ владѣній въ Тихомъ океанѣ, французскихъ владѣній въ Сомали, Абессиніи, Центральной Америки и Вестъ-Индіи, Боливіи, Венецуэлы и 2 карты Индіи; русскія карты Европейской и Азіатской Россіи, имѣющіяся въ Музеѣ, всѣ получены въ даръ. Система каталоговъ въ библіотекѣ Музея — карточная; для каталогизаціи всѣ книги раздѣлены на 4 формата; каждый форматъ имѣетъ свою нумерацію; для русскихъ и иностранныхъ книгъ, алфавитные каталоги — отдѣльные, но предметный каталогъ — общій. Въ предметный каталогъ входятъ названія не только книгъ, но и статей, выписанныхъ изъ журналовъ. Къ составленію его приступлено только въ 1913 году и потому въ настоящее время онъ далеко неполный. Къ 1-му ноября 1914 года въ библіотекѣ было: 1.220 томовъ русскихъ книгъ, 1.371 — иностранныхъ, 826 т. русскихъ журналовъ, 1.001 — иностранныхъ, а общее количество книгъ — 4.418. Такая болѣе чѣмъ скромная цифра объясняется исключительно недостаткомъ помѣщенія библіотеки.

Отсутствіе средствъ въ первыя 9 лѣтъ существованія библіотеки не является главной причиной малаго количества книгъ, такъ какъ библіотека могла бы безвозмездно пополниться многочисленными и цѣнными изданіями Академіи Наукъ, но для этого требовалось соотвѣтствующее помѣщеніе, расширеніе котораго впредь до перехода въ новое зданіе, къ сожалѣнію, невозможно.

Составъ библіотеки будетъ указанъ въ слѣдующей статьѣ.

Въ первые годы своего существованія библіотека пополнялась исключительно пожертвованными книгами и журналами, получаемыми только

путемъ обмѣна, а потому очень немногія изъ періодическихъ изданій—какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ—представляютъ полные экземпляры; при перечисленіи они будутъ указаны.

15 апрѣля 1915 года въ библіотекѣ Музея находились слѣд. изданія на русскомъ языкѣ:

Библіографія Русская по естествознанію и математикѣ, томы I—VI (полн. экз.).

Библіотекарь 1910—1915 (полный экз.).

Вѣстникъ Азіи 1909—1914.

Ежегодникъ Министр. Иностр. Дѣлъ 1903—1915.

Ежегодникъ Россіи 1904—1907.

Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. С.-Петербургскомъ Университетѣ 1904—1908, 1913, томы I—IV (полн. экз.).

Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго Музея 1894, 1905, 1906, 1909—1912, 1914.

Журналъ Русскій Антропологическій 1900—1905, 1907, 1912, 1913 (полн. экз.).

Записки Ученыя Имп. Казанскаго Университета 1908—1915.

Записки Импер. Русск. Географическаго Общества 1864, 1878, 1884—1888, 1890, 1891, 1894—1904, 1906.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. 1886, 1904, 1906, 1907, 1909, 1912—1914.

Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. 1886, 1889, 1890.

Записки Кавказскаго Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества 1880, 1902—1914.

Записки Красноярскаго Подъотдѣла Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1902, 1905, 1906, 1914.

Записки Семипалатинскаго Подъотдѣла Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1907, 1909, 1911.

Записки Читинскаго Отдѣленія Пріам. Отд. И. Р. Г. О. 1896—1898, 1901, 1905, 1907, 1910, 1911, 1913.

Записки Пріамурскаго Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общ. 1894, 1896—1900, 1902, 1905, 1908, 1909, 1912—1914.

Землевѣдѣніе 1903—1915.

Извѣстія Импер. Археологической Комиссіи, томы 1—56-й, 1901—1915 (полн. экз.).

Извѣстія Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи 1879, 1888, 1894, 1899, 1901, 1903—1906, 1908, 1911.

Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ 1884, 1886, 1889, 1890.

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ 1907—1915.

Извѣстія Восточнаго Института, томы I—XXXV (полн. экз.).

Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи 1903—1915 (полн. экз.).

Извѣстія Общества изученія Олонецкой губерніи 1913—1915.

Извѣстія Импер. Русск. Географическаго Общества 1868, 1882, 1894, 1895, 1897—1902, 1908.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., томы XV—XXII.

Извѣстія Кавказскаго Музея 1905—1914.

Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., выпуски 17—19, 21—24.

Извѣстія Красноярскаго Подъотдѣла Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. II, выпуски 3—6, 1908, 1909, 1914.

Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., томы I—X. 1898—1914.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., томы X—XXI, XXIV—XXVI, XXVIII, XXXIV, XXXV.

Матеріалы до Українсько-руської етнольогіи, томы I—XV.

Матеріалы по археологіи Россіи №№ 3—34.

Матеріалы по этнографіи Россія (Музей Импер. Александра III), томъ I—1910; т. II—1914 (полн. экз.).

Міръ Ислама, томъ I, 1912 (изд. прекр.).

Наблюдатель Сибирскій 1901, 1902.

Этнографическое Обозрѣніе 1889—1903.

Отчеты Импер. Археологической Комиссіи 1862, 1863, 1891—1893, 1896—1898, 1900—1904, 1906—1909, 1912, 1914.

Отчеты Импер. Академіи Наукъ 1901—1914.

Отчеты Минусинскаго Музея 1893—1914.

Отчеты Полтавскаго Музея 1903—1910.

Отчеты Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея 1903-1905, 1909, 1911—1913.

Отчеты Кавказскаго Музея 1903—1905.

Отчеты Музея Импер. Александра III 1900—1910.

Отчеты Музея Антропологіи и Этнографіи Имп. Академіи Наукъ въ отдѣльныхъ оттискахъ 1906—1914 (полный экз.).

Отчеты Импер. Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ 1906—1914.

Отчеты Импер. Русск. Географическаго Общества 1869—1904. 1907, 1908, 1910, 1911.

Отчетъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1891.

Отчеты Красноярскаго Подъотдѣла Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. за 1906—1910.

Отчеты Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Пріам. Отд. И. Р. Г. О. 1894—1896.

Протоколы засѣданій Туркестанскаго Кружка Любителей археологіи 1904—1908, 1913, 1914.

Протоколы засѣданій Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи 1903—1915 (полный экз.).

Протоколы засѣданій Конференціи Импер. Академіи Наукъ 1725—1803.

Сибирскій Сборникъ 1886, 1887, 1890, 1891.

Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго, томъ I-й, выпуски 1—16; томъ II-й, выпуски 1—3 (полн. экз.).

Составъ Имп. Русск. Геогр. Общества 1897, 1898, 1901—1903, 1906, 1907.

Живая Старина съ 1894—1914 (полн. экз.).

Труды Московскаго Археологическаго Общества, Древности: 1870, 1873, 1874, 1877, 1880, 1885, 1886.

Труды Антропологическаго Общества при Импер. Военно-Медицинской Академіи 1893—1904.

Труды Восточнаго Отдѣленія Импер. Археологическаго Общества, томы XX—XXII.

Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Пріам. Отд. И. Р. Г. О. 1898—1914.

Труды Оренбургской ученой Архивной Комиссіи 1904—1914.

Труды Витебской ученой Архивной Комиссіи 1910—1912.

Труды Саратовской ученой Архивной Комиссіи 1910—1912.

Труды Ярославской ученой Архивной Комиссіи 1906, 1912, 1913.

Труды Костромского научнаго Общества по изученію мѣстнаго края 1914.

Періодическія изданія на иностранныхъ языкахъ:

Anzeiger der Ethnographischen Abteilung des Ungarischen Nationalmuseums 1903—1910.

Abhandlungen der Kaiserlichen Leopoldinisch-Carolinischen Akademie der Naturforscher, томы 70, 74, 93, 94.

Annalen des Kk. Naturhistorischen Hofmuseums 1904, 1906, 1907.

Année Géographique 1869, 1872—1876.

Anthropologie 1894.

American Anthropologist 1894—1897, 1905—1914.

Anthropos, томы I—IX, 1906—1914 (полн. экз.).

Archiv für Anthropologie 1870, 1872, 1873, 1876, 1877, 1879, 1904—1914: томы III—XIII.

Internationales Archiv für Ethnographie, томы XVII—XXII, 1905—1913 и Supplemente.

Archives Sociologiques Bulletins 18—32, 1912—1914.

Art and Archaeology, Vol. I 1914.

Baessler Archiv, томы I—IV, 1910—1914 и Beihefte (полн. экз.).

Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris 1905—1913.

Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient, volumes III—X.

Bulletin du Museum National d'histoire naturelle 1904—1912.

Bulletin de la Société Hongroise de Géographie 1909—1912.

Bulletin Philipp's Academy, I—VI (полн. экз.).

Bulletin of the Madras Government Museum 1894, 1896, томы II—V.

Berichte des Kgl. Ethnographischen Museums in München für 1909 u. 1911.

Bulletin of the American Museum of Natural History, томы XIII, XV. XVII, XVIII.

Bulletin Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology. Bull. 25—56.

Bulletin Smithsonian Institution United States National Museum Bull. 50—86.

Bulletin Victoria Memorial Museum, № 1, 1913.

International Catalogue of Scientific literature 1903—1913 (полн. экз.).

Chronik der Ukrainschen Ševcenko Gesellschaft in Lemberg 1904 1912.

Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres 1890—1895, 1897, 1898, 1900—1914.

Compte-rendu de la Commission Impériale Archaeologique 1863—1872.

Contributions from the United States National Herbarium, vol. 12—18.

Contributions to North American Ethnology, томы II, V—VII.

Correspondenz-Blatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 1894—1899 (неполн.).

Ethnologica, томы I и II.

Fataburen 1907—1914.

Fornvännen 1907—1913.

Finnisch-Ugrische Forschungen, томы I—XIV, 1901—1914 (полн. экз.).

Globus 1910 (послѣдній годъ изданія журнала).

L'Homme Préhistorique 1911—1914.

Jahrbuch Geographisches 1876, 1878.

Jahrbuch des städtischen Museums für Völkerkunde in Leipzig 1909—1911, 1913.

Journal de la Société Finno-Ougrienne 1906—1912.

The American Museum Journal 1903, 1905—1914.

Journal of American Folklore 1894—1898, 1904—1915.

Journal of the Anthropological Society of Bombay 1909—1914.

Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland 1911—1915.

Svenska Landsmål (archives des traditions nationales suédoises) 1905—1913.

Man 1906, 1914, 1915.

Mémoires de la Société d' Anthropologie de Paris 1893—1895.

Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, томы XXIII—XXXV.

Memoirs of the Peabody Museum, томы I—VI (полн. экз.).

Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg 1906, 1908.

Petermanns Mitteilungen 1911—1914.

Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, томы XXIV, XXVIII, XXX.

Le Monde Oriental, томы I—VIII (полн. экз.).

Museumskunde 1905—1914 (полн. экз.).

Rijks ethnographisch Museum te Leiden 1894—95, 1899—1901, 1903—1915.

Papers of the Peabody Museum, томы I—VI (полн. экз.).

Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, томы I—XIII (полн. экз.).

Proceedings of the United States National Museum, томы I, III, IV, VII—IX, XIV—XCV.

Publications of the Field Museum of Natural History, томы III—XIII.

Records of the Australian Museum, томы VII—X, 1909—1913.

Annual Reports of the Bureau of Ethnology, Smithsonian Institution, томы I—XXVIII (полн. экз.).

Annual Reports of the United States National Museum 1889—1913.

Revue des Etudes Ethnographiques et Sociologiques (изд. прекрат.) 1908, 1909.

Revue Orientale pour les Etudes Ouralo-altaïques 1902—1914 (неполн.).

Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft 1896—1911 (неполн).

Sitzungsberichte der Anthropologischen Gesellschaft in Wien 1901, 1902, 1904—1906, 1911—1913.

Vestnik Narodopisny Československovansky 1906—1914.

Veröffentlichungen des städtischen Museums für Völkerkunde zu Leipzig, Heft 4.

Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft 1880, 1883, 1884, 1891, 1894, 1900, 1904, 1907, 1910.

Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin 1890—1901.

Verhandlungen der Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 1885—1902.

Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin 1902—1914.

Zeitschrift für Ethnologie 1869—1879, 1881—1884, 1894—1896, 1903—1914.

Zentralblatt für Anthropologie 1905—1912 (изданіе прекратилось).

Не имѣя возможности перечислить всѣхъ книгъ библіотеки, считаю долгомъ указать на нѣкоторые отдѣлы ея, какъ, напримѣръ: справочныя книги, словари, атласы, альбомы съ рисунками и болѣе или менѣе рѣдкія и цѣнныя изданія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Справочныя книги: Энциклопедическій словарь 86 томовъ, изданіе Брокгауза и Ефрона; Новый Энциклопедическій словарь (пока вышло 22 тома); Словарь русскаго языка, сост. 2-мъ Отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ, томы I, II и IV; Даль, В., Толковый словарь живого великорусскаго языка; Семеновъ, П. П., Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи; Справочная книжка для путешественниковъ; различныя программы и инструкціи для собиранія свѣдѣній и коллекцій по антропологіи и этнографіи; Dictionnaire des sciences anthropologiques; Standard Dictionary of the English language; Encyclopaedia of Religion and Ethics, vol. I—VI; Dr. Forrer, Reallexicon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Altertümer; Books the Best, the reader's guide; Lexicon mythologicum, oder mythologisches Hand-und Lehrbuch; Frazer—Questions on the customs, beliefs and languages of the savages; Garson and Read. Notes and queries on Anthropology. Questionnaire Général, enquête ethnographique et sociologique sur les peuples de civilisation inférieure; Geographen Kalender 1903—1915 (полн. экз.); Minerva Handbuch der gelehrten Welt; Neumayer. Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen; Nuttal. Standard Dictionary of the English language; Nuttal.

Encyclopaedia; Reeves E. A. Hints to Travellers; Sachs. Reallexicon der Musikinstrumente; Schlemm Julie, Wörterbuch zur Vorgeschichte.

Словари: Англо-русскій и русско-англійскій, сост. Александровымъ; русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій, сост. Павловскимъ; французско-русскій, сост. Макаровымъ; русско-персидскій, сост. Хащабъ; русско-кабардинскій, сост. Лопатинскимъ; грузинско-русско-французскій, сост. Чубиновымъ; словарь якутскаго языка, сост. Э. К. Пекарскимъ; словарь тибетско-русскій, сост. Я. Шмидтомъ; Dictionary Japanese-English and English-Japanese by Eastlake; Japanese-Englich and English-Japanese by Hepburn. Ehstnisch-deutsches Wörterbuch von Dr. Wiedemann; Taschen-Wörterbuch der holländischen und deutschen Sprache; neues Spanisch-deutsches Wörterbuch von Stromer; neues Spanisch-deutsches und deutsch-spanisches Wörterbuch von Tolhausen; Lateinisch-deutsches Wörterbuch von Georges; Böhtlingk und Roth. Sanskrit Wörterbuch in VII Theilen; Böhtlingk. Sanskrit Wörterbuch in Kürzerer Fassung in VII Theilen.

Атласы и карты: Географическій атласъ Маркса; Handatlas von Sticler; Торнау, Атласъ по отечествовѣдѣнію, Сибирь и Туркестанъ; Carte de la Russie d'Asie et des pays limitrophes; карты южной пограничной полосы Азіатской Россіи; карты всѣхъ частей свѣта; отдѣльныя карты Абессиніи, Аравіи, Ирана и Турана, острововъ Тихаго океана; карта Мерва; карты Индіи, Венецуэлы, Боливіи, Центральной Америки и о-вовъ Вестъ-Индіи; историко-географическій атласъ Азіатской Россіи, съ двумя томами объяснительнаго текста (изданіе Переселенческаго Управленія). Атласы, альбомы и рисунки по этнографіи и этнологіи: Gerland, Atlas für Völkerkunde; Hölzels, Rassentypen des Menschen; Hölzels, Europ. Völkertypen; Народы Россіи (24 таблицы); Album of Philippine Types, 80 plates; гр. Бобринской, А. А., Народныя русскія деревянныя издѣлія (163 таблицы); Кошаровъ, Художественно-этнографическіе рисунки Сибири; Альбомъ русскихъ кружевъ; Альбомы рисунковъ корзиночныхъ издѣлій и плетеной мебели; Illustrations of Japanese Life; Kokka—Illustrated Journal of the History of the Chinese and Japanese Art; Partington, An album of the Weapons, Tools, Ornaments, Articles of Dress of the Natives of the Pacific Islands; Album Amerika's Nordwestküste; Ковровыя издѣлія Средней Азіи, два альбома; Album Reise um die Welt von Admiral Krusenstern; Альбомъ рисунковъ изъ путешествія Кука вокругъ свѣта въ 1779 г.; Рисунки къ путешествію капитана Ф. Литке въ 1826—29 гг. (крайне рѣдкій и цѣнный экземпляръ).

Рѣдкія и старинныя книги: Іакинфъ, монахъ. Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, съ картой, 1851 г.;

Маакъ, Путешествіе на Амуръ 1859 г.; Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова; Веніаминовъ, Записки объ Ахтинскихъ алеутахъ и колошахъ, 1840; Его же, Миоологія, преданія и сусвѣрія колошей, обит. на сз. берегу Америки, 1839 г.; Литке, Ѳедоръ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 1826—29 гг., 1834; Записки флота капитана Рикорда о плаваніи его къ японскимъ берегамъ въ 1812 и 1813 гг., 1816; Путешествіе капитана Биллингса черезъ Чукотскую землю и Плаваніе капитана Галла по сѣв.-восточному океану въ 1791 году, 1811; Полное Собраніе ученыхъ путешествій по Россіи 1818 г.; Путешествіе флота капитана Сарычева 1802 г.; Путешествіе двукратное въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова 1810 г.; Странствованія купца Григорія Шелехова въ 1783 году изъ Охотска по восточному океану къ Американскимъ берегамъ 1791 г.; Матусовскій З., Географическое обозрѣніе Китайской Имперіи; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, 31 книга, 1886—1910; Вертоградъ или лечебникъ (рукопись).

Sammlung aller Reisebeschreibungen welche bis jtzo in verschiedenen Sprachen von allen Völkern herausgegeben worden, 19 томовъ, 1747—1771; Sonnerat, Reise nach Ostindien und China vom Jahre 1774—1781. 1783: Gmelin. Reise durch Russland; Georgie, Reise im Russischen Reich im Jahre 1772; Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches im Jahre 1768; Kotzebue, Neue Reise um die Welt 1830; Die Reise des Venezianers Marco Polo im XIII Jahrhundert, 1845; Middendorf v. A., Dr., Sibirische Reise 1851; Schrenck L., Reisen und Forschungen im Amurlande in den Jahren 1854—56; Berghaus, Die Völker des Erdballs 2 Bände 1845, 1847; Klemm, Allgemeine Culturwissenschaft 1855.

По антропологіи имѣются книги: Иваповскій, Населеніе земного шара. Опытъ антропол. классификація; Чугуновъ, Матеріалы для антропологіи Сибири; Бушанъ, Наука о человѣкѣ; проф. Ранке, Человѣкъ (на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ); Topinard, L'Anthropologie; Tylor, Anthropology; Boas, Anthropology; Topinard, Eléments d'anthropologie générale; Schmidt, Dr., Anthropologische Methoden; Haddon, History of Anthropology; Bertillon et Chervin, Anthropologie métrique; Fürst, Index Tabellen zum anthropom. Gebrauch; Waitz, Anthropologie der Naturvölker; Wilson and Tylor, Anthropology and Archaeology; Ratzel Fr., Dr., Anthropogeographie; Friedenthal, Dr., Das Haarkleid des Menschen. По антропологіи сѣв.-американскихъ индѣйцевъ имѣются всѣ работы Dr. Aleš Hrdlička.

Книги по археологіи: Сибирскія древности В. В. Радлова; W. Radloff, Vorläufiger Bericht über die Resultate der Expedition zur archäolo-

gischen Erforschung des Orchon-Beckens; Обермайеръ, проф., Доисторическій человѣкъ (на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ); Мортилье, Доисторическая жизнь; Экспедиція русская Туркестанская 1909—1910 гг.; Boule, L'Homme fossile de la Chapelle-aux-Saints; Beuchat, Manuel d'archaeologie américaine; de-Morgan, Les premières civilisations; Hoernes, Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa; Schurtz H., Urgeschichte der Kultur (на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ); Pumpelly R., Explorations in Turkestan, три тома. По археологіи Соедин. Штатовъ Сѣв. Америки имѣются труды Mr. Clarence Moore.

Книги по этнографіи и этнологіи. Харузинъ Н., Этнографія; Ратцель Фр., Народовѣдѣніе (на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ); Деникеръ, Человѣческія расы (на русскомъ и на англійскомъ яз.); Peschel. Völkerkunde: Weule K., Leitfaden der Völkerkunde; Schurtz H., Dr., Katechismus der Völkerkunde; Illustrierte Völkerkunde hrsg. von Dr. Buschan: Graebner, Ethnologische Methoden; Andree K., Ethnographische Parallelen und Vergleiche; Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker; Ploss, Das Weib in der Natur und Völkerkunde; Frazer. Totemism and Exogamy; Bastian A., Dr., Allgemeine Grundzüge der Ethnologie. и другія.

Изъ книгъ по народностямъ отдѣльныхъ частей свѣта. Азія: труды Потанина, Патканова, Ядринцева, Грумъ-Гржимайло, В. В. Радлова (труды по тюркскимъ племенамъ); Іохельсона на русскомъ и англійскомъ языкахъ; Bogoras, The Chukchee; Radloff, Aus Sibirien: Münsterberg, Chinesische Kunstgeschichte: Zimmermann, Chinesisches Porzellan; Mayers, The Chinese Reader's Manual (крайне рѣдкая книга); Grube, Die Metamorphosen der Götter; Münsterberg, Japanische Kunstgeschichte; Munro, Prehistoric Japan; Morse, Japanese Homes and their surroundings; Thurston E., The Madras Presidency; Thurston, Castes and tribes of Southern India; Crooke, Things Indian: Dass. J. rev., Domestic Manners and Customs of the Hindoos of Northern India; Seligman, The Veddas: Padfield, The Hindu at Home; Thurston, Omens and Superstitions of Southern India; Raquez, Pages Laotiennes; Grubauer, Unter Kopfjägern in Central Celebes; Hein, Die bildenden Künste bei den Dayaks auf Borneo; Hose and Mc Dougall, The Pagan Tribes of Borneo; Martin, Die Inlandstämme der Malayischen Halbinsel.

Африка: Junker, Reisen in Afrika, 3 тома, 1889—1891; Fischer, Die Rehobother Bastards anthrop. und ethnogr. Studien am Rehobother Bastardvolk in Deutsch-Südwest Afrika; Overbergh van, Collections de Monographies ethnographiques africaines, 11 томовъ; Czekanowski, Dr. J., Forschungen im Nil-Kongo Zwischengebiet; Werner, The Natives of

British Central Africa: Weiss Max, Die Völkerstämme im Norden Deutsch-Ostafrikas; Mansfeld, Urwald Dokumente; Weule, Wissenschaftliche Ergebnisse meiner ethnogr. Forschungsreise in dem Südosten Deutsch-Ostafrikas; Zöller. Die deutschen Besitzungen an der westafrikanischen Küste; Kidd D., Savage Childhood, a Study of Kafir children; Meyer. Der Kilimandjaro; Sibree, Madagascar; Weule, Negerleben in Ostafrika; Marquart Prof., Die Benin, Sammlung des Reichs Museums für Völkerkunde in Leiden.

Сѣверная Америка: Thalbitzer, The Ammasalik Eskimo; Steensby. Contributions to the Ethnology and Anthropogeography of the Polar Eskimos; Nansen, Auf Schneeschuhen durch Grönland; Nordenskjöld, Grönland. Обширная литература по этнографіи, этнологіи и лингвистикѣ индѣйцевъ Сѣв. Америки находится въ изданіяхъ и отчетахъ ученыхъ учрежденій Соедин. Штатовъ, указанныхъ въ отдѣлѣ иностранныхъ журналовъ. Starr Fr., Indians of Southern Mexico; Lumholtz, Unknown Mexico; Bingham Hiram, In the Wonderland of Peru; Herzog, Vom Urwald zu den Gletschern der Kordillere; Grubb Barbrooke, An Unknown People in an Unknown Land, Lengua Indians of the Paraguayan Chaco; Krause Fr., Dr., In den Wildnissen Brasiliens.

Австралія: Thomas. Natives of Australia: Thomas Northcote. Kinship organisations and group marriage in Australia; Spencer Baldwin and Gillen, F. G., Across Australia; Spencer B. and Gillen, F. G., The Northern Tribes of Central Australia; Spencer B. and Gillen, F. G., The Native Tribes of Central Australia; Howitt, The Native Tribes of South-East Australia.

Океанія: Friederici, Beiträge zur Völker und Sprachenkunde von Deutsch-Neuguinea; Williamson, The Mafulu, Mountain People of British New-Guinea; Finsch, Ethnologische Erfahrungen und Belegstücke aus der Südsee-Neu-Guinea; Finsch, Südseearbeiten; Speiser, Südsee Urwald-Kannibalen; Parkinson, Dreissig Jahre in der Südsee; Krämer, Hawaii, Ostmikronesien und Samoa; Memoirs of the Bernice Puahi Bishop Museum of Polynesian Ethnology, 9 выпусковъ. Въ библіотекѣ много каталоговъ этнограф. музеевъ Европейской и Азіатской Россіи и Западной Европы и нѣсколько каталоговъ внѣ-европейскихъ странъ. *Иллюстрированные каталоги:* Webster, Illustrated Catalogue of Ethnographical Specimens, 5 томовъ; Illustr. Catalogue of Ethnogr. Specimens edited by Oldman, 10 томовъ, и Partington, Album, указанный выше.

Въ заключеніе считаю долгомъ прибавить, что во всѣхъ отдѣлахъ мною указаны только тѣ книги, которыя рѣдко или совсѣмъ не встрѣчаются въ другихъ библіотекахъ; въ число ихъ не включены книги на польскомъ

венгерскомъ, чешскомъ, португальскомъ, китайскомъ и японскомъ языкахъ. На польскомъ языкѣ имѣются статьи по антропологіи Чекановскаго. Столыгво и Понятовскаго; на венгерскомъ, чешскомъ и португальскомъ — главнымъ образомъ журналы; на китайскомъ и японскомъ — книги самаго разнообразнаго содержанія.

Дѣятельность Музея за 1914 годъ.

(Извлеченіе изъ годового отчета).

Музей Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго занимаетъ въ настоящее время трехъэтажное зданіе и особое помѣщеніе для антропологическихъ коллекцій въ главномъ зданіи Академіи Наукъ. Всѣхъ предметовъ въ Музеѣ насчитывается 122.588 противъ 25.465 предметовъ, насчитывавшихся къ 1894 году, когда въ управленіе Музеемъ вступилъ нынѣшній директоръ его, акад. В. В. Радловъ, и когда весь Музей занималъ всего одинъ этажъ. Наряду съ ростомъ Музея идетъ и количественный ростъ его служебнаго персонала, который состоитъ теперь изъ 4 штатныхъ лицъ, 3 сверхштатныхъ и 10 постоянныхъ сотрудниковъ, служащихъ по вольному найму или безвозмездно, не считая добровольныхъ экскурсантовъ, лицъ командируемыхъ и пр.

Дѣятельность персонала Музея заключается въ регистраціи поступленій, ихъ обработкѣ и выставленіи, въ снаряженіи экспедицій, экскурсій и командировокъ, въ инструктированіи участниковъ экспедицій, въ демонстраціи коллекцій учащимся, въ составленіи путеводителей по Музею и т. п., а также въ изданіи періодическихъ сборниковъ, въ которыхъ помѣщаются работы по этнографіи, антропологіи и археологіи, предоставленныя лицами, такъ или иначе причастными къ Музею.

Сверхъ того, въ виду ограниченности суммъ, находящихся въ распоряженіи Музея для снаряженія экспедицій и покупки коллекцій, на лицахъ, стоящихъ во главѣ управленія Музеемъ, лежитъ забота о привлеченіи жертвователей и о планомѣрномъ использованіи въ цѣляхъ науки тѣхъ суммъ, которыя поступаютъ на нужды Музея отъ состоящаго при немъ Попечительнаго Совѣта.

Научная дѣятельность Музея въ 1914 г.

Новыя изданія: Путеводитель по Музею. Отдѣлъ Океаніи, составленъ г-жей Е. Л. Истри; то же, Галлерея Императора Петра I, составленъ Э. К. Некаркимъ; то же, Отдѣлъ Китая и Японіи, составленъ проф. А. И. Ивановымъ; «Сборникъ» Музея, т. II, выпуски: 2-ой — В. И. Анучинъ. Очеркъ шаманства у енисейскихъ остяковъ; 3-ій — Arthur Mac Donald. Mental ability in relation to head Circumference, Cephalic index, Sociological condition, Sex, Age and Nationality; 4-ый — К. З. Яцута. Систематическое описаніе коллекцій уродовъ (3-ій вып.) — Сросшіеся грудной клѣткой. Печатаются: А. Казнаковъ. Собраніе тибетскихъ и монгольскихъ гау; А. В. Анохинъ. Матеріалы по шаманству у алтайцевъ; В. М. Іоновъ. Духъ-хозяинъ лѣса у якутовъ. Кромѣ того, редакція изданій (въ составѣ: В. В. Радлова, Л. Я. Штернберга и Э. К. Некаркаго) имѣетъ въ

своемъ распоряженіи цѣлый рядъ статей, приготовленныхъ и одобренныхъ къ печати, въ томъ числѣ изъ болѣе крупныхъ работъ — В. А. Михайловъ. Очеркъ шаманства у иркутскихъ бурятъ; А. В. Анохинъ. Матеріалы по шаманству у телеутовъ; С. М. Широкогоровъ. Орочены Забайкальскіе; Б. Э. Петри. Семья и родъ у иркутскихъ бурятъ и др.

Съ 1915 года предположено издавать спеціальные выпуски «Сборника» Музея, составленные по особой программѣ, которая обнимаетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) статьи по общимъ вопросамъ антропологіи, этнографіи и музейнаго дѣла; 2) статьи по разработкѣ матеріаловъ Музея; 3) отчеты объ экспедиціяхъ и командировкахъ Музея; 4) хроника жизни и дѣятельности Музея; 5) мелкія сообщенія, извлеченія изъ корреспонденціи и архива Музея и 7) библіографическія замѣтки. Настоящій выпускъ первый опытъ этого новаго типа «Сборника».

Регистрація, обработка коллекцій и пр. Главная работа ученаго персонала была сосредоточена на регистраціи поступленій. Во всѣхъ отдѣлахъ, кромѣ малайскаго, въ который поступило сразу 2.224 предмета, и отдѣла негативовъ, завѣдующій котораго находится въ командировкѣ, всѣ новыя поступленія, т. е. около 8.000 предметовъ, окончательно зарегистрированы; въ остальныхъ детальная регистрація не закончена. Кромѣ регистраціи по описямъ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ (инородцевъ, культурныхъ странъ Азіи и Океаніи) шла работа по составленію карточнаго каталога. Наряду съ регистраціей, въ зависимости отъ свободнаго времени регистраторовъ, производилась научная разработка музейныхъ матеріаловъ и приготовленіе ихъ къ печати. Приготовлены къ печати статьи по коллекціямъ русскихъ инородцевъ (Л. Я. Штернбергъ и П. П. Зарубинъ), культурныхъ странъ Азіи (проф. А. П. Ивановъ), Океаніи (г-жа Е. Л. Петри), Сѣв. Америки (г-жа С. А. Штернбергъ), Южной Америки (К. К. Гильзенъ), археологіи (Б. Э. Петри) и антропологіи (д-ръ мед. К. З. Яцута и М. А. Филаретова). Изъ путеводителей, кромѣ напечатанныхъ и печатающихся, приготовлены къ печати: Путеводитель по Археологическому отдѣлу — Б. Э. Петри, по Сѣверной и Средней Америкѣ — г-жи С. А. Штернбергъ; подготовляются къ печати: Путеводитель по Сибири — Л. Я. Штернберга и Путеводитель по Южной Америкѣ — К. К. Гильзена.

Лекціи, инструированіе и демонстраціи. Старшій этнографъ Л. Я. Штернбергъ, кромѣ общаго инструированія, читалъ лекціи по этнографіи группѣ учителей среднихъ школъ и лицамъ, командированнымъ Музеемъ для сборовъ и этнографическихъ работъ. Въ инструированіи по антропометріи принимали участіе д-ръ мед. К. З. Яцута и С. М. Широкогоровъ, по собиранію орнаментовъ — Л. Я. Штернбергъ и Б. Э. Петри, по фотографіи — художникъ С. М. Дудинъ и К. В. Щепиковъ.

Экспедиціи, экскурсіи и командировки. Изъ крупныхъ экспедицій минувшаго года слѣдуетъ отмѣтить прежде всего экспедицію въ Индію въ составѣ Г. Х. Мерварта и г-жи Л. А. Мерваргъ. Далѣе, снаряжена была экскурсія П. П. Шухова — въ Березовскій уѣздъ Тобольской губ. (для сборовъ среди казымскихъ остяковъ) и оказано содѣйствіе средствами и инструированіемъ экскурсіи Г. Д. Оедорова (для сборовъ и изученія языка самоѣдовъ) — въ Архангельскую губ. и Д. Д. Іевлева — въ Архангельскую и Тобольскую губ. Кромѣ того въ командировкѣ отъ Музея состояли слѣдующія лица: М. С. Андреевъ — въ Туркестанъ (сборы и изслѣдованія); П. П. Воробьевъ — въ Маньчжурію; г-жа Е. В. Гельмбольтъ (для

сбора по орнаменту)—въ Тверскую губ.; С. М. Дудинъ—въ Восточный Туркестанъ (въ археологической экспедиціи академика С. О. Ольденбурга, откуда Музеемъ ожидаются большія поступленія); П. П. Зарубинъ—на Памиръ (для сборовъ); д-ръ G. Hallström, M. C. Burkitt и Dr. Schnittger—въ Олонецкую и Вологодскую губ. (археологическія изслѣдованія); О. Иденъ-Целлеръ—въ Якутскую область (для сборовъ); П. І. Конрадъ—въ Японію и Корею (для сборовъ); В. М. Лемешевскій—въ Парижъ (для занятій въ археологическихъ музеяхъ); М. В. Михайловская—въ Тверскую губ. (для сборовъ по орнаменту); С. А. Рапопортъ—въ Юго-Западный край (для сборовъ); Ф. А. Изынъ-Бекъ—въ Среднюю Азію; С. М. Широкогоровъ—въ Кубанскую область, Саратовскую и Самарскую губ. (для антропометрическихъ работъ); К. З. Яцута—въ Крымъ. Сверхъ того, Музеемъ даны инструкціи и средства Г. Г. Манизеру, Ф. А. Фіельструну и С. В. Гейману для коллектированія этнографическихъ предметовъ въ Ю. Америкѣ.

Посѣщаемость Музея. За 1914 годъ посѣтили Музей 20.204 человѣка; изъ нихъ учащихся было 4.769, платныхъ посѣтителей—2.979, остальныхъ—12.466. Музей посѣщался также учеными, художниками и скульпторами, которые широко пользовались матеріаломъ Музея для своихъ работъ.

Ростъ Музея въ 1914 г.

Въ теченіе 1914 г., до 15 ноября включительно, Музей пополнился 163 новыми коллекціями въ количествѣ 11.359 предметовъ, не считая 357 вновь зарегистрированныхъ предметовъ изъ старыхъ поступленій. Количество новыхъ поступленій превышаетъ поступленія предыдущаго года на 1.914 предметовъ. Къ числу новыхъ поступленій нужно также причислить богатую археологическую коллекцію И. Т. Савенкова въ количествѣ до 2.000 предметовъ и коллекцію И. С. Гуляева съ Алтая, оставшіяся еще неподсчитанными точно къ концу отчетнаго года и незарегистрированными вслѣдствіе поздняго поступленія и неполученія нѣкоторыхъ свѣдѣній. Сверхъ того, въ Музей ожидаются большія коллекціи съ о. Цейлона, изъ Нью-Іорка, Южной Америки и, наконецъ, изъ Стокгольмскаго Музея, гдѣ хранится цѣлый рядъ собранныхъ имъ совмѣстно съ нашимъ Музеемъ коллекцій, подлежащихъ распредѣленію между обоими музеями. Вспыхнувшая въ самый разгаръ навигаціонныхъ сношеній война помѣшала своевременной доставкѣ этихъ коллекцій въ Музей. По приблизительному подсчету Музей въ общемъ пріобрѣлъ въ 1914 г. до 20.000 новыхъ предметовъ.

Зарегистрированныя поступленія распредѣляются по отдѣламъ слѣдующимъ образомъ: въ Этнографическій отдѣлъ поступило 4.940 предметовъ, Археологическій—828, Антропологическій—137; негативовъ—1.488, позитивовъ и другихъ изображеній—4.180, фонограммъ 58 и дублетовъ—85.

Въ отношеніи научной цѣнности поступленій можно съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтить, что число случайныхъ поступленій, въ противоположность прежнимъ годамъ, доведено до minimum'а. Громадное большинство предметовъ собрано или непосредственно спеціально командированными Музеемъ лицами, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ А. В. Анохинъ, С. Д. Майнагашевъ и др., собираютъ уже нѣсколько

лѣтъ и владѣютъ туземными языками, или, при содѣйствіи Музея, другими учеными учрежденіями, либо спеціалистами иностранными.

Собранія, пожертвованныя членами Попечительнаго Совѣта Музея, тоже пріобрѣтались планомѣрно, по указанію Музея, для пополненія того или иного отдѣла. Такъ, на средства Б. А. Игнатьева снаряжена цѣлая экспедиція въ Индію для закупокъ и изслѣдованій. К. К. Шейблеръ пріобрѣлъ для Музея обширное (2.000 предм.) и очень рѣдкое собраніе съ о-вовъ Целебеса, Суматры, Бали и Явы. Э. Л. Нобель пожертвовалъ Музею цѣнную коллекцію съ о. Борнео (404 предм.) и т. д.

Поэтому, несмотря на то, что около половины (46,6%) предметовъ получено въ даръ, ихъ отнюдь не слѣдуетъ причислять къ поступленіямъ случайнымъ.

Вновь поступившій этнографическій матеріалъ распредѣляется по отдѣламъ далеко неравномѣрно. Наиболѣе обогатился въ истекшемъ году *отдѣлъ Малайскаго архипелага*, на долю котораго пришлось свыше 3.000 этнографическихъ предметовъ, не считая собранія въ 1.006 фотографическихъ снимковъ. Изъ этихъ поступленій особенно цѣнны въ научномъ отношеніи обширныя коллекціи проф. A. Grubauer'a (до 2.000 предм.), преимущественно съ о-вовъ Борнео, Целебеса и Суматры, пріобрѣтенныя на средства Э. Л. Нобеля и К. К. Шейблера. Благодаря этимъ коллекціямъ, Зундскіе острова, которые до сихъ поръ, за исключеніемъ о. Суматры, были представлены въ Музеѣ очень слабо, сразу заняли видное мѣсто не только въ нашемъ Музеѣ, но и среди малайскихъ коллекцій западно-европейскихъ музеевъ. Новыя коллекціи собраны вполнѣ научно и всесторонне рисуютъ бытъ отдѣльныхъ племенъ центральной части Целебеса и сѣверной части Борнео (даяки, муруты, дузуны и др.). Онѣ тѣмъ болѣе цѣнны, что проф. Grubauer готовитъ къ изданію подробное описаніе своего путешествія по Зундскимъ островамъ, и вывезенныя имъ коллекціи будутъ научно описаны самимъ собирателемъ. Пока укажемъ на нѣкоторые особенно цѣнные предметы. Въ коллекціи имѣется богатое собраніе бамбуковыхъ гребней и табакерокъ съ тонкимъ многообразнымъ рѣзнымъ и выжженнымъ орнаментомъ, имѣющимъ и культовое значеніе; деревянное изображеніе человѣческаго черепа — рѣдчайшій экземпляръ изъ культа племени Murut въ сѣверной части Борнео; деревянный стулъ съ горельефнымъ изображеніемъ головы животнаго на спинкѣ, служившій, вѣроятно, сидѣньемъ для жрецовъ и вождей,—чрезвычайно рѣдкій нынѣ предметъ, хранящійся въ домахъ для духовъ — «лобо». Укажемъ также на богатое собраніе оружія и, въ частности, малайскихъ крисовъ, на интересную коллекцію батика съ остр. Явы, рисующую это сложное производство во всѣхъ его послѣдовательныхъ стадіяхъ. Вообще, коллекція эта такъ богата и разнообразна, что трудно дать даже краткій перечень важнѣйшихъ предметовъ.

Далѣе въ этотъ же отдѣлъ поступила коллекція въ 1.000 предметовъ съ Молуккскихъ острововъ, преимущественно съ оо. Серанъ и Мизоль, собранная д-ромъ Odo Tauern'омъ среди туземныхъ малайскихъ племенъ и первобытнаго населенія альфуровъ. Въ составъ этой коллекціи, кромѣ оружія, украшеній и предметовъ домашняго обихода, входитъ все, что д-ру Tauern'у удалось собрать по культу, включая корабль мертвыхъ, фигуры для излѣченія и отвлеченія болѣзней и пр. И эта коллекція имѣетъ быть научно описана самимъ собирателемъ (осенью 1914 г. должно было выйти описаніе его пребыванія на Молуккскихъ о-вахъ, если этому не помѣшала война). Къ коллекціи съ Молуккскихъ острововъ собиратель прибавилъ и

небольшую коллекцію (40 предм.) съ о. Бали. Изъ поступленій этого отдѣла назовемъ также даръ О. П. Іона въ видѣ образцовъ плетенія и украшеній изъ позолоченнаго серебра филигранной работы, собранныхъ имъ среди малайцевъ о. Суматры (въ Pajacombo) и на Малаккскомъ полуостровѣ, и коллекцію вооруженія съ Филиппинскихъ о-вовъ, собранную среди племени Ifugas.

Второе мѣсто по числу поступленій въ минувшемъ году занимаетъ *отдѣлъ русскихъ инородцевъ*, обогатившійся 1.020 новыми предметами. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на новую для Музея область изслѣдованія — *припамирскія страны*, которыя почти совершенно не были представлены, несмотря на всю ихъ важность въ этнографическомъ отношеніи. Сборы въ этой области были поручены Музеемъ одному изъ участниковъ Памирской экспедиціи, снаряженной подъ начальствомъ проф. Готіо (Gauthiot) на средства Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, П. П. Зарубину, который былъ инструированъ въ Музеѣ въ дѣлѣ собиранія коллекцій и этнографическаго изслѣдованія туземцевъ. Въ теченіе 1914 года собрана полная коллекція по быту и культу таджиковъ долины Бартанга и Рушана. Собраніе снабжено подробными объясненіями и описаніями и иллюстрировано многочисленными фотографіями. Дальнѣйшіе сборы будутъ продолжаться еще два года.

Изъ другихъ народностей наибольшее вниманіе въ истекшемъ году было удѣлено *южно-сибирскимъ туркамъ*. Благодаря работамъ сотрудниковъ Музея А. В. Анохина и С. Д. Майнагашева, быть этихъ народовъ представленъ въ Музеѣ сравнительно довольно полно. Отъ А. В. Анохина поступило, въ дополненіе къ прежнимъ его собраніямъ, 223 предмета изъ быта и культа телеутовъ, кумандинцевъ, шорцевъ, чалканцевъ и сагайцевъ. Въ числѣ предметовъ быта мы находимъ здѣсь старинную одежду и украшенія, примитивную керамику, коллекцію орнаментальныхъ мотивовъ и пр. и гипсовыя маски мѣстныхъ племенъ, а среди предметовъ культа—полное шаманское облаченіе съ бубномъ, маской и ритуальнымъ вѣникомъ, серію деревянныхъ духовъ-покровителей и пр. Собранія С. Д. Майнагашева, сдѣланныя среди сагайцевъ, качинцевъ и кызыльцевъ, содержатъ, между прочимъ, выходящую нынѣ изъ употребленія свадебную женскую одежду, шаманское облаченіе и другіе предметы культа. Среди предметовъ, собранныхъ въ Минусинскомъ же краѣ Г. П. Кыштымовымъ, помимо старинной одежды, имѣется весьма интересный колчанъ совершенно тунгусскаго образца и серія стрѣлъ, изъ которыхъ нѣкоторыя — костяныя. Изъ другихъ командированныхъ Музеемъ лицъ И. П. Шуховъ собралъ среди казымскихъ остяковъ разнообразные предметы быта, образцы орнамента на берестѣ, кости и матеріи, выясненные со стороны ихъ символики и значенія (особенно интересны мотивы медвѣдя въ орнаментѣ изъ оленьяго волоса). Въ числѣ предметовъ культа укажемъ на принадлежности медвѣжьяго праздника и собраніе бубновъ. Къ сожалѣнію, интересная коллекція И. П. Шухова, состоящая изъ 171 предмета, не могла быть выставлена за недостаткомъ мѣста въ Музеѣ. П. М. Суесловъ, командированный Музеемъ въ Туруханскій край, привезъ коллекцію изъ быта тунгусовъ и собраніе религіозныхъ изображеній енисейскихъ остяковъ, всего 63 предмета. Нижеслѣдующій перечень можетъ дать нѣкоторое представленіе о пополненіи отдѣла въ отчетномъ году по народностямъ: горные таджики — 319 предметовъ, южно-сибирскіе турки — 289, остяки казымскіе и обдорскіе — 194, тазовскіе самоѣды—11, енисейскіе остяки—16, туруханскіе тунгусы—44,

буряты—14, населеніе Печорскаго края и Восточнаго Урала—30, гольды—12, орочены—12, коряки и ламуты—31, сарты и киргизы Степного края—42 и южные орочи—6 предметовъ.

Третье мѣсто по количеству поступленій въ 1914 г. (765 предм.) занимаетъ *отдѣлъ культурныхъ странъ Азіи*, пополнившійся какъ частными пожертвованіями, такъ и собраніями лицъ, спеціально командированныхъ. Одному изъ послѣднихъ, студ. П. И. Воробьеву, удалось пріобрѣсть у маньчжуровъ, живущихъ близъ Цицикара, полный шаманскій костюмъ, единственный въ европейскихъ музеяхъ. Особенно интересны въ немъ мѣдныя изображенія орловъ на головномъ уборѣ. Костюмъ описанъ собирателемъ съ указаніемъ маньчжурскихъ названій отдѣльныхъ частей. Изъ другихъ коллекцій по командировкѣ укажемъ на цѣнное собраніе по быту персовъ, сдѣланное съ большимъ знаніемъ магистрантомъ факультета восточныхъ языковъ А. А. Ромаскевичемъ, и собраніе (37 предметовъ) по быту и культу китайцевъ провинціи Гань-су, желтыхъ уйгуровъ и др., присланное командированнымъ въ Восточный Туркестанъ С. Е. Маловымъ. Въ этомъ послѣднемъ собраніи особенно важны для Музея предметы по шаманству желтыхъ уйгуровъ, пополняющіе прежнія коллекціи этого изслѣдователя. Крупное пріобрѣтеніе отдѣлъ получилъ черезъ командированнаго прошлымъ лѣтомъ въ Японію И. І. Конрада, которому удалось, кромѣ систематизированной этнографической коллекціи изъ центральной и южной Японіи, собрать предметы по быту и культу аборигеновъ о-ва Формозы, представляющіе для народностей этого острова единственное въ своемъ родѣ собраніе. Изъ частныхъ пожертвованій слѣдуетъ указать на принадлежности опіумокуренія и собраніе игрушекъ изъ гор. Тянь-цзина (424 предм.), полученныя отъ постояннаго жертвователя Музея, Ю. М. Васильева.

Въ отдѣлъ Индіи и Индокитая поступило 146 предметовъ, среди которыхъ выдѣляется большая, прекрасной работы бронзовая статуя Будды изъ Сіама, поднесенная сіамскимъ принцемъ черезъ г. де-Плансона Государю Императору и переданная Его Императорскимъ Величествомъ Музею. Остальные предметы собраны М. С. Андреевымъ изъ быта населенія Пондишери. Самымъ крупнымъ событіемъ въ жизни этого отдѣла является снаряженіе двухлѣтней экспедиціи въ Индію для собиранія и этнографическихъ изслѣдованій по программѣ, выработанной директоромъ Музея акад. В. В. Радловымъ и старшимъ этнографомъ Л. Я. Штернбергомъ совмѣстно съ акад. С. Ѳ. Ольденбургомъ, проф. Ѳ. И. Щербатскимъ и А. Грюнведелемъ. Экспедиція эта, въ составѣ Г. Х. Мерварта и г-жи Л. А. Мерварть, санскритистовъ по образованію, занимавшихся, кромѣ того, туземными языками, снабженная новѣйшими приспособленіями и достаточными средствами, выѣхала весной прошлаго года изъ Петрограда и до осени успѣшно работала на о. Цейлонѣ, собирая одновременно коллекціи и занимаясь изученіемъ туземныхъ языковъ и памятниковъ духовной литературы. Собранныя ими здѣсь коллекціи, къ сожалѣнію, не могутъ быть отправлены изъ Коломбо по обстоятельствамъ военнаго времени. Согласно преподанной гг. Мервартамъ инструкціи, они должны продолжать свои работы въ Индіи среди дравидійскихъ племенъ.

Отдѣлъ европейскихъ народовъ обогатился 262 предметами. Среди нихъ слѣдуетъ отмѣтить коллекцію старинной женской одежды изъ Рязанскаго у., собранную и детально описанную Л. В. Біанки, собраніе орнамента (вышивокъ) среди

корель Тверской губ., модели гробиковъ для обряда похоронъ кукушки въ Орловской губ. отъ Г. Г. Поварнина.

Отдѣлъ С. Америки пополнился двумя коллекціями въ составѣ 167 предметовъ: одна — изъ зап. Гренландіи — собрана по порученію Музея Управленіемъ Гренландскихъ Колоній и состоитъ преимущественно изъ гарпуновъ и моделей эскимосскаго жилища и его обстановки, лодки, саней и пр., а другая собрана д-ромъ Радинымъ подъ руководствомъ извѣстнаго американскаго этнолога Фр. Боаза среди индѣйскаго племени винебаго. Послѣдняя коллекція, содержащая интересные и частью весьма рѣдкіе нынѣ предметы культа и быта, составляетъ лишь часть собранія, которое должно еще получиться; вѣроятно, по обстоятельствамъ военнаго времени, остальная часть пока не дошла еще по назначенію.

Наиболѣе обойденными въ смыслѣ новыхъ поступленій въ 1914 году оказались *отдѣлы Африки, Океаніи и Средней и Южной Америки.* Впрочемъ, для коллектированія предметовъ изъ Южной Америки Музеемъ дана инструкція и денежная субсидія тремъ экскурсантамъ — Фіельструну, Манизеру и Гейману.

Археологическій отдѣлъ. Самымъ цѣннымъ поступленіемъ этого отдѣла слѣдуетъ признать коллекцію, собранную покойнымъ И. Т. Савенковымъ въ окрестностяхъ г. Красноярска на Афонтовой горѣ, куда онъ былъ командированъ Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи весной 1913 г. для окончанія его изслѣдованій этой замѣчательной стоянки въ геологическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Собранная коллекція составляетъ продолженіе перваго собранія И. Т. Савенкова по палеолиту Енисея. Всѣ добытые покойнымъ въ послѣднюю его командировку матеріалы, въ ожиданіи его дневника и отчета, которые должны поступить отъ сына И. Т., бывшаго постояннымъ сотрудникомъ своего отца, лежатъ пока въ неразобранномъ видѣ.

Второй вкладъ въ археологическій отдѣлъ Музея сдѣланъ И. С. Гуляевымъ, добывшимъ при курганныхъ раскопкахъ въ Барнаульскомъ округѣ собраніе бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ и керамики (часть—въ видѣ цѣлыхъ горшковъ). И эта коллекція, въ ожиданіи дополнительныхъ свѣдѣній, тоже хранится неразобранной. Изъ другихъ поступленій, уже зарегистрированныхъ, укажемъ на коллекцію А. В. Адріанова изъ его курганныхъ раскопокъ въ Усть-Каменогорскомъ у. Семипалатинской обл., гдѣ имъ найдены, между прочимъ, золотыя пластинки съ выдавленными на нихъ изображеніями звѣрей. Изъ другихъ поступленій наиболѣе интересны коллекціи изъ раскопокъ погребеній въ окрестностяхъ Хабаровска (162 предм.) отъ директора Гродековскаго музея В. К. Арсеньева, коллекція бронзы съ Кавказа отъ проф. В. Е. Грумъ-Гржимайло (39 предм.) и др.

Отдѣлъ технической фотографіи пополнился 1.488 негативами. Изъ вновь поступившихъ негативовъ слѣдуетъ отмѣтить: собраніе д-ра А. П. Кохановскаго изъ Маньчжуріи, Китайскаго Туркестана и Монголіи (258), коллекцію (248) изъ экспедиціи на Памиръ проф. Готіо и П. И. Зарубина, изъ экспедиціи С. Д. Майнагашева въ Минусинскій край (329), коллекцію А. В. Адріанова (103 негатива енисейскихъ писаницъ) и др.

Въ отдѣлъ фотографій и другихъ изображеній поступило 3.729 фотографій и 299 діапозитивовъ, въ томъ числѣ альбомъ фотографій священныхъ мѣстъ и изображеній изъ средней и южной Индіи отъ В. В. Голубева, снимки проф.

Grubauer'a изъ Индонезіи, снимки по шаманству у минусинскихъ турокъ отъ С. Д. Майнагашева и, наконецъ, снимки по культу черемисовъ-язычниковъ Вятской и Казанской губ. отъ крестьянина О. Смоленцева.

Въ собраніе рисунковъ поступило отъ Историко-Филологическаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 84 кальки съ рисунковъ изъ ламайской серіи изображеній волхвовъ, воспроизведенныхъ въ Bibliotheca Buddhica, акварельные рисунки (61) по шаманству у алтайцевъ г-жи Воронцовой и др.

Отдѣлъ фонограммъ пополнился двумя коллекціями; одна, отъ С. Д. Майнагашева, состоитъ изъ 50 валиковъ, на которыхъ записаны тексты и музыкальные мотивы сагайцевъ, въ томъ числѣ много шаманскихъ призываній; другая коллекція (8 валиковъ), отъ Н. М. Суслова, содержитъ напѣвы туруханскихъ тунгусовъ и енисейскихъ остяковъ. Ожидаются еще записи корейскія и японскія отъ Н. І. Конрада и собраніе фонограммъ Азіатскаго Музея, которое имѣетъ быть передано полностью въ Музей Этнографіи.

Въ *Антропологическій отдѣлъ* поступило 137 предметовъ. На первомъ мѣстѣ надо поставить чрезвычайно важную въ педагогическомъ отношеніи коллекцію изготовленныхъ фирмой D-r F. Krantz въ Bonn'ѣ гипсовыхъ слѣпковъ (16) съ череповъ и отдѣльныхъ черепныхъ костей доисторическаго человѣка. Сюда принадлежатъ: черепъ съ нижней челюстью и черепъ безъ нижней челюсти изъ пещеры Cro-Magnon. Черепной сводъ изъ Neanderthal'я. Черепной сводъ и нижняя челюсть, а также второй черепной сводъ изъ Spy. Черепной сводъ Pithecanthropus erectus съ острова Явы. Нижняя челюсть Dryopithecus Fontani изъ S.-Gaudens. Черепъ съ нижней челюстью Homo aurignacensis Hauseri. Черепъ съ нижней челюстью Homo monsteriensis Hauseri; вторая реконструкція 1913 г. Черепъ съ нижней челюстью Homo neanderthalensis изъ La Chapelle-aux-Saints. Нижняя челюсть Homo heidelbergensis изъ дер. Mauer у Гейдельберга.

Далѣе, чрезвычайно цѣннымъ является присланное А. Я. Гидалевичемъ собраніе ископаемыхъ череповъ изъ Мангупъ-Кале близъ Бахчисарая (въ Крыму), состоящее изъ 66 болѣе или менѣе полныхъ экземпляровъ.

Изъ мелкихъ коллекцій отмѣтимъ два черепа ороченъ отъ В. И. Шушейтанова, одинъ черепъ остяка отъ И. Н. Шухова, ископаемые черепа отъ Кыштымова, Бихнера, Гершельмана и др. Наконецъ, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, пополнялись новыми поступленіями коллекція русскихъ череповъ взрослыхъ и плодовъ, а также собраніе тазовъ на связкахъ искусственныхъ и естественныхъ—отъ К. З. Яцуты (22).

Библіотека Музея пополнилась 300 книгами и 152 томами журналовъ (противъ 175 и 137 въ 1913 г.), но это число значительно ниже ожидавшагося, такъ какъ съ момента объявленія войны прекратился обмѣнъ изданіями съ иностранными государствами и высылка книгъ изъ-за границы.

Музей Антропологіи и Этнографіи Библіотека № Академіи Наукъ

БАН СССР
Оценка 19— г.
„4“ р.— к.

ИЭ
Ж-37
т.3